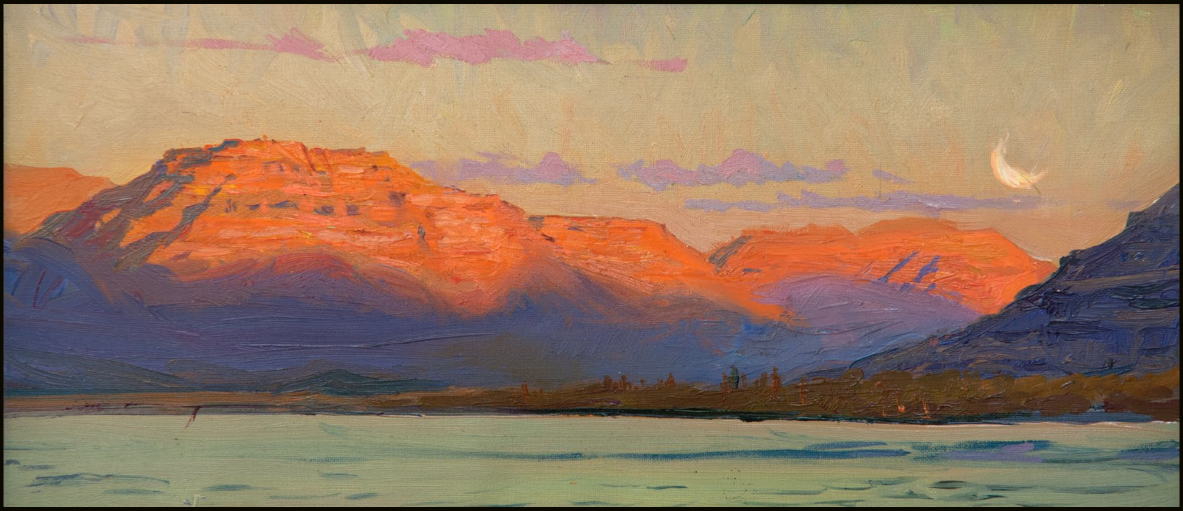
ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №1 | 2017

16+

Долина реки Хойси | 2016



Месяц на закате выглянул. Плато Путорана | 2016

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *№ 1 | 2017*

В номере

ДиН публицистика

3 Переписка Н. Н. Яновского с В. П. Астафьевым

Владимир Чагин
154 Второе рождение «Наследника»

ДиН память

Владимир Шанин
49 «Тропа войны» солдата

ДиН поэма

Виталий Молчанов
55 Герои

ДиН стихи

Сергей Пагын
58 Зачарованный волхв

Николай Ерёмин
60 Ладонь в ладонь

Наталья Тугаринова
131 Из книги «Русская раса. Теорема о России»

Влад Пеньков
146 Расшифрованный взгляд красоты

Любовь Колесник
148 Твоё кольцо останется в воде

Владимир Пономарёв
149 Сезонное обострение

Елена Литинская
150 У Восточной реки

ДиН диалог

Юрий Беликов, Нвард Авагян
61 Настоящие русские, или Кубок с ликом вашего победителя

Юрий Татаренко, Владимир Алейников
72 «Русская поэзия мистична»

ДиН роман

Сергей Кузичкин
81 Двадцать лет и одна ночь

ДиН пародия

Евгений Минин
80 Крылатая баба
124 Поэтов командир
153 Откуда мысли?

Библиотека современного рассказа

Сергей Кузнечихин
125 Конец цитаты

Зинаида Кузнецова
127 Дети маршала

Франциск Сент-Джордж
132 Обезьянки мне понравились

Инна Халяпина
134 Мы говорим — нас слушают

ДиН перевод

Валерий Городилов
145 Из Райнера Мария Рильке

ДиН ДЕБЮТ
Екатерина Ахременко
152 Пастух и ягнёнок

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ
Сергей Арутюнов
182 Трёхсотлетний поэт

Галина Климова
184 Жизнь для тебя—книга

ДиН ДЕТИ
186 Синяя тетрадь

194 ДиН АВТОРЫ

Дмитрий Гусев

«Увидеть душу народа...»

За время творческой деятельности художник Дмитрий Александрович Гусев совершил более двадцати самостоятельных рабочих поездок в разные регионы России, в том числе в Карелию, Великий Новгород, Великий Устюг, Городец, Ярославль, на остров Валаам и Соловки, на Камчатку, в Каргополь, Архангельск, Онегу, а также в Кабардино-Балкарию и за рубеж. Среди творческих достижений художника—три крупных проекта: «Москва», «Земля поморская», «Заповедная Сибирь». Также были предприняты длительные поездки в Красноярский край, на полуостров Таймыр и в Хакасию.

Из дневников, путевых заметок и писем Дмитрия Гусева:

«Здесь невозможно кого-либо чем-либо удивить. Кого? Камни, которые столетиями лежат недвижимо? Для которых ты—мимолётное видение, если не меньше...

Но Северное сияние... В нём нет даже времени—нет истории... Невозможно осознать ритм, оно выше человеческого закона понимания. Отчего на него невозможно долго смотреть? Человек не может его осознать. Сияние—это как танец богов. Танец праздника вечного космоса и его живого начала».

«Край Юга Сибири—это житница для осознания и культурного бережного возделывания во всех смыслах этого слова. Это Край, который ещё ждёт своих героев, дерзнувших воспеть его на весь белый свет!»

«Наши родные места, наша уникальная природа побуждают исследовать, узнавать и осознавать свою Родину. Всё это побудило и меня искать, запечатлевать ни с чем не сравнимые живые образы, типажи Сибири, всё то, что можно назвать одним словом—«Завет». Ведь сама природа несёт некое назидание в простоте и величественности, в стремлении познавать и возделывать. И люди, рождённые на такой земле, воспитанные её традициями и обычаями, дают будущим поколениям образ завета праведной жизни.

Как художнику, исследователю и неравнодушному человеку мне хотелось изобразить главные заповедные, почти нетронутые места в Красноярском крае. <...>

Близка моему сердцу тема старообрядчества. Хотел бы обратить внимание на то, что особый интерес для современного человека представляют быт и обычаи староверов, их нравы, их характеры, судьбы. Убеждён, что тот духовный стержень, который был и остаётся в спящем состоянии в русском народе, широко и многогранно, живым родником можно встретить в старообрядчестве. Уверен, что русская культура найдёт в принципах жизни старообрядческой среды ответы на большинство вопросов о будущности своего развития и существования.

Увидеть душу народа, характер и суть Русской Земли, Заповедной Сибири—вот главная моя задача сейчас как человека, как исследователя, а как художника—рассказать об увиденном языком своей живописи, показать людям всё многообразие и всю глубину души родной страны».

Переписка Н. Н. Яновского с В. П. Астафьевым[1]

1978–1991 гг.

«Вечная радость — работа…»

В 80-е гг. и Николай Яновский, и Виктор Астафьев — это люди, писатели, завоевавшие популярность, славу. У В. Астафьева она вышла за пределы страны, и он уже мечтает, как его «Царь-рыба», переводимая в Италии, «прозвучит на бельканто» (письмо от 26.11.1982). У Н. Яновского всё вроде бы поскромнее, но и он, узнав о том, что журнал «Енисей» печатает одну за другой его статьи о В. Зазубрине три раза, а о М. Ошарове пять раз, восклицает: «Ну, „классик" ли?!.. Всё же какая ни на есть популярность» (21.11.1980). Они уже не просто зрелые, но перешагнувшие порог зрелости, когда можно, да и пора, подводить итоги своих жизни и творчества.

Обоих преследуют тяжёлые хронические хвори: Н. Яновского донимают сердце и гипертония, у В. Астафьева словно всё болит от последствий ранений и контузии: это и «обострения пневмонии», и боли головные, в ногах и суставах, и просто «подавленность жуткая». Они то и дело ложатся в больницу, на месяц и на три (однажды, 19.11.1983 В. Астафьев пишет, что «весной чуть не умер от тяжёлого воспаления лёгких»), ломая графики текущей работы, от чего страдают, наверное, больше, чем от болезней. Но оба подбадривают друг друга, зная, что надо выполнить то, что им заповедано — написать, издать свои главные книги, высказать самые заветные мысли, воплотить лучшие замыслы. И этот, пусть и эпистолярный, на расстоянии, диалог и помогает это сделать, и воодушевляет, движет работу: Н. Яновский завершает к 1987 г. «Мою эпопею» — «Ядринцев два тома и Потанин — два»; В. Астафьев чуть позже допишет свой самый задушевный «Последний поклон» — «песнь песней о Сибири» и «первую часть военного романа» («Прокляты и убиты») через год после ухода друга, сожалея, что «Николай Николаевич уже не может это прочесть».

Страстный исследователь сибирской литературы, углубившийся именно в 80-е гг. в её дореволюционный период, и страстный писатель-трибун, имеющий дар художественного исследования современности, — они, как будто, разные люди, разных сфер своей литературной деятельности, разных поколений (Н. Яновский на десять лет старше). Не зря, видимо, В. Астафьев в 80-е гг. всё ближе сходится с В. Курбатовым, критиком другого поколения, литературного измерения и мышления. Это «умный, цельный парень, великолепный собеседник», хоть и «эстет», но с которым В. Астафьев охотно проводит время (однажды «был у меня… дней десять»), но который не может целиком заменить Н. Яновского. Можно сказать, что это особый сюжет о «триумвирате» «Яновский — Астафьев — Курбатов», творческий и поколенческий, где у Н. Яновского особая, неоспоримая роль: «Валя Курбатов очень высоко ценит Вашу деятельность и подвиг ваш, во имя сибирской литературы, говорит, что мы, обормоты, до конца этого не понимаем. Наверное, это так и есть», — подтверждает В. Астафьев слова своего молодого друга-«крытика».

Этот сюжет состоит также из двух книг обоих критиков о В. Астафьеве, абсолютно разных и весьма показательных в своей взаимодополнительности. Если книга В. Курбатова «Миг и вечность» родилась, по сути, из бесед критика-«эстета» с писателем, героем своей будущей книги, в живом, непосредственном общении с ним, напоминая диктофонную запись размышлений, то книга Н. Яновского явление другого ряда. Это исследование, кропотливое, тщательное, пятилетнее (с 1977 г.), с изучением предшествующей литературы о В. Астафьеве («за последние два-три года»), с посылкой рукописи самому писателю и его супруге, которым книга, к счастью, «показалась». Но долго изучалась и препарировалась московскими редакторами и цензорами, следившими за идеологической правильностью и «убедительностью». Несмотря на то, что Н. Яновский был, в общем, традиционен и в построении книги, выдерживая хронологический принцип, и в языке, привычном для советской критики: В. Астафьев «серьёзный, вдумчивый писатель с самобытным видением мира», «секрет обаяния Култыша… в привлекательности его идейно-нравственных качеств», «рассказы эпического стилевого направления приобретали иное качество», обнаруживая «индивидуальность автора» и т. д. В. Курбатов, раскрепостившийся от этой традиции, и строит

1. Окончание. Начало см. «ДиН» №5–6/2016.

книгу по-иному, начиная с «Последнего поклона» (тогда как Н. Яновский — с «детских» рассказов писателя 50-х гг.) как отражения биографии В. Астафьева, о чём специально оговаривается; он и метафоричен в своём «устном» стиле размышлений: «Думаю, будет удобнее книги, выросшие из сюжетов биографии художника, листать прямо тут же, как только они зацепятся друг за друга». И если Н. Яновский даёт только сноски на пользование архивом В. Астафьева или на личную с ним переписку, то В. Курбатов так и пишет: «Не так давно мы ездили с Виктором Петровичем в Саяны, жили там на таёжной пасеке. Он рыбачил и вечером у костра мы разговаривали обо всём на свете…».

Н. Яновский, прекрасно понимая, в чём его «беда» («отсталость») как критика с «другим методом исследования», более традиционным, откровенно признаётся в этом В. Астафьеву: «Я вот этого делать не умею, потому что сосредоточен на настоящем, а не на будущем» со своими целями «оперативными», а не «стратегическими». Но главное, В. Курбатов «нравится» ему как «человек исключительно талантливый». Может, поэтому Н. Яновский, противореча себе, всё реже откликается на «настоящее» отечественной литературы и всё глубже уходит в её 19 в., к Н. Ядринцеву и Г, Потанину, писателям 100-летней давности, одолевая «сложнейшие комментарии» к 4-томию «Литературного наследства Сибири» (лнс), воюя с недоброжелателями не только из Новосибирска и Томска, где «десятки учёных» всю жизнь кормились его (Г. Потанина. — В. Я.) «охаиванием».

Характерно и симптоматично это чувство родства со знаменитыми сибирскими патриотами. Это родство по темпераменту, литературному качеству прежде всего публициста, «социолога» в литературе (свою «позицию критика» он так и формулировал в письме от 3.09.1979: «Смотреть в социальную природу событий и характеров»), когда нет авторитетов (в книге об В. Астафьеве Н. Яновский полемизирует сразу с несколькими столичными критиками — В. Камяновым, В. Кожиновым, И. Дедковым, М. Лобановым, Ю. Селезнёвым, отчасти с А. Макаровым). Но это и родство едва ли не прямое, когда Н. Яновский вспоминает о своём деде-переселенце, «самостийно» приехавшем в Сибирь примерно во времена Н. Ядринцева и Г. Потанина. Это письмо от 18.05.1981, несомненно, уникально в своём переплетении полемики с неким «знатоком» сибирской истории переселенчества второй половины 19 в. и автобиографических сведений о себе. Читатель узнаёт здесь об отце Н. Яновского и его братьях, их тяжкой доле батраков, о его матери, работавшей «кухаркой», о «талане» «сказочника» деда по матери и первой студенческой работе молодого Н. Яновского по фольклору.

Наверное, впервые узнаёт читатель и о таком эпизоде биографии Н. Яновского, как его увлечение алкоголем и почти приказной тон узнавшего об этом (видимо, от жены критика, Фаины Васильевны) В. Астафьева в его письме от 13.08.1982: «Кончай пить… Возраст твой, жизнь твоя уже не приличествуют винопитию… Век твой уже близится к концу — уважь свою старость и поработай ещё». Ответ Н. Яновского спустя три месяца сквозит обидой, и, может, будь их переписка не столь давней, а дружба не столь тёплой, был бы более резким и окончательным, кладя конец всяким их контактам. Но нет, он деловито перечисляет результаты своей работы, которая и не прекращалась, как можно было подумать, и, наконец, отвечает: «Это чепуха и гиль», — и закрывает тему. И это лишний раз подтверждает неслучайность их эпистолярных и личных, увы, столь редких встреч критика и писателя, их потребность исповедаться и в жизненных ситуациях, и перипетиях (В. Астафьев, например, часто пишет о своей жене Марье Семёновне, их непростых отношениях, её частых болезнях, нежелании переезжать в Сибирь, особенно в Овсянку), и, главным образом, в своих творческих успехах.

Ещё один постоянный сюжет переписки — обмен книгами, вновь вышедшими и готовящимися выйти. В. Астафьев шлёт Н. Яновскому рукопись «Зрячего посоха», «свежие» книги «Затесей», «Последнего поклона», томов первого собрания сочинений; Н. Яновский — рукопись книги «Виктор Астафьев», тома лнс, о Вяч. Шишкове и самого Вяч. Шишкова, наряду с Н. Ядринцевым и Г. Потаниным, особенно близких Н. Яновскому. С гордостью называет себя «шишковистом», имея на своём счету изданные в Москве книги «Воспоминания о Вячеславе Шишкове» и «Очерк творчества» писателя, крамольные «Ватагу» и «Дикольче», вышедшие благодаря ему отдельными изданиями. Но предметом особой гордости явилась книга «Вячеслав Шишков. Очерк творчества» — 280-страничная, где критик, как он пишет, по сути, заново прочёл этого оставшегося, несмотря на отъезд из Сибири, сибирским писателя. Ещё в 1979 г., в письме от 14.11, целиком ему посвящённом, Н. Яновский перечисляет свои заслуги в изучении В. Шишкова: выявил значение его сатиры, «реабилитировал» «Ватагу» с точки зрения «проблем о стихийности крестьянства» и «Дикольче», «до сего дня погребённую в периодике», «утрясал (и в итоге „утряс“) все дела» с монографией о В. Шишкове, создававшейся параллельно с книгой о В. Астафьеве.

Характерно, что вышла она в год 70-летия Н. Яновского, став от этого ещё дороже юбиляру: и потому, что «трудно» она ему «давалась» («долго я с нею возился», пишет он 12.06.1984), и потому, что «это новое прочтение произведений Вячеслава

Яковлевича», а главное, что мог показать плоды своего трудолюбия и подвижничества в изучении сибирской литературы одному из ярких её современных представителей — В. Астафьеву. Тем более что «знаю, что Вы любите Вячеслава Яковлевича», пишет Н. Яновский, «с особым чувством» посылая изданную в 1981 г. сатирическую «Дикольче». В ответном письме 7.05.1981 В. Астафьев горячо благодарит новосибирского друга: «Огромное спасибо за Вячеслава Шишкова. Всё это интересно, достойно». При этом подчёркивая значение сатиры в советском обществе и «судьбу сатирика», как правило, незавидную.

Сам В. Астафьев хоть и не был сатириком, «тёмные стороны современности» бичевал в своих произведениях нещадно. Видно это и в письмах Н. Яновскому, где то и дело встречаются гневные тирады в адрес «самовлюблённых литературных графов, вроде господина Бондарева», то против нового начальника отдела культуры красноярского крайисполкома, «шустрого мещанина при галстуке», то против некоторых томских интеллигентов, недовольных похвалами в адрес А. Солженицына. Или со всей астафьевской язвительностью припечатает «критическую болтовню об абвиволентной литературе и прочей вумной херне, нужной лишь для того, чтобы себя показать». Или пожалеет, что не написал «Царь-рыбу», «если б жил в Сибири» — «надо бы быть ей ещё резче и глубже», ибо «что здесь делается! А, батюшки мои! Какое самоедство!».

Тем нежнее и сердечнее относился он к своим соратникам и друзьям — Вале Распутину и Вале Курбатову, К. Симонову и А. Макарову, давшему ему в руки «зрячий посох» подлинного творчества и одноимённую книгу, которая, так или иначе, проходит через всю переписку В. Астафьева и Н. Яновского символом несгибаемости в литературе, будь то проза или критика, заветом, напутствием, эталоном. Не зря ещё в своей книге «Виктор Астафьев» Н. Яновский пишет 3.03.1988: «Цитировал находящийся ещё в рукописи „Зрячий посох", и это особенно возмутило цензоров». А ведь были ещё последние и самые крамольные главы «Последнего поклона» и части будущего «военного романа». Книги, которая была главной для В. Астафьева, так как «всё, что я писал до сего времени, это лишь предисловие к главной работе, для которой, чувствую, я созрел… прежде всего как гражданин» (13.05.1980) и потому что даёт возможность «поговорить с читателем о том, что же это было, какую жизнь мы прожили?». И, конечно, «Затеси», особо любимые Н. Яновским, критический разговор о которых он продолжил в другой юбилейной книге «Верность». Точнее, восстановил убранный московским издательством «важный кусочек» о рассказе «Падение листа», хотя задумывал писать о «Затесях» «шире», но «Комитет» привычно осадил строптивца. И всё-таки книга стала одной из самых удачных, особо дорогой из-за воспоминаний о К. Урманове, Н. Анове и В. Шукшине. Там он, может быть, впервые печатно позволил себе раскрепоститься, «старался, чтоб не получилось по-казённому, „по-учёному"».

Возможно, что и благодаря В. Астафьеву, стихии его бескомпромиссного характера и свободы его языка, от глубокого лиризма (см. «овсянское» письмо о смерти тёти Апрони от 19.11.1983) до народного просторечия, вплоть до нецензурного. Да и сам В. Астафьев учился у Н. Яновского подвижничеству в литературе — упорному, упрямому труду над, казалось бы, неподъёмным трудом над самыми заветными и такими нужными людям книгами. Оттого и так жалел в письме Ф. Яновской, заключающем эту подборку, что «Николай Николаевич уже не может прочесть» его «военного романа», не напишет ему своего очередного письма — восторженного и вместе с тем аналитического и, как всегда, немного полемического. Так и вся переписка этих лет овеяна, прежде всего, духом, мыслью, словом Н. Яновского, писем которого здесь почти в два раза больше, чем писем В. Астафьева. И тут всё должно быть ясно: растущая слава автора «Последнего поклона» и «Печального детектива» (который «против моих ожиданий, гремит и идёт по свету), постоянные поездки по стране и за рубеж, встречи, конференции, съёмки на ТВ и фильмов по его книгам, спектакли по его пьесам, ширящаяся с годами переписка с десятками корреспондентов, — всё это уменьшало время общения с Н. Яновским. Особенно в бурную «перестройку» с её «грузинским» скандалом и «эпистолярным» столкновением В. Астафьева с Н. Эйдельманом.

Но до последних лет жизни Н. Яновского (можно предположить, что в эту подборку вошли не все письма В. Астафьева, судя по контексту ответных писем) Виктор Петрович поддерживал эту нить переписки, такой откровенно дружеской, такой сосредоточенно-творческой, эмоциональной и вместе с тем «жадной» до знаний, непримиримой ко лжи и трусости, подлинно гражданственной, взаимодополняющей склонного к архивно-кабинетному труду Н. Яновского и беспокойного, чуждого домоседству и одиночеству В. Астафьева. И так хочется, чтобы длилась и длилась череда этих живых писем: «Дорогой Николай Николаевич!», «Дорогой Виктор Петрович!», «Обнимаю. Твой Н. Яновский», «Обнимаю, целую — твой Виктор». Смерть Н. Яновского в сентябре 1990 г. прервала переписку (сохранилось ещё несколько писем переписки В. Астафьева и Ф. Яновской), но не прекращается изучение жизни и творчества двух замечательных писателей не такой уж давней эпохи рыцарского отношения к литературе, которой служили Николай Яновский и Виктор Астафьев. Завершая эту публикацию, надеемся,

что она станет и для историков литературы и для «обычных» читателей хорошим подспорьем в их работе и обогатит их знания об этих писателях и эпохе в целом.

Владимир Яранцев

Материалы для публикации предоставлены: письма Н. Н. Яновского — Красноярским краевым краеведческим музеем (кккм); письма В. П. Астафьева — Государственным архивом Новосибирской области.

Выражаю благодарность директору ккхм В. М. Ярошевской, заведующей архивом музея Н. А. Ореховой, замдиректора Т. В. Зыковой, а также писателю А. И. Астраханцеву.

Дорогие и глубоко уважаемые Фаина Васильевна и Николай Николаевич!

Мы очень были рады получить от Вас весточки, я благодарю за такие добрые, тёплые и высокие слова привета в поздравлении с праздником, коих и, наверное, и не заслужила вовсе. Спасибо Вам сердечное. Спасибо и за книги В. Курбатова о Викторе Петровиче[2]. «Теперь, — сказал он, — я обеспечен».

Николай Николаевич, большое Вам спасибо за ту помощь и советы в моей работе над архивом — для меня это очень важно, а для дела тем более. Спасибо Вам.

Я высылаю обещанную Вам книгу В. Белова «Кануны»[3], — вот только вчера удалось купить.

Мы вот уж скоро полмесяца как дома. Поездка была очень интересная и волнительная. Повстречались со своими самыми дорогими друзьями-фронтовиками, наговорились, навспоминались и радовались без конца, что вот все живём, а то, что силы уж не те и удаль не та, так это всё закономерно и тут ни у кого к жизни и к судьбе претензий нет. Мы очень порадовались, что все они живут добро, семьи у них хорошие, есть уже внуки, и никто не спился, не опустился, никто не жалуется, мол, и то не так, да это не так бы надо, все читают, работают серьёзно и преданно, как это делают сейчас далеко не многие уж, к сожалению. После Орска, Целинограда, Темиртау и Караганды мы побывали ещё в Кургане, у Вити Потанина, в Шадринске — у Васи Юровских, в Свердловске у Лёни Фомина, но туда же приходили Коля Никонов и Саша Филиппович. А в Свердловске мы с Петровичем разъехались: он полетел в Москву, поскольку в дорогу брал читать рукопись одного писателя в Благовещенске, я не очень запомнила фамилию, кажется, Фотьева, — обсуждать её на секретариате, а я прямым поездом домой, даже в Перми не остановилась — надо было спешить — заболел дед и Иринка сбилась с ног.

А сейчас пока дома. 30 марта у Виктора Петровича в Москве премьера фильма, и он поедет туда. А я тоже тридцатого должна уехать в Венгрию — Югославию по туристической путёвке. А Виктор Петрович где-то в половине апреля, если всё устроится с путёвкой в институт им. Сеченова в Ялту на два срока, то и поедет, не дождавшись меня. Ему очень необходимо поддержать, подлечить свои слабые лёгкие, которые так угнетает сырая погода, я уж не говорю, что творчество забирает все силы, какие есть и не оставляет их на то, чтоб организм сопротивлялся. А сейчас у него болит нога, видимо, отложение солей, ходит, лечится, но пока результатов благожелательных не наблюдается, боли стали даже сильнее.

Погода стоит весенняя, скользко, ночами подмораживает, днями, мало сказать, капель, просто потоки и с крыш, и всюду на земле. Если станет ему лучше и не поедет на рыбалку в какой-нибудь район, то, наверное, на недельку съездим в свою деревню, а нет, так уж потом.

Ну вот, пока и всё.

Очень, всем сердцем желаем Вам доброго здоровья, сил, соразмерных Вашим делам и заботам, и всего-всего хорошего!

Обнимаем, преданные Вам Виктор и Мария Астафьевы.

16.3.78 г.

23.11.1979
Новосибирск

Дорогие друзья, Мария Семёновна, Виктор Петрович!

Давно не получал от Вас известий, и это меня беспокоит: всё ли благополучно, все ли здоровы? Печально, если нарушен почему-либо рабочий ритм жизни. Сужу по себе — это к хорошему не приводит: одна болячка наплывает на другую, особенно если уже далеко за пятьдесят.

Посылаю Вам пополнение в картотеку — библиографию. Кое-что Вам, разумеется, хорошо известно, вероятно, есть вырезки или книги. Но «учёные» издания достать трудно да и учесть их нелегко. Это небольшой улов конца 1978 года.

В январе я, увы, проболел недели три, выбился из рабочего режима и до сих пор войти в него не могу. Отвлекали корректуры, комментарии к тому лнс, его сдача в набор, лёгкие, сравнительно, недомогания, смена настроения и т. п.

---

2. Имеется в виду: *Курбатов В.* Виктор Астафьев. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977. (Серия «Литературный портрет»).

3. *Белов В. И.* Кануны. 1972–1976. Ч. 1–2.

Была корректура «Воспоминаний о Вяч. Шишкове»[4]. Том получился хороший, но всё же искорёженный изд-вом. Убеждать редакторов по телефону — вещь немыслимая, а они упрямы и аргументы попросту не слушают: талдычат своё, чаще всего вкусовое, произвольное и нередко конъюнктурное. Подход исторический им не нужен, он слишком беспокоен и требует умственных усилий. Поступают как проще.

Моя статья о В. Распутине[5] — я говорил Вам о ней в прошлом году — пропутешествовала по трём редакциям журналов, побывав прежде в альманахе «Сибирь», потому что для него и писалась (по заказу!) и обрела пристанище в журнале «Север» (№ 2 за этот год). Если получу журнал, — заказал несколько номеров, — прочтите. Она мне казалась в числе моих лучших работ. Редакция предупреждала, что её публицистическая часть, которую они пока оставляют, может легко «полететь» в корзину из-за вмешательства «влиятельных людей». Все ходим под единым богом.

Пишу сейчас VII гл. книги о «Царь-рыбе», т. е. заключительную. Читали ли Вы «суровую» критику романа в книге М. Лобанова «Надежда исканий»[6]? Я намерен сделать его главным своим «противником» в этой главе. Всё-таки расчленять нечто единое на страницы превосходные и неудачные, на главы хорошие и главы плохие нельзя, не разрушив это единое. Я намерен проследить цельность замысла и воплощения.

Очень большое желание закончить всё к апрелю, ещё раз пройтись по всему тексту и сдать на машинку. Меня поджимает V том ЛНС[7], который я по договору обязан сдать в октябре-ноябре этого года.

Жду от Вас весточку. Всему Вашему семейству желаю добра и здоровья.

Обнимаю.
Ваш Н. Яновский.

25 февраля 1979 г.

Я брал Ваши и другие письма в Переделкино, вот уже где, думал, всем отпишу подробно и с толком-чувством. Хрена! Меня взяли в такой оборот! Началось с вручения медалей в Кремле, а потом выступления — в Политехнике, человек с тысячу было, а я боюсь таких аудиторий и от боязни начинаю дерзить и вытворять глупости; затем в Библиотеке Ленина, здесь народу было поменьше и народ поотобранней, и говорилось, и отвечалось легче, но страшно мешали телекамеры (снимали для теле); после я читал новую пьесу в театре Ермоловой[8], был на показе нашего фильма «Сюда не залетали чайки» в Доме архитектора, выступал в изд-ве «Молодая гвардия» и ещё куда-то меня черти носили. Ни разу ладом не выспался…

Приехал домой, попробовал отоспаться, а тут вызов в Ленинград — показ материалов фильма «Таёжная повесть», наснимал сдуру режиссёр 3,5 часа, а надо 1 час 30 минут, и всё ему жалко, а я должен «отстоять», «помочь» и т. д. А как это я и чем смогу помочь и что сделать, когда государству дарят целую серию фильма, а как минимум 15 миллионов рублей, а оно не берёт, ибо «не запланировано»! Глупость, тупость и полнейшее головотяпство!

Приехал, и наконец-то всё бросивши, уехал на 3 дня на лёд, на реку, отошёл маленько.

«Поклона» у меня пока нету[9]. Лежит в Москве, у друга. В начале марта сын поедет туда на машине и привезёт. Я сразу вышлю. Книга получилась такая, какой я хотел — светлой и горькой до слёз, самая моя заветная, самая свободная и искренняя до «глупости», порой, книга, но в ней, в этой глупости и есть вся прелесть… На глупость тоже надо заработать, право…

Рукопись о Макарове[10] надо дорабатывать — один экземпляр в Москве, один у меня, выслать нечего. Я до конца марта (до 20-го дома, затем еду на совещание молодых — учить писать), так вот заехал бы ты, если в Москву есть путь, и всё опять посмотрел бы спокойно, с чувством-толком, и покалякали бы мы с тобой и Фаина Васильевна с М. С.?[11] Дальше будет не впротык, в апреле мы с М. С. едем в Польшу, затем в Кострому, на семинар и после (только и вижу!) в Сибирь; в июне будет 50-летие Шукшина, небольшой компанией мы собираемся пробраться на родину Василия Макаровича и без шума-гама поклониться его земле родимой…

В июне 50-летие Игарки — тоже охота побывать; не видел верховьев Енисея, пока не преобразовали

4. Воспоминания о В. Шишкове. — М.: Советский писатель, 1979.
5. См. письмо Н. Яновского от 3.04.1979 о публикации статьи о В. Распутине в журнале «Север».
6. *Лобанов М. П.* (р. 1925), критик, литературовед. Книга «Надежда исканий». М.: Современник, 1978.
7. Литературное наследство Сибири. Т. 5. Николай Михайлович Ядринцев. О литературе. Стихотворения. Письма. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1980.
8. Очевидно, пьеса «Прости меня» в 2-х актах. Издана в Москве (М.: ВААП-Информ, 1979). Спектаклю по этой пьесе была присуждена Государственная премия РСФСР.
9. Помимо публикации в «Роман-газете» (1979. № 2–3), выходила книга: Астафьев В. Последний поклон: повесть. — М.: Современник, 1978.
10. «Зрячий посох».
11. *Фаина Васильевна Яновская* — жена Н. Яновского; Мария Семёновна («М. С.») Корякина-Астафьева, жена В. Астафьева.

строители светлого будущего совсем родимую реку, надо бы посмотреть, сумелись взять на рыбка здоровский катер (нрзб); и вообще перед тем, как засесть за роман, поездить бы побольше, наслушаться, надивоваться, языка поглотать народного, аки кислорода живительного…

Много чего хочется, да уже немного можется, так и научили меня распределять своё время, дорожить им, избавляться от суеты и лишних людей. Беда! Вижу и чую — беда, а характера заломать не умею. Витенька наш растёт и перерастёт нас с тобою. Все наши посылают Вам поклоны, я Вас крепко обнимаю и целую.

В. Астафьев.

3.IV.1979
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Получил твоё письмо, а недавно и книгу «Последний поклон». Отвечать сразу не удалось, так как торопился закончить книгу[12]. Так вот, я её закончил дней 5 назад. Получилось 300 стр., т. е. 12,5 п. л., и 1 апреля везу её в «Сов. писатель» (в Москве намечаются разные совещания). Жалею, что «Последний поклон» мне не удалось «разобрать» в его окончательной редакции. Теперь я это сделать не сумею. Вернусь лишь после того, как книга будет в плане утверждена (если вообще она окажется «ко двору» строгого издательства).

Твой отчёт о пребывании в Переделкино я читал с удовольствием, а вот сейчас в «Лит. газете» подведён итог. Я не верю, что ты мог говорить неинтересно, и сейчас убедился в том, что это не так. Каждый раз жалею, что я чего-то не знал о твоих чувствах, настроениях, мыслях. Надеюсь, ты меня поймёшь, учитывая опыт общения с А. Н. Макаровым. Да, мне сейчас твою книгу о нём прочитать не суждено, но я надеюсь её прочитать и вернуться ко всей этой интереснейшей странице нашей литературной истории.

Появился «сигнал» №3 «Сиб. огней», где опубликована первая глава моей монографии[13]. Она дана с небольшими сокращениями, и я её вышлю сразу, как получу номер. Вообще, я хочу прислать всю рукопись, как только получу её с машинки.

В №2 журнала «Север» опубликована статья о «Прощании с Матёрой» В. Распутина, в ней и кое-что о «Царь-рыбе» (сопоставление), какие-то кусочки из неё вошли теперь и в монографию. Если номер попадёт (?), прости, пожалуйста, статья эта методологически принципиальная, и мне было бы важно услышать твоё мнение о ней. Вообще, о всех этих проблемах я пытаюсь размышлять как социолог с выходом в «большую» политику, но, говоря честно, задача такая на современный лад невыполнимая. Так, прожектёрские потуги. Но лучше — потуги, если совсем без них. Беда нашей критики в том, что она «ударилась» в «чистую» эстетику и равнодушна ко всему стальному.

Сейчас я занят писателем-сибиряком столетней давности — Н. М. Ядринцевым[14]. Представь, он писал о тех же проблемах, о которых пишем мы сегодня. В статье «Привольные места Сибири» («Отечественные записки», 1880, №4) он писал о том, что лес в Сибири вырубается хищнически и по берегам рек (легче сплавлять), что рыбы стало в реках меньше, что реки загрязняются… Словом, я читал её со странным чувством, будто бы она написана лишь вчера, и мы лишь повторяем давно за нас сказанное. Вообще, Ядринцев был человеком проницательным, и я рад, что занялся «восстановлением» его литературного наследия, сегодня в основном забытого. Первую часть ЛНС, посвящённую ему, я уже сдал в производство, вторую — готовлю. Всего будет 50 п. л. Произойдёт открытие писателя, открытие яркого публициста-шестидесятника, защитника крестьянства, особенного сибирского.

Как только примут мою книгу, я незамедлительно верну всё, что у тебя брал — книги, вырезки, рукописи (у меня есть список всего, подлежащего возврату).

Марии Семёновне, всему Вашему семейству (как здоровье Петра Павловича?) наш сердечный привет.

Будь здоров! Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

7.V.1979
Новосибирск

Дорогие друзья Мария Семёновна и Виктор Петрович!

ФВ и я поздравляем Вас с праздником Победы! Для всех, особенно для фронтовиков, это святой день и хочется хотя бы на мгновение почувствовать себя рядом со всеми, кто пережил этот день и всё, что ему предшествовало. Такая потребность, по-видимому, и умрёт вместе с нами; во всяком случае, она будет жить, пока мы живы.

Мы всё нынче делаем с запозданием, потому что задержались на этот раз в Москве — захотелось побыть с внуком и внучкой на Первомае, погулять с ними, ни о чём не думая, всеми порами ощущая и предощущая их будущую жизнь. Оказывается, и в этом радость, доступная лишь старости. Мы ездили с ними в просыпающуюся от зимы рощицу

12. *Яновский Н. Н.* Виктор Астафьев. Очерк творчества. — М.: Советский писатель, 1982.
13. *Яновский Н. Н.* Начало. О раннем периоде жизни и творчества В. Астафьева // Сибирские огни. 1979. №3.
14. *Ядринцев Н. М.* (1842–1894), учёный, публицист, прозаик.

и славно провели время, тем более что и первого и второго мая в Москве было тепло необыкновенно (за +20).

В Москве мы прожили больше двух недель. Я дня три «заседал». Кроме совета по критике, всё остальное было для «галочки», формально, бездушно. А совет москвичи тоже поспешили свернуть в кратчайшие сроки, но разговор в чём-то показательный всё-таки состоялся. Но я основательно поработал. После сдачи монографии «Виктор Астафьев» (что-то будет после чтения!) я, наконец, «свободно» приступил к очередному тому ЛНС («Литературное наследство Сибири»), который в июне-июле должен сдать в производство.

Не знаю, получили ли Вы «Сиб. огни», где помещена первая глава монографии. Очень хотел бы, чтобы Вы её прочли и сделали замечания. 3-й экз. всей книги у меня есть. Любые замечания приму охотно.

Если у Вас путь лежит через Новосибирск (на Алтай, я помню, Вы собирались), известите, будем рады Вас встретить и проведём с Вами любое количество часов или дней, как Вам будет удобно.

Будьте здоровы!

Всем Вашим домашним, всему славному семейству Вашему наш привет, праздничные поздравления и поклон.

Обнимаем.
Ваши Ф. и Н. Яновские.

(отв. 22.V.79)

Дорогой Николай Николаевич!
Ну, раз я пишу на тетрадных листах, стало быть, в деревне обретаюсь. Кое-как, уже перед днём Победы выбрался сюда—дороги худы, весна нудная, водяная, совсем от нас Господь-то отворачивается, всё ветры-ураганы, всё снеги-холода. Я для начала тут простыл, приболел, но вот и за стол сажусь.

Я прочёл «Начало», и оно мне в общем-то понравилось—это хоть немножко восполнит как-то начало творческой и прочей биографии, а то как с неба свалился. Всё же выгодно кому-то, чтоб мы молчали о нашей «счастливой» послевоенной жизни, о том, как нас обманули и предали «отцы» наши и, деля монатки, ордена, должности, дачи, звания, совсем о нас забыли и потом удивлялись: «Гляди-ко, есть ещё чистые солдаты! Как это они выжили, хоть единично?! Ведь всё сделано было, чтоб передохли. Н-ну герои! Н-ну орлы! Зажечь им вечный огонь! Выдать по медали! Раздать залежавшиеся на складах товары, но не свыше тридцати рублей стоимостью. Вот мы какие хорошие!».

Так и шло—Будённому графское поместье с личным конзаводом и рыбным прудом, нам с Марьей—талон на сахар и поношенные спортивные сумки из Америк, а к тридцатилетию дали мне приёмник «Вега» 2.6 ры стоимостью. Марье—фотоаппарат «Чайка», и то и другое снятое с производства, т.е. утильсырьё. Но я всегда так говорю: «Так нам и надо! Мы достойны своих „отцов“, они нас родили, мы—их продолжаем рожать»

Мне обязательно надо прочесть Вашу рукопись, там много частных неточностей, как то: «жилка» названа «пшёнкой» и т.д. и т.п. Прочесть рукопись я, скорее всего, смогу в Сибири, ибо здесь моё пребывание ограничено, через несколько дней я поеду в Москву, записываться на телевидении, затем ненадолго сюда и стану собираться в Сибирь. Где-то в начале июня, если буду здоров, я уже буду в Овсянке. Не знаю, писал ли я адрес? Вот он: 663081, г. Красноярск, п/о Овсянка, ул. Щетинкина, 26 (мне). Там я оборудую избушку и в конце июня съезжу в Игарку, а затем передохну и стану собираться на Алтай, где ни разу не бывал, на родину Шукшина—сумели поехать Валя Распутин и Толя Заболоцкий, он хотел всех нас «возглавить»—это мой земляк, оператор и друг Василия Макаровича.

Я свой «Зрячий посох» отдал в «Н(аш). современник», молчат. А когда вологодские молчат—это всегда ничего хорошего не сулит, я их молчание ввек боюсь. Читал «Посох» К.М. Симонов[15] (рукопись), звонил из больницы (у него обострение пневмонии), говорил хорошие слова, просил встретиться с ним, чтобы кое-что уточнить. (В рукописи много о нём, они были друзьями с Александром Николаевичем[16], учились в Лит. ин-те вместе.) Написал я новую пьесу, на этот раз путнюю, и поэтому проходит в театры труднее.

Ну, обнимаю и целую Вас с Фаиной Васильевной.
От всех наших—поклоны.
11 мая 1979 г.

21.V.1979
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Очень рад, что статья «Начало» тебе чем-то понравилась (вижу—не всем, и тут ничего не поделаешь). Положено начало научной биографии художника, и сделана попытка проследить динамику творчества, его истоки. Ты прав: кому-то выгодно «не знать», откуда и как мы вышли на свет божий…

Всю рукопись я готов тебе прислать в любое время по первому сигналу. В Овсянку, так в Овсянку. Но может быть, в Сибири мы повстречаемся? Я, например, охотно присоединился бы к общему выезду в родные места Василия Макаровича. Меня не раз приглашали барнаульцы, но как-то

15. *Симонов К.М.* (1915–1979), поэт, прозаик.
16. *Макаров А.Н.* (1912–1967), критик, герой «Зрячего посоха», главный редактор журнала «Молодая гвардия» (с 1956 г.).

не получалось у меня — времени не было. Если не попадёшь в Новосибирск, сообщи, пожалуйста, в какие дни Вы там намерены побывать.

Книгу об А. Н. Макарове жду (в рукописи, в журнальном варианте или изданной отдельно) и читать, изучать буду с особенным чувством. Рад, что она пришлась по душе К. Симонову. А «Наш современник» может «выкинуть» что угодно, увы. Его редакция слишком часто стала оглядываться: как бы чего не сказала влиятельная Марья Ивановна!

Я ныне собираюсь побывать в Иркутске, в Томске и Омске. Не даёт мне покою Н. М. Ядринцев, составляю два тома его произведений и писем, и всё боюсь что-то ценное пропустить.

За «Последний поклон» спасибо! Перечитываю с карандашом в руках, мечтаю предложить «Сиб. огням» статью о повести, потому что она в таком виде обрела новое качество. В своей книге я об этом говорю, но чувствую, что теперь о ней надо писать как-то по-новому. Её повысившиеся художественные качества повысили несоизмеримо и её социальное, философское звучание сегодня и в нашем обществе.

Зарубежный читатель многого не поймёт. Точно так же, как он до сих пор «не понимает» Достоевского. Незнание нашей истории, нашего народа обрекает их на это. Кстати, некоторые критики и у нас пишут о «Последнем поклоне», полностью отвлекаясь от нашей истории. Словосочетание «нравственные искания» их полностью устроило. Актуально по звучанию и никого не беспокоит.

Около трёх недель был в Москве. Повидал внучку и внука, теперь уже всё говорящего. Очень милые ребятки. Как ваш с Марией Семёновной Витя? Поклон от нас всему вашему семейству. Как здоровье Петра Павловича? Обязательно извести, как поедешь в Овсянку.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

3.X.1979
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Я только-только вернулся из Коктебеля, потому и задержался с ответом.

Да и смутно стало на душе, когда узнал, что Петра Павловича уже нет[17], и невозвратно ушло его время, которое он не выбирал, а ведь и оно несёт свою долю ответственности за человеческими судьбами… Любые утешения в таком случае бессмысленны, особенно «объяснительные», от тоски и горечи нам не уйти ни сейчас, ни после, сколько бы лет «забвения» ни прошло: наша «родова» в нас самих, и я понимаю и разделяю твою горечь.

Первый том твоих сочинений я получил — спасибо за него, как и за все последующие. Разумеется, я подписался и буду рад последовать совету: детям моим такие книги нужны. Книга издана отлично, и я поздравляю тебя от души.

Думали ли мы об этом тогда, в 1965 году, в Забайкалье?[18] Мы просто радовались каждой новой отдельно изданной книге. Выходит, время со всеми его треволнениями работало в какой-то степени и на нас. Во многих смыслах знаменателен выход этого собрания сочинений.

Посылаю тебе мою рукопись и жду твою о Макарове А. Н. в вопросах литературы (так!). Конечно, мне ещё предстоит вернуться к своей монографии, но, видимо, лишь после того, как «Сов. писатель» пришлёт своё заключение. Примут ли её в основном или потребуют того, что я не умею делать, — неизвестно. Во всяком случае, решение я жду с большим нетерпением

В Коктебеле я работал мало, самое трудное — чтение корректуры своей книги, которая выйдет в этом году. Читать без «контрольного» текста, соглашаться с «выбросами» по техническим причинам было делом мучительным, работка выбила меня из колеи, потребовала времени и нервов. Она и испортила мне мой нечастый отдых. Но как бы то ни было, а книга выходит, и это тоже хорошо. Выходит и очередной — четвёртый — том «Наследства», потребовавший от меня очень и очень больших усилий. Всё это я незамедлительно пришлю, как только увидит свет.

Неужели твой сборник статей и воспоминаний никем не принят? А как отнёсся к нему К. М. Симонов? Если есть его письменное заключение, подошли.

Наши первые дни в Коктебеле были омрачены известием о смерти Константина Михайловича, и в первые часы как-то не было человека близкого, с кем можно было бы разделить горе, и сидел я одиноко в пустой своей комнате, пил какую-то бурду, поминал и вспоминал… Ведь мы сверстники, и все, каждый по-своему, пережили наше нелёгкое время. Он был на «самом верху», мы — на «самом низу», но решать нам приходилось одни и те же проблемы. И как бы он ни был сложен, он был честен…

Я надеюсь и верю, что твоё, столь объяснимое «нерабочее» состояние пройдёт, и ты вернёшься к своему новому роману. Жаль, что летом мы не встретились. В. Распутин обещал известить меня, когда он вылетит из Иркутска, а вылететь ему не удалось, и я тоже не попал на шукшинское пятидесятилетие. И от тебя я известий не получил. Ну да в Сростки я думаю можно съездить в более спокойное время.

---

17. *Пётр Павлович Астафьев* — отец писателя. Умер 3 сентября 1979 г. в Вологде.
18. Семинар молодых писателей в Чите проходил осенью 1965 г.

Марии Семёновне наш с Ф. В. общий поклон, всему семейству Вашему искренний привет.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

П. С. Книги, вырезки и проч. я всё-таки боюсь посылать, лучше, если я их привезу…

Н. Я.

22.X.1979
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Не знаю, получил ли ты мою рукопись. Но мне не терпится узнать, как ты к ней относишься, надеюсь, тебе понятно. Потому и пишу.

Из «Советского писателя» получил две рецензии. Одна весьма положительная (Вс. Сурганова)[19]. Другая доказывает, что я в творчестве Астафьева ничего не понимаю (Г. Белая)[20]. Издательство предлагает мне во всём этом разобраться и решить, как поступать дальше.

Может, и в самом деле я ничего не понял и напрасно взялся за это непосильное для меня дело? Сижу и решаю этот вопрос.

Книгу отложил. Может, на самом деле, ей надо отлежаться, дозреть…

Да и занят я сейчас свыше головы Н. М. Ядринцевым — сдаю в набор вторую часть «Лит. наследства Сибири», первая уже печатается, и я скоро её тебе пришлю.

А пока посылаю тебе две книжки, которые, возможно, до тебя ещё не дошли. Это П. Л. Драверт и о Драверте[21]. Ведь ты любишь поэзию, и эта книга П. Л., не сомневаюсь, доставит тебе радость. К тому же она самая полная из всех издававшихся книг П. Драверта.

П. Л. Чистый сибиряк, хотя и родился в Вятке, и уже этим нам с тобой дорог.

И ещё посылаю карточки для библиографии, составляемой Марией Семёновной (Мария Семёновна! Вам большой привет от меня и Ф. В. Пишите, всегда рады весточкам от Вас). Здесь, конечно, немало того, что Вам (с Марией Семёновной) известно, но есть и труднодоступные издания. У меня тоже подбирается солидная библиография.

Мечтаю написать книгу о Ядринцеве. Вот выпущу два тома «Наследства», посвящённые ему, и засяду. Сейчас, вероятно, никто лучше не знает его творчество и его биографию. А последний раз о нём — о его жизни — писали в 1904 году. Ясно, что за 75 лет после этого накопилось много нового, подчас малоизвестного и просто неизвестного! Работа предстоит увлекательная, тем более приятная, что дело имеешь с истинным пламенным сибиряком, прожившим все свои годы и дни во имя Сибири.

У Драверта есть разные стихи, и некоторые из них сегодня, быть может, не звучат. Но сейчас мне созвучны «Искры» (с. 140) — «По духу ты — моя сестра…». И потом — «Куда летим, зачем летим, не ведаем, но блещем (?); Змеистый путь необратим в дыханье ветра вещем…». Увы, необратим, а главное — быстро потухаем. Вот об этом стихотворение, сжимающее сердце.

А как там твой наследник Витя-малый поживает? Привет всему твоему семейству. Возможно, в ноябре-декабре буду в Москве. Очень хочется, хотя бы на денёк, побывать в Вологде, повидаться, поговорить (и книги привезти)…

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

д. Сибла

Дорогой Николай Николаевич!
Ну вот, попал я, наконец, в деревню, маленько побродил по осенней, сырой и тихой тайге, «отошёл» малость и берусь хот бы за текущие дела. Куда от них денешься?

Рукопись прочли оба с Марьей, обоим она нам «показалась», замечаний особых нет, мелочи я помечал карандашом в рукописи, и ты их увидишь, — но их немного.

Что касается самой рукописи, то я бы хотел, чтоб за счёт вещей малозначительных из моей «продукции», ну как «Снега»[22] или некоторые «Затеси», подробней бы остановиться на рассказах, ведь как-никак, а в принципе-то я рассказчик и повествования мои, кроме «Пастушки» и «Кражи», в сущности, состоят из рассказов. И ещё надо бы в конце книги строже (?) сгруппировать материал по «Царь-рыбе», а то он как-то разбился на три части, в конце книги вдруг снова возврат к первым главам; Мария Семёновна высказала пожелание подробней остановиться на очерке «Паруня» и на рассказе «Бабушкин праздник», но это всего лишь пожелание, не более, и ещё вот что прорывается, это уже больше в тональности, ты вроде как порой меня хочешь перед кем-то оправдать или защитить. Надо ли это? Я не уверен. Другое дело — поддержать, как это ты сделал в смысле языка. Тут всё верно и всё нужно. А то ведь получается, что мы, провинция, опять перед кем-то извиняемся, оправдываемся. Да ну их всех! В столице год от года провинции-то не убывает, а прибывает, взамен Твардовского, Смирнова, Тихонова, Луконина[23],

---

19. *Сурганов Вс. А.* (1927–1999), критик, литературовед.
20. *Белая Г. А.* (1931–2004), литературовед.
21. *Драверт П. Л.* (1879–1945), учёный, поэт. Очевидно, книга А. Лейфера «Сибири не изменю!» (Омск, 1979).
22. Роман В. Астафьева «Тают снега» (1958).

Симонова прёт к рулю такая суетливая шушера! Или самовлюблённые литературные графы, вроде господина Бондарева[24], к которому я всё более и более теряю интерес и уважение. Деятель и закулисный деятель поглощает бывшего взводного, глушит работу его, превращая писателя в интригана барачного типа.

«Зрячий посох» тебе очень пригодится. Как вернусь в город, пришлю вместе с послесловием (увы, незаконченным) Константина Симонова. (Прости, пожалуйста, ручка здесь опять плохо пишет, а «рабочая» осталась в городе—у нас и ручка—проблема!)

Поклон Фаине Васильевне! Обнимаю, целую, твой Виктор Петрович.

20 октября 1979 г.

3.XI.1979
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Получил рукопись свою, и очень я рад, что она тебе и Марии Семёновне «показалась». Хожу как именинник. Я ведь хорошо знаю свои возможности. Понимаю, в чём «силён», а в чём явно «слабоват».

Если в рукописи есть такой тон—«оправдать»,— то его, конечно, надо снять. Но я-то полагал, что речь здесь идёт не о том, что я хочу тебя от кого-то «защитить», а о моей позиции критика, кстати, давней, известной и непреклонной—смотреть в социальную природу событий и характеров.

Когда говорят, что Вася Сорока[25]—«образец русского народного артистизма», то меня это коробит, и не потому, что плохо и неверно сказано, а потому, что при этом умалчивается о событиях, которые были решающими в судьбе тысяч таких, как Вася Сорока. Мы сначала выбили его из естественной для него среды переселенческой «баржой», ни за что, ни про что поставили его на какое-то время в положение изгоя в родной стране, а потом начали восхищаться его «народным артистизмом». Об этом главном как критик-публицист и социолог я и хотел сказать, когда «защищал» тебя от людей, ловко обходящих эту горячую для нас и для будущего проблему. Отсюда мой «тон» всего «сочинения», ибо я убеждён: по таким произведениям, как «Последний поклон», будут изучать подлинную нашу историю, историю русского народа.

Относительно рассказов, на которых я мало остановился, вероятно, справедливо. Тут есть над чем подумать. Глава четвёртая с анализа рассказов и начинается, но потом, видимо, всё заслонила повесть «Пастух и пастушка». Надо этот раздел построить иначе, выделить его в отдельную главу, даже если придётся нарушить хронологию (ведь этот хронологический принцип мною строго соблюдён). Если это произойдёт, то в него легко будет включить и очерк «Паруня». О главе, посвящённой «Царь-рыбе», непременно подумаю. Мне она казалась цельной, лишь разбитой на отдельные аспекты исследования действительности, характеров, как и в самом романе.

Справедливо: концовка не написана. Вот пришлёшь книгу о А. Н. Макарове, статей и выступлений о литературе (в ней есть статьи из «Урала»?), я снова вернусь ко всей последней главе и сделаю её действительно итоговой (с непременным включением «Последнего поклона»). Тут и я чувствовал «провал», но сил уже недоставало. И хорошо, что рукопись полежала, и я от неё «отошёл»—за это время что-то и в голове «отлежалось». А статью в «Урале» («Нет, алмазы на дороге не валяются»)[26] пришли, пожалуйста, если она не вошла в книгу—у нас в библиотеке этих номеров, увы, нет. Чёрт знает что—раньше я выписывал журнал на «Сиб. огни», и при мне там всё это хранилось, а сейчас братья-писатели или разграбили, или в макулатуру сдали!

«Сов. писатель» просил определить, когда я справлюсь с «доработкой». Теперь, получив и твой отклик, я определил—месяца три, ибо сейчас я по уши занят сдачей в набор «Лит. наследства Сибири», т. 5.

Наступают праздники, и я Вас, и все мы поздравляем (тебя, Марию Семёновну, Витю-малого, всех твоих близких) с праздником. Будьте здоровы!

Обнимаю.
Твой Н. Яновский

P. S. В Иркутске вышел превосходно изданный том «Житие протопопа Аввакума». Есть ли он у тебя?

Н. Я.

14.XI.1979
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Наш общий и душевный привет Марии Семёновне и всему Вашему семейству.

Посылаю тебе и Марии Семёновне статью о Шишкове-сатирике[27]. Когда ещё выйдет монография моя о Шишкове—вероятно, не ранее как годика

23. *Твардовский А. Т.* (1910–1971), поэт, главный редактор журнала «Новый мир» (1959–1970). Очевидно, Смирнов С. С. (1915–1976), прозаик, публицист. Тихонов Н. С. (1896–1979), поэт. Луконин М. К. (1918–1976), поэт.
24. *Бондарев Ю. В.* (р. 1924), прозаик.
25. *Вася Сорока*—персонаж «Последнего поклона» (глава «Сорока»).
26. Очерк «Нет, алмазы на дороге не валяются» о художественном мастерстве писателя // Урал. 1962. №4.
27. *Яновский Н.* Свет и тени. «Шутейные» повести и рассказы Вяч. Шишкова // Сибирские огни. 1979. №10.

через два,—а мне сейчас очень хочется убедить современных почитателей Шишкова, что те полтора десятка «шутейных рассказов», которые представлены в его посмертных соб. соч. (1960 и 1973 гг.), не исчерпывают и в десятой доле всего богатства, содержащегося в сатирах писателя. Именно в сатире, которая на поверку оказывается актуальной и сегодня. А исторический её смысл и не поддаётся арифметическому чёту—он широк и многозначен, как любая классика…

В прошлом году в статье о «Ватаге»[28] я реабилитировал роман, показав, что в проблеме о стихийности крестьянства Шишков был на голову выше своих современников, сейчас я реабилитирую повесть «Дикольче»[29], до сего дня погребённую в периодике. То и другое произведение я мечтаю издать и предпринял для этого необходимые шаги. Уже встретил сопротивление Комитета. Но, боже мой, против кого только не восставал Комитет![30] А русская литература между тем развивается по своим законам, вопреки действиям комитетчиков.

19/XI лечу в Москву и утрясу все дела с той (Шишков) и другой (Астафьев) монографией. Работаю как конь. А что остаётся на старости лет? Вечная радость—работа…

Обнимаю и мечтаю о встрече.
Твой Н. Яновский.

(отв. 15.1.80)

Дорогой Николай Николаевич!
Я уж не живу, а судорожно отбиваюсь от житейской суеты. Не помню даже, поздравил Вас с Ф. В. с Новым годом или нет? Если нет, то хотя бы вдогонку это делаю и желаю главного—доброго здоровья!

Все Ваши книги—и «Наследство», и «Шишкова»—получил. «Наследство» полистал, а «Шишкова» ещё нет. Сейчас вроде бы посветлее впереди, подготовил и сдал 4-й том, вычитал корректуру 3-го[31] и на время развязался. Отказался от кино по «Царь-рыбе»—много требует времени и сил, а ни того, ни другого… Вот с театром вожусь—это интересней, чем кино. Перед Новым годом съездили с М. С. в Ленинград по приглашению Мравинского, слушали Бетховена—1-ю и 6-ю симфонии.

Просто подарок судьбы—этот концерт, и зал, и музыка, а о дирижёре уж и говорить нету слов. Но какая пропасть между людьми, которым «доступен Мравинский», и между бабами и мужиками, живущими по глухим российским уголкам! Ещё и ещё раз задал я себе вопрос, сидючи в одном из самых прекрасных залов, слушая великую музыку: «Стоило ли пролить столько крови, перетерпеть бездну страданий, чтоб всё затем стало на свои места, чтобы аристократия нового состава являлась в этот зал, а мужики и бабы, где жили-были, там и окочурились?»

Был на репетициях своей пьесы в театре «Драмы и комедии». Вроде бы сносно дело идёт. В феврале премьера—она покажет, что и как.

Здоровьем не могу похвастаться. Зима гриппозная, бесхозная, в довершение ко всему начали побаливать почки, постоянно покалывает и нудит сердце, стонет голова. Вот собрал Вам рукопись, а к ней есть предисловие К. М. Симонова. Искал, искал, весь испсиховался и не нашёл. Найду—пришлю «досылом».

Маня моя шеборшит, кружится, Витенька маленький растёт, дочь работает, сын живёт с женою отдельно, заболел гриппом, лежит сейчас. Жизнь течёт. Скорее бы весна и лето. Плохо, совсем плохо я стал переносить здешние зимы, надо уезжать, а то, как Шукшин, могу и не успеть это сделать.

Обнимаю и целую Вас обоих,

Ваш Виктор П.
1 января—уже!—1980 года.

15.I.1980
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Письмо и книгу «Зрячий посох» только что—14 января! Получил. Спасибо! Я очень и очень ждал от тебя весточку.

Обеспокоила меня твоя болезнь—просто места себе не нахожу, и В. М. Шукшина тут припомнили… Да поезжайте туда, где лучше себя чувствуете! Ей богу, лучшего придумать нельзя, тем более что есть реальная возможность. Сердце—инструмент чуткий, и если начинает покалывать и нудить, то считаться с этим необходимо—его надо щадить, иного решения и быть не может. Врачи могут поддержать, но решает долговечность судьбы своего сердца сам человек. А потом—прошу и умоляю! Сделайте перерыв, отдохните от всего, от напора ежедневных обязанностей, от рукописей, писем, книг, которые «надо» прочитать, на которые «надо» отвечать… Потом, по прошествии времени, окажется, что далеко не всё так необходимо «надо», важнее то, что вынашивалось, зрело в душе писателя Виктора Астафьева…

С таким чувством я и читал «Зрячий посох», разом, не отрываясь и не отвлекаясь, что называется, «в один присест». Письма Александра Николаевича я читал, вероятно, все—у меня

28. Очевидно, речь идёт о статье в кн. «Поиск» (1979): «Гражданская война в изображении Вячеслава Шишкова».
29. «Дикольче» (1927)—повесть, обвинённая в воспевании «кулака».
30. Комитет по делам печати.
31. *Астафьев В. П.* Собрание сочинений: в 4 т.—М.: Молодая гвардия, 1979–1981.

записано ровно тридцать. Но теперь, выстроенные хронологически и прокомментированные тобой, взволнованно, с любовью и страстью, они производят неизгладимое впечатление. Трагичен финал «драмы идей» Александра Николаевича. Первые раскаты «грома» раздались в книге там, где речь зашла о «покупной гражданственности» и «грозой» завершились в самом её конце—размышлением о состоянии нашей литературы, коль выпало ей на долю заменить собою церковь. Ныне она обязана возвыситься до этой «святой миссии»! Тут что ни слово—оно греет душу современного человека, набатом отдаётся в его сознании, особенно когда напоминаются ему слова «великого гражданина»—«кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу». Историзмом мы, теоретики марксизма, клянёмся на каждом шагу, а вот быть последовательными духу недостаёт, «политика», т. е. конъюнктура, заедает.

В «драме идей» крупнейшего критика советской литературы недостаёт пока что одного—«формулировки» роли и значения живого влияния на него такого человека, как Виктор Астафьев. Это в какой-то степени видно из писем Александра Николаевича, но именно в какой-то отнюдь не в полной, что, безусловно, не входило в задачу автора книги и потребует несколько иного прочтения писем. Тут уж без того, что сделано в книге, никак не обойтись. Этим тоже полезна, ценна, значительна книга «Зрячий посох» и для меня, современного читателя, и для будущего.

То, что написано о последовавших затем «событиях», связанных непосредственно с Н. Ф.[32], потрясает—другого слова не подберу,—открывает глаза на другую сторону происшедшей «драмы».

К этим скорбным страницам и я могу добавить, нечто меня тогда поразившее. Приезжает Н. Ф. в Новосибирск, заходит ко мне в редакцию и в разговоре о том, что бы мы могли ещё напечатать из наследия Александра Николаевича, стала уверять меня, что статья «Разговор по поводу» написан по прямому заданию «сверху». А вот Коган, такой-сякой, не берёт статью в «Избранное»… Я попросил Н. Ф. не позорить Александра Николаевича и больше никому не говорить об этом. Поняла ли она это—не знаю, но вспомнил я сцену сразу же, как прочитал о той старушке, которая отказалась принять «стойкого коммуниста» в холодную часовню. Мне стало жаль и Н. Ф., и старушек этих—боже, до чего же мы дошли!

В книге немало сцен в том «критическом ключе», в каком вся она «от автора» написана. Они воссоздают обстановку, передают состояние, настроение и чувства пишущего, и это не менее важно, чем то, что «заставляет» сейчас не принимать к печати книгу в том виде, в каком она есть. Понимаю также твой отказ идти на сокращение нынешнего текста.

Однако же, полежав некоторое время в портфеле автора, книга должна быть, по-моему, снова предложена журналу или издательствам. Пропуски в письмах, обозначенные тремя точками в квадратных скобках <…>, некоторые изъятия из прямых оценок состояния современной литературы и её любых «вождей» не есть капитуляция под натиском «рационально» мыслящего деятеля, потерявшего или никогда не имевшего совести, а стремление максимально сохранить то, что можно сохранить, тем более что Виктору Астафьеву удаётся это сделать в значительно большей мере, чем кому-либо другому. Появление такой книги, даже в чём-то урезанной, всё равно произведёт сегодня свою необходимую работу по «прочищению мозгов». А сочувствующий читатель, читатель-друг, увидит многое между строк по одному настроению писателя.

Если найдётся предисловие К. М. Симонова, подошлите—буду очень рад. Я дорабатываю рукопись для «Сов. писателя», и мне пока «Зрячий посох» будет нужен, так что я несколько времени задержусь с высылкой обратно книги.

Да, чуть не забыл: мне думается, что даты во всех письмах сохранить нужно.

Марии Семёновне, Витеньке и всему семейству мой привет. А Ф. В. тоже что-то Марии Семёновне писала…

Берегите себя, милый Виктор Петрович, делайте всё необходимое, чтоб в 1980 году чувствовать себя значительно лучше, чем в прошедшем.

Обнимаю и целую.
Твой Н. Яновский.

---

1 марта 1980 г.

Дорогой Николай Николаевич!
Я всё ещё в больнице, по 7-го марта обещают выписать. Здесь, в больнице, я начал писать «Затеси» и сделал уже семь штук—на душе легче, а то ведь более года ничего не написал и всё время в работе.

Совсем нечаянно М. С. Нашла последнюю заметку К. М. Симонова—я дух перевёл! Перечитал и ещё раз удивился и восхитился поколением—в каком он состоянии диктовал всё это, его бил беспрерывный тяжёлый кашель с мокротой… А он успевал и торопился всё сделать, всем помочь. И умно-то как, доброжелательно.

Вот и нравственный урок нам, живущим.

Поскольку Вы писали, что 17-го вернётесь из Москвы, то письмо как раз и придёт—они сейчас медленно ходят.

Кланяюсь Фаине Васильевне. Обнимаю Вас.
Виктор Петрович.

32. Наталья Фёдоровна—жена А. Н. Макарова.

14.III.1980
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Я знал, что ты в больнице и боялся потревожить ещё одним письмом, и вот твоё с известием, что выписывают и с ожидаемым мною К. Симоновым (мой привет и горячая благодарность Марии Семёновне за перепечатку!).

Конечно, жаль, что письмо без окончания, но и в этом виде оно производит неизгладимое впечатление — органично и по-симоновски точно дополняет сказанное, изображённое тобой. Всё это пришло кстати, потому что я работаю по «редакторскому заключению» «Сов. писателя». Был в Москве и там сказали, что я могу не торопиться (срок был до марта), можно прислать и в апреле и в мае. Видимо, планы у них изменились, книгу чем-то вытеснили… Мне к этому не привыкать, но в апреле я им её вышлю. Добавляю кое-что, но ведь и сокращать поэтому надо. Словом, бьюсь, а мысли приходят всё более «злые», а в заключении есть такая фраза: «Порой, социологический аспект анализа оставляет в тени психологические и эмоционально-индивидуальные качества характеров в книгах В. Астафьева…».

А подтекст замечания, судя по приведённому затем примеру, в требовании смягчения в оценке нашей истории, фактов истории, о которых лучше умолчать: не в перегибах, дескать, дело, а в «бурной истории революционных преобразований». Ну ловкачи! Что ни редактор — то мудрец. И самое главное, что в рукописи у меня и об этом есть (не раз я бит и тёрт — знаю, что «диалектичным» должон быть). Значит, не тот акцент — мудрю над акцентами.

Перечитал многое из того, что написано после того, как я книгу закончил. Конечно, лучшее из всего этого статья Е. Стариковой в «Новом мире»[33]. Мне, конечно, так не написать — другой у меня «уклон». А может, и хорошо, что иначе, с другим «уклоном», по-своему, хотя и без такого блеска. Но многое — особенно рецензии или авторефераты — дают маловато, чаще ничего не дают, даже полемизировать не с кем.

Думаю над оценкой Е. Стариковой главы «Соевые конфеты». Что-то заскребло при первом чтении, а вчитался — весьма и весьма субъективны её доводы… Перечитал главу — нет, все акценты в ней отнюдь не лишние, важны не только в автобиографическом плане, а в плане всей атмосферы военной поры. Может, о профессоре-болельщике чуть больше, чем о нём надо для этой главы… Словом, обо всём этом ещё написать надо, как и о некоторых рассказах, как, например, о рассказе, «обруганном» в «Коммунисте»[34]. Ничегошеньки автор в рассказе не понял, а пишет с апломбом.

Ну, утомил я своими размышлениями… Просто захотелось выразить благодарность и за Симонова, и за «Зрячий посох». Книга эта даст мне ключ к пониманию, которого у меня не было, да и многое другое, требующее осмысления.

Будь здоров!

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

27.IV.1980

Дорогой Виктор Петрович!
Я, конечно, давно получил письмо К. Симонова об А. Н. Макарове, заботливо перепечатанное Марией Семёновной. Спасибо ей за это! Каюсь: не заметил, как пролетело время с момента, когда получил письмо, до сегодняшнего дня, так как по существу и не расставался с Вами — со всем семейством Астафьевых — всё время было ощущение, что Вы где-то тут рядом…

Я перечитывал или впервые читал всё, что было написано на тему «Астафьев» за последние два-три года, а потом сидел и «дотягивал» свою рукопись, согласно «редакционному заключению». Закончил только что, лишь чуть-чуть дав всему остыть.

«Зрячий посох» и письмо К. Симонова помогли мне, задали тон всему, что мне в рукописи недоставало.

Посылаю некоторые принципиально важные кусочки — вставки. Особенно меня беспокоит концовка, где речь идёт, по сути дела, о «Зрячем посохе», хотя произведение я и не называю.

Не называю, потому что у меня на этот счёт нет разрешения автора. А потом и большие выдержки из него я тоже могу использовать лишь, опять-таки, по твоему разрешению. Именно поэтому я и посылаю эти вставки.

Полемику с «Коммунистом» я написал не очень уверенный, что издательство её пропустит (хотя у меня и был такой опыт — ничего, прошло!). Но и не написать эти страницы я не мог, ибо это означало бы, что я с автором молчаливо соглашаюсь. Буду их отстаивать.

Е. Старикову я цитирую, где она, по-моему, отлично пишет о стиле. А вот относительно главы «Соевые конфеты» мне было трудно согласиться. Но из всего потока литературы, посвящённой В. Астафьеву, её статья лучшая, больше того, она стоит рядом с работой А. Н. Макарова.

Просьбу Марии Семёновны я выполнил только наполовину. Специально написал о «Бабушкином празднике», тем более это совпало и с твоим

33. Старикова Е. Память (о «Последнем поклоне») // Новый мир. 1979. №1.

34. Возможно, статья Е. Озерниной «Повесть о детстве» // Коммунист.— Череповец, 1976. 6 марта.

замечанием — поподробней сказать о рассказах. Так и появился анализ двух рассказов («Падение листа»), помимо тех, что и раньше были прочитаны. Разговор о романе «Тают снега» убрал весь и кое-какие пересказы из «Затесей». Словом, предварительное чтение пошло, полагаю, на пользу.

Рукопись я высылаю в издательство, так как оно просило непременно сделать это к апрелю. А все могущие быть замечания я учту при редактуре.

Так вот, пока я очухался от работы, подступили праздники. И первый из них — День Победы. Поздравляю Вас, дорогих мне фронтовиков, Марию Семёновну и Виктора Петровича, с Днём Победы! Ничто другое в нашей убывающей жизни с этим днём несравнимо. Ждёшь его с необъяснимым и трепетным волнением. Хочется делать глупости, обнимать от радости весь мир… А делать этого, оказывается, нельзя — слишком дорого обойдётся наша «глупость» и «радость» нашим детям и внукам…

Как здоровье, как самочувствие? Увы, и я время от времени выхожу из строя, но бог миловал, и до больницы дело не доходило.

Ф. В. поздравляет Вас с праздниками и шлёт весенние приветы. А вот наш весенний город. Какой-то фотограф-художник удачно снял театр, и тяжеловесный памятник Ленину занял на фото своё место. В действительности монумент заслоняет театр[35], не согласован с особенностями этой площади.

Поедете в Сибирь — не проезжайте мимо.

Обнимаю.
Н. Яновский.

(отв. 24.V.80)
13 мая 1980 г.

Николай Николаевич!
Прочёл я присланное Вами. У меня лично никаких возражений нету, не знаю, как у «Коммуниста» будет.

Я не писал долго оттого, что был в Сибири, приземлялся и в Новосибирске, да в неловкое время — ранним утром — и звонить Вам не решился, нарушу, думаю, сон, выбью из колеи, а разговаривать по телефону не умею.

С местами было плохо (я летел из Перми), и я думал, что ежели утром, в 7:20 не улечу, до вечера уж томиться не стану, уеду из Толмачёва к Вам, но помог инвалидный билет, втолкнули меня в самолёт до Красноярска.

Был я там недолго. Занимался организационными делами. Получил квартиру в Академгородке и заказал себе маленькую избушку во дворе овсянского дома[36]. Будет, наконец-то, у меня уединение, такое место для работы, иначе мне уже ничего путного не написать — не хватит силёнок после житья в «тёплой» Вологде, которая так поглянулась М. С., что она вроде бы и уезжать отсюда не собирается, не понимая всех последствий (неизбежных для всех нас) от такого её поступка.

Женщина, с виду добрая и самоотверженная, она ни разу в жизни не поддержала меня в крутых изменениях и шагах решительных и крайне нужных, таких, как уехать из гиблого Чусового (я уехал, она осталась, я спасовал и вернулся в 1948 году)… Уезд на Высшие литературные курсы[37], переезд в Вологду — тут уже я проявил характер — и вот теперь снова да ладом — сопротивление, тонко рассчитанное на мою слабость — нездоровье…

А в самом деле, не загнать бы бабу в гроб?! А себя, оставшись здесь? Себя мне начисто не жалко и всё же жить мне уже не хочется, если б не роман, который я обязан написать. Перед богом и судьбой обязан, ради него родился и учился писать столько лет. Всё, что я писал до сего времени, это лишь предисловие к главной работе, для которой, чувствую, я созрел, не только как ремесленник, но прежде всего как гражданин…

И вот «гражданин», способный уже и на творческий «подвиг» (ей Богу, способен!), робеет своей бабы и перебранки домашней!

Как всё же ничтожен человек!

Ну, ладно, а в Сибири я всё равно буду. И скоро! В июне-июле, иначе запрезираю себя и не смогу ещё долго ничего писать. Моя нынешняя продукция — 20 «затесей» — в активе, и столько же в «пассиве», то есть в черновиках, если учесть, что есть «затеси» по абзацу и по два — продукции мало и гложет тоска от безделья…

Во пока и всё. Поклон Фаине Васильевне.
Обнимаю. Виктор.

24 мая 1980 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Только что получил Ваше грустное письмо. Очень грустное, и пожалел, что не удалось повстречаться на новосибирской земле.

Мой телефон 66-69-30. Это на случай, если снова окажешься в Толмачёво. И будить меня можно — мой сон давно уже стариковский, т. е. лёгкий и короткий. Раз перебираешься в Сибирь, то перелетать тебе Новосибирск придётся ещё и ещё.

35. Театр оперы и балета в Новосибирске, перед которым 5 ноября 1970 г. возведена скульптурная композиция с памятником В. Ленину в центре.
36. Семья Астафьевых переехала в Красноярск, в Академгородок, в июле-сентябре 1980 г. Годом ранее В. Астафьев купил дом в родной деревне Овсянке (см. письмо 12.10.1980).
37. Учёба на Высших литературных курсах в Москве в 1959–1961.

Я согласен: необходимо уединение для работы, душевное спокойствие,—надо делать то, что сердце подсказывает, иначе ведь ничего не сделаешь… Меня тоже частенько то в Москву тянут, то в Дома творчества, то ещё куда-нибудь. А на кой чёрт мне нужны переездки, я здесь работаю—издательство под боком, одно «Лит. наследство» даёт мне удовлетворение, и нигде в другом месте я его не добьюсь. Чтобы всё это отладить, потребовалось пятнадцать лет жизни! Кто мне даст эти пятнадцать лет ещё раз? И (в) Доме творчества мне часто просто скучно, на даче моей, на берегу Ини, в лесочке мне преотлично думается…

А роман тебе писать надо. Думаю, когда ты за него сядешь, и дело как-то пойдёт, всё образуется, придёт в свою норму, первые дни встряски, неизбежной при всякой перемене, пройдут. Время—лекарь, оно мудрее нас. Главное то чувство, которое владеет: «Я созрел…». Перед большой работой это чувство драгоценно: его надо беречь и тебе самому и всеми, тебе близкими людьми. Другого решения в таком случае быть не может.

Я рад, что сохраняется рабочее состояние: драма в «Нашем современнике»[38], которую я на днях прочитал с большим интересом. Использованы мотивы повести, но многое по-новому, именно то, что потребовал новый жанр. Смерть, разгуливающая среди солдат,—это отлично! Пишутся «затеси», обдумывается роман… Милый мой, это же счастье! А жить можно и на реке Москва, и Оби, и на Енисее—ведь это же всё Россия, без которой мы никуда.

Мои дети и внучата живут далеко от меня. Признаюсь, бывает нелегко. Но если станет невмоготу, сажусь на самолёт и—к ним. А у них своя жизнь, тоже не всегда лёгкая, но для них привычная, другой, как на них посмотришь, и не хотят. Разумеется, помогу и словом и делом, но случается, говорят: мешать нам не надо… Дочери в этом году—сорок, сыну—тридцать пять. Зрелые, самостоятельные люди.

Я понял так: написанное мной не вызывает возражения. Ну, слава богу. Теперь буду ждать реакции издательства: прислали письмо. Говорят, что рукопись получили, скоро приступят к редактированию.

Я всё ещё вожусь с книгой о Вяч. Шишкове. Что-то трудно она мне даётся. Заключил с нашим издательством договор на книгу Вяч. Шишкова «Дикольче» (сатирические и юмористические повести и рассказы). Издана книга будет в 1981 году.

Марии Семёновне наш общий поклон.

Ф. В. шлёт привет и добрые пожелания.

Я от души желаю благополучного и спокойного переезда.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

4.VI.1980
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Сегодня получил твою посылку—два тома сочинений. Спасибо! Я при этом подумал: разве в 1965 году, когда мы повстречались, можно было об этом подумать-помечтать? Да ни в коем случае! Это же привилегия классиков или же правоверных охранителей. Словом, я рад и поздравляю тебя. Такое издание тобою заслужено и честно. Ни на какие компромиссы ты не шёл и никогда не пойдёшь—это ясно, и давно. Читаю и перечитываю с удовольствием и пользой. Это настоящая русская проза! Великая русская литература не скудеет. Развивается, обогащается. Радуюсь и горжусь.

Твоё желание переехать в Сибирь—поддерживаю. Родная земля незаменима и всегда обогащает—что бы об этом ни говорили наши философы, живущие в Москве и собирающие русские иконы (в том числе сибирские). Жить надо там, где работается. Другого критерия у нас нет и быть не может. Русский Рерих[39] избрал Индию. От этого выиграла только русская культура (кстати, будешь в Новосибирске, обязательно посмотри в нашей художественной галерее подарок Н. Рериха—его чудо-картины).

Я дружески желаю тебе здоровья, сил творческих для окончания романа, который давно задуман и который никто, кроме тебя, не напишет.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.
Марии Семёновне большой привет.

29.VI.1980
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
По газетам я знаю, где Вы бываете, что говорите (об этом, правда, смутновато, но я-то знаю, что Вы говорите хорошо), а вот что на душе… У меня, например, туман, тяжесть, какая-то неудовлетворённость… Не живёшь, а коптишь, ужасное состояние…

Посылаю Вам книжицу—Вяч. Шишкова[40]. Может, она к вам попала, но лучше, если Вы получите её от меня. Я её выстрадал, я о ней мечтал, я в ней выразил нечто заветное. Многое издатели выбросили (неизвестно, почему), но сохранили и

38. *Астафьев В.* Прости меня. Драма: в 2 действиях // Наш современник. 1980. №5.
39. *Рерих Н. К.* (1874–1947), художник, философ, писатель, с 1917 г. в эмиграции. Коллекция его картин была передана Новосибирской картинной галерее в 1960 г.
40. Очевидно, «Воспоминания о В. Шишкове (М., 1979).

о «Ватаге», и ответ критикам повести «Дикольче». Это важно.

А повесть — сатирическую! — «Дикольче» я издаю — в будущем году получишь, под тем же названием целый том сатиры и юмора Вяч. Шишкова. Иногда он писал грубовато, но он был умён и замечал часто то, что и сейчас звучит злободневно.

«Зрячий посох» я перечитываю и нахожу в нём новые и новые мысли, которые греют мою душу. «Советский писатель» молчит. Но в августе я буду в Москве и всё узнаю — когда оно планирует мою книгу.

Если что-то в книге В. Шишкова понравится, буду рад, потому что я отбирал самое ценное. Здесь он предстаёт не только как писатель, но и как человек удивительного обаяния.

Марии Семёновне наш привет.

Будь здоров. Обнимаю.
Н. Яновский.

Дорогой Николай Николаевич!
Слухи до меня доходили, что ты в странствиях, то Москве, то в Коктебеле, то ещё где-то…

А я меж тем обживаюсь в Сибири. Переехал я сперва один, в июле, 16-го, багаж уже пришёл, разгрузились, малость заселились, благо родни живой ещё много. И хоть не все, но таскать тяжести ещё могут.

До этого я ездил по Кавказу, много проехал, много видел и слышал, ну и пили, конечно, и подпростыли, конечно, а потом здесь, в жаре похватал сквозняков и слёг.

Лежал в Овсянке, уж очень не хотелось обживать Сибирь в больнице. У нас в селе была выпускница мединститута, местная, она меня поколола, полечила и уехала по распределению в Абакан, а я оклемался. Погода мне подсобила и родной воздух, и пейзаж, и заботы родных людей. Хорошо себя почувствовал, а там, на гнилом Западе, наверное, нынешнем летом пропал бы.

В августе приезжала дочь с внуком. Внуку очень понравилась Сибирь, а дочь переселяться не хочет, вероятно, охота пожить самостоятельно. Стремление похвальное и полезное. Нам без внуков и без детей, с которыми мы никогда не жили порознь, будет тоскливо. Но Вы живёте с Ф. В., и мы проживём как-нибудь.

Мария Семёновна приехала только месяц назад — родился у нас, у Андрея, Женечка — сын 30-го июня. Дождь, мозгло, холодно, побоялись ребёнка простудить, домой выписали невестку с низкой температурой, долго длившейся. Уже после моего отъезда она заболела общим заражением крови, и М. С. там помогала и хлопотала. В связи с болезнью невестки я поинтересовался: «Что это такое? Что за бардак в роддомах?» — и мне порассказали такое, что у меня волосы зашевелились — идёт истребление русского народа со всех сторон, а более всего он самоистребляется, но кто-то заинтересован же и в этом, не всё же списывать на слабости нашего характера!

С приездом М. С. я освободился от домашних дел и перешёл на огород, чтобы превратить его в садик. Таскал из лесу всякий лес, садил, копал…

А потом читал вёрстку 4-го тома, читал долго, внимательно и, кажется, только сейчас немножко понял свою «Царь-рыбу», и отчуждение между нами помнилось. Надо бы быть ей ещё резче и глубже, и если б я жил в Сибири, так бы и вышло. Что здесь делается! А, батюшки мои! Какое самоедство!

Писать ничего, кроме «Затесей», не писал, часть из наиболее приемлемых напечатаны в «Смене» и «Огоньке», остальные ждут отработки, но напечатать их, наверное, будет невозможно, уж очень они расходятся «с направлением». Но мировоззрение пожилого человека — это сложный инструмент, и настройку, сделанную жизнью, уже не поправишь

Николай Николаевич! У меня нету дома «Зрячего посоха», вышли, если есть у тебя экземпляр. Надо поработать, накопилось кое-что. Съезжу к дочери Александра Николаевича, полистаю, посмотрю бумаги, и, думаю, многое удастся довести «до ума» в повести.

Поздравляю тебя и Фаину Васильевну с наступающим праздником.

Вот мои адреса:
660036, Красноярск, Академгородок, 14, кв. 56, тел. 5-95-6-05 (п/я 8708), но большую часть времени (до морозов уж точно) я живу в Овсянке — 663061, п/о Овсянка, ул. Щетинкина, 36.

Обнимаю, целую — Виктор.
12 октября 1980.

17.X.1980
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Наконец-то я раздобыл Ваш адрес в Красноярске. И Ваше письмо и книги — том третий и «Посох памяти»[41] — я получил, а куда написать Вам не знал, так как Вы всё это сделали перед отъездом.

В «Посохе памяти» из «Зрячего посоха» лишь кусочек в самом начале. Я полагал, что будет больше. Но не в этом дело. Книгу эту я прочитал с истинным удовольствием, хотя многое, если не всё, знал. Просто все вместе они производят большее впечатление.

Книга издана хорошо, но пожалели на портрет вклейку. В первом томе, по-моему, лучший Ваш

41. Астафьев В. Посох памяти: публицистика. — М.: Современник, 1980. (Библиотека «О времени и о себе»).

портрет. И сделали там, в издательстве, его отлично. Так как моя книга «Виктор Астафьев» принята издательством «Советский писатель» и дело идёт об оформлении, то я рекомендовал взять именно этот портрет из собр. соч. Если у вас есть что-то более Вам по «нутру», то шлите фото мне, и я его сразу перешлю издательству — сдавать в набор они будут в феврале.

С редактором я обо всём договорился. Полемику с «Коммунистом», конечно, убирают. Но я настоял на том, чтобы суть полемического анализа осталась без прямой ссылки на журнал, то есть из двух страниц полемики я убрал цитату из «Коммуниста» — один абзац строк на десять, а всё остальное сохранилось. Получилось так: «Коммунист» высказал своё мнение, я своё, а читатель пусть разбирается сам… Разумеется, это так прошло на уровне редактора, что скажет «главный» и как он на это посмотрит — неизвестно. Встречаться я с ним буду нынче в декабре, когда приеду на съезд писателей РСФСР (сподобился я быть избранным делегатом). В эти дни будет согласован весь текст книги (у них были ещё сомнения относительно «мрачного» окончания, взятого мною из «Зрячего посоха», дескать, не вытекает оно из «оптимистического» текста всей книги). Вот уж не ожидал, что факты нашей истории, нашедшие отражение в Ваших книгах и мною подчёркнутые, звучат только оптимистично. Но это пусть будет на их совести — бог с ними! Нам же лучше.

Во всяком случае, я чрезвычайно рад, что книга принята, что она готовится к печати — это наша общая победа. Конечно, пока она не будет у нас в руках, торжествовать не следует, но всё же, всё же… Первый этап пройден.

Жажду узнать, как Вы там, на новом месте, устроились? Как работается? Как Мария Семёновна? Наш общий с Ф. В. большущий ей привет.

Книги и рукопись «Зрячего посоха» я постараюсь Вам доставить, теперь уже, конечно, в Красноярск. Если рукопись нужна, то я её могу выслать ценной бандеролью.

Проездом или специально очень жду Вас в Новосибирске. Очень радуюсь, оттого что вы в Сибири.

Обнимаю.
Ваш Н. Яновский.

18.X.1980
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
В тот же день, когда я отправил тебе письмо, получил твоё — очень меня тронувшее. Живу теперь под его впечатлением. Ну, право, что-то странное происходит в нашем мире. Если ты читал мою статью о Распутине («Прощание с Матёрой»), то ты ощутил это моё состояние. Сам Валентин Григорьевич писал мне, что он читал статью с чувством растерянности и возмущения: «Да когда же кончится такое!». Он оговорился: «Читал, словно это не обо мне», но оговорка такого рода мне и дорога, в ней признание и моего значения в борениях нашего времени.

В Москве мы встречались (в сентябре), и я порадовался, что он в «форме». Хотел ещё отдохнуть на Байкале и потом засесть вплотную за работу. Выбить такого человека из его рабочей колеи — это тоже преступление нашего века.

Это к твоим размышлениям о «самоедстве». Может, и это кому-то надо…

Как знал: книга «Зрячий посох» тебе нужна. Высылаю немедленно заказной ценной бандеролью. Книга эта не просто интересна, она значительна и отражает наше время не менее выразительно, чем роман «Царь-рыба», «Кража» и «Последний поклон». Хочу, чтоб она была завершена и увидела свет. Понимаю, что всё обнародовать невозможно, но всё, что возможно, должно придти к читателю сегодня.

Поздравляю с праздником. Ф. В. шлёт привет. Она, как и я, загорелась желанием приехать в Красноярск. Мы с нею были там, и город произвёл на нас хорошее впечатление. Теперь же есть там и родная душа…

Обнимаю, целую.
Твой Н. Яновский.

(встреча в Москве)

Дорогой Николай Николаевич!
Получил Ваше письмо. Ну, теперь и Вы моё, надеюсь, получили из деревни, где я всё прочитал про своё житьё-бытьё.

Сейчас мы с М. С. уже в городе, на зимних квартирах, и она 10-го полетит домой, ко внукам, а я в Норильск, на премьеру «Царь-рыбы»[42], а потом и на съезд собираться надо, где и увидимся, надеюсь.

Полечу я в Москву числа 5-го, ибо на 6-е намечена редколлегия «Нашего современника».

«Зрячий посох» жду. Он мне сделался нужен. А фото шло другое, более «современное», а что тому, что Вы облюбовали, уже лет 15 давность и нечего вводить в заблуждение разных девиц мнимой молодостью и подложной красотой.

Зимой собираюсь в Барнаул, есть у меня там дела и надобности. Помнится, и Вы собирались

42. Премьера спектакля «Сон о белых горах» по книге «Царь-рыба» состоялась в Норильске, в Заполярном драматическом театре им. В. Маяковского в начале декабря. V съезд писателей РСФСР состоялся 9–12 декабря 1980 г. в Москве.

туда, на съезде договоримся о сроках поездки. Наверное, когда уже схлынут морозы. Боюсь я в слякоть и холода отрываться от дома, чуть чего, и под лопатками ломота, болит голова и подавленность жуткая появляется, однако ж всё лучше мне здесь, чем на Вологодчине, ведь до сегодняшнего дня стояла такая благодать, что даже контуженная голова поутихла и сквозь ослабшие шумы и звоны дошло: «Этак дело пойдёт, можно и работать»…

Маня получила письмо от Фаины Васильевны, что-то смешное цитировала мне, а потом притихла, значит, пишет ответ.

С праздником Вас!

Ваш Виктор.
2 ноября 1980 г.

10.XI.1980
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Я только что получил твоё письмо от 2.XI.1980 и изумился, узнав, что ты не получил рукопись «Зрячий посох». Я послал её *ценной* бандеролью 18.X.1980, квитанция №280, на адрес в Академгородок. Если ты до сих пор не получил, то я немедленно начну розыск. Ах, какое безобразие. Я же уверен, что ты рукопись уже получил.

А вообще, я рад известиям о тебе. На съезде СП я буду, как и все, 9 XII, но приеду в Москву я раньше—у меня там сын, вот его телефон 213-22-15. Ах, как бы я хотел тебя видеть!

В эти дни я окончательно буду договариваться со своим редактором в «Сов. писателе». Она—Руслана Петровна—хорошо относится и к тебе, и к моей рукописи, считает, что я шире, чем кто-либо, написал о В. П. Я её поддерживаю в этом убеждении, поскольку заинтересован в издании книги. Но о глубине анализа не говорю. Бог знает, сумел ли я понять всё.

В Барнауле буду во второй половине декабря. Если в Москве и в Барнауле встретимся, то это будет превосходно. О лучшем я и мечтать не мог.

Фото отлично. Буду его предлагать «Сов. писателю». А Роману[43] привет. Славный он человечище.

Марии Семёновне наш общий поклон.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

(открытка)

Дорогой Николай Николаевич!
Рукопись получил, очень кстати. 10-го М. С. улетает ко внукам—я в Норильск-Игарку ненадолго и сажусь работать. Мне кажется, я доведу до дела и «Зр(ячий). посох». Чего ему лежать-то?

Поклон Ф. В.

Ваш Виктор П.

г. Новосибирск, ул. Восход, дом 18, кв. 23, Яновскому Н. Н.

Красноярск.
В. Астафьев
(встреча в Москве).

21.XI.1980
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Поздравляю тебя с праздником. Я только после того, как послал рукопись на Красноярский адрес, сообразил, что сотворил глупость—ведь ты же в Овсянке… Рукопись ценной бандеролью ушла на красноярский адрес 18 октября. Чёрт знает, как это получилось.

Если она к тебе попадёт в ближайшее время—а она должна попасть—извести, пожалуйста. Беспокоюсь очень.

Продолжаю работать—дел уйма. А главное—я сам выбираю, случайного делаю мало. Есть внутренние обязательства, которые всегда на первом месте. В этом преимущества старости.

Вот «Енисей» печатает меня как «классика»—статью о Зазубрине, изданной раза три до того, статью о М. Ошарове, переиз(д)анной раз пять[44]. А я и знать не знаю об этом. Ну не «классик» ли?! Для меня это хорошо—всё же какая ни на есть популярность, но хотел бы я опубликовать что-то новое… Но бог с ним, с «Енисеем»,—раз им надо, пусть печатают. Жить хочется по каким-то новым измерениям—поскольку осталось немного…

Путь в Красноярск для меня будет, возможно, же в 1981 году, и я буду рад повстречаться, поговорить. Работаю я сейчас над Потаниным[45], а в архиве Красноярска есть документы—непременно приеду. Договоримся, когда ты там будешь.

Слышал, М. С. уехала. Ф. В. ей написала письмо в Вологду.

Мы приветствуем тебя и желаем от души благополучия.

Обнимаю. Твой Н. Яновский.

43. Очевидно, *Р. Х. Солнцев* (1939–2007), поэт, прозаик, драматург.
44. В 1990 г. в журнале «Енисей» вышли статьи Н. Яновского: «Тема Сибири в творчестве В. Зазубрина» (№4), «Эвенкия в творчестве М. Ошарова» (№6).
45. Литературное наследство Сибири, т. 6, 7 (1983, 1986), посвящены Г. Потанину.

25.XII.1980
Новосибирск

Дорогие друзья, Мария Семёновна, Виктор Петрович!

Мы с Ф. В. поздравляем Вас с Новым годом. Хотим, чтоб он был для Вас лучшим, чем все предыдущие. И здоровья прежде всего. Очень хотим узнать, как дела у Марии Семёновны. Понимаем, что сейчас, быть может, не до писем — ну хоть маленькую весточку.

Мы вернулись из Москвы 17.XII, а 18-го были уже в Барнауле — там был до 21.XII семинар молодых, на котором я обещал быть давным-давно, и пришлось ехать в неудобное время.

Рады, что дома, понемногу очухиваемся, латаем всяческие дыры.

В Москве всё кажется благополучно. Перед отъездом я снова был в «Советском писателе», подписал перепечатку-допечатку. Подтвердили, что сдавать книгу будут в феврале, так что хорошо бы фото, напомнили мне, подослать художнику где-то в январе... Однако же, думается, мне, дело это не к спеху, т. к. само утверждение о сдаче в набор будет не ранее февраля, а те сверхмедлительные тем(п)ы, каковые господствуют в изд-ве, не обещают оперативности. Полгода назад я сдал им книгу, мною составленную, а сейчас не мог узнать, где она, кто её читал или читает. Зав. отделом давно болен, и (нрзб).

Многострадальный ядринцевский том «Наследства» выходит — держал в руках сигнальный экземпляр. Эта многолетняя «ядринцевская эпопея» для меня пока закончилась. Теперь началась «потанинская». И в этот раз я из Москвы привёз нужные для «Наследства» материалы.

А в №11 «Сиб. огней» появилась глава о «Последнем поклоне» (заключительные главы)[46]. Я её не послал, т. к. и у меня до сих пор нет номеров. Обещали оставить. Меня же в Новосибирске в ноябре и декабре, можно сказать, и не было.

Виктор Петрович! Я был рад встрече с тобой, пусть она и была мимолётной. И понятно — съезды всегда суета, часто не очень упорядоч(ен)ная. И повстречаться там мне со многими, с кем хотел, не удалось. Только после съезда я успел кое-что сделать, кое с кем поговорить.

«Сиб. огни» я вышлю на Красноярск.

Обнимаю.
Ваш Н. Яновский.

17.I.1981
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
В Новом году рад был получить от тебя весточку, а то я уже начал беспокоиться. Своё письмецо перед Новым годом я отправил в Вологду, и мы получили письмо от Марии Семёновны.

Чем порадовал Новый год? Меня вдруг обступили болезни — вероятно, из Москвы я всё-таки привёз какую-то заразу.

Но я и радовался в первые дни года, так как буквально в канун — 29.XII — получил том выстраданного мною издания «Лит. наследства». Это был сигнал, на который я долго не мог насмотреться. Вскоре том поступил в продажу, и вот я посылаю тебе его — сибиряку о выдающемся деятеле Сибири. Человек он чрезвычайно интересный, и я с удовольствием занимался его двухтомником. Задумал я его лет 15 назад и лет 5 работал над ним вплотную.

До сих пор Ядринцева «прорабатывают» как идеолога буржуазии, и Томский обком отказался от моего предложения увековечить его память в городе, где он учился, начинал свою литературную деятельность. Но это не мешает томским «учёным» делать карьеру, пространно доказывая, что Ядринцев был такой-сякой немазаный. Слава богу, что им теперь не дают ходу.

Итак, фотографии ты отправил. Буду ждать теперь известий о том, что рукопись сдали в набор. Как и предполагалось, полемика с «Коммунистом» полетела по «согласованию с начальством». Я предлагал снять ссылку, но оставить анализ положительный, но и этого убоялись. Со временем я всё-таки где-нибудь это опубликую. Нужен только повод. Нельзя же передовицу в «Коммунисте» считать непререкаемой истиной. По «Матёре» выступила «Правда», послушать её, так это реакционное произведение. В статье я не трогал «Правду», но вся она против такой оценки. Да и выяснилось теперь, что «Правда» ляпнула в колокола явно не по адресу. Так и в случае с твоим рассказом...

Желаю успеха в Новом году и здоровья.

Обнимаю. Твой Н. Яновский.

24.IV.1981
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Получилось так, что я долго тебе не писал — то болел, то работал как конь, то был в отъезде. Когда был в Москве (март месяц), меня уверили, что книга сдана в набор и художник (из-за которого была задержка — он болел) — всё необходимое сделал и теперь нужно ждать корректуру. Дай-то бог.

У меня запарка. Я работаю над шестым томом ЛНС, а это дьявольски трудное дело! Даже просто снять копии с необходимых материалов требует отдачи всех сил, я уже не говорю о комментариях,

46. *Яновский Н.* Завершение. О новых главах повести В. Астафьева «Последний поклон» // Сибирские огни. 1980. №11.

которые сегодня висят надо мной. Ведь это события столетней давности, и я должен во всеоружии встречаться со своими сибирскими предшественниками — славные были люди, разумеется, не все, но как идеально подчас смотрели они на наше время — для них далёкое будущее. Знали бы они, в каких тяжких условиях мы живём! И всё равно общение с ними обогащает. Это нам исторический опыт, мимо которого преступно проходить (мимо). Я вот недавно вычитал, что Маркс под влиянием Чернышевского склонен был считать, что в некоторых странах (в России в частности) возможно миновать капиталистический путь развития. Это означает, что многие наши деятели — народники, областники, веровавшие в крестьянскую общину, не были недоумками. Они были передовой культурной силой в России, в том числе в Сибири. А это сторона взглядов Маркса последнего периода его жизни не изучалась, всё делали у нас под давлением Ленина только в одном ракурсе — Россия не может миновать капитализма, а всё остальное от лукавого и не научно. Честно сказать, когда я прочитал XIX том Маркса-Энгельса об этом, я воспрянул духом, я иначе взглянул на нашу историю. Я и раньше смотрел на историю России иначе, чем принято, теперь я получил подкрепление из того лагеря, из которого мне могли противостоять. А это чрезвычайно важно.

Вот над этим я сейчас и бьюсь, составляя шестой том лит. наследства Сибири (пятый я тебе послал — получил ли?). Это чрезвычайно сложный том именно в этом идеологическом плане. Потанин, мой герой, ведь выступал против большевиков, и это осложнило мою работу по публикации его произведений.

У нас «события». Никульков[47] после осуждения «Сиб. огней» на бюро обкома вынужден перестраиваться, формировать новую редколлегию, объявлять «новое» про-сибирское направление журнала. Сейчас он на всех перекрёстках склоняет твоё имя: «Астафьев — член редколлегии, Астафьев твёрдо обещал „Сиб. Огням“ своё новое произведение…» В его подмоченной позиции — это козырь, и он им пользуется вовсю, как любой беспринципный прохиндей. Но бог с ними, пусть «Сиб. огни» процветают на той ниве, которую они избрали — нива туманная, если не конъюнктурная, а точнее — именно конъюнктурная, жизнь развивается по другим, более жёстким законам, и не дай бог быть на их поводу.

Что у Вас там — как ты живёшь, работаешь, доволен ли новой обстановкой? Очень хочу приехать в Красноярск (меня на какую-то там конференцию приглашают), поработать в архивах, повидаться, поговорить, узнать, как дело обстоит с рукописью об А. Н. Макарове. Мне думается, её обязательно надо опубликовать, даже если потребуются какие-то сокращения. У неё есть свой внутренний заряд, который не поддаётся никаким сокращениям — и в этом ценность твоей работы.

Я только что из Ленинграда. Это город моей юности — там я учился, там женился, там родился мой сын Лёва, которого я люблю больше всего на свете, хотя его уже нет. По городу я ходил с просветлённым чувством, благо, он в это время был ярко-солнечным. Боже мой, что делает с нами время! Моя юность бродила по тем же улицам и площадям, что сейчас нетленны, словно с ними ничего не произошло, а главное — и долго ничего не произойдёт, они останутся такими же, как были.

Ну, извини, я наболтал много. Привет от нас с Ф. В. Марии Семёновне, привет тебе первомайский.

Обнимаю. Твой Н. Яновский.

Дорогой Николай Николаевич!
Мы тут наперегонки с М. С. взялись хворать, и оттого я не поздравил Вас с праздником. Делаю это пусть и с опозданием — с весной! С Победой Вас! Здоровы будьте!

Я полмесяца был в Москве, закрутился, устал — дела-то накапливаются, и убрались мы с М. С. в Душанбе, ближе к солнцу, но пробыли там тоже только полмесяца. Как-то я худо себя чувствую среди чужеземцев, этих самых «дружных народов», и хотя условия жизни у нас были хорошие и друзья исключительно приятные, и всё же долго мы там выдюжить не могли и вернулись в Крас(ноярс)к, благо, есть прямой рейс самолёта. А тут теплынь! Благодать! И я доверился родному солнцу, начал распечатывать балкон, бегать на берег Енисея потный, и началось обострение пневмонии, но я ей разгулениться не дал, прихватил, полечил, однако ж почту и всякие текущие и текучие дела запустил. Пробую, хоть урывками, работать над «Зрячим посохом», и чем я его дальше работаю, тем меньше он делается годным для печати. Я посулил отвезти рукопись в «Н. мир», когда поеду на съезд, и хочется мне уже с нею развязаться. Написал я, кажется, недурно кусочек о К. Симонов, и этим кусочком, и его, Симонова, послесловием теперь кончается книга, но в середине ещё есть дело — хочу написать кусочек о Твардовском и Смелякове и даже придумал, где и как это можно сделать.

Очень звали меня в Новосибирск на конференцию новомирцы, а я как раз и слёг и не смог поехать, и вообще на подъём тяжеловатый сделался, вот даже в деревню никак не выберусь. Марья Семёновна моя шибко сдала, и у меня сердце сжимается от боли за неё. И ведь знаю, что кто-то из нас первым умрёт и кто-то останется один, но за её доброту, самоотверженность и светлое

47. *Никульков А. В.* (1922–2000), прозаик, критик, публицист, главный редактор «Сибирских огней» (1976–1987).

житие надо, чтоб она пережила меня и помогла ещё внукам и детям. Без неё развалится у нас всё и мои дела остановятся. Я это знаю. Я даже нужные бумаги без неё не смогу найти. Ну, бог к нам всё-таки был милостив и на войне, и после войны, авось, и в старости не оставит своими милостями.

В середине июня приедет ко мне в Овсянку Валентин Курбатов[48] из Пскова, умный и цельный парень, великолепнейший собеседник. Может, я дам Вам знак и Вы подлетите хоть на несколько денёчков? Марьи Семёновны, вероятно, тогда не будет, она, как подлечится и напечатает «Посох», поедет ко внукам в Вологду, и мы бы могли тут мальчишник изладить и по-мужицки потолковать?!

После долгих колебаний я Вам отправляю письмо Петра Еремеева (?). Не обращайте внимания на его дурацкий тон, а вот недочёт (?) какой-то, может, и исправите. Автора письма я уже отчитал как следует за неуважительность и прочее — вы с ним можете не связываться.

И не сердитесь на меня за то, что я согласился быть членом (редколлегии) «Сиб. огней»[49], дело не во мне и даже не в Никулькове, дело в литературе и в отношении к Сибири нашей. Может, что и удастся для них сделать, хоть маленько, кой кого-то напечатать из талантливых ребят.

Простите, что совсем уж разгулялся мой почерк — это я ещё от болезни не отошёл вовсе-то.

Поклон Фаине Васильевне от меня и Марьи Семёновны.

Обнимаю Вас — Виктор.
9 мая 1981 г.

12.V.1981
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Посылаю Вам только что вышедшую книгу Вяч. Шишкова, составленную мною[50]. Знаю, что Вы любите Вячеслава Яковлевича, потому посылаю с особенным чувством. В большей своей части (по объёму) произведения не переиздавались полвека и некоторые совершенно не известны читателю — они были погребены в периодике, а «Дикольче» ещё и уничтожена тогдашней критикой, да и после вплоть до нашего времени её не жаловали за «идейную несостоятельность».

Что-то давненько я от Вас не получал вестей. Тут перед маем распространился слух, что Вы приезжаете в наш Академгородок (вместе с Граниным, Залыгиным, Айтматовым). Я обрадовался. Но был лишь Гранин и Залыгин да ещё кое-кто из редакции «Нового мира». С Залыгиным виделся, а в городок не пошёл — побоялся «водолейства». А май наступил — заболел, чёрт знает что, видимо, из-за резких погодных изменений моё давление скакало то вверх, то вниз — ощущение скверное, состояние нерабочее.

В марте-апреле был в Москве, в Ленинграде, 13 дней прожил в Комарове. Эти дни чуть-чуть передохнул, хотя, конечно, бегал по ленинградским библиотекам и архивам, когда дней 5–6 жил в самом Ленинграде. Солнечным, приветливым был в те дни Ленинград, уезжать не хотелось, юность, проведённая там, вспоминалась...

Сейчас оклемался, начал понемногу работать. Книгу в «Сов. пис.», говорят, сдали в набор. Дай-то бог! Спрашивал о тираже — молчат, мнения тиражной комиссии ждут... Поживём — увидим.

Марии Семёновне наш большой привет.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

18.V.1981
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Очень рад твоему письму и, конечно, огорчён, что ты болел, когда возможно было приехать к нам в Новосибирск. Я как получил известие о возможном твоём приезде, то всё время справлялся всюду, не приехал ли, хотя и понимал, что если бы ты приехал, то позвонить-то обязательно позвонил, и мы бы встретились, как встретились мы с С. П. Залыгиным[51] .

Итак, в июне ты меня извещай, когда приедет к тебе В. Курбатов. Если ничто не задержит, приеду обязательно, вволю наговоримся. Да и В. Курбатов мне интересен, так как он человек исключительно талантливый, если судить только по известным мне его работам.

Относительно редколлегии «Сибирских огней» ты прав: дело не в Никулькове, а в интересах литературы. Меня он под давлением Решетникова[52] тоже пригласил в члены редколлегии, но я отказался, так как работать с Никульковым не смогу. Я не в том возрасте, чтобы заниматься с ним полемикой буквально по всем проблемам его «литературной политики». На расстоянии куда ни шло, но ежедневно это не для меня, тем более, что он и не желал этого и в своё время кричал: «Помогите нам справиться с Яновским»

---

48. *Курбатов В. Я.* (р. 1939), критик, литературовед.
49. В составе редколлегии «Сибирских огней» В. Астафьев был с 1981 (№7) по 1987 (№6) и с 1993 (№1/2) по 1996 (№5/6).
50. *Шишков В.* Дикольче. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1981.
51. *Залыгин С. П.* (1913–2000), главный редактор «Нового мира» (1986–1998).
52. *Решетников Л. В.* (1920–1990), поэт, прозаик, критик.

(на бюро Обкома). В. Распутин тоже был лет пять членом редколлегии, но отказался, потому что рукописей ему не слали, а если присылали, то заведомо журналу ненужные. Со мной, когда я был членом редколлегии при Никулькове, поступали так же, давали читать мне всякую макулатуру, и я написал заявление, что читать её не буду, а только ту, которую они рекомендуют в журнал. Ответ на это был один: меня исключили из членов редколлегии.

Учти эти обстоятельства и читай то, что они — редакция — готовят в печать, иначе и смысла нет быть членом редколлегии.

По поводу письма некоего товарища, письма злобного по тону, ты хорошо сделал, что прислал. Кстати, он знал, мог легко установить адрес редакции журнала и написать письмо не тебе, а мне, автору статьи, коль он меня начал критиковать. Интересно, почему он этого не сделал, не потому ли, что такой прокурорский тон (точнее, хулиганский) в научном споре неуместен? Всё, что я по этому поводу думаю, я посылаю тоже тебе, раз уж так получилось. Извини, что загружаю в сущности ненужной полемикой. Товарищ попросту защищает столыпинскую идейку о процветании Сибири в годы переселенческого бума. Он «забыл», как в 1891–1892 году тысячи переселенцев, доехав до Тюмени, гибли от голода и эпидемий, как гибли они и в неурожайный 1911 год и тоже в изобильной Сибири, «забыл», как в 1908 году в Сибирь переселилось 665 тыс., а правительство было совершенно не готово к тому, чтобы расселить в Сибири такую массу народа, отправляло их на пустые земли, не пригодные для пашни, или без воды, или с водой, не годной для питья. Снова тысячи гибли или попадали в кабалу купцов и других богатеев.

Ну, ладно, бог с ними с такими критиками, они ещё не перевелись и в наше время.

Живу я сейчас одной работой, которой нет конца: готовлю том ЛНС, книгу воспоминаний о Вяч. Шишкове (второе издание). Тем и жив, хотя в последнее время чаще и чаще начинаю прихварывать. Тут уж никаких новостей: возраст!

Если М. С. моё письмо застанет — привет ей большущий, если нет, то я ей в Вологду напишу. А тебя обнимаю. Будь здоров!

Твой Н. Яновский.

Теперь по поводу письма товарища (если судить по тону, то господина), который уличает меня в незнании истории Сибири. Но, увы, суть в том, что он её сам не знает, в том числе и сочинения Ленина, которые он мне предлагает прочесть.

Он (господин уличающий) не желает различать сибиряка-старожила (Сибирь к концу XIX века осваивалась триста лет!) от переселенца конца XIX и начала XX веков. Видно, что он не знает работ Ядринцева по переселенческим вопросам, не читал большого очерка Г. Успенского «Поездка к переселенцам» (1888), не знает статей Ленина по переселенческим проблемам, которые остро волновали передовых людей России с 80-х годов XIX века и до начала войны 1914 года.

Вся переселенческая политика самодержавия, по Ленину, «насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего путаницу в новые земельные отношения…» (Соб. соч., т. 13, с. 388, 4-е изд.).

Крестьянин-старожил в Сибири жил лучше малоземельного крестьянина Центральной России. Что же касается переселенцев из России в начале века, то Ленин в статье «Значение переселенческого дела» приводит такие статистические данные: если в 1906 году обратно вернулось в Россию 6%, то в 1911 году уже 60%. Почему они вернулись? Потому, что не нашли в Сибири то, что искали, — землю и возможности на ней работать. Что такое возврат 60%, если ежегодно переселялось до 500 тыс. населения? Это 300 тыс. крестьян. Разве это не бедствие и не разорение? «В Россию возвращалась беднота, самая несчастная, всё потерявшая и озлобленная», — писал тут же Ленин (Соб. соч., т. 19, с. 47). В другой статье «Переселенческий вопрос» Ленин цитирует речь депутата Войлошникова, который, опираясь на официальные данные, говорил: «В течение трёх лет, 1906, 1907 и 1908 гг. за Урал было переброшено 1 552 439 душ обоего пола, наполовину нищих, завлечённых правительством рекламой в неведомые края, обречённых на произвол судьбы. Из них устроилось, как пишет переселенческое управление, — 564 041 чел., вернулось обратно 284984 душ. Таким образом, известно, по сведениям переселенческого управления, о 849 025 чел., куда же девались остальные? Где же 703 414 чел.? Правительство отлично знает об их горькой участи, но оно об них не скажет; часть из них приписалась к старожильческим деревням, часть пополнила ряды сибирского пролетариата и ходит с протянутой рукой».

Мне, чтобы написать ту фразу, которая подверглась критике, не надо было обращаться к статистике и к работам Ленина. Мой дед приехал в Сибирь самостийно, у него было 6 сыновей и одна дочь. Никто ему земли не дал, первые годы он с оравой детей попросту побирался — «ходил с протянутой рукой», их прозвали в Камне «кусочниками». Старшему сыну было лет десять, второму сыну Николаю (моему отцу) было восемь, третьему Якову было семь лет, всех их дед отдал в батраки, то есть продал на полгода, и все они (плюс те, что подрастали) батрачили лет десять (мой отец до 18 лет), потом он пошёл в «шпану», то есть в грузчики на пароходы Фуксмана. Зимой он был скотником в богатых семействах, в 21 год женился

и заработал на лошадь, стал ломовщиком, а когда пошли дети, стал арендовать три десятины земли (ни деду, ни ему, никому из шестерых дядей земли никто не давал), следовательно, они относились к числу тех 703 414 человек, о которых говорил Войлошников и на которого опирался Ленин. По цитатам из книг в Сибири жизнь крестьянина ах как хороша, а вот мы с отцом бедствовали, до 1924 года арендовали землю — пять десятин, потому что семья у нас увеличилась, в 1925 году мы получили свою — тоже пять десятин, которые нас с грехом пополам кормили, потому что засуха поражала раза три в пять лет. Дед по матери тоже не имел земли, и мать моя с десяти лет работала «кухаркой», сначала у местного аптекаря, потом у попа, это продолжалось семь лет, потому что в 17 лет она вышла замуж. Дедушка говорил: приехали мы на вольные земли, а тут их нам никто не приготовил и обнаружился у меня «талан», плотничать, столярничать начал, прокормились, а то бы погибель, и ехать обратно не на что… У него был ещё один «талан»: сказочника… Уже в институте, изучая фольклор, я обнаружил, что добрую половину сказок из собрания Афанасьева я знал, и первая моя студенческая работа была по фольклору.

Вот ещё немного статистики, взятой у Ленина же.

В начале века у переселенцев было в наличии: одна рабочая скотина у 12%, ни одной лошади — у 10%, ни одной коровы — у 15%. Если в те годы переселялось даже не более 150 тыс. населения, то это означает, что почти у сорока тысяч не было возможности индивидуально поднять хозяйство. Критикующий товарищ не случайно упомянул Столыпина, потому что этот «обер-вешатель», по определению Ленина, тоже хвастался, что «переселенцы богатеют, улучшают своё хозяйство». Ленин, обличая это хвастовство, писал: «А данные о числе обратных переселенцев, — данные, столь предусмотрительно обойдённые г-ном министром… показывают нам чудовищное увеличение числа обратных, до 30 и 40 процентов в 1910 году и до 60 процентов в 1911 году». Если учесть, что в 1910 году переселилось в Сибирь 316 тыс., а в 1911 — 183 тыс., то вернулось за эти два года 300 тыс., а сколько тысяч погибло на дорогах и не могло вернуться! Не могло вернуться из-за нищенского состояния и в большинстве своём пополняло ряды сельского пролетариата, т. е. батраков. Пусть этот товарищ почитает газеты того времени, почитает произведения Ядринцева, Наумова, Г. Успенского или того же чиновника по переселенческим делам Комарова, который прослужил 27 лет и добровольно оставил эту службу, потому что он, пишет Ленин, анализируя его работу, «не вынес того, что переселенческая политика наша означает полный разгром того, что именуется рациональным лесным хозяйством. Он не вынес такого государственного расхищения, вернее, разгрома сибирских земель и лесов…». Таково реальное положение дел в Сибири тех лет, о которых я лишь упомянул. Что же касается заявления Столыпина о «вывозе сибирского масла», каковое «имеет не только местное значение», то я могу добавить, что наше барабинское масло шло на экспорт и почиталось за рубежом лучшим маслом в мире. Суть в том, что производством масла занимался не тот крестьянин, который имел одну корову. Во-первых, тот, кто имел стадо, хотя бы в 10 коров, у которого мой отец плюс тысячи, как мой отец, работали скотниками; во-вторых, перекупщики молока, имевшие средства на обзаведение маслодельческим оборудованием, у которых мой отец, и тысячи, как он, тоже работали, занимаясь извозом…

Товарищ, критикующий меня, начитался книг, в которых говорилось, как росло хозяйство Сибири, как Сибирь богатела. Он только забыл, что богатство это распределялось крайне неравномерно. У нас в Камне действовал купец Винокуров, он забрал в свои руки всю хлебную торговлю в крае. Чем больше хлеба производила Сибирь Алтайского края, тем больше он богател. А вот мой отец работал у него, но, сколько он ни работал, больше одной лошади и одной коровы заработать не смог. Почему бы это? Пусть этот умный товарищ подумает на досуге, прежде чем заниматься такой критикой.

………………………………………

(отв. 24.VII.81)
7.V.81

Дорогой Николай Николаевич!
Огромное спасибо за Вяч. Шишкова. Всё это очень интересно, достойно. Хотелось бы начать разговор о сатире 20-х гг. Добыл Эренбурга, в частности, его высказывание о судьбе сатирика (т. 2, Собр. соч., стр. 170–171 — «Смеяться легко, говорят они, легко описывать тёмные стороны современности. Но вы не видите всего величия нового класса. Поэтому вас не следует печатать. Это растление душ и недопустимое расходование бумаги…»). Буду рад, если пригодится.

Разумеется, я получил т. 4. Спасибо большое, и надеюсь в будущем на 6. Хорошо, что дело движется. Жаль, конечно, что не добрались до Питера. На днях я прибыл в (нрзб) и теперь в полном одиночестве.

Вчера был в (нрзб), говорил со славным таким талантливым Абрамовым[53], по секрету от которого я послал статью в «Сиб. огни». Вл. Николаевич сказал, что в начале июня они решат. Но я немного ещё подожду и пошлю ещё куда-нибудь или

53. Возможно, *Абрамов Ф. А.* (1920–1983), прозаик.

в «Неву». Впрочем, может быть, сие обозначает авторское нетерпение.

Мои все на даче, Л. А. разрывается между (нрзб) и экзаменами, а я в городе, будем живы, махнём в Коктебель, там будет и Алёша (нрзб). Так что Вам (нрзб) и сам бог велел. На днях спросил у Холопова о «Царь-рыбе», хотя там цикл будет всё-таки сказать обязательно и в целом об Астафьеве. Но это уже придётся делать тотчас же, в июне. Ведь надо не позже января-февраля делать. После разговора пошло (весьма положительного) (нрзб).

Вспоминаю о Вас с нежностью. Приятно знать, что несмотря ни на что (нрзб), Ваша статья о Шишкове—тому доказательство. Учтите, пожалуйста, в дальнейшем, что, например, писал о «Роковых яйцах» Л. Ершов в своей книге о сатире 20-х гг. Черниченко, хваля меня, написал, что я верно говорил о тенденциях в литературе—булгаринско-софроновской и радищевско-овечкинской. В критике нашей всё это (нрзб) отчётливо. Поэтому мне там дорого всё, что Вы говорите об Астафьеве, Распутине, Залыгине, Л. Иванове, Л. Сейфуллиной, Н. Ядринцеве. Мысленно часто беседую с Вами.

Большой привет Фаине Васильевне, перед которой виноват—забил её своими разговорами. От Ларисы Алек. Привет. Всего доброго.

Пишите—Ваш Астафьев.

12.X.1981
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Мы только что получили твою книгу и книгу М. С. Спасибо, наши дорогие друзья, за внимание и память.

Оказывается, «Падение листа» вошло в этот том—превосходно! А у меня это «место» благополучно выбросили под девизом: «Неубедительно!». До начальства добраться в «Сов(етском). пис(ател)е» мудрёно, и кто писал «на полях», тоже не дознался, редактор же сказала: «Это общее мнение». Господи! Решил специально написать статью о «Затесях» и опубликовать в своей книге («Коммунист» называть не буду—просто изложу «своё мнение»). Чёрт с ними! Стена непробиваемая.

С удовольствием посылаю Вам книгу А. Новосёлова «Беловодье»[54]. Я бился с нею больше 15 лет. Господин Коптелов[55] написал, что сие есть «реакционное произведение» и не допустил печатать в Зап. Сиб. изд-ве. Послали в Институт мировой литературы, те вообще ничего не ответили, хотя рукопись держали три года. Омский обком на запрос ответил: Новосёлов реакционный политический деятель 1917–1918 гг. и никакой не писатель, раздутая «величина» и т. п. Так и длилось много лет, и вот—такая книга! Представляете мою радость, мою победу… Почитайте «Беловодье» и «Мирская»—это превосходно, мы, сибиряки, можем гордиться такими писателями.

Приезжайте к нам—будем рады. Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

16 октября 1981 г.

Дорогой Николай Николаевич!
Крутит и вертит меня жизнёнка, даже «вольное» письмо написать недосуг, всё какие-то обязанности и обязательства.

Лето прошло в хлопотах и устройстве. Когда приезжал Валя Курбатов, я не вызвал вас потому, что полный развал был на дворе, начали строить гараж, дровяник, забор городили, и делалось это всё лето.

Лишь в сентябре, по приглашению (нрзб), мы с М. С. съездили на Клинскую ярмарку, а после, во главе с Залыгиным и хорошей бригадой писателей, проследовали в Петрозаводск, Мурманск, где занимались лит. обсуждениями, выступлениями и т. д. и т. п., а потом залетели в Вологду, навестили детей и внуков. Домой вернулись первого октября, и вот полмесяца уже разгребаем почту и хоз. дела—расплата за удовольствия, полученные в путешествии.

Несмотря на суету, я подготовил и сдал книгу «Затесей», вместе со старыми их теперь набралось сотня с лишним. Я их разбил на шесть тетрадок, и книга получилась любопытная, но повозиться пришлось крепко. Из такой (нрзб) не так просто было делать книгу.

К концу идёт и «Зрячий посох», осталось написать два кусочка, до которых я никак не доберусь. За роман мечтаю уж засесть глухой зимой, а пока очень заболели ноги, суставы. Не могу в обуви жёсткой и ходить. Быть может, придётся ехать на курорт, а я был на ём последний раз в 67-м году, и писать меня на него не тянет.

В ноябре, если ничего не стрясётся, поеду с делегацией писателей в Австрию. Охота мне посмотреть моцартовские и штраусовские места, с детства, с «Большого вальса» охота, авось и утешу блажь свою.

У М. С. вышла в Кр(аснояр)-ске книжка, напечатали её повестушку в №8 «Москвы», а у меня в 12-м номере «Дружбы народов» идёт цикл «Затесей», одна из которых написана была вчерне в Новосибирске во время работы над «Кражей». Вот и все новости.

С наступающим тебя и Ф. В. праздником!
Обнимаю. Виктор.

54. *Новосёлов А.* Беловодье: повести, рассказы, очерки.—Иркутск, 1981.

55. *Коптелов А. Л.* (1903–1990), прозаик, очеркист, публицист.

4.XI.1981
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Вчера отправил вёрстки своей книги в «Сов. писатель», удивили меня только, что художник, оформляющий книгу, другой, и я боюсь, что она не будет иллюстрирована, как предполагалось.

Письмо я Ваше получил, очень был рад отклику, но из него я не понял, получили ли Вы книгу А. Новосёлова, которую я послал 13 октября. Было бы жаль её потерять. Книга получилась хорошая и издана со вкусом. Она из числа тех, которыми я как составитель горжусь.

Книгу М. С. и том IV твой мы получили. Радует меня раздел «Затесей» — в нём и «Падение листа», и «Паруня», и многое — лучшее в этом цикле.

Поздравляю Вас с зимним праздником. Наступила пора лыж, чему я очень рад — у нас выпал снег, хотя и неустойчивый пока. Думаю, что 8–10. XI уже можно будет отправляться в лес — в это время он по-особенному приятен.

Марии Семёновне наш поклон.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

(отв. 2.XII.81)

Дорогой Николай Николаевич!
Новосёлова я покупал, но ещё не листал, не читал, к сожалению, ещё и (нрзб), поглядываю на хорошие книги, как волк голодный, а читаю всё текучку, да начитываю литературу о войне — для романа. Прочёл вот в переводе, в рукописи, роман американца Трамбо «Джонни получает винтовку» и обалдел. Такого проклятия войне нет сильнее в литературе. Роман написан в 39-м году, известен во всём мире и экранизирован. Казалось бы, нам бы и напечатать его. Ан нет! Трамбо проклинает все войны, всё оружие, всех безумных людей, «охотно жертвующих жизнями других» (его доподлинные слова!, а мы как бы и за мир, но за мир как выгодный и потому наш «бронепоезд всё стоит на запасном пути»…

Прочёл записки Гудериана — занятное и тяжёлое чтение, много мне прояснившее в цене войны. Читаю сейчас записки одного нашего художника, бывшего на войне связником, читаю роман Елегечева о протопопе Аввакуме «Зима»[56] для «Сиб. огней» и начинаю понимать, почему его выселил Колыхалов из Томска[57] — просто Елегечев талантливей и умней его, а как это терпеть сов. писателю, да ещё и (нрзб) наполовину?!

В №12 «Дружбы народов» посмотри мои новые «Затеси» и обязательно прочти в №10 «Искусство кино» сценарий «Не убий», ибо в кино от него могут остаться роман да (нрзб). На первый случай название уже (нрзб).

Поклон Ф. В. Обнимаю — Виктор.

2.XII.1981
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Получил твоё письмо и обрадовался — во-первых, ты работаешь: и над романом думаешь (вокруг литературу читаешь) и печатаешься — всё это я буду читать непременно (в «Дружбе народов», в «Искусстве кино»). Нам в нашем возрасте нельзя быть спокойными, неработающими. Активное воздействие на умы — наша стихия, поступаться не должны. Я радуюсь, что у тебя такой боевой заряд.

Приятно мне, что ты Новосёлова и «Дикольче» Шишкова поставил на полку желанных книг. В. Распутин писал мне, что я познакомил его с такой «высокой» литературой, Ф. Абрамов, почитав «Беловодье», называет повесть классикой, С. Залыгин вчера позвонил мне и сказал, что я совершил «подвиг», открыв Новосёлова во всём его объёме. Мне, конечно, лестно это слышать, но ведь «виновники» мои существовали до меня, действовали, страдали, выражали самих себя, я лишь внимательный читатель их свершений — не больше того.

Относительно Елегечева я согласен с вами. У меня с ним установились хорошие отношения, он собирался широко поставить архивное дело в Томске, что касалось литературы, а потом «пришёл» Колыхалов и всё это заглохло. Увы, в «Сиб. огнях» его, Елегечева, тоже не жаловали, а некоторые повести прошли мимо журнала, о чём я очень жалел. Если сейчас что-то появится — буду только рад. Когда он уехал из Томска, я считал это потерей для Сибири.

В. Распутин пишет, что если я надумаю ехать в Красноярск, он охотно присоединится — это в ответ на мою просьбу, где мы смогли бы повстречаться. Но сейчас у меня намечается поездка в Томск. И вот как только монография «Виктор Астафьев» появится в «Сов. писателе», я забираю энное количество экз. и еду в Красноярск… Но Господи! Когда это будет?!

Марии Семёновне наш общий с Ф. В. привет.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

(отв. 31.XII.81)

Дорогой Николай Николаевич!
Всё я получил, и «Новосёлова» тоже. За всё спасибо большое. А я тут, ободрённый хорошей, сухой погодой, какую втихую искал работать,

56. *Елегечев И. З.* (1927–2011), прозаик. Роман «Зима» (Воронеж, 1984).

57. *Колыхалов Вл. А.* (1934–2009), прозаик.

за полчаса накатал черновик новой небольшой повести (написал рассказ).

Валя Распутин тоже начал работать, напечатал в «Сибири» рассказ, говорит, очень хороший, и пока не кончился запал, стремится в деревню ещё пожить. Вот этому я рад, наверное, больше, чем своему творческому воскресению. От Вали ещё много и много надо ждать. Дал бы бог ему здоровья!

Я подумал, а зачем тебе искать журнал, когда мне их прислали? И решил послать тебе на память, тем более что кино — это ох как длинно.

Как Валя испишется, устанет, так и приезжайте. Вплоть до марта я надеюсь быть дома — в марте пригласили в Академгородок ваш, давно, говорят, не виделись.

М. С. поездила в Москву и Вологду, послезавтра возвращается.

Вот пока и всё. Поклон Фаине Васильевне. Обоих с Новым годом! Не хворать ни зимой, ни летом.

Кланяюсь, обнимаю, целую —

Ваш Виктор.
21 декабря 1981 г.

29.XII.1981
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Только что получил журнал «Искусство кино» и не утерпел, чтобы сразу же не прочитать сценарий «Не убий». Впечатление огромное. Читал залпом, не отрываясь, да и не мог оторваться до того, как увидел Андрюшу — Андрея Булыгина в музее. Такой финал не ожидал, он и верен и кинематографичен. Однако же такой сценарий чрезвычайно труден для режиссёра, я не представляю, как его, фильм, делать — ведь в нём, словно бы совсем-совсем, мало действий, а если они есть, то носят внешне однообразный характер. Следовательно, вся суть во внутреннем переживании, нужен актёр для роли Андрея редкостной силы, без этого не произойдёт столкновения характеров и мировоззрений Андрей Булыгин — Хорст Бёггер. Ну и задачку Вы задали отважному режиссёру! А главное — ужас войны и не в символах, а в реальных столкновениях живых людей; вся трагедия в том, что Хорст тоже человек, хорошо, что свою нечеловеческую «работу» он делает под нажимом… Словом, тут есть что играть и есть над чем задуматься…

Поздравляю с удачей!

Рассказ В. Распутина не читал. Кажется, он входит в его книгу, которая должна появиться в «Молодой гвардии», в ней одни рассказы и три новых. Тоже очень рад за него.

Новый год встречает не очень весело, хотя бы потому, что обещает разные трудности да много их, трудностей переносится на Новый год, увы.

Секретариат «отчитал» «Наш современник» за №11. Жаль В. Крупина[58], который высказал немало здравых мыслей, но их квалифицировали как «Брюзжание при отсутствии авторской позиции…». О брюзжании можно поспорить, а позиция у автора ясная: нетерпим он к нашим крупным и мелким недостаткам. Это-то, видимо, и задело кое-кого…

Обратил я внимание и на то, что Вас нет в составе редколлегии, давно обратил, а спросить, в чём дело, не успел. Иль не угодили кому?

Ф. В. и я шлём М. С. и Вам большой привет и поздравляем с Новым годом. Здоровья Вам!

Обнимаю.
Ваш Н. Яновский

3.III.1982
Речкуновка

Дорогой Виктор Петрович!
Пишу тебе из санатория «Речкуновка». Это в 50 минутах езды от Новосибирска. Санаторий сердечный, и я здесь хорошо подлечиваюсь (уже третий раз за последние годы). Всякого рода «процедуры», свежий воздух (в десять раз лучше, чем в городе), лыжи почти ежедневно; потому и самочувствие лучше.

Но и здесь меня разыскали (никому я адреса не давал, знал лишь наш Союз), прислали из «Сов. писателя», просят срочно им позвонить.

Так вот выяснилось, что Лито держало мою книгу целый месяц (даже типография возмутилась — у них «горел» план) и потребовали убрать кое-какие цитаты из твоих высказываний и просто цитаты из художественных произведений, сняли какую-то полемику (я не разобрал, какую), словом, закрестили красным карандашом несколько страниц; и об этом мне сообщили, очевидно, для того, чтоб я потом не запротестовал и не обвинил редакцию в самоуправстве.

Итак, да здравствует «свободное слово»!

Мне это слегка потрепало нервишки, но теперь я успокоился (тоже слегка).

Здесь я понемногу работаю, как всегда в таких случаях, иначе со скуки подохнешь, да сроки по договорам поджимают. 10 марта наше житьё-бытьё в Речкуновке закончится.

Поздравляем Марию Семёновну с днём 8-го марта. Желаем ей с Ф. В. радостей и доброго здоровья.

Как идут дела у тебя? Что с романом? Как здоровье?

Время идёт неостановимо, и всё проходит…

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

58. *Крупин В. Н.* (р. 1941), прозаик.

4.V.1982
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Только что вернулся из Новокузнецка, где провели мы праздничные дни у дочери, и теперь сижу в канун дня Победы и думаю о пережитом. Как, в сущности, коротка жизнь и как мало в ней подлинных радостей! День Победы не просто одна из таких радостей, день этот исключительный и незабываемый — вот и пишу тебе поздравление, что не более в моих «писаниях», как бледная копия того, что тогда пережито.

Поздравляю, поздравляю!

Хотя давно уже этот день связан с нашей болью, не всё и вспоминать хочется, но и не вспоминать нельзя.

Я только что посмотрел кино «Звездопад» (отсюда лирика, мне несвойственная, я давно стал сухарём). Вспомнил я повесть, как впервые прочитал, как потом о ней думал, что-то писал… Так вот, просмотрев фильм, убедился, что режиссёр убоялся сосредоточиться на одной повести, создал побочные, по его мнению, «действенные» сцены и упустил показать поэзию первой любви в чрезвычайных условиях, которые привели героев к проклятию войны, со всей силой ненависти к ней. В страданиях юных оказалась больше всего повинной «расчётливая» мать девушки. Многие детали фильма не работают на главное в нём (например, растянутая игра детей в папы-мамы). Вообще, от сцены к сцене у меня нарастал протест, и вышел я разочарованным.

Да, понимаю: у режиссёра свой взгляд, другие средства прочтения повести, но снижать её пафос у него права не было. Есть удачные сцены и удачные исполнители, но изменить «волю» постановщика они не смогли.

Я хотел с тобой о многом поговорить, но повёл себя бог знает как, просто ужасно, и простить это себе не могу.

В «Енисее», кажется, появилась моя статья о «Царь-рыбе» — вот где-то (?), ничего не сообщают…

Ещё раз поздравляю тебя и Марию Семёновну и обнимаю Вас.

Ваш Н. Яновский.

(отв. 10 (16?).VII.82)
6 июня 1982 г.
село Овсянка

Дорогой Николай Николаевич!
Из древнего города Порхова одна бродячая артистка с радостью сообщила мне (она читала тамошнему просвещённому народу «Сон о белых горах», и они заплакали), что купила книжку Н. Яновского об Астафьеве.

Я, конечно, ясно понимаю, что Новосибирску и Красноярску до Порхова далеко, (нрзб) так ретиво бороться за культуру, да ещё за какую-то Вы-со-кую (очевидно, подразумевается и широкая ещё?!), что уж до самой культуры руки не доходят, и вообще, «чё это тако?», многие совершенно не понимают, обладев от парадов, тронных речей, приёмов и видов «на будущие достижения» в области «духовной жизни».

У нас новый начальник отдела культуры Крайисполкома уже несколько месяцев на посту и не соизволил познакомиться с писательской организацией, пошёл третий год, как я на Родине, и со мной тоже никто не поговорил, а знакомились иные руководители идеологии в коридорах, мимоходом. Мне-то насрать, меньше трезвому и вони, но каковы культуртрегеры? Или по-русски — мудаки от культуры. Этакий пузатенький, шустрый советский мещанин при галстуке и волосиках, мельтешит, шумит, на телефонные кнопки нажимает, и кажется ему, что мы с его помощью берём одну культ. вершину за другой.

А книжки вот в магазинах нет. Наверное, и у тебя ещё нет?

А у меня вышло подряд три книжки: в Ленинграде «Последний поклон» с тремя рассказами; приложением к «Дружбе народов» — «Последний поклон», и «Царь-рыба» в «Современнике» открыла новую «библиотеку Нечерноземья». «Рыба», кстати, издана хорошо, а прислали книгу пока лишь ленинградцы, и они же мне подсказали, что с меня, как с инвалида войны, не должны брать налог подоходный.

Во порядки! Никто до этого не подсказал такую вещь, и я же лопух ничего этого не знаю, и сколько ж с меня содрали грошей?! А ведь переиздания мои потом уже не приносили доходу, а новые вещи идут туго. Книга «Затесей», слышал я, слетала уже в Крайком из цензуры, на перестраховку, и едва ли её там полюбят, уж очень она не в пику с продовольственной программой и прочими речами.

А и бог с ней! Последние месяцы зимы, весну и начало лета я вкалывал, как кузнец. Сделал второй заход на свой маленький роман, уже есть каркас и получились отдельные куски, остальные до осени. Написал шесть статей подряд разного размера, одну о Косте Воробьёве[59], покойнике, страшную и сердитую. Очень уж меня разозлила вся эта критическая болтовня об абвиволентной (так!) литературе и прочей вумной херне, нужной лишь для того, чтоб себя показать — не зря, мол, учились грамоте, а главное, уйти от злободневных и тяжёлых вопросов действительности, от судьбы

59. *Воробьёв К. Д.* (1919–1975), прозаик.

отдельного писателя, от его горестей, нужд, безысходности в мутное пространство очень мутной нашей и путаной теории. Вот я и попытался на конкретной, трагической судьбе прекрасного писателя приостановить этот критический благовест и послал статью в «Литературную газету», а повод к написанию был тот, что я прочёл Костину книгу в Красноярске и делал к ней предисловие, но разошёлся и написал 25 страниц, аж бумага дымилась.

Из двадцати пяти сделал 20 на предисловие, а целиком статью попробую всё же напечатать[60]. Может тебе её прислать в рукописи?

Мы ездили в тайгу, по «черкасовским местам», на реку Амыл и видели сёла, одно село настоящее, сибирское, с ухоженными домами, лошадьми, степенным трудовым народом, который оставил всё лучшее от старого и взял всё лучшее от нового — прекрасно и дружно живут люди, опрятные, мастеровые, трезвые. Душа пела и радовалась! Устал я на Нечерноземье видеть русское кладбище из деревень, городишек и посёлков, устал глядеть на подавленных людей, на завшивленную зелень, (нрзб) земную пустыню, которую начали подрядно отдавать «младшим братьям» для окончательного надругательства над русской нацией.

Был дом и поле на два дышла,
Там ни двора и ни кола.
России нет, Россия вышла,
И не звонят колокола.
О ней ни слуху и ни духу,
Печаль никто не сторожит.
Россия глушит бормотуху
И кверху задницей лежит.
И мы уходим с ней навеки,
Не уяснив свою вину,
А в Новгородчине — узбеки
Уже корчуют целину.

Вот какие стихи написал герой соц. труда Миша Дудин![61] И его проняло! А ведь благополучный внешне и обласканный партией человек. Его подборка стихов в 1-м номере «Дружбы народов» — это вообще самое серьёзное из того, что я читал последнее время в нашей поэзии.

Был у меня крытик-эстет Курбатов дней десять. Многое мы с ним переговорили (ему Красноярское издательство заказало книгу к моему шестидесятилетию), так и он подбросил мне любопытный стишок Николая Шатрова, воспитанника писателя Софроницкого, кончившего дни от пьянства и заброшенности в расцвете лет:

Плюну в морду поганому кенту,
Не слюною, а сгустком огня:
Полюбуйся, какой я богемный —
Сколько крови моей у меня!
Что ты, Родина, делаешь с нами —
Лучшим цветом твоих сыновей?..
…Кумачовое плещется знамя
Палачовой (?) рубахи твоей.

Вот такое «Лит. наследство» скапливается в столах «благодарных» современников! И всё это под благодушное гудение трибун, под выездные праздники культуры. Мне за весну и лето пришло семь или восемь приглашений на разного рода «мероприятия», стоящие огромных денег, а (нрзб) навсегда в больнице свою деревенскую соседку, она с больными ночами ходит босиком — потеряли в пути тапочки, а в больнице их нет.

Собирался с М. С. на Нижнюю Тунгуску лететь. Выбрали меня депутатом Крайсовета — завтра первая сессия, после неё и полетим. Книжки штуки три пришли, едва ли я их тут куплю.

Поклон Фаине Васильевне от меня и Марьи Семёновны. У неё помер брат, она (нрзб) плохо перенесла, но сейчас работает вовсю и такие славные главы пишет в повесть «Отец».

Обнимаю, целую —
Твой Вик. Петров.

---

16 (10).VII.1982
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Я получил твоё письмо и посылаю три книги, которые я только вчера получил. Чёрт знает что, я заказал здесь 100 экз., город в июне получил только 130 экз., а книготорг «мудро» распорядился, разверстав эти экз. по всем магазинам города, а мне выделил только 30 экз., из которых в последний момент «умыкнул» ещё 4 экз. Когда я возмутился и позвонил в облкниготорг, то мне ответили, что они не могут оставить магазины без книги. Ужас! Но вам не стыдно заставлять меня бегать по городу и скупать книгу?! — спросил я — вы ведь всё равно получили бы те деньги, которые получите с покупателей в любом месте. Дубы молчат — у них «высшая политика», они, видимо, полагают, что автор начнёт спекулировать своей книгой, потому что недоумевают, зачем их мне столько. Мне с трудом удалось вырвать 50 экз. книги Вяч. Шишкова «Дикольче», составленную мною. Так и спросили: «Зачем вам столько?» — «Торговать», — ответил я. Теперь отправил заказ в Москву, в книжную лавку писателей, но боюсь, что опоздал, понадеявшись на местных торгашей. Это ещё один показательный штрих в «развитии» нашей культуры, о которой ты мне написал.

---

60. *Астафьев В.* «И все цветы живые». О Константине Воробьёве (1983) // Собрание сочинений: в 15 т. — Красноярск: Офсет, 1998. — Т. 12.

61. *Дудин М. А.* (1916–1993), поэт.

«Сов. писатель» издал мною составленные «Воспоминания о В. Шишкове», и из положенных составителю 5 экз. не выслал ни одного.

Сейчас тоже молчат, хотя один из числа «сигналов» положено было прислать мне. Я впервые увидел свою книгу, когда одна из читательниц в Ростове-на-Дону прислала мне её с просьбой подписать, потому что она давно любит Астафьева, а я «прекрасно» о нём написал, да и вообще «сибиряки хорошо пишут». Вот такой первый отзыв я получил именно от читателя, а не от профессионала-литератора, судя по не очень грамотному письму. Тут, конечно, заслуга не моя, а твоя — свет твоей популярности теперь падает и на меня. Но что скажет наша критика, если она заметит эту книгу?

Чрезвычайно рад, что вплотную сидишь над романом — для меня такое известие праздник. Расслабляться ни при каких случаях, видимо, нельзя, надо упорно идти по избранному пути. Если есть лишний полный текст статьи о К. Воробьёве, пришли. Я мало сказал в книге о «Затесях» (анализ с «падением листа» попросту выбросили) и ничего не написал о сборнике твоих статей. Хочу к этому обязательно вернуться.

Лето у меня проходит в трудах, так сказать. Готовлю на 1984 год свою книгу (юбилейную, к 70-летию — сейчас не сдашь, книга к сроку не выйдет), а в 1983 году должен выйти том ЛНС, который всё ещё у меня на столе, заканчиваю вступительную статью, увяз в сложнейших комментариях к событиям столетней давности. Эти две книги, каждая из которых 500–600 стр., моя первая забота, и в августе я должен их сдать. Потому-то я сейчас и не могу сдвинуться с места, а так хотелось бы!

Стихи М. Дудина и Н. Шатрова читал с грустным удовольствием; спасибо за них. От Дудина я такого, право, не ожидал.

Ф. В. Марии Семёновне и тебе шлёт привет. Марии Семёновне мой поклон.

Тебя обнимаю и желаю здоровья.
Твой Н. Яновский.

Дорогой Николай Николаевич!

Ну, вот и первая ласточка на твою книгу. Я убеждал Николаеву, что надо давать портрет автора, а не мой, но она как-то очень своеобразно и по-своему понимает лит.дело, по которому выходит, что это я о себе написал и в своей типографии, за свой счёт издал книгу. Словом, как граф Хвостов[62].

Мои летние дела было начались хорошо, да вот кончились плохо. Когда был на Осиповских порогах, много бродил с удочкой в воде, мой старый (нрзб) — ревматизм очнулся, и я несколько ночей не спал вообще.

Пришлось уехать из Овсянки, начинать лечиться, а в городе-то я себя чувствую потерянно и тоскую по Овсянке, которую моя Марья Семёновна не любит и, если возможно, (нрзб) задерживает меня в городе. Вообще, в ней со временем укрепилась эта привычка, чтобы всё было по её, и я, чтобы не травмировать её, человека больного и пожилого уже, уступаю и лишь иногда употребляю силу мужскую — сколько этой моей силы ушло на то, чтобы поехать учиться на лит. курсы или переехать в Сибирь! Кабы не сопротивление М. С. молчаливое, либо говорливо-наступательное, давно бы я жил на Родине…

Ну, да что об этом говорить! Не расходиться же было из-за таких «мелочей», хотя люди более склочные и решительные, может, и разошлись бы.

Да и человек-то она очень хороший, но привыкший управлять и направлять, вести дом, семью — это тяжёлые обязанности в наше время, и при исполнении их она сильно износилась. Страшно не любит, чтоб я куда-то ходил или ездил, всегда чтоб на глазах был, каждый шаг мой под заботливым контролем. «Забота» эта не имеет границ, и где навязчивость, где настырность, где унижение второй половины, уже часто и не различишь, а чтобы не тратить нервы попусту, и уступишь…

Ну, да что это меня повело на такую «тему»? Тут и «цены-то» нет, а есть моё расп…ство мужское, достойное всяческого презрения.

Николай Николаевич — голубь мой! Безмерно, братски любимый! Кончай пить! То есть совсем не бросай, но если хочешь выйти из круга пьянства — выдь! Возраст твой, жизнь твоя уже не приличествуют винопитию. Работяги, сплошь запивающиеся, глотают зелье от пустоты жизни, безделья, побуждений к «весёлому» времяпровождению и просто от гибельной наследственности и привычки нашего народа к зелью этому, клятому. Век твой уже близится к концу — уважь свою старость и поработай ещё, а меж работой и повеселись. Совсем не выпивать — это уж совсем «пролить жизнь», и я против такого «приличия», сам горазд выпить от «восторга чувств», но не глухое пьянство, не система, не до одуренья и болезней…

Не спрашивай, где узнал, что ты пьёшь крепко, не сердись, не взыскуй, а опохмелись — и за стол, за письменный! Садись, обещай мне это, иначе я буду очень и очень расстроен, да и сам хочу и люблю выпить, но потом, потом, и чтоб силы твои для этого сохранились.

Спасибо Фаине Васильевне за письмо — переводчица Шарлотта Кошут уже не первую мою книгу переводит, её муж тут главный редактор и директор издательства «Фонд ди Вельт» (или что-то в этом звучании) и, конечно же, работу

62. *Хвостов Д. И.* (1757–1835), поэт, ставший именем нарицательным для бездарности, графомании в литературе.

ей даёт. Я бывал у них в гостях — очень респектабельные и богатейшие немцы, хитрые к тому же.

Кланяюсь, обнимаю и целую тебя —

Твой Виктор.
13 августа 1982 г.

16.XI.1982
Пицунда

Дорогой Виктор Петрович!
Перед отъездом в Москву, а потом через недельку в Пицунду, в Дом творчества, я получил твоё письмо и рецензию на мою книгу. Твоё письмо меня взволновало, и я как-то не нашёлся сразу, что на него ответить. Моё отношение к тебе давно и искренно, прочно выражено во всём, что я делал до сих пор со дня, как мы повстречались и поняли друг друга.

О книге я получаю хорошие отзывы, что будет ещё в печати, — не знаю, как не знаю, будет ли вообще, но ругатели всегда найдутся, как это сделала Г. Белая в закрытой рецензии. Хорошо, что «Сов. писатель» к ней не прислушался, она и для меня оказалась совсем бесполезной, хотя и «недостатки» были перечислены по пунктам.

В Москве я занимался Потаниным, и на обратном пути буду заниматься им. Узнал, кстати, и о том, что книга о Шишкове подписана к печати на 1983 год (изд-во «Художественная литература»). Дай-то бог, я с нею давно вожусь и мечтаю увидеть реальной книгой к 110-летию со дня рождения Вяч. Яковлевича.

В Пицунде работал над книгой о Леониде Иванове (для Омского изд-ва на 1984 год), кажется, закончил, потому что у меня о нём было немало написано, получилось теперь листов пять. Писать о нём — публицисте — трудно, но интересно, т. к. он знающий человек, любящий своё дело и правдив, как речь заходит о наших недостатках в с/х-ой политике.

Написал здесь ещё предисловие к новой книге Н. Самохина[63]. Обрати внимание на этого человека, на его автобиографическую, лирическую прозу последнего времени, он настоящий писатель, и предисловие к его книге писать было радостно.

Перечисляю тебе всё это для того, чтоб ты не подумал, что я всё в себе «заложил за воротник». Это чепуха и гиль. Впереди немало разных «заделок», которые мечтаю осуществить, пока есть силы и здоровье. Живу я не заказами, давно уже сам «навязываю» темы издательствам и печатным органам. А верен Сибири, сибирским томам. Отъезжая, сдал в Зап.-Сиб. изд-во новую книгу свою листов на 20 (где половина действительно новая и назвал её «Верность»[64]. Кстати, в ней будет о «Затесях», где я использую анализ рассказа «Падение листа», выброшенного «Сов. писателем», разумеется, из-за полемики с «Коммунистом». Теперь я упоминание о «Коммунисте» убрал, но суть анализа подчеркнул — не надо дразнить гусей, видимо. Все читавшие и читающие разберутся что к чему.

Стихи из твоего письма я запомнил и повторяю, когда почему-либо мне становится невыносимо. Для ради созвучия с создавшимся настроением, и странно — успокаиваюсь, потому что думаю так не я один — и ты, и автор этих стихов, и многие другие: значит, жива ещё Русь…

Здесь с Ф. В. мы купаемся, гуляем, сколь возможно, набираемся сил в преддверии зимы. Мы шлём Марии Семёновне и тебе привет и добрые пожелания здоровья.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

(отв. 12.XII.82)

Дорогой Николай Николаевич!
С великим трудом и осложнениями вышли «Затеси»[65]. Уж давно надо бы отправить тебе, но жизнёнка так крутит, что и на письмо времени нет. Марья Семёновна отсутствует — заболела дочь, тяжело, и она уехала в Вологду, а затем в Ленинград, где дочь лежала в клинике. Сейчас они все вернулись в Вологду до января, а я 1-го лечу в Москву, на пленум, потом к ним и там уж смотреть и решать будем, как и где жить дальше дочери с детьми.

Работал пока ещё мало, хотя осень моё время. Закончил, правда, «Зрячий посох», но всё ворую у дел «необходимых» и людей настырных. «Посох» повезу с собой, но едва ли кто возьмётся напечатать его целиком. Летом удалось поездить маленько по краю. Осенью, с ружьецом три дня побыл на Мане. Три незабвенных дня! В остальное время дома безвыходно и бесполезно. Всё какие-то дурацкие дела и обязанности перед всеми. Ах, как я не умею жить строго, согласно возрасту жалеть силы и время. Так и не научился!

Вернусь домой в середине декабря, так, надеюсь, и засяду за роман, так надеюсь. Может, за зиму что и удастся сделать, если бог будет милостив к нам.

Более никаких новостей нет — издавать будут «Царь-рыбу» в Италии. Как она прозвучит на бельканто? Трудно представить. Вышла «Рыба» и в «Прогрессе», на английском. Очень хорошо

---

63. *Самохин Н. Я.* (1934–1989), прозаик.

64. *Яновский Н.* Верность. Портреты, статьи, воспоминания. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1984.

65. *Астафьев В.* Затеси. — Красноярск: Книжное издательство, 1982.

издана, а глава о (нрзб), нарожавшей кучу детей от зэков, называется: «Маленькая леди». Каково?!

Поклон Фаине Васильевне.

Обнимаю и целую тебя, желаю доброго здоровья.

Твой — Виктор Петрович.
26 ноября 1982 г.

12.XII.1982
Новосибирск

Получил твои «Затеси» и очень обрадовался — ещё одна добрая книга появилась. Пусть в неё вошли не все, но то, что вошло, само по себе весомо, и даёт мне повод в книге, которую я готовлю на 1984 год, дописать главу о «Затесях» (в том числе и о «Падении листа»).

Книга оформлена скромно, но жаль не та бумага, сыроват был переплёт. Но тут ничего не поделаешь.

В «Лит. России» появилась рецензия на книгу — положительная, слава богу. В. Курбатов прислал мне хорошее письмо, говорит, что книга ему поглянулась. Я не обольщаюсь, знаю только одно — писал я её с полной отдачей, добросовестно.

Живу сейчас незавидно — прихварываю больше, чем обычно; работаю, но не столь продуктивно, как раньше; приготовил книгу (листов на 20) на 1984 год, сдаю сейчас «Лит. наследство», том 6 (листов 30). Дело страшно канительное и трудоёмкое. В набор пойдёт 20/XII, и я вздохну посвободней.

«Жить строго, согласно возрасту» и я не умею, но всё-таки «жалеть силы и время» надо, надо ради того, для чего родились мы, ради того, что тебе и никому другому дано. Потому я приветствую твою решимость «засесть за роман» и ни когда-нибудь, а нынче зимой. Желаю скорейшего осуществления твоего замысла, это надо всем нам, людям, тебя любящим.

Семейству, Марии Семёновне наш поклон.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

28.IV.1983
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Бог знает, сколько времени я не имею от тебя вестей! Что у Вас? Как здоровы, работа, самочувствие?

Я поздравляю Вас с Марией Семёновной с Днём Победы, великим для всех нас днём. Хочу, чтоб этот день встретили так, как мы встречали его впервые. Какое давнее, незабываемое и прекрасное время! Мы верили и надеялись, что впереди нас ждёт счастье, только оно и ничего другого за реальность признавать не хотели.

Что-то осуществилось — не будем думать о своём времени только плохо, но многое засело, как боль в сердце, не затухающая с годами, совсем наоборот, и с этим уже ничего не поделаешь.

Обнимаю и целую милого мне человека, желаю, чтоб и в этот сегодняшний день, как тогда, в 45-ом, ощутил всем сердцем: впереди счастье…

Твой Н. Яновский.

21.IX.1983
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Давненько я тебе не писал и твоего голоса тоже не слышал. Собирался я нынче летом в Красноярск по своим архивным делам, да так и не выбрался — то своим «Наследством» занимался (шестой том сдавал в производство, нынче он выйдет), то дописывал и сдавал свою юбилейную книгу (в 1984 г. мне «стукнет» 70, а тебе, как я понимаю, 60). Книгу я сдал (её уже отредактировали), а годки между тем набежали, и мне уже совсем скоро станет 69, старею, болезни чаще посещают меня, и уже потянуло на воспоминания о встречах с хорошими людьми (в книге, которой, дай бог, выйдет, ты эти воспоминания найдёшь).

Летом жил на даче, занимался с внуком, с существом занятным и весёлым, копался на своём огороде, изрядно запущенном, но прелести от «общения» с землёй это не уменьшало. За это лето я не только «посвежел», но и немало поработал.

25/IX по «библиотечным делам» лечу в Москву, потом буду в Бежецке, где состоится конференция в связи с 110-летием со дня рождения Вяч. Шишкова (я ведь «шишковист»), а затем сразу в Малеевку — и отдохнуть, и подлечиться, и поработать («отдохнуть» от забот об обедах — у нас всё же трудненько с продуктами — мясо, масло по талонам). Появлюсь дома не раньше середины ноября, потому что мечтаю на недельку съездить в Ленинград в связи с задуманной книжкой (материалы наиболее полно можно найти только там).

Марии Семёновне наш с Фаей поклон, тебя я обнимаю и желаю здоровья.

Твой Н. Яновский.

P. S. В книге моей глава о «Затесях» в более полном виде, чем то, что уже напечатано. Н. Я.

(отв. 6.XII.83)
19 ноября 1983 г.

Дорогой Николай Николаевич!
Поскольку в последнем ко мне письме ты указал, что будешь дома в конце ноября только, вот я и подгадываю с письмом к этому сроку.

Пишу «изблизя», из Белокурихи, куда, не знаю зачем и почему приехал. Но всё по порядку.

Ты же знаешь, что я весной чуть не умер от тяжёлого воспаления лёгких с присоединившимися к нему, как говорят доктора, «побочными явлениями». А потом не было весны и «погасло» тепло в наших казённо-панельных домах. Надо было ехать в деревню, ближе к цели, к деревенским печам, второго обострения болезни лёгких мне было бы уже не перенести.

Ко дню Победы уехали в Овсянку, устроились, начали обживаться, всё холодно, ветрено, сыро, но всё же копались маленько в земле, и на берег Енисея среди дня я выползал, а это для меня такое наслаждение, такая лечебная процедура, что я уже начал приходить в себя, хотя напротив меня в бабушкиной избе одиноко и тяжко болела тётка Апроня, и дети не спешили скрасить её одиночество. Но когда я приехал (зимой тоже навещал (но именно навещал из города), а когда приехал, терпел на её глазах и заходил к ней по три раза на день, когда обласкаю, когда поругаю, она и шкандыбать начала, с палкой к нам через дорогу перебиралась. Однако одиночество, неумелое и непомерное потребление современных «средств медицины» (лекарствами их как-то боязно называть) сделали уже своё дело, она вроде как подвинулась умом и желала лишь одного — смерти.

Она и раньше о ней говорила много, страстно и, что уже выглядело иногда ханжески, раздражало всех. В конце мая какие-то черти и зачем-то унесли меня на сутки в город, а утром, как из-под земли звонок из Овсянки: «Умерла Апроня»...

Да кабы умерла! Ещё вечером, когда я уезжал и говорил, что вот приеду, что тепло скоро станет и мы с нею будем «гулять» по улице, а она слово гулять иначе как выпивать, веселиться и песни петь не понимала, вдруг начала меня резко, толчками, обнимать, целовать, и хотя плаксива была, как и многие наши деревенские бабы, тут без слёз сказала: «Ну, поезжай с богом! Не обижай Марью. Хорошо живите»...

Мне бы и приостановиться, вслушаться, а у меня голова-то проблемами соцреализма забита, в ней же роман крутится, как жёрнов. Словом, на утре тётка перекинула верёвку через перекладину под навесом и залезла в петлю, она даже не завязала верёвку наверху, но и этого хватило, одного желания умереть было достаточно...

Господь меня избавил от того, чтоб я видел всё в первоначальном виде (а я вынимал из петли людей и знаю, что это за процедура, однако трепотни, деревенских кривотолков и многого другого было и есть ещё предостаточно).

Хоронить у нас старух ещё умеют. Всю «организационную», часть денежной операции проделали мы, с моей любимой сестрой — Галей, и братцы, сыны Апрони, и невесточки, будто искупая вину за чёрствость свою и невнимание к матери, сделали могилу и поминки ладом.

И опустела бабушкина изба, и навалилась на меня такая пространственная пустота, такое горе, такая скорбь вселенская и вина, что мочи нет никакой и погоды нет, хотя уже и лето по календарю.

И прибёг я к старому способу спасения себя, сел за стол и начал писать военный роман. Отчего-то с третьей, последней части, отчего-то с середины, абы писалось!

И расписался! Композицию потом перестроил. Вдруг пошло-поехало, давно вплотную-то не работал. Все три части романа будут разны по композиции и даже по стилю, но третья, последняя, под названием «Весёлый солдат» идёт от первого лица, напрямую, с отступлениями и размышлениями, подобными тем, что в «Царь-рыбе», и это даёт мне возможность один на один поговорить с читателем о том, что же это было? Какую жизнь и как мы прожили?

Израбатывался сильно, научился сам себе мерить давление и маленько регулировать его, стараюсь особо никого в дом не пускать, хотя это мало и удавалось, ничего, кроме деловых писем, я не писал и даже черновик, как это у нас принято, Марии не читал.

А там и распогодилось! С середины августа сделалось теплее, светлее, но я уж к той поре дошёл до ручки. Надо было сделать хоть маленький перерыв. На несколько дней я съездил на Малый Абакан, затем на водохранилище (читай — водогноилище) — и снова за стол, но сил уже маловато. Мы с М. С. выбрались в Читу по приглашению на «Читинскую осень», проводимую с памятного тебе 1965 года. Но там было дождливо (нрзб), и мы, не доведя «осень» до конца, вернулись в Овсянку.

Перерыв был кстати, я (нрзб) меня на рукопись и к концу октября сделал-таки черновик половины третьей части, а это 800 страниц моих и примерно 500 на машинке. Работнул!

Книга идёт предельно серьёзная, местами уже готовая. Марья Семёновна собралась в тур. поездку по Финляндии, и я решил где-то спрятаться от людей, от телефона и от рукописи, и ещё сказали, что лучше всего это сделать в Белокурихе, и правильно сказали — такой глухой дыры сейчас уже трудно сыскать и в Сибири. Мечтал я подлечить ноги, сердчишко, гипертонию, но, как всегда, после большой работы, мало чего соображал, не испросил путёвку и приехал «просто так», а «просто так» может ездить лишь начальство и «полезные» люди. Однако комнатку мне дали, на питанье поставили, велели бегать много и долго, чтоб «оформиться на лечение» и чего-то там где-то доплатить «со скидкой как инвалиду войны», а я говорю: «От себя же заплачу, чтобы только не бегать, не добиваться скидок, которых мне никто и никогда не делал, а хочу лишь одного: „забыться и заснуть“...»

Такую возможность мне дали, и я вот несколько дней сплю без просыпа в этой тихой благодати. Никто меня здесь не знает и «не узнаёт» (на телевизоре-то я источчал давно), и я никого не знаю, хожу себе и выплёвываю из бронхов всякую гадость и хлопотать насчёт лечения не буду, а посплю здесь числа до 25-го и рвану в Барнаул, чтоб повидаться с семьей погибшего на войне друга и оттуда домой.

К этой поре Мария моя вернётся и зима, глядишь, к нам будет милостива, а к весне уедем на Урал навестить могилу дочки и родителей Мани, затем к фронтовым друзьям и на 1 мая к детям и внукам — это и будет «мой юбилей», а слушать казённые, хвалебные слова, загонять единственного крепостного и дворового человека в гроб, мою Марью, даже во имя юбилея, не стоит, ибо я всё чаще и чаще на старости лет повторяю (нрзб) слова: «Такую бабу не отдам никому, такая баба нужна самому!».

Вот-с, такие дела!

25-го в Доме кино в Москве идёт фильм-премьера «Дважды рождённый» по моему и Жени Федоровского сценарию: в конце года по телевизору пойдёт фильм по моему рассказу «Тревожный сон» («Ненаглядный мой»), и это вот вроде бы будет серьёзно, но поглядим, а так боюсь и смотреть.

Читал ли ты Дальтона Трамбо в «Сибирских огнях»?[66] Моя работа! И она мне перед богом зачтётся, и ещё я подготовил «Письма с войны» убиенных на войне и умерших красноярцев в «Енисей» и тоже светлое дело сделал, и ещё написал штук 20 новых «Затесей», и охота ещё напечатать рассказы для ребятишек — накопилось «на природе» штук десять, да сил нету. Буду копить.

Маня успела напечатать на машинке лишь 300 страниц рукописи. Пока печатает остальное, пока читаю, делаю первую правку, глядишь, и зима пройдёт, а там и весна, лето, и я возьмусь, бог даст, за вторую часть «Солдата». Пожелайте мне мужества и сил!

А я Вам желаю доброго здоровья, благополучия у детей и внуков и обоих, с Фаиной Васильевной, сильно обнимаю и целую. Ваш Виктор.

6.XII.1983
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Меня очень обрадовало твоё письмо, теперь я имею, пожалуй, полное представление о твоём житье-бытье, а то ходят разные слухи… Ну, да о них потом. А сейчас о главном: ты даже не представляешь, как я рад, что рукопись твоего романа, пусть в черновике, уже реальность, и целых 500 стр.! Теперь дай бог тебе здоровья для завершения работы. Своё шестидесятилетие ты встречаешь достойно — это ли не радость! В том, что «книга идёт предельно серьёзная», я не сомневаюсь.

Думал ли ты о журнале, в котором пойдёт твоё новое произведение? Не давай в «Сиб. огни», они уже «забодали» твои рассказы, забодали по-глупому, отдав их на предварительную цензуру в… Обком. Чего же они хотели? Чтобы Обком взял на себя ответственность? А зачем это Обкому — и судьба рассказов была решена. Судя по перечисленным работам, ты и в самом деле «работнул», многое мне пока не доступно, а роман Дальтона Трамбо я прочитал залпом. Вот это истинно антивоенный роман, потрясающий, выматывающий все жилы! Каким образом ты имел к нему отношение? Но какое бы ты к нему не имел отношение, твоя работа «зачтётся тебе перед богом» — безусловно. Роман гвоздём впивается в мозг, и нестерпимая боль от него теперь уже неуничтожима.

Потрясла меня история тёти Апрони. Страшная, жуткая вещь — одиночество, от него одно спасение — бегство в небытие, так нередко поступали люди, заключённые в одиночные камеры, а тут — «она даже не завязала верёвку наверху…». Читать это я не мог без накипевших слёз. Старость и к нам подступает (мне сегодня ровно 69 стукнуло), и неизвестно, как и чем она к нам обернётся, да уже и «оборачивается» не очень весёлыми событиями. Не удивляйся, что я вдруг заговорил и о себе — смерть каждого мы невольно примеряем к самим себе, это неизбежно.

Надеюсь, что в Белокурихе ты и отдохнул и подлечился; во всяком случае, в тишине — она нам очень нужна — набрался душевных сил, чтоб работать. Лично я нахожу в «делах праведных» отдохновение от разных бед и повседневной сутолоки; ну куда ни сунешься, обязательно натыкаешься то на очередную глупость, то на равнодушие. Вот стараешься пореже выходить «на люди».

Только что приехал и сразу услышал, что тебя будто бы «выживают из Красноярска», что ты будто бы в Томске выступил «в защиту Солженицына»; у меня же хотят найти подтверждение этому; мне об этом говорят так: «Вы, конечно, знаете…». Я плюю и отвечаю, что, конечно, ничего не знаю, а сплетни не распространяю. Надо же людям всюду совать свой нос!

Если у тебя есть какой-нибудь, хоть четвёртый экз. новых «Затесей», — пришли. Буду читать и хранить. Шутка в деле — 20 новых «затесей». Если бы они у меня были, может, что-нибудь сумел использовать в своей о них статье. (Я к ним ещё раз буду возвращаться.) И «Енисей» с письмом пришли.

У меня пока дело складывается более или менее хорошо: свой юбилей в 1984 г. «отмечаю» двумя книгами — «Вяч. Шишков» в изд-ве «Худож. лит-ра» и «Верность» в Новосибирске, каковая ну буквально сегодня отправляется в производство, а

66. *Трамбо Д.* Джонни получил винтовку: роман // Сибирские огни. 1983. №9.

«Шишков» уже в корректуре, два дня назад вернул изд-ву сверку. Тщательно они издают, и это радует.

В последнее время прихварываю, но чаще когда дома, а вот в поездке — а был я в Бежецке, Калинине, в Малеевке и Ленинграде и, разумеется, в Москве — ни один чёрт меня не брал. Ещё что ль куда-нибудь двинуться?!

Марии Семёновне наш общий поклон. Тебя обнимаю и желаю успеха в главном твоём деле. Твой Н. Яновский.

(отв. 1.11.84 выслал кн.)

Дорогой Николай Николаевич!
Шлю Вам альманах и поздравляю с Новым годом. Мира всем нам на целый год, а Вам с Фаиной Васильевной здоровья хотя бы по летам Вашим, хорошего.

Был на Вашей Родине, в Барнауле, после Белокурихи, где меня так обиходили в современной «здравнице», что едва живой приехал. Я ж не могу ничего украсть для заправил местной медицины и достать не умею, а тем такие люди совсем не нужны и не интересны. Отравился ещё под конец сильно, пневмонию подлечил свою. В обком съездил (нрзб) на курорт!..

От скуки, единственное благо — меня никто не знает и я никого! — Благодать (нрзб) я набросал три рассказа о природе. Очень мне понравились ребята в Барнауле, в особенности главный редактор издательства — это ж надо было кончить Высшие лит. курсы, чтоб дойти до такой культуры — задумали издать буклетом — с одной стороны «Дафнис и Хлоя»[67] — с другой — «Пастух и пастушка»! Нет, у нас жить всё же забавно, порой и весело, а вообще, люди кончившие курсы наши, а их в Барнауле аж восемь человек, заметно отличаются от дикарей, нигде и ничему не учившихся, но потом попавших в Союз писателей.

О напечатании романа думать ещё рано, точнее, совсем на надо пока думать — это по-прежнему на пользу. «Сиб. огни» по старой привычке не мои (?) «Затеси» зарубил Новосибирский главцензор и отправил их в Обком, но и в главный, откуда стучали кулаками на Красноярское издательство, требуя остановить книгу. Я читал, конечно, письма, посланные Никульковым в обком. Если б все редакторы решались так резко и прямо говорить с властями, глядишь, и литературе легче б было существовать, а пока вот «Зрячий посох» существует уже несколько лет в домашней обстановке, в рукописном виде.

Что касается Томска, то вероятно (нрзб) информирован кособоко. Есть там учёный муж, зам. разными кафедрами и по совместительству писатель Э. Бурмакин[68], человек толстый и трусливый. В 39-м году у него посадили папу, по той же статье, что и тебя садили, и удавили там в числе многих, так мама ещё в эмбриональном состоянии научила Эдика бояться всех и всего, начиная от кошки и кончая фонарным столбом и живым словом.

И вот он-то и «вёл» мои выступления среди томского студенчества и совсем неглупой, судя по запискам — вопросам, интеллигенции. И она, или они, спросили меня: кого я считаю сейчас самыми выдающимися писателями в мире? И я ответил: «Маркеса и Солженицына». Тут же последовала злая реплика: «Он нас срамит, беженец проклятый, Родину чернит, а Вы его в гении производите». «Вы, наверное, себя гуманистом считаете?» — не менее резко спросил я. — «Конечно!» — «Странный гуманизм!» — сказал я. — «Барин, богатейший барин по фамилии Герцен сам рванул в Лондон и оттуда поливал Россию, как только ему хотелось, и он, значит, хороший, а человек, которого насильно лишили Родины, выдворили в шею на чужбину — плохой! И не думайте, что к Герцену все и всегда относились так же, как вы сейчас относитесь. Кто читал стихотворение Языкова «К ненашим»? Высоцкого больше хлопочете! А вы вот домой придёте и Языкова[69] почитайте, ничего был поэт, лепил за Россию похлеще, чем некоторые...»

Вот тебе почти дословно, чтоб без кривотолков, то, что было. Сын вождя Черненко[70] назавтра попросил меня не говорить на встрече с журналистами и творческой интеллигенцией «об этом Солженицыне». И я не говорил, уважая просьбу хозяев, а телегу на меня всё равно накатали, но Томск — город университетский, в нём и подлости потоньше, чем, скажем, в портовом тёмном городе — Владивостоке, откуда в доносе написали: «Астафьев сказал, что самые большие писатели в мире Солженицын и он», ну это уж донос на уровне заведующего отделом культуры Крайкома, не менее, это уж он наверняка был, думая, что укрепит своё положение номенклатурного работника и продвинется даже выше и меня откуда-нибудь скинут, не понимая того, крашеная голова, что снять меня ниоткуда невозможно и Марья от меня, по причине моей дремучей политической отсталости, никуда не уйдёт, хоть и партейная, а кроме Марьи, мне рядом никого не надо, она

---

67. «Дафнис и Хлоя» (II в. н. э.), древнегреческий роман Лонга.
68. *Бурмакин Э. В.* (р. 1928), прозаик, учёный.
69. *Языков Н. М.* (1803–1846), поэт.
70. *Черненко К. У.* (1911–1985), Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1984–1985 гг. Сын, А. К. Черненко (1935–2009), зав. отделом пропаганды и агитации Томского обкома КПСС в 1983–1984 гг.
71. *Курбатов В. Я.* Миг и вечность. — Красноярск: Книжное издательство, 1983.

мне, как Ивану Тургеневу «во дни сомнений, во дни тягостных разлук, есть поддержка и опора»…

Дураков, дураков кругом! И ворья! Ворья даже больше стало, и доносы ведь тоже вор пишет, чтобы с помощью такого вот «невинного» воровства попасть к отдельному корыту и ухватить там кость.

А-ах ты, Господи! А я-то, я-то два дня насовил (?) весною и только от сознания, что необходим Марье, детям и внукам ещё раз победил смерть, но не ощутил того чувства радости и воскресенья, которые испытывал, возвращаясь даже из госпиталя в ад окопов и в лапы дорогих отцов-командиров, и долго не мог понять, отчего это я «не ощутил-то?». Теперь понятно — от усталости и сознания бессилия перед тупостью и мерзостью бытия.

Роман Трамбо в «Сиб. огнях» протаскивал я, ибо его никто не хотел печатать. Трудно было, но прорвались, и сейчас готовят новый, не менее блистательный американский роман. Исполать им!

Скоро выйдет юбилейная книжка В. Курбатова обо мне[71]. Скоро появятся два фильма — «Дважды рождённый» в кинотеатрах и «Ненаглядный мой» в телевизоре, говорят, неплохие. Я ещё их не видел.

А вот переводы с немецкого в альманахе «Акцент» Фаины Васильевны видел. Молодец она, что не даёт себе закиснуть!

Обнимаю, целую — Виктор.
Маня делает то же. Ваши преданные Астафьевы.
15 декабря 1983 г.

31.1.1984
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Я ждал том 6 «Лит. наследства», а его со дня на день обещали и выдали на продажу только-только — потому с письмом-ответом задержался, хотя письмо твоё меня очень и очень взволновало, и я неделю, что называется, не мог очухаться. Надо же, какую бы сторону нашего житья-бытья ни взял, всюду что-нибудь да не так, что уже переходит к прямым «указаниям», как и о чём надо писать. И попробуй ослушаться, не принять, оспорить — книгу или статью уже не увидишь в печати, а если она и появится, то в искалеченном виде. Издательство трусит, то и дело перестраховывается. Шестой том ЛНС вышел[72], а седьмой на 1985 год не запланировало, опять что-то их остановило, кто-то что-то, видимо, сказал… Этот том, посвящённый Г. Н. Потанину, посылаю тебе, может, что-то покажется интересным или нужным, ибо это наша история, лет десять-пятнадцать о таком томе и мечтать было трудно, потому что в 1918 году он выступил в печати против большевиков. Оказывается, одно такое выступление способно зачеркнуть всю жизнь учёного, путешественника, писателя-публициста, общественного деятеля. А прожил он 85 лет. Десятки «учёных» всю жизнь кормились его «охаиванием». Один из них даже произнёс: «Дайте мне бульдозер, и я сотру с лица земли стоящий в Томске памятник». И это доктор исторических наук, который ничем другим в жизни не занимался, кроме критики «буржуазного деятеля» Потанина. А этот Потанин ещё в 1918 году сказал, что принцип «демократического централизма» неизбежно порождает культ вождя партии. Вот этого ему долго-долго простить не могли.

Не знаю, чем порождены беспринципность и процветающее очковтирательство и воровство, но всё это у нас, увы, существует, а Потанин на пожертвованные гроши совершал невиданные до него путешествия, делал открытия, жил абсолютным бессребреником. А «товарищ Рашидов»[73], к тому же ещё и писатель, отравился, когда его миллиарды тонн хлопка оказались мифом. Да говорят, вскрылось многое и другое, что не назовёшь приписками; в Ростове-на-Дону верхушка заворовалась (об этом я узнал в декабре), а у нас в газете подвал посвящён воровству работников, подвизающихся в отделах культуры («Вечерний Новосибирск» от 31 января 84 г.). На этом фоне ужесточение «праведников» из цензуры и других идеологических работников выглядит нелепым.

История в Томске весьма показательна. Года два-три назад там было собрано специальное заседание бюро Обкома по вопросу о воровстве самих членов партии — их набралось, говорят в «Лит. газете», около 1000 человек! Когда я прочитал об этом, был удивлён, как ещё при Брежневе это напечатали. Но там была названа смехотворно мелкая сумма растащенного — что-то около 11 тыс. руб. (это на тысячу человек!). Ах, как всё это надоело!

Итак, наступил юбилейный год. Я слышал, что в Красноярске готовят «Конференцию по творчеству В. П. Астафьева» с последующей публикацией лучших докладов в специальном сборнике. Такому мероприятию я был бы рад.

Я сдал в набор юбилейную книгу под названием «Верность», в неё вошли некоторые страницы о твоих «Затесях», не пропущенные цензурой в Москве — что будет здесь, разумеется, не знаю — пока ушла книга в набор, пока всё благополучно.

В этом юбилейном году желаю тебе здоровья — ах, как нам его недостаёт! Ф. В. и я кланяемся Марии Семёновне и тебе, обнимаем Вас.

Твой Н. Яновский.

72. Литературное наследство Сибири. Т. 6. Григорий Николаевич Потанин. Воспоминания. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1983.

73. *Рашидов Ш. Р.* (1917–1983), Первый секретарь Компартии Узбекистана, автор книг стихов и прозы (Собрание сочинений: в 5 т., 1979–1980 гг.).

П. С. Был в Омске на юбилее (70!) Леонида Иванова — он молодцом, много работает и хорошо отдыхает… Это ведь тоже уметь надо.

Н. Я.

(отв.15.11.84)
4 февраля 1984 г.
Красноярск

Дорогой Николай Николаевич!
Вышла книга Вали Курбатова, посылаю его Вам. И маленько о себе напишу.

Зима началась морозно и хорошо идёт. Была Ирина с внуками на каникулах. Поле здесь исполнился год, такая девица подвижная и смышлёная, вся в синяках явилась и ещё тут добавила, лазаючи везде и всюду.

Мы их проводили до Москвы, купили маленько харчей и усадили в поезд. Поскольку в столице я не бывал полтора года, на меня обрушился шквал дел и визитов. Погода там была гнилая, и через день я едва живой оттуда ноги унёс. Приехав, занимался текучкой, а сейчас хочу доделать три небольших рассказика, написанных в Белокурихе, куда меня черти занесли в наказание за принадлежность к соцреализму — не иначе.

Подступает юбилей, и к горлу уже подступают всякого рода посетители. Предлагали мне торжественный вечер в Колонном зале, я отказал, что-то подустал от торжеств и самолюбований братьев-писателей, в совсем не подходящее для торжеств время, да и силы для работы над романом сохранить хочется.

На весну мы с Марьей Семёновной отсюда уедем. Посетим Урал, могилкам родным поклонимся, навестим фронтовых друзей и к 1-му мая, буде живы будем (нрзб) к детям и внукам.

Я говорю «буде» не случайно, у Марьи Семёновны ухудшилось резко здоровье. Она когда-то лежала с туберкулёзом коленного сустава, лечась, посадила сердце, но болеть некогда было, а стенать и жаловаться не в её характере, и вот нога начала хромать, разрушается кость, предлагают ей операцию, а операцию ей не перенести после энцефалита, сдавшего сердца и недавней тяжкой операции перитонита, когда она буквально из могилы выкарабкалась.

Пока же она топчется по дому, трещит машинкой и строит какие-то планы на ближайшее время, хотя бы. А я тоже так думаю, может шевелиться, пусть и шевелится, а сляжет, ну что ж сделаешь — не она первая, не она последняя. Но на сердце у меня, конечно же, неспокойно, мы ведь изживаем 40 совместных лет, а это кое-что значит. Ну, никто как бог! На него и уповаем.

Поклон Фаине Васильевне от нас обоих.

Обнимаю и целую — Виктор.

16.11.1984
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Спасибо, я получил книгу В. Курбатова. Из того, что я объявлен рецензентом книги, явствует, что я не возражал против её публикации, хотя у меня и были серьёзные замечания. Но не возражал я потому, что у нас различные методы исследования. Я её сразу же прочитал и убедился, что в очень разных случаях он ко мне прислушался. И это закономерно: он зрелый и (нрзб) критик, отстаивающий своё право на осмысление явлений литературы. Об этом я и писал в рецензии. Сочетание его и моего отношения к такому явлению, как «Астафьев», лишь углубляет постижение этого явления. (Извини, что выражаюсь высокопарно.) И потому я рад, что появилась ещё одна монография, которая в чём-то дополняет и Макарова, и меня, и других, писавших о тебе. А это — главное.

Итак, я понял, что в мае — в дни юбилея, ты будешь у детей и внуков. Куда прикажешь посылать тебе поздравления, т. к. я не могу тебя не поздравить с грустной датой 60-летия. Я-то мечтал заявиться в Красноярск… Ну это несущественные детали, потому что люблю я тебя в 59 лет и в 60!

Я очень огорчён, что у Марии Семёновны какие-то серьёзные заболевания. Мы с Ф. В. узнали об этом с душевным прискорбием. Да не может быть! Она всегда в нашем представлении бодрая, энергичная, здоровая. Но время идёт — годы и нас осаждают. Я уже не работаю, как прежде, по 12 часов в день, тянет на лень, тянет в постель, почитать какой-нибудь «романчик» с закрученной интригой. Боже, до чего мы доходим!

Чем мне нравится В. Курбатов? Отвлечёнными размышлениями о вечном. Он не анализирует твои произведения, он размышляет по поводу их. Это тоже надо уметь. Я вот этого делать не умею, потому что сосредоточен на настоящем, а не на будущем. У меня, так сказать, цели оперативные, а не стратегические. Вероятно, в этом моя беда.

Получил ли ты мой том ЛНС? О Потанине. Важная для меня тема. Но это тема не только для меня, а для всей России, если она думает о своём прошлом без оглядки — великие это люди или нет. В скромных воспоминаниях Г. Н. Потанина есть своё величие, поскольку жизнь (нрзб) рядовых людей имеет своё непреходящее значение. Свою историю мы должны знать, чтобы не делать ошибок, которые уже совершены.

Будьте здоровы. Обнимаю.
Ваш Н. Яновский.

P. S. Книга В. Курбатова отлично издана. Хорошая обложка и твой портрет на ней. Но совершенно уникальны фотографии в конце. Почему «Сов.

писатель» не пошёл по этому пути! Странно, и это меня огорчает.

Н. Я.

(отв. III.84)
22.III.1984

Голубчик, Николай Николаевич!
Получил я том о Потанине и второе письмо о книге Курбатова, да написать-то ладом ничего не могу—опять валяюсь с воспалением лёгких. Как февраль-март, так оно меня и валит, и с каждым разом всё тяжелее, не молоденек уж. Бывало и на ногах изнашивал обострения, а теперь—пластом, да ещё грипп проклятый подсуетился, они мне дали пару.

Всё же надеюсь к детям уехать. На всякий случай адрес дочери:
160001—Вологда, ул. Кирова, дом 34, кв. 39.
Телефон—3-43-55,
Астафьева Ирина Вик.

Поклон Фаине Васильевне.

Маня не очень здорова, подюжит (?), жалеет меня, а самуё пожалеть некому уж.

Целую—Виктор Петрович.

3.IV.1984

Дорогие мои Мария Семёновна и Виктор Петрович!

Очень беспокоюсь, что у Вас и как. Отступила ли болезнь, в рабочей ли форме, собираетесь ли в Вологду и когда? Недавно получил письмо из Кирова—и в нём тоже о Вашей болезни.

Я тоже в марте чувствовал себя не ахти как—грипп всё-таки меня прихватил, и сейчас ещё не в полной форме.

Сижу, помаленьку копаюсь в бумагах Потанина, делаю том 7 ЛНС. Том в печати встречен хорошо, чему я очень радуюсь. Мои корреспонденты тоже пишут мне одобряющие отзывы. В Барнауле организована передача по радио.

Очень беспокоюсь—всё ли у Вас хорошо. Ф. В. шлёт Вам привет.

Обнимаю. Ваш Н. Яновский.

12.VI.1984
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Целую вечность не слышал Вашего голоса, хотя и читал Ваши статьи и статьи о Вас в связи с юбилеем. Теперь, надеюсь, Вы дома. И со здоровьем стало получше.

Посылаю Вам книгу о Вяч. Шишкове[74]. Долго-долго я с нею возился и радуюсь, что она наконец-то вышла. Без лишней скромности могу сказать, что это новое прочтение произведений Вячеслава Яковлевича. Странно как-то получилось. После его смерти прошло уже 40 лет, его книги—и собрания сочинений—издают и переиздают, народ их читает и чтит, а в критике, в литературоведении о них отзываются с большой оглядкой на прошлые, прижизненные оценки. И некоторые произведения до сих пор не включают в собрания сочинений—«Дикольче», «Ватага» и др. Между тем это, безусловно, значительные произведения, что я и постарался доказать в своей книге.

В издательство я принёс рукопись в 25 п. листов. Попробовали с порогу сократить до 15 п. л.—вот и пришлось наступать «на горло собственной песне». Потерь много, но я не хотел отказываться от московского издания. Не так-то часто провинциальному критику удаётся напечатать свою книгу в Москве.

С интересом—и большим!—прочитал воспоминания Е. Городецкого[75]. Знать бы мне об этом раньше!

Марии Семёновне и тебе наш с Ф. В. общий поклон.

Обнимаю.
Н. Яновский.

20.VIII.1984
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Посылаю юбилейную книгу—без юбилея она бы не появилась, в этом я уверен. В ней я впервые публично «ударился» в воспоминания[76]. Бог весть, что получилось, но я старался, чтоб не получилось по-казённому, «по-учёному». И если что-то было «не так», по высочайшему мнению изд-ва, то это незамедлительно убиралось. Как убрали невинную фразу из письма В. М. Шукшина (я её вписал). Ах, нравственность нас одолела! Как бы общество наше не смутить! И моё предложение в тексте оказалось для читателя непонятным.

Статью о «Затесях»[77] даю лишь из-за того, что в книге был выброшен важный кусочек о рассказе «Падение листа». Выбросили на редакторском уровне. Кто-то на полях написал: «Не убедительно!». Я возмутился, но девочка-редакторша предупредила: бесполезно: это замечание «главной

---

74. *Яновский Н.* Вячеслав Шишков. Очерк творчества.—М.: Художественная литература, 1984.
75. *Городецкий Е. А.* (1934–2005), прозаик.
76. В III раздел книги «Верность» включены воспоминания Н. Яновского о К. Урманове, Н. Анове, В. Шушкшине.
77. «Что запало в душу…» (О «Затесях» В. Астафьева) во II разделе кн. «Верность».

редакции». Итак, мои размышления о рассказе восстановлены, писать о «Затесях» шире, как я был намерен, и времени не было, но главное — «места»; просил я 25 п. л., Комитет потребовал 15! Я же не Феликс Кузнецов[78], которого издают и переиздают, а последний раз в двухтомнике листов по 30–35 каждый. С грехом пополам изд-во (так оно само себя изобразило) «отстояло» 20 п. л. На этот раз я не рискнул ссылаться на «Коммуниста» с его глупейшим отношением в рассказу. Мне этот рассказ дорог, он близок мне по идеям, настроениям, по чувству прежде всего. Всё, о чём написано в нём, начинаешь понимать на склоне лет. Однако не каждый может так выразить это понимание — чувство. Тебе это удалось сделать именно поэтическими средствами, которые, по сути, необъяснимы. Я просто рационалистически попытался разъяснить его, коль появились на свет не суждение о рассказе, а осуждение его. Осуждение с далеко идущими выводами. Это-то и возмутительно. И трибуна выбрана из числа «неприкасаемых». Цели своей я достиг, но не полностью, разумеется, следовало бы назвать журнал, ах, как следовало бы!

Обо всём, что есть в книге, я писал «с душой». Конечно, есть корявости и неточности, но фраз равнодушных нет.

Марии Семёновне наш с Ф. В. привет (да Ф. В., кажется, ей уже писала). Книгу мы получили — передай ей наше спасибо. Книгу об Александре Даниловиче я искал (почему и не ответил сразу), но её в городском магазине «Наука» нет, в Академгородке мне пообещали поискать.

Как со здоровьем и настроением? Слышал я, что ты с В. Г. Распутиным были в Сростках и что там всё прошло «на хорошем уровне» (так было сказано читателем). Я тоже всё собираюсь туда поехать, но не удаётся, мелочи заедают.

Автор предисловия к моей книге Ефим Беленький[79] умер 3 VII, замечательный человек и талантливый критик. Говорю не потому, что он написал обо мне, я его знаю с 1956 года, привлёк к участию в «Сиб. огнях», и все последние 30 лет он в журнале выступал… Очень жаль, нас связывали с ним и дружеские чувства. Мне нелегко было пережить эту утрату, пережить… Такое не переживёшь, просто на время отвлечёшься…

Будь здоров и счастлив!
Твой Н. Яновский

Дорогой Николай Николаевич!
Нет, нету у меня выступления в Сростках, я ведь всегда выступал: «из головы». Прелестный всё же русский вопрос сочинителю: «Как Вы пишете? Просто так или из головы?»

Это выступление (и другие тоже) записал работник барнаульского радио, оно было расшифровано и даже где-то печаталось, но где? Я не знаю. Получил программу из Ленинграда, и если ничего не стрясётся, мы там увидимся в октябре.

Марья Семёновна маленько поправилась, но всё ещё на лекарствах живёт и не может отрываться от города, а я тороплюсь на выходные в Овсянку, чтоб хоть урывком поработать. Написал сказку про рыб, в духе Салтыкова — предания, очень современную, продолжаю писать «Затеси», в № 10 «Нашего современника» должен быть цикл. В ближайшее время начну работу над «Последним поклоном» — это надолго и серьёзно.

Суета съела меня, как моль старую шубу, но моя суета по сравнению с суетой Валентина Григорьевича игрушки. Его совсем завертело, работать ему совсем не дают.

Я только что был в Иркутске на совместной японо-советской конференции по экологии и видел Валентина совсем подавленного, тоскливо-замкнутого. Беда!

Обнимаю Вас, кланяюсь Фаине Васильевне — здоровья Вам обоим!

Ваш — Виктор Петрович.
7 августа 1984 г.

(телеграмма, без даты)
(сентябрь — был в К-ке)

Мой юбилейный вечер (в) Красноярске 9 сентября. Будем рады видеть и обнять вас(,) дорогих гостей. Книгу(,) письмо получили. Сердечное спасибо.

Астафьев.

6.XI.1984
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Только что дочитал повествование В. Карпова «Полководец»[80], очень и очень меня захватившее. Оторваться не мог до самого конца и не только потому, что каким-то краешком касалось это и меня — имею медаль «За освобождение Праги», — просто у В. Карпова всё получилось человечно, искренно и с душой. Есть у него и такое местечко, тоже меня поразившее (в повествовании много поразительного, прежде всего судьба И. Е. Петрова). Так вот это место: «Бывая сейчас в просторных квартирах знакомых и приятелей, где много хорошей мебели, а на столах — обильное угощение,

78. *Кузнецов Ф. Ф.* (р. 1931), критик, литературовед.
79. *Беленький Е. И.* (1912–1984), критик, литературовед.
80. *Карпов В. В.* (1922–2010), прозаик, общественный деятель, главный редактор «Нового мира» (1981–1986). Роман «Полководец» (1984).

я часто вспоминаю ту тесную гостеприимную комнату и думаю: почему же теперь порой так мало бывает той же теплоты и сердечности?»

В самом деле: почему? Может быть, мы постарели и не воспринимаем людей с той же непосредственностью и открытостью, как раньше, особенно сразу после войны?

Но вспоминаю четыре дня, недавно проведённые у тебя, и думаю: как хорошо, что ты собрал нас, пусть не всех, кто тебя любит, под одной крышей, как душевно и открыто всё состоялось! Я радовался, глядя на тебя, живущего теперь на родной земле, где всё тебе дорого—от родных могил до величественной реки и… солнца, которое, по счастью, все дни сопровождало нас: видимо, не хотело омрачать наш праздник. Я радовался, видя, что ты работаешь и на столе у тебя книга о Соловьёве, отличная, кстати сказать, книга, что скоро мы будем читать у В. В. Карпова твои рассказы[81]. А я бы ещё желал, чтобы ты окреп, набрался сил для завершения своего романа… Как говорили ещё в наше время, бог тебе в помощь!

Все четыре дня я отдыхал душой и вернулся домой с зарядом бодрости и желанием трудиться… И я благодарен тебе.

Целую, обнимаю.
Твой Н. Яновский.

P. S. Надо же, думать забыл: хотя и поздно, поздравляю Марию Семёновну и тебя с праздником! Будьте здоровы и счастливы! Никогда не забуду, как радушно встречали вы нас с Марией Семёновной, знаю, сколько забот и треволнений выпало на её долю. Съездили ли вы, куда намечали? Всё ли получилось благополучно?

А мы побывали в Москве у сына, у внуков—это всегда радость; купались и загорали на Чёрном море в Пицунде, словом, полтора месяца нас не было дома и сейчас расхлёбываем запущенные дела.

Я несколько раз порывался тебе написать, Виктор Петрович, сразу, как прилетел из Красноярска, но что-то не получалось, и я не был уверен—дома ли ты. И вот, читая В. Карпова, вдруг всё всколыхнулось—и война, и наши судьбы, и наши страдания… А были ли радости? Да, были, и самая большая из них—дружба, пронесённая через годы ничем не омрачённой.

Ещё раз обнимаю. Н. Я.

1.XII.1984
Новосибирск

Дорогие Мария Семёновна и Виктор Петрович! Я ещё ранее письма Марии Семёновны с огорчением узнал, что Виктор Петрович в больнице. Хочется верить, что это не надолго и все Ваши планы сбудутся. Пишу, зная, что Вас, б. м., нет дома.

«Звездопад» я по телевизору видел, и он мне, увы, не поглянулся. Мешало мне соединение нескольких произведений—зачем это сделано, я так и не понял. Истерика героини в конце не соответствует ни повести, ни реальному событию в душевном мире девушки, как мы её по повести же представляем. Она-то ведь не знала, что расстаётся навсегда; да и «взрыв» её чувств попросту растянут, что в фильмах недопустимо. Неужели «киношники» этого не знают! Понимаю, что моё представление не совпадает с режиссёрским. Искусство как раз в том, чтобы режиссёр убедил всякого читателя в естественности и правде его прочтения. А вот о фильме «Дважды рождённый» ничего не слышал, даже не знал, что такой существует.

Меня спрашивают, почему в обширном списке награждённых нет Виктора Петровича. Объясняю тем, что в этом же году, юбилейном, Виктор Петрович был награждён… И добавляю: «Ну и что, если нет, хуже от этого произведения Виктора Петровича не стали!» Самая большая награда—признание читателя. А оно есть. Ну кто, к примеру, знает награждённого прозаика Холопова?[82] Никто, кроме тех, что печатаются в «Звезде».

У нас наступили обещанные холода. Брр! Рождественские они раньше назывались.

Обнимаю.
Ваш Н. Яновский.

1.I.1985
Новосибирск

Дорогие друзья Мария Семёновна и Виктор Петрович!

Вот и канул в Лету 1984 год, памятный для нас важными событиями. Вам, Виктор Петрович, исполнилось 60 лет, а мне 70! Боже, как коротка жизнь! В это время кратость (так!) её я почувствовал с особенной остротой, потому что вслед за 6.XII, буквально через день умер мой старший брат—ему исполнилось 75 лет. Я знал, что он умирает, да и сам он говорил мне: «Вот встречу твой юбилей и—всё». Так оно и случилось. Он словно только и ждал этого дня. А 7.XII свалился я. Начался злейший гипертонический криз. Хоронить его мне уже не пришлось, в тяжёлом состоянии я только и смог приехать и навсегда попрощаться с ним. Старший брат—всегда любимый брат с детства, с юности, и таким он остался для меня до конца моих дней.

81. То есть в журнале «Новый мир». В 1984 г. в журнале был напечатан рассказ «Медвежья кровь» (№8), в 1985—«Жизнь прожить» (№9).
82. *Холопов Г. К.* (1914–1990), прозаик, главный редактор журнала «Звезда». Государственная премия РСФСР (1983) за книгу «Иванов день».

Врачи упорно лечат меня — я вот уже три недели на больничном, и сегодня впервые сел за стол, чтобы написать это письмо. Пришедшее наконец облегчение радует меня, ощущаю себя на седьмом небе только от одного прикосновения к чистому листу бумаги. Как, оказывается, мало надо человеку! Здоровья и ничего больше, остальное суета сует.

Итак, начался Новый год — что он нам принесёт? Как хочется, чтобы наши планы осуществились. Да, осуществились. Жить надо до конца с поднятой головой и делать что должно, и пусть будет то, что будет, головы мы не опустим. Милый Виктор Петрович, надеюсь и верю, ты выкарабкался из своих недугов и по-прежнему деятелен и яростный в работе, как всегда.

Как только вспомню дни, проведённые у Вас, сердце моё наполняется радостью. 1984 год памятен для меня этой встречей — никогда, никогда мне её не забыть! И солнце всюду сопутствовало нам, и Енисей нам улыбался, и земля в твоём родном селе была приветливой…

Счастливая мысль пришла тебе, Виктор Петрович, собрать нас к себе под одну крышу. Я вот ничего подобного сделать не сумел, да повторить такое уже невозможно. Прелесть ушедших дней в памятном 1984 году в их неповторимости.

Обнимаю Вас и целую. Будьте здоровы!
Ваш Н. Яновский.

(отв. 1.V.85)
(телеграмма)

Милый Николай Николаевич(!)
Люблю тебя нежно(,) братски. Пусть это придаст тебе сил(,) здоровья на одоление годов и трудов твоих(,) всем нужных. Обнимаю сердечно. Марья Семёновна кланяется Вам с Фаиной Васильевной. Вернулись благополучно(,) занимаемся расширением квартиры. Приезжайте (на) новоселье. Целуем. Астафьевы.

9.IX.1985
Пицунда

Дорогой Виктор Петрович!
Я был очень тронут твоим звонком. Значит, обо мне помнишь, в дни моей болезни — а я провалялся месяца три — добавляешь этим мне радость. А мы только-только собрались на юг, причём лечащий меня врач запретил эту поездку на Чёрное море, красочно описав, какие беды меня ожидают. Я было испугался, а потом махнул рукой — чему быть, того не миновать. И вот живу на Чёрном море уже полторы недели, купаюсь (не загораю, разумеется) и чувствую себя лучше, чем дома. Местный врач, у которого я побывал, говорит, что гипертоникам у нас лучше… Сижу, понемногу работаю (так как в самом деле стало лучше), Ф. В. загорает и прочее. Она шлёт Вам с Марией Семёновной поклон и привет.

Мы надеемся, что у Вас в семье всё благополучно, успешно и приятно съездили. Рассказ в «Новом мире»[83] ещё не видел и жду роман, давно обещанный. Набирайтесь для него сил и здоровья и — завершайте.

Я тружусь над очередным томом «Наследства», в этом году выходит том (в 35 листов) Вяч. Шишкова «Страшный кам»[84], мной составленный. Стал заправским «шишковистом» и не жалею об этом. Приеду домой (25.IX), буду им заниматься.

Мы попали в Пицунду в хорошие дни, и температура для меня подходящая. И море тёплое. А какие здесь закаты — не оторвёшься! В каждую новую секунду — новые, невиданные краски. И есть сотоварищи по профессии, хорошие, душевные люди.

А говорят, что в июне-июле было и холодно и неуютно. Так что нам повезло. А Ф. В. море просто было необходимо. В последние месяцы она тоже неважно себя чувствовала.

Будь здоров и пиши, если окажется свободная минутка.

Твой Н. Яновский.

1986 г. (без даты)

Дорогой Виктор Петрович!
На днях получил отличный подарок — «Печальный детектив»[85]. Спасибо! Я его читал ещё в журнале и порадовался: хорошо! Выразительно, как всегда. Эмоционально и — зло нередко. Кое-кого зло коробит. Ну и пусть! Есть события и люди, о которых нельзя писать спокойно да и не нужно. Было время, когда за публицистику в романе хвалили. А теперь вот и В. Распутина укоряют: «Пожар»[86] — сплошная публицистика! Господи, до каких пор мы будем навязывать художнику — талантливому художнику! — свой способ изображения и осмысления действительности! Он почувствовал, что сегодня он только так может выразить своё отношение к текущей жизни. И не следует ему мешать. Он по-своему отозвался на насущные потребности времени.

Я, конечно, знаю, как грузины отнеслись к рассказу о них[87]. Это проявление беспардонного национализма. Критикуйте кого угодно, но только их не трогайте. Я только не понимаю известного

83. См. примечание к письму 7.08.1984.
84. *Шишков В. Я.* Страшный кам: повести, роман, рассказы, очерки. — Иркутск, 1985.
85. Роман *В. Астафьева* «Печальный детектив» впервые опубликован в журнале «Октябрь». 1986. №1.
86. Повесть *В. Распутина* «Пожар» (1985).
87. Речь идёт о полемике вокруг рассказа *В. Астафьева* «Ловля карасей в Грузии» (1984).

всем члена редколлегии журнала, который публично извинился за публикацию якобы порочного рассказа. Какое у него право извиняться за всех? Тот же В. Распутин, например, с ним не согласен. Зачем же ставить его в такое неловкое положение! И почему тогда промолчал С. Викулов?[88]

А что за нравы этим извинением насаждаются?? Надо полагать, безнравственные. Правду-то, оказывается, сказать нельзя, от тебя сразу извинений потребуют. А задача состоит в том, чтобы проанализировать рассказ и показать, в чём его правда или неправда. Но этим никто заниматься не желает — ни автор письма в журнал, ни извиняющийся член редколлегии.

В этом году я, в сущности, был неработоспособен. Старческие болезни меня донимали. Вот только в сентябре решился поехать в Пицунду, хотя лечащий врач меня попросту не пускал (не давал справку). Но я поехал на свой риск, там сходил в больницу, и всё обошлось.

Почти все 24 дня мы купались, хотя и погода была не жаркая. Мы с Ф. В. много гуляли, окрепли и вернулись бодрыми.

Марии Семёновне наш общий поклон и добрые пожелания.

Фаина Васильевна и я Вас обнимаем и желаем здоровья.

Твой Н. Яновский.

19.IV.1986
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Поздравляю тебя и Марию Семёновну с Первомаем! Был у меня А. Е. Зябрев[89], передавал твой привет, чему я очень был рад.

Спасибо тебе за оценку моей работы, прозвучавшей в «Лит. обозрении»[90]. В этом же номере появилась и статья обо мне. Твоё слово было весомым как подтверждение того, что сказал Е. Цейтлин. Статья его не лишена преувеличений, но, бог мой, о критиках так мало пишут, что преувеличения здесь оправданы. Оказывается, кое-что мы полезное делаем.

В «Октябре» я твой роман прочитал и — в восторге. Читал по кусочкам, наслаждаясь каждой фразой. А где твой «военный» роман? Жду его с нетерпением.

Сам я был всё время занят ЛНС, т. 7[91], посвящённый Потанину (окончание «Воспоминаний» и плюс очерки и публицистика). Составил и отдал изд-ву том 8. Но главное — сделал том Азадовского[92] для Иркутска в связи с его столетием со дня рождения. Очень много сил это потребовало, а их у меня всё меньше и меньше… Ничего не поделаешь — старость.

В «Лит. обозр.» я послал снимок, где мы втроём, но тебя они отрезали, т. к. портрет твой был впереди.

Очень соскучился. Повидаться бы!

Обнимаю. Твой Н. Яновский.

13 октября 1986
с. Овсянка

Дорогой, милый Николай Николаевич!
Давно собираюсь Вам написать (чует моё сердце, что Вам что-то худо — может, одиноко? Может, хвораете?), но лето было хорошее, осень дивная, ничего не хочется делать, а тут (нрзб) задавился, во связи с последними моими публикациями — от восторгов неудержимых и до угроз прикончить меня как врага грузинского народа.

Год был длинный и пёстрый. Много ездил по краю, а Марья Семёновна едва жива, трое похорон за этот только год — схоронила всех близких — старшую сестру и брата, тётушку, которая была нам вместо матери. Я хорошо порыбачил в Эвенкии и Туве, ездил по грибы, а их было нынче очень много.

Весной, будучи в Болгарии, набросал новую главу в «Последний поклон» и вот завершил её отделку, собираюсь послать Залыгину в «Н. мир»[93]. Как погода зажмёт, приступлю к работе над «Поклоном», теперь он будет состоять из трёх книг — среднюю, вторую книгу составят главы юношеские, фэзэошные. Есть и ещё планы, дай Бог здоровья, чтобы их осуществить.

88. *Викулов С. В.* (1922–2006), поэт, главный редактор журнала «Наш современник» (1969–1989).

89. *Зябрев А. Е.* (р. 1926), прозаик, очеркист.

90. В интервью Евг. Шкловскому В. Астафьев сказал: «„Литературное наследство Сибири“ издаётся стараниями критика и литературоведа Николая Николаевича Яновского. Он буквально воскресил многих почти забытых писателей, живших в Сибири» // Это сложное время… Беседа с Виктором Астафьевым // Литературное обозрение. 1986. №3. Там же: *Цейтлин Е. Л.* Хранитель культуры. Из записок об учителе. *Цейтлин Е. Л.* (р. 1948), критик, литературовед.

91. Литературное наследство Сибири. Григорий Николаевич Потанин. Воспоминания (окончание). Статьи, рецензии, очерки. Воспоминания о Г. Н. Потанине. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1986. Литературное наследство Сибири. Т. 8. *К. Урманов. А. Новосёлов. Л. Сейфуллина. М. Азадовский. К. Худяков. И. Ливертовский.* — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издатеьство, 1986.

92. *Азадовский М. К.* Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988.

93. *Астафьев В.* Заберега. Глава из книги «Последний поклон» // Новый мир. 1987. №4.

Я до сих пор в Овсянке. Недавно здесь был Валентин Курбатов, заплывал Витя Конецкий[94]. Говорили о Вас. Валя Курбатов очень высоко ценит Вашу деятельность и подвиг Ваш, во имя сибирской литературы, говорит, что мы, обормоты, до конца этого и не понимаем. Наверное, так и есть. Но зато вот я нежно люблю тебя и всегда тепло помню, а что редко пишу, так ведь русский же человек, он о близких заботу проявляет (нрзб).

Кланяюсь, целую обоих и Фаину Васильевну.

10.1.1987
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
С удовольствием посылаю очередной том «Наследства». В нём есть что почитать не без пользы. Завершена «Моя эпопея» — Ядринцев два тома и Потанин — два. Теперь могу сказать, что возмечтал я её совершить лет десять назад и радуюсь ныне, как буто я всё это и «сочинил». Вот как гордыня меня заедает! Но убеждён: предшественников надо не просто чтить, но изучать их труды, пропагандировать, сознавая, что и сегодня они не потеряли своей цены. Наша сибирская история — не мёртвый капитал, а действенное оружие современности, как и всякая другая история, если к ней подходить творчески.

«Сиб. огни» опубликовали мою статью «Потанин-писатель» к 150-летию со дня рождения с сокращениями[95]. Теперь она увидела свет в полном виде. В сущности, я прочитал Потанина по-новому. Если что-то ценное будет найдено в книгах Ядринцева и Потанина (с моими пояснениями), я буду просто счастлив.

Читаю полемику вокруг «Печального детектива». Цельного и разностороннего анализа с учётом состояния общества и текущего литературного процесса не нашёл, да и сам всё ещё мучаюсь в раздумьях (а думать есть о чём!). Здоровье меня подводит, иначе вмешался бы…

Марии Семёновне и тебе наш с Ф. В. сердечный привет и добрые новогодние пожелания. Хотел послать в канун Нового года, но побоялся затеряться в потоке поздравлений.

Будь здоров и работоспособен — верю, что совершишь ещё многое.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

(без даты)
(на открытке)

Милый Николай Николаевич!
Спасибо за 7-й том. Хоть у меня и зарез, полистал я его. Недавно в интервью, в Чехословакии, похвалил тебя за эту работу, наверное, первым в нашей литературе имел честь назвать тебя «подвижником», а это так и есть, и уже навсегда. Марья моя, Семёновна, всё ещё тяжко больна, поэтому пишу коротенько и желаю, чтоб Вы не хворали, поелику возможно, были бодры и работоспособны. Мои дела все стоят, даже с евреями лаяться некогда. Даст Бог, всё поправится и мы в марте поедем в Чехословакию (нрзб).

Обнимаю, целую — твой Виктор.

---

8 мая 1987 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
У меня был А. Е. Зябрев, с ним я передавал привет и поздравления со священным Днём Победы. Идут годы, а в душе живёт боль тех лет и дней, и не только боль, но и её, так сказать, результаты — война укоротила нашу жизнь. Погибших, безусловно, но оставшихся в живых.

Докатилась до меня и переписка с Эйдельманом[96]. Виктор Петрович! Не отвечайте Вы на провокации подобного рода! Сейчас переписка услужливо распространяется в списках, и мне её доставил «доброжелатель», один из них мне понятен, он просто меня информировал, но другие — явно с какой-то «задней мыслью» как монографисту — знайте, дескать, о ком монографии создаёте! Вся эта возня меня возмущает, хотел было написать Эйдельману, но это только увеличит тетрадь умышленно распространяемых писем. А этого-то Эйдельманы и хотят.

Договориться до того, что Герцев[97] не случайно напоминает Герцена, может только злоумышленник, с которым всерьёз нет необходимости полемизировать. Это продиктовано зоологической злобой. Хотя против евреев я ничего не имею, но разговаривать на таком уровне я с ним не желаю.

Я теперь доволен, что в книге ты раскрыл, как мне кажется, социальную природу таких типов, не имевших, в сущности, отношения к настоящей русской интеллигенции. Что же тут копия ломать?! Вас обвинят в том, что Вы с пренебрежением

---

94. *Конецкий В. В.* (1929–2002), прозаик, киносценарист.
95. *Яновский Н.* Г. Н. Потанин — писатель, публицист и критик. К 150-летию со дня рождения // Сибирские огни. 1985. №9.
96. Переписка Н. Эйдельмана с В. Астафьевым (два письма Н. Эйдельмана и одно письмо В. Астафьева) опубликована в журнале «Даугава» (1990. №6).
97. Герцев — персонаж «Царь-рыбы» В. Астафьева.

относитесь к другим народам Сибири — такая несусветная глупость и недобросовестность, что даже как-то теряешься… Нет, я прошу Вас, не отвечайте на такие выступления! Это как снежный ком — на одно недобросовестное суждение тут же наматывается другое, даже со ссылкой на авторитет Пушкина — им же никого не жалко, им же невдомёк, что Пушкин говорил о другом и в других исторических условиях. Эти знатоки Пушкина попросту не знают его, если взять на поверку. Я сразу вспомнил, читая Эйдельмана, статью Пушкина «Джон Теннер» о «драгоценных Записках Джона Теннера». В ней Пушкин пишет: «С изумлением увидели демократию (в США) в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках…» и т. д. и т. п. Прочтите статью, и возражения со ссылкой на Пушкина сразу отпадут. Ах, Грузию критикой трогать нельзя, поскольку это другое государство. Во-первых, она сейчас входит в состав Советского государства, во-вторых, тезис с критикой только «своих» порочен с самого основания. Я не понимаю, почему Троепольский[98] взялся извиняться за всю редколлегию, и никто его не одёрнул, хотя бы тот же Викулов. У В. Распутина, например, другая точка зрения.

Я читаю «Новый мир» и опять погружаюсь в мир «Последнего поклона», я и не подозревал, что теперь уже и для меня станет своеобразным переживанием-воспоминанием с первого чтения. Я понимаю, почему возвращаетесь к этой же теме, и я не вижу здесь повторения. Душа, погруженная в ещё и ещё раз в тот мир, обогащается, это и следует уловить в новых главах.

Марии Семёновне наш поклон и наши добрые пожелания. Как со здоровьем? Мы очень беспокоились.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

23.VII.1987
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Я не мог, разумеется, посмотреть пьесу, поставленную по роману «Печальный детектив»[99], и не могу сказать, насколько она «странная», но о романе-то я имею ясное представление, знаю, насколько он «странен», насколько он, несмотря на это, правдив. Статью-ответ в «Советской России» я прочитал с живейшим интересом, тем более что только что сделал «вытяжку» из своей книги о «Царь-рыбе» для «Библиотеки сибирского романа»[100]. Не спросясь, изд-во определило предисловие в объёме 0,7 п. л., запланировало, утвердило в инстанциях, а когда я запротестовал, сказало, что ничего поделать уже не могут. Диктат действует, хотя все спешат перестроиться.

Статья у Вас получилась хорошая, я по немочи своей не смог выступить о романе, но надеюсь, что он от меня не уйдёт, и о нём напишу, разберусь, «странный» он или какой-то другой.

Работаю я, увы, мало, силы восстанавливаются медленно, и не верю уже, восстановятся ли. Как бы то ни было, понемногу работаю, пишу «Лит. портрет» для мери нашей о Шукшине. И вот какая у меня просьба. Вы выступили о В. М. Шукшине в Сростках на юбилее, по радио, но в печати я Вашего выступления не встречал. Если есть текст, — пришлите, пожалуйста, буду очень благодарен (возможно, я его пропустил).

Ваша переписка с Эйдельманом ходит и распространяется — я её тоже получил. Считаю, что такой оборот дела, если это исходит от Эйдельмана, тоже провокационным, как и первое письмо его. Неймётся им, потому и отвечать им не стоит.

Мы с Ф. В. шлём Вам с Марией Семёновной сердечные приветы и обнимаем дружески.

Н. Яновский.

20.XII.1987
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Который уже раз Вы благожелательно говорите обо мне — теперь вот в статье о Сергее Максимове, которого я чту за его большой труд «Сибирь и каторга»[101]. Три книги, вышедшие почти одновременно, дороги мне — «Мёртвый дом» Ф. Достоевского, «Русская община в тюрьме и ссылке» Н. Ядринцева и книга С. Максимова, я читал их с особенной тщательностью, хотя три тома С. Максимова — махина колоссальная, и без надобности в неё не полезешь. Я возмечтал о них написать, показывая общее и различие. Не дошёл я до этого, потому что книга С. Максимова есть только в крупных библиотеках (я её читал в Ленинской-Румянцевской, в Москве).

В Иркутске обещали дать в «Памятниках» том Ядринцева, в него я включил большой раздел из его книги «Русская община в тюрьме и ссылке» (первое и единственное издание 1872 г.). Почему

---

98. Троепольский Г. Н. (1905–1995), прозаик.
99. Премьера спектакля по роману «Печальный детектив» состоялась 6 марта 1987 г. в Москве в театре им. Моссовета (реж. Г. Тростянецкий, исполнитель гл. роли В. Соломин).
100. Астафьев В. Царь-рыба. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. (Серия «Библиотека сибирского романа»).
101. Максимов С. В. (1831–1901), писатель, этнограф. «Сибирь и каторга» (1871. Т. 1–3). Статья В. Астафьева о нём: «Радетель слова народного» (Собрание сочинении: в 15 т. — Красноярск, Офсет, 1998. — Т. 12).

не всю книгу? Потому что состоит из разных по содержанию глав; одни — научное исследование о русской тюрьме, другие — живое изображение им самим в Омском остроге пережитое, примерно через пять лет после Достоевского, и многое потому совпадает по фактам, по песням. Разница в мере таланта. Но убеждён, что и эту книгу, как и книгу С. Максимова, забывать нельзя.

Поздравляем мы с Ф. В. Марию Семёновну и Вас с наступающим Новым годом. Жаль, что в Ленинграде не пришлось повидаться. Но сведения об этой конференции, увы, печальные, мне рассказывали очевидцы.

Понемножку копаюсь над ЛНС, 8, который нужно сдать в производство к январю.

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

6.II.1988
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Из письма я понял, что Вы с Марией Семёновной понемногу «приходите в себя», хотя слова эти диковатые — случившееся пребудет вечно, знаю по себе. Марии Семёновне наш с Ф. В. поклон. 1987 г. наш, увы, ничего хорошего не принёс. Едва выкарабкались из всяческих недугов и огорчений.

Посылаю «Ватагу» Вяч. Шишкова. Это уже третье издание, и каждое по 100 тыс.: Воронеж, Иркутск, теперь вот Новосибирск, а я ведь предлагал Новосибирску лет пять назад, и равно и издательству в Кемерове, где события происходили (в их крае). А теперь вот в таком соседстве: «Разгром» — проповедь сознательности, «Ватага» — проповедь стихийности, как уверяла вся критика[102]. Вообще, история о том, как я «пробил» роман в «Современнике», любопытна и поучительна, ну и, конечно, юмористична, не без того. Нет на них современного Шишкова-юмориста. Но сначала надо было сокрушить авторитет Д. Фурманова[103], авторитет одного из руководителей партизанского движения в Сибири, ставшего впоследствии руководителем нашего министерства сельского хозяйства. Никто не знает, как Шишков высмеял его в повести «Дикольче», а в книге у меня этот «кусочек» выбросили, «как несущественный». А один современный критик (критикесса) прямо заявила, прочитав мою статью о «Ватаге»: «Я всё-таки более верю Д. Фурманову, чем Яновскому». И, разумеется, никаких доказательств.

Сейчас, когда печатается столько «исторических» произведений, пролежавших 10–20 лет в рукописях, мои усилия опубликовать «Ватагу» Шишкова, «Чураевых» Гребенщикова, «Общежитие» и «Щепку» Зазубрина кажутся «детским лепетом» (Зазубрин-то так и не опубликован). Но мне было не до шуток, особенно в условиях новосибирских хамелеонов. Никульков уже успел «перестройку» осуществить, заявив в «Сиб. огнях», что Сталин проводил в жизнь идеи Троцкого. Он всегда впереди всех, когда меняется в стране обстановка, всегда в роли «открывателя» и «поучателя», смотрящего вперёд. Сейчас он усиленно толкает в печать и роман «В буче», и роман о Маяковском[104]. Он с покойным теперь Смердовым действовал дружно, и Зазубрина вкупе с Коптеловым унижали согласно.

Посылаю одновременно и книгу «Воспоминания о Вячеславе Шишкове»[105], которые даются в более полном составе, чем книга московская. Она лучше уже потому, что открывается «Автобиографией» Вячеслава Яковлевича, нигде более не появлявшаяся после 1929 года. В Москве её отказались печатать дважды — в «Воспоминаниях» и в сборничке «Беседы о мастерстве» («Сов. Россия»). Находились благовидные предлоги, вообще 5 п. л. нового по сравнению с московским изданием. Книгу издали прилично, хотя и продержали пять (!) лет. Есть уникальные снимки. Я рад, что мне удалось издать полдесятка его книг, скоро выйдет повесть «Прохиндей», изданная в таком виде лишь в 1942 году. Не могу только выбрать время для «доработки» своей книги о Шишкове, которую в изд-ве «Художест. лит-ра» изрядно «потрепали». А теперь боюсь и не успеть — так много ещё надо сделать. Будьте здоровы! Роман жду.

Обнимаю. Н. Яновский

3.III.1988
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Был у меня Анатолий Зябрев и привёз альманах «Енисей», и я прочитал беседу Г. Сапронова с В. П. Астафьевым, беседу чрезвычайно интересную, где над многими «И» (в нашей истории) поставлена выразительная точка. Казалось бы, многое уже не новость (скоропалительность коллективизации, установление фактического «крепостного права» без свободы выезда из деревни и т. п.). Но тут важно, что это сказано тем Виктором Петровичем, который по-своему об этом же и писал ранее (режим жизни Игарки хотя бы). И я, пробираясь через частокол запретов, рвался

102. *Фадеев А. А.* Разгром: роман. Шишков В. Я. Ватага: роман. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1987. (Цикл: «Гражданская война в Сибири»).
103. *Фурманов Д. А.* (1891–1926), прозаик, военный и политический деятель.
104. Романы *А. Никулькова* «В буче» (1963), «На планете мало оборудованной» (1967–1970).
105. Воспоминания о Вячеславе Шишкове: сборник. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1987.

написать о том же, когда писал книгу о Викторе Астафьеве. Но меня срочно разыскали в захудалом санатории и поставили перед вопросом—либо я соглашаюсь убрать что-то более пол-листа, либо книга будет снята с производства. Я рассмеялся, так как выбора здесь не могло быть.

Кстати, там я цитировал находящийся ещё в рукописи—«Зрячий посох», и это особенно возмутило цензоров. Теперь я уже наслышан, что «Зрячий посох» (целиком?) будет опубликован. Боже, какие «качели» переживает наше поколение! И каждый раз «освобождение» идёт как бы не снизу, а сверху, и этим обстоятельством кичатся—не больше, не меньше. Словом, беседой этой я очень доволен, снова, как всегда, пропущено всё через душу…

Марии Семёновне шлём привет.

Обнимаю. Н. Яновский.

(без даты)
(на открытке)

Дорогой Николай Николаевич!
Так идёт жизнь, что не помню, поздравил ли Вас с Фаиной Васильевной с Новым годом?

Если нет, желаю уже в наступившем году подходящего здоровья и чтобы работалось к душе и жилось не хуже, чем в предыдущем году.

Мы живём помаленьку, тащим горе на плечах, не Вам объяснять, какая это тяжёлая работа.

Детей—Полю и Витю—пришлось отправить к сыну, в Вологду—не справились, домработницу не нашли, а М.С. очень сдала и лишь недавно помаленьку начала включаться в домашние дела и стала печатать на машинке.

Я отлежал в больнице и по приглашению издательства «Альбен Мишель» съездил во Францию, осуществил свою мечту, побывал на могиле Бунина и княжны Веры Оболенской, поклонился им и попросил за всех за нас, засранцев, прощения.

Она мне помогла, и Господь не отвернулся—по возвращении возобновил работу, прерванную смертью дочери и всё (нрзб), сейчас уж нахожусь в конце её, или в конце очередного захода на «Последний поклон»—книга теперь состоит из трёх частей, в ней шесть новых глав, много кусков и кусочков, поправок, уточнений. Можете мной гордиться, может, и Родина моя—Сибирь, когда-нибудь (нрзб).погордится мною—это получается песнь-песней о Сибири и о её, почти уже исчезнувшем народе, даже не исчезнувшем, а растворившемся в каком-то чужом интернациональном сброде, который из Америки сделал передовую страну, ибо в Бога веровал и люди там правили с головой, а у нас пламенные революционеры братоубийство устроили, насаждая передовые идеи во все души, людей истребили и ждут, чего на пустом месте взрастить.

2-го февраля я должен везти в Москву «Поклон» и там залягу в больницу, с лёгкими стало совсем плохо, надо лежать основательно, а я всё подлеживался.

Кроме «Поклона» написал предерзкую статью к юбилею Гоголя[106], предисловие к книге Трамбо «Джонни получил винтовку» в «Худ. лит(ератур)е», и других всяких мелких работ кучу провернул. В работе я забылся маленько.

Марья Семёновна со 2-го марта поедет в санаторий имени Горького, под Москву, так там, наверное, и встретимся. Весной хочу отдохнуть, а там снова за работу. Планов много. Времени и сил не так уж много. «Печальный детектив», против моих ожиданий, гремит и идёт по свету—издаётся в 20 уже странах, англичане добиваются сделать совместный советско-английский пятисерийный фильм (теле), а белорусы двухсерийный, экранный, ни там, ни там я участия не принимал, жалея силы и время.

Отпишу «Затеси» (много покоилось в башке) и продолжу работу над романом, может быть, и пьесу напишу, набросок которой сделал ещё в Вологде. С №1 в журнале «Москва» начинает печататься мой «Зрячий посох»[107]—Карамзин и я рядом. Это закономерность или совпадение? Шуму-гаму будет много.

Кланяюсь, обнимаю. Виктор.

П. С. Читал, что вышла «Ватага», если сможешь, достань для меня экземпляр, я её даже не читал.

23.VII.1988
Новосибирск

Книгу—изданную хорошо—получил. Спасибо! Всё искал, какие рассказы я ещё не читал, но увлёкся и с удовольствием перечитывал известные. Хорошо, что и целый раздел и всю книгу назвал «Падение листа». Помню, как «ругался» «Коммунист» и как у меня изымали полемику с этим высокопартийным журналом, на полях писали: «Не убедительно», «автор (т.е. я) ничего в рассказе не понял». «Коммунист» прав! И я теперь радуюсь, что ты вынес рассказ на целую книгу.

По поводу «Общежития» и «Щепки» В. Зазубрина мне звонил А.Е. Зябрев. Я сразу же сообщил Карпунину[108], у которого всё это лежит. Через Преловского[109] он жаждал получить разрешение из Москвы. Но кому там всё это надо?! Сейчас же,

---

106. *Астафьев В.* Во что верил Гоголь // Москва. 1989. №4; Литература в школе. 1989. №5.
107. Зрячий посох // Москва. 1988. №1–3.
108. *Карпунин Г.Ф.* (1939–1997), поэт, главный редактор «Сибирских огней» (1987–1997).
109. *Преловский А.В.* (1934–2008), поэт, переводчик, сценарист.

узнав, что «Енисей» готов печатать и рассказ и повесть, сдали (или сдают!) в набор для очередных номеров С(ибирских о(гней). Карпунин сам взялся писать предисловие, как мне сообщили, хотя я сделал бы это лучше. Тут великолепно продемонстрирована трусость. Поживём—увидим, чем всё это закончится.

Наш с Ф. В. большой привет Марии Семёновне, а тебя обнимаю.

Твой Н. Яновский.

Авг. 1988 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!
Посылаю итоговую (далеко не полностью) книгу[110]. Хорошо, что и такая вышла. Это же как подарок судьбы. Критика, да ещё провинциального, такими книгами не балуют.

Присоединяю к сему «Щепку» Зазубрина. Мне звонил работник «Енисея», я записал его адрес и тут же его утерял (слепнуть стал—катаракта!) и найти не смог.

Кстати, в книге есть и о «Щепке» (глава о Зазубрине)[111] . Если надо, из неё можно взять кратенькую характеристику повести—или хотя бы оттолкнуться от этой характеристики (моей и Правдухина). Я бы рекомендовал предварительно напечатать «Заметки о ремесле» («Сиб. огни», 1928, №2), они ещё хороши и тем, что в них даны портреты наших партвождей на съезде, за что Зазубрин был оклеветан в статье «Мещанин на партсъезде» «Сов. Сибирь»)[112].

Вообще-то, смотрите. Карпунин не отказался её печатать, но ждёт «решение» Москвы.

Марии Семёновне от нас с Ф. В. большой привет, тебе желаем здоровья и успеха. Мы видели тебя по телевизору. Хорошо, дельно выступал от журнала «Наш современник».

Обнимаю.
Твой Н. Яновский.

Дорогая Фаина Васильевна!
Рад был Вашему письму и его горькому, но не безысходному тону. Жизнь есть жизнь, и в ней, к сожалению, бывает и конец. Думаю, что уход мужчины[113] первым узаконен от Бога и, как говорил мой покойный дядя, а я это не раз повторил своими каракулями: «Ты меня снарядишь и оплачешь», и в один день и в один час бывает только в сказке со счастливым концом, или в кратком бедствии, вроде войны.

Я закончил первую часть военного романа[114] и сожалею, что Николай Николаевич уже не может это прочесть. Горькое и чудовищное действие романа происходит в Новосибирске, точнее, под Новосибирском, возле Бердска, в Запасном полку 42-го года. На том месте сейчас пляжи Академгородка и грязный остаток, нами оплаканной и обиженной земли, видный вроде острова, если его ещё не размыло мутной водой рукотворного моря.

Писал и самому было страшно, как это всё мы могли терпеть, а главное, зачем? Ради сегодняшнего счастья? Не лучше ль нам было погибнуть с верой, что за нами Царствие Божье?

Вторая книга ещё страшней первой, и третья, хотя и называется «Весёлый солдат», ничего в себе весёлого не содержит[115].

Хватит ли моих сил? Не знаю. Вот уже и после первой книги приболел, нахожусь в тяжелейшей душевной депрессии, безысходность на душе, и думы беспросветны.

Живём только ребятишками, их без нас поднимать и доглядывать некому.

Ну никто, как Бог! Будем уповать и надеяться на него, больше не на кого и не на чего.

Ждём весны, тепла, а они к нам ныне не торопятся.

Прощаясь с вами, передаю поклон от Марьи Семёновны и ещё раз напоминаю, что Вы всегда можете рассчитывать на нашу посильную помощь и поддержку.

Кланяюсь, целую Вас—Ваш Виктор Петрович.

19 марта 1991 г.
Красноярск (В. Астафьев)

Переписка подготовлена к печати
и прокомментирована В. Н. Яранцевым

110. *Яновский Н.* Писатели Сибири. Избранные статьи.—М.: Современник, 1988.
111. Жизнь и творчество Владимира Зазубрина // *Яновский Н.* Писатели Сибири (указ соч.).
112. Мещанин на партсъезде // Советская Сибирь. 1928. 26 апреля.
113. Н. Н. Яновский умер 24 сентября 1990 г. в Новосибирске.
114. 1-я часть романа «Прокляты и убиты» «Чёртова яма».
115. 2-я часть («книга») романа «Прокляты и убиты»—«Плацдарм». «Весёлый солдат»—повесть.

Владимир Шанин

«Тропа войны» солдата

Старожилы села Краснотуранского (Абаканского) на вопрос: «Знаете ли вы Суворова?» пожимали плечами:

— Это который генералиссимус?.. А-а-а… Гоша Суворов, земляк! Родился тут, в Абаканском. Ну, погиб в войну. А больше мы про него ничего не знаем.

— Он был поэтом,— подсказал я.— Писал хорошие стихи. На войне — о войне…

Единственный сборник «Слово солдата» с предисловием известного советского поэта Михаила Дудина вышел в Абакане в 1954 году тиражом 10 тысяч экземпляров. Рукопись была подготовлена к изданию Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, руководимым в то время классиком хакасской литературы Н. Г. Доможаковым.

Эта тоненькая книжечка в 72 страницы карманного формата разошлась очень быстро и вскоре стала библиографической редкостью. Ещё кровоточила в народе память о страшной войне, ещё только год минул, как умер Иосиф Виссарионович Сталин, Верховный Главнокомандующий и руководитель страны, ещё не залечила раны и увечья разрушенная наша Родина, и потому каждое горячее слово, исходящее от фронтовиков, было читаемо и принималось сердцем.

В конце 60 — начале 70-х годов прошлого века я работал в краснотуранской районной газете «Знамя Ильича» ответственным секретарём редакции. Все материалы проходили через меня, я их редактировал, готовил в номер, фамилия Суворов часто мелькала в них, когда речь заходила о войне. Авторы гордились своим земляком, старались напомнить, подчёркивая: «по-эт». Так что имя отложилось в моей памяти.

В районной библиотеке мне сказали: такого поэта не читали, книжек его не видали… Ну как же, возразил я, был же сборничек… Может, и был, ответили, но разве уследишь — кто-то взял и не вернул.

Позже, по приглашению бюро пропаганды художественной литературы при Хакасском отделении Союза писателей СССР, я приехал в Абакан. Местные писатели посоветовали обратиться в областную библиотеку. И там, как выяснилось, не все знакомы со стихами Георгия Суворова.

Геннадий Сысолятин, поэт-фронтовик и переводчик с хакасского, притуманясь лицом, процитировал суворовское:

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а всё-таки как быстро,
Как быстро наше время утекло!..

— Гоша под Ленинградом воевал, я — в Сталинграде,— сказал Геннадий Филимонович.— Газету «Красная звезда» хоть и не часто, но мы получали. Газета боевая, до дыр зачитывали. Берегли. За одни только стихи Тихонова, Дудина, Симонова… Суворов при жизни так и не увидел своих стихов напечатанными. Вот это одно я запомнил — было в «Звёздочке», но уже после гибели поэта. А ты чего Суворовым интересуешься?

— Почитать бы…

— Ну тогда тебе в библиотеку надо!

В областной библиотеке экземпляр суворовского «Слово солдата» всё же нашёлся. Тоненькая книжица была изрядно потрёпана, уголки страниц загнуты, затёрты множеством пальцев. С небольшого портрета смотрел на меня, слегка прищурясь, молоденький лейтенант с щегольскими усиками на открытом лице.

Я раскрыл этот сборничек наугад и прочёл:

Я исходил немало горных троп
Высокого и строгого Саяна.
Шёл по ущельям хмурым Абакана,
Был постоянным спутником ветров.

Стихотворение называлось «Тропа войны» и говорилось в нём совсем не о войне, но она присутствовала, и каждая строка дышала огнём. Но вот и заключительные строки, звучавшие клятвой:

И если мне среди голубизны
Хакасских дебрей вновь сверкнули тропы,
Я не покину своего окопа,
Нет, не сверну с крутой тропы войны!

«Это первая и последняя книга Георгия Суворова. Больше он ничего не напишет,— сказал в предисловии Михаил Дудин, редактор и составитель сборника.— Трудно сказать, что бы он сделал в будущем, потому что слишком много у него было возможностей, темперамента, воли и той силы, которая

ещё не нашла себе настоящего выхода. И эти стихи — только маленькая часть его характера».

Георгий Кузьмич Суворов (1919–1944) был человеком общительным, добрым, честным, и у него, как у всякого компанейского парня, было много друзей. Ещё в Иудино (Бондарево) познакомился с известной сибирской фольклористкой М. В. Красножоновой, приехавшей изучать язык и обычаи старых иудинцев. Он близко сошёлся с молодым журналистом Афанасием Шадриным, интересующимся камнями-писаницами с могилы деревенского философа Тимофея Бондарева, на которых тот перед смертью выдолбил основные мысли своего труда «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство». Был знаком с художником Д. И. Каратановым, поэтом Иваном Ерошиным и Казимиром Лисовским, дружил с Николаем Тихоновым, Михаилом Дудиным, Сергеем Наровчатовым, Леонидом Решетниковым, Леонидом Мартыновым, переписывался с ними. Многие оставили о нём воспоминания.

Учёные исследуют поэтическое творчество Георгия Суворова. Профессор Красноярского государственного университета Г. М. Шлёнская в 1984 году выпустила книгу «Дом и мир», в которой подробно проанализировала стихи семи поэтов. Имя Георгия Суворова стояло первым. «Интерес к творчеству и личности поэта-воина в последнее время всё настоятельнее проявляется в масштабах всей страны. Суворову посвящают стихи и поэмы, о нём пишут очерки и мемуары», — подчеркнула она в предисловии.

Светлая лирика Георгия Суворова уже в 30-е годы громко заявила о себе. Стихи учителя из деревни Иудино публиковали газеты Красноярска, Новосибирска, Абакана.

В 1939 году корреспондент «Красноярского рабочего» Афанасий Шадрин в письме Сергею Сартакову от 20 августа писал: Георгий Суворов гремит на новосибирскую округу, и я его часто слышу по радио» («Енисейские встречи». Литературный альманах. Красноярск, 2008, с. 52).

В своих воспоминаниях («Ученик у жизни и у людей». Две трети века с «Красноярским рабочим». Красноярск, 2008, с. 32) Афанасий Шадрин описывает, как он познакомился с Георгием Суворовым. «Мы с Лией Гераскиной, автором пьесы «Аттестат зрелости» (по которой впоследствии снят художественный фильм с Василием Лановым в главной роли. — *В. Ш.*), уже были знакомы с его стихами и оценивали их неоднозначно. Лия считала, что пишет их разочаровавшийся в жизни усталый человек, подражая Есенину, которого в те годы осуждали за упадничество. Мне же казалось, что стихи лиричны, волнуют искренностью и переживаниями».

При первой их встрече в захолустном Иудино Афанасий Шадрин встретился с парнем «моложе себя», с нелёгкой судьбой человека, рано потерявшего родителей. Он бедствовал, как мог перебивался у родственников или у знакомых соседей и, в конце концов, оказался в детском доме. Там окончил краткосрочные курсы при учительском техникуме и был выпущен в «свободное плавание» учителем начальных классов.

…И вот они сидят в пустой школьной комнате, и Георгий читает Шадрину свои стихи.

Стихи подкупали искренностью, любовью к природе. Поэт находит слова звучные, образные. И всё же, заметил Афанасий, чего-то недостаёт в них. Проскакивают нотки грусти, неудовлетворённости жизнью и, в частности, собой.

Конечно, характер Георгия Суворова не из кротких — детдомовец как-никак… И когда поэт прочёл несколько эпиграмм на своих коллег — поэтов старшего поколения, Афанасий не выдержал:

— Откуда у тебя это, Гоша?

— Что именно? — насторожился Суворов.

— Какая-то подспудная скорбь… Хотя… Прости, я и сам не могу во всём разобраться.

— Но ты неплохо разбираешься в поэзии. А скорбь… Ну что я здесь вижу нового? Кто поправит меня, подскажет?

— А я, Гоша, и в Красноярск переехал, чтобы быть рядом с людьми знающими, образованными, — мечтательно произнёс Шадрин и, помолчав, похвастался. — Работаю в краевой газете, общаюсь с интересными людьми, посещаю литературное объединение.

Георгий даже подскочил, загорелся внезапно блеснувшей мыслью.

— Слушай! — вскричал он. — Ты подал мне хорошую идею. Ведь и я подумывал перебраться в какой-нибудь город, в литературную среду, к большой поэзии. Да и учиться надо. Средняя школа — маловато. Хочу в институт поступить. Это было бы здорово!

В июне Георгий внезапно ворвался в тесную комнатушку при редакции, где проживал Афанасий Шадрин, и с порога радостно сообщил, что принят на литературный факультет педагогического института. Это событие они тут же отметили торжественным чаепитием.

В этой комнатушке, где и одному-то повернуться негде, Суворов прожил июль, спал то на полу, то на кровати, когда хозяин в командировке. В августе Афанасий Шадрин был призван в Красную Армию, и комнатку пришлось сдать завхозу.

Прощаясь, вспомнили, как дружно, в тесноте, но не в обиде, прожили счастливое время, как писали стихи, как посещали при институте «литературные пятницы» и мечтали напечататься в столичных журналах. Затем крепко обнялись и пообещали друг другу писать письма.

В том же 39-м году и самого Суворова призвали в армию. Его, двадцатилетнего, со средним

образованием, направили на краткосрочные курсы младших офицеров в город Омск. Здесь он подружился с такими же курсантами-сибиряками: Сергеем Залыгиным, Петром Дравертом, Марком Юдалевичем, Александром Смердовым, Леонидом Мартыновым, ставшим для него литературным наставником.

Переписка с Шадриным длилась недолго. Последнее письмо Афанасий получил уже из действующей армии.

Георгий Суворов окончил военные курсы в звании младшего лейтенанта и был направлен в Ханко, в Финляндии, но повоевать не пришлось — подкатила новая война — с Германией, и «ханковцев» спешно эвакуировали в Ленинград. Так переписка и прервалась.

В Ленинграде Суворов познакомился с поэтом, корреспондентом «Красной звезды», автором знаменитых ежемесячных писем, публикуемых в газете под заголовками «Ленинград в январе», «Ленинград в феврале» и так далее, с Николаем Тихоновым.

По сведениям главного редактора газеты «Красная звезда» Д. И. Ортенберга, Тихонов жил на улице Зверинской, и у него в доме № 2 постоянно собирались писатели и поэты. В квартире не было никакой мебели — сожгли в «буржуйке», зато на кухне, более-менее защищённой от осколков при артобстрелах, но не спасавшей от прямого попадания снарядов и авиабомб, было тепло и уютно, и Николай с женой Марией Константиновной перебрались сюда.

Гости бывали у Тихоновых в минуты затишья, пахнувшие порохом и дымом пожарищ, на их обветренных лицах не сразу появлялось благодушное настроение. Они рассказывали о следах разрушений в городе, о том, что «вся армия, вся страна с волнением читает простые и мужественные строки своей суровой правдивостью очерки Тихонова…» — «как живёт, борется, страдает и побеждает героический гордый город». Потом говорят о литературе, обсуждают новые стихи Михаила Дудина, Алексея Недогонова, Сергея Наровчатова, напечатанные во фронтовых газетах.

В свободное от боёв время на минутку-другую забегал к Тихоновым и Георгий Суворов. Иногда с Олегом Корниенко, но чаще с Михаилом Дудиным. И всегда не с пустыми руками: то с букетом цветов, срезанных с сохранившихся клумб, для Марии Константиновны, то с грибами, собранными по пути с фронта, то с несколькими картофелинами с огорода, разбитого ленинградцами у Исаакиевского собора.

На этот раз он зашёл к Тихоновым, чтобы вместе отметить важное событие: его назначили командиром взвода противотанковых ружей и повысили в звании. И пока он, счастливый и возбуждённый, рассказывал, Тихонов любовался им. Свои впечатления позже записал во фронтовой блокнот: Георгий Суворов был «из тех ладных молодцов, в которых чувствуется что-то богатырски-молодое, и застенчивое, и дерзкое…». Это был «гвардеец, представитель самых бесстрашных и умелых полков нашей армии».

«Бесстрашные и умелые» — это славная 70-я стрелковая дивизия, получившая гвардейское знамя за отличные боевые действия, ставшая 45-й гвардейской ордена Ленина дивизией.

Таким Георгий Суворов запомнился. Теперь же Тихонов ближе рассмотрел его и увидел «нечто суровое в этом ясном, открытом лице, может быть, оттого, что брови были слегка нахмурены и рот был очерчен решительно и строго. Глаза с задоринкой смотрели прямо на собеседника, а небольшие усы сразу заставили меня перевести взгляд на его гимнастёрку, где красовался некий знак» — «белый щит с красной звездой» — принадлежность к гвардии. «Красновато-бронзовые щёки Георгия Суворова, обветренные боевыми дорогами, опалённые огнём непрерывных сражений, делали его похожим на индейца… но на самом деле он никакого отношения к краснокожим не имел».

Так, наблюдая за Суворовым, Тихонов вспомнил: сибиряк из Хакасии поначалу сражался в знаменитой Панфиловской дивизии. Фронтовые корреспонденты как-то рассказывали: когда в бою под Ельней осколок немецкой мины «впился ему между рёбер», Суворов вырвал его, стиснув зубы, даже не застонал.

— Вы читали мои стихи? — спросил вдруг Суворов.

— Да, знаю «Чайку», она мне нравится, — ответил Тихонов и попросил. — Прочти, лейтенант. Как она звучит из твоих уст…

И Георгий стал читать:

Как полумесяц молодой,
Сверкнула чайка предо мной.
В груди заныло у меня…
Зачем же в самый вихрь огня?
Что гонит?.. Что несёт её?
Не спрячет серебро своё…
Зачем? Но тут припомнил я…
Зачем? Но разве жизнь моя…
Зачем? Но разве я не так
Без страха рвусь в огонь атак?!
И крикнул чайке я: «Держись!
Коль любишь жизнь — борись за жизнь!»

В его полевой сумке, наверное, были только стихи. Георгий привычным жестом раскрыл её, что не ускользнуло от пристального внимания Тихонова. Движения ловкие, уверенные, отметил он: «Да, закалка охотника и солдата в сильных руках и широких плечах». Суворов извлёк толстую, видавшую виды тетрадь, раскрыл её и наугад стал читать…

Стихи были особенные — о полковых товарищах, о последних боях на Неве, о танке с красными от фашистской крови гусеницами, о цветах, растущих на козырьке окопа, о тропах, вьющихся по ущельям хмурого Абакана, о тёмных струях железной руды в отвесных утёсах, об охоте и ночлегах в таёжной глуши и о той тропе войны, которой он, солдат, идёт сейчас, «платя ценою крови и лишений за каждый шаг…».

— Я люблю цветы, — оторвавшись от тетради, вдруг заговорил Георгий. — Я в окопах писал про цветы. Вот послушай:

Цветы, цветы… И там, и тут.
Они смеются и цветут.
Как кровь пунцовая соколья,
Как память павших здесь, в бою,
За жизнь, за Родину свою,
Они цветут на этом поле…

«Да, этот человек цельный, мужественный и полный какой-то скрытой нежности и грусти, — думал Тихонов, слушая, как читает Георгий, — будто кедровые орешки грызёт, — всё в нём настоящее: и страсть, и храбрость, и эти неустоявшиеся и пьянящие, как молодое вино, стихи».

«С этой встречи началась наша дружба, — позднее вспоминал Николай Тихонов, автор баллады о гвоздях „Гвозди бы делать из этих людей!..“. — Георгий Суворов был прост, как быт, нас окружающий. Когда я долго не видел Суворова, я скучал о нём… Я всегда думал о Суворове. Мне так хотелось, чтобы ему было хорошо в жизни, чтобы он дожил до Победы. Он был достоин её».

— У меня сестра — учительница, — продолжал Георгий. — Она всегда присылала мне в письмах засохшие цветы: кукушкины слёзки, ландыши, незабудки…

Тихонов перебил его:

— Почему ты пошёл в бронебойщики, Гоша?

— Так надо, — весело ответил Георгий.

— А правда, что капитан Родионов…

Тихонов лишь заикнулся, а Суворов вдруг помрачнел.

Капитан Родионов командовал дивизионом противотанковых орудий, который в полном составе погиб, отбиваясь от напора немецких танков. Враг так и не вышел в тыл наступающим русским войскам. Большие потери были и в сорок пятом у Краснова. Те, кто видел в бою Суворова, говорили: «Сражается, как лев, вернее, как сибиряк…».

— Ну, давайте прощаться, — сказал Георгий. Они обнялись. — При встрече поговорим. Теперь уж нас ничто не остановит, я это чувствую. Мы победим. Завтра решающий бой.

Он был несколько возбуждён, потому что «ждал этого боя, как праздника», приготовился и пришёл к Тихонову в полном походном обмундировании.

— Вот теперь, — заговорил он с улыбкой, — будет у меня новая тема, чтобы закончить книгу стихов как следует.

— И как ты её назовёшь? — Тихонов приготовился записывать.

— Сначала хотел назвать «Тропа войны», есть у меня такое стихотворение, где говорится и о Сибири, и о войне. Но потом решил переменить название. Должно быть проще и точнее. Я солдат. И книгу назову «Слово солдата».

«Через несколько дней, — записал Николай Тихонов, — ночью у селения Русско-Высоцкого соединились все исходные части 30-го гвардейского корпуса. И дальше по ленинградским дорогам уходили, преследуя отступающего врага, воины-мстители.

Шли дни, и кончился бурный необыкновенный январь… Уже сотни километров отделяли передний край от города на Неве…».

Тогда же из Кинешмы Георгий Суворов на денёк заскочил в Ленинград, встретился с Михаилом Дудиным. Был радостен и возбуждён. Михаил предложил Георгию сходить на концерт известной пианистки Марии Вениаминовны Юдиной. Вечером они отправились в филармонию.

Играла актриса великолепно.

— Больше всех я завидую композиторам и музыкантам, — сказал Георгий после концерта. — Их не надо переводить на другой язык. Они понятны всем без перевода.

Утром он должен быть в своём взводе и заторопился. На прощание протянул Дудину вчетверо сложенный лист бумаги.

— Хочешь, Миша, я тебе подарю? Это стихи.

Да, это были его новые стихи.

В воспоминаньях мы тужить не будем.
Зачем туманить грустью ясность дней…

Георгий Суворов ушёл, ушёл навсегда… А страна ликовала. Прозвучал торжественный залп ленинградской победы. Взлётом тысяч ракет осветились берега Невы. Люди обнимались и плакали, не скрывая своей радости, — страшные дни блокады кончились.

К концу подходил и дымный, метельный февраль…

В те незабываемые дни Николай Тихонов жил в Москве, в гостинице, обрабатывал записи фронтовых блокнотов из последней командировки в войска. Неожиданно (он никого не ждал) в дверь постучали. Вошёл майор, фамилию которого Тихонов никак не мог запомнить, знакомый ещё по блокадному Ленинграду. После дружеских объятий посыпались вопросы, вопросы… Майор отвечал весело, размахивая руками и чуть ли не приплясывая: дела, мол, идут отлично, что трудно даже представить — как это можно свободно ходить по улицам Ленинграда, не опасаясь обстрела

или бомбёжки. И, наконец, достал из полевой сумки листок со стихами Георгия Суворова.

— Вот молодец, что его стихи привёз!— обрадовался Тихонов. Торопливо развернув листок, быстро забегал глазами по стихотворным строчкам знакомого почерка:

> Когда-нибудь, уйдя в ночное
> С гривастым табуном коней,
> Я вспомню время боевое
> Бездумной юности моей.
> . . . .
> Я вспомню миг, когда впервые,
> Как меру светлые дары,
> Летучим роем золотые
> За Нарву перешли костры.
> И мы тогда сказали: слава
> Неугасима на века,
> Я вспомню эти дни по праву—
> С суровостью сибиряка…

— Когда вы видели Суворова последний раз?— быстро спросил Тихонов, почему-то сразу встревожась.

Жизнерадостный доселе майор нахмурился, сжал губы в ниточку и стал смотреть в угол.

Наступила тревожная тишина. И Тихонову всё стало ясно.

— Когда?— только и спросил упавшим голосом.

— Тринадцатого февраля, на переправе через реку Нарову.

Тихонов невольно взглянул на календарь: уже двадцать третье, День рождения Красной Армии.

…Без особого труда Николай Тихонов добрался до Ленинграда и первым делом попросил шофёра «подбросить его до реки Наровы», на правом берегу которой погиб и похоронен гвардии лейтенант Георгий Кузьмич Суворов, командир взвода противотанковых ружей.

Могила, в которой упокоился поэт, окружена цветами— кто-то ухаживал за ней и посеял розовый иван-чай, белые ромашки, любимые воином-сибиряком. Было ему двадцать пять лет.

В походной сумке поэта друзья обнаружили потрёпанные блокноты, исписанные стихами,— готовая книга, остаётся лишь подготовить её к печати. Николай Тихонов взялся её редактировать, Михаил Дудин обещал написать предисловие к ней.

Через несколько месяцев книга «Слово солдата» была подписана к печати.

В своих воспоминаниях друг Георгия Суворова, военный корреспондент, известный поэт Николай Тихонов писал: «Он жил и умер как поэт, и если поэту даны предчувствия, то он предчувствовал свою гибель, но мрака не было у него на сердце».

Позже на мраморной плите в Сланцах, около которых погиб 13 февраля 1944 года Георгий Суворов, были выбиты заключительные строки его стихотворения «Ещё на зорях чёрный дым клубится»:

> Свой добрый век мы прожили, как люди,
> И для людей.

Звучит, как реквием всем погибшим, как напутствие всем живым. Поэт соединил прошедшее с грядущим…

«Эти изумительные строки могут служить эпиграфом к судьбе всего нашего поколения, прошедшего через огонь войны и отстоявшего мир и счастье для нынешних и грядущих поколений»,— сказал Михаил Дудин.

Книга Георгия Суворова «Слово солдата» четырежды выходила в Советском Союзе. И расходилась почти мгновенно— ведь она отражала горькую правду прошедшей войны.

В декабре 1946 года создаётся Красноярская писательская организация Союза писателей СССР. К этому событию вышел в свет сборник «Сибиряки», в который вошли произведения С. Сартакова, И. Рождественского, Н. Устиновича, Л. Гераскиной, Е. Чичаевой. Под портретом в траурной рамке помещена подборка стихов Г. Суворова.

Лучшие стихотворения погибшего поэта публикуются в журналах: «Звезда», «Ленинград», «Сибирские огни».

В апреле 1947 года первый друг Суворова журналист Афанасий Шадрин жаловался Сергею Сартакову: в Новосибирске на встрече писателей он пытался найти книгу «Слово солдата», но ни в библиотеке, ни в читальном зале, ни на абонементе её не нашёл. Хотел хотя бы поговорить с Александром Смердовым— он, видимо, кое-что знает о Суворове… «но постеснялся: какое-то чувство, чёрт его знает,— не объясню». Так и не поговорил.

В 1948 году в издательстве «Молодая гвардия» (Москва) вышла антология молодой ленинградской поэзии «Молодой Ленинград», и в ней, наряду с другими, стихи Георгия Суворова. Антология «пахла порохом и кровью. Едким дымом печальных костров и сырой глиной братских солдатских могил»,— говорилось в аннотации.

С тех пор громкое имя не перестаёт волновать любителей военной поэзии. Книга Георгия Суворова переиздавалась и пополнялась новыми стихами.

Но опубликованное во всех изданиях стихотворение «Ещё на зорях чёрный дым клубится…»— неполное. Ленинградский поэт из сегодняшнего Санкт-Петербурга Илья Фоняков отыскал его полный текст. Оказывается, в нём не пять четверостиший, а одиннадцать. Полный вариант этого стихотворения опубликован в книжке «До последнего стука сердца…», подготовленный юными следопытами из города Кировска Ленинградской области, потом— в книге «Обелиски Георгия Суворова», составленной петербургским исследователем военной литературы Маратом

Малкиным. «Оба издания—малотиражные, пишет Илья Фоняков.—Вероятно, по совету старших товарищей, Николая Тихонова или Михаила Дудина, внушивших Георгию, что „писать может и подмастерье, а вычёркивать—только мастер“, поэт безоговорочно убрал шесть внутренних строф. Конечно же, он понял: ещё не всё в них отделано, доведено до совершенства».

Сегодня, через 70 лет после Победы, и эти шесть вычеркнутых строф, по мысли Ильи Фонякова, могут представлять для нас, потомков, несомненный интерес.

В изъятых строфах, «рождённых под огнём», возникают яркие образы родной Сибири. К тому же в полном тексте «яснее становится адресат стихотворения»—поэт Михаил Дудин и его жена Ирина Николаевна Тарсанова, сохранившая для потомков память о боевой дружбе «Гоши и Миши, блистательной пары, двух лихих парней». Стихотворение Суворова, подчёркивает Илья Фоняков, родилось «как ответ на появившееся чуть раньше «Соловьи» Дудина—одно из лучших произведений военной лирики». Полный текст стихотворения Георгия Суворова «Ещё на зорях чёрный дым клубится…» читайте в №3 и 4 за 2005 год в журнале «День и ночь».

Светлое имя поэта Георгия Суворова не забыто: единственный из красноярских русских поэтов, Георгий Суворов попал в двухтомный сериал всемирной литературы. В Красноярском государственном педагогическом институте (ныне университет им. В. П. Астафьева), где учился поэт, создан музей его имени. Он так и остался молодым. «У поэта есть возраст, это правда, но у поэзии нет старости»,—сказал Михаил Дудин. Возраст Суворова остановился на цифре 25, его стихам уже более 70, и они всё более молодеют.

Два талантливых поэта из Хакасии—русская Лариса Катаева и хакаска Светлана Янгулова—организовали в Абакане литературный кружок. Оттолкнувшись от известной поговорки «Не боги горшки обжигают», они назвали своё детище «Гончары». Необычно? Однако по-юношески дерзко, с желанием творить нечто божественно-романтическое. «Гончары»—это десять юношей и девушек, русских и хакасов. Обком комсомола привлёк их в агитбригаду, и «гончары» всю уборочную страду провели в полях, выступали и по радио, и по телевидению.

Но любая «вольница» рано или поздно обретает «официальные берега». Преподаватель Абаканского пединститута кандидат филологических наук Константин Фокич Антошин пригласил «гончаров» в литобъединение при литфаке имени Георгия Суворова…

Прошли годы. Горбачёвская «перестройка» закончилась распадом Советского Союза. Распалось и литобъединение, так романтично начавшееся и так драматично закончившееся. Светлана Янгулова окончила МГУ, вышла замуж за иностранца и уехала из страны. Умер К. Ф. Антошин. Ушли из жизни Валерий Майнашев и Виталий Шлёнский—первые члены Союза писателей СССР из «гончаров». И всё. Ничего уже нельзя сохранить.

Вот почему в библиотеке сказали мне: «Суворов? Знаем… Не читали. Да кто сейчас книги читает?..»

Виталий Молчанов

Герои

Максим

1.

Вязкий мрак ползёт по кругу неустанно день и ночь,
Пеленает в темень туго, лучик света гонит прочь.
Звякнет чашечка о блюдце, постучит метель в окно,
Дети зрячие смеются… Зажужжит веретено,
Шерсть и зиму превращая в нить пухового платка.
Говорят, на небе тают кучевые облака.

Только слово — Божье слово — обретает ясный цвет,
Ярче солнца золотого, и в писаньях древних лет
Столько мудрости таится, столько доброго тепла…
Богоматерь-голубица в церковь отрока свела
Помолиться пред иконой, окунуться в благодать.
Мрак споткнулся у амвона — в тьму не смог запеленать.

В мире Божьем люди-свечи свет внутри себя несут.
Будь ты слеп, убог, увечен — заалеет Верой трут,
Огоньком коснётся воска, поджигая в сердце нить,
И тогда всё станет просто — для других, горя, светить.
У Господнего алькова и с молитвой на устах
Понял: «Не ищу иного. Я Максим теперь, монах».

2.

Бузулук в трёх вёрстах, рядом… Но живым не добредёшь.
Без вины наказан адом. Давят злобно, словно вошь.
Переполненные блюдца — глаз незрячих родники.
Сам начальник в форме куцей молвит: «Отче, помоги!
Третий день в огне супруга, хворь свалила, выручай!»
Ты в ответ: «Исчезнет мука, выпьет пусть тюремный чай».

На дощатых нарах жёстких время движется назад.
Дым дешёвой папироски, конвоира лютый взгляд,
Псов охранных лай до хрипа, человеческая боль,
Пол в плевках, рыданья, всхлипы — зэков общая юдоль.
Убивали — не убили, дело шили — распорол.
Грозовые тучи плыли, задевая частокол.

Добрый схимник веком проклят, Богом щедро награждён.
Свечка тает, сердце глохнет, боль смывается дождём.
Врачеватель паствы смирной, упреждающий беду…
Пахло ладаном и миро тело в камерном чаду.
— Знать, Святой летит на небо! Знать, слепой увидит высь!
Распрощавшись с чёрным крепом, к солнцу ангелы взвились.

Зосима

1.

В котомке ветхой светится псалтырь,
Под посохом смиряется дорога.
Святых пещер хранитель — монастырь,
Построен паствой к вящей славе Бога.
Ласкают степь ладони сентября,
Парит орёл вдали крестом небесным,
И паутинки понесла заря
В скитанья по пределам бестелесным.
А странников толкнула в путь беда —
В крови — обида, жить невыносимо.
Гонимых и болящих — всех сюда
Призвал великий праведник Зосима
Молитвами спасать себя и мир,
К добру прийти, сокрытому в Божьей Вере.
Любой паломник, будь богат иль сир,
Заботой наделён был в равной мере.

2.

Смерть не стучалась — смело в дом вошла,
Свеча погасла пред святой иконой.
Детишек пятерых, отца свела
На кладбище в земли сырое лоно.
Хоть в петлю лезь, хоть волком ночью вой.
Казни себя, кори, теряя силы…
Захарий с поседевшей головой
Покинул дом и близкие могилы.
Былинный встрепенулся богатырь,
До срока спящий на сырту в кургане:
— Свято-Никольский будет монастырь
Построен! Заложу я первый камень!
Благословил Кронштадтский Иоанн,
Перекрестил во сне святой Иона…
Теперь — Зосима я, наказ мне дан
Для Господа сложить подножье трона!

3.

По капле наполняется сосуд,
По прутику гнездо большое вьётся.
Купцы дары на доброе несут,
Колокола в бока целует солнце.
Отстроили и церковь с алтарём,
И братский корпус, пчельник с добрым садом,
Колодезь, рукотворный водоём.
Монашьим душам — райская услада.
Молитвы полноводные текли
За край степной во благо всей России…
…из преисподней аспиды земли
В семнадцатом свои подняли выи
И в хищных лапах стиснули страну,
За веру во Христа людей карая.
Монахов добрых бросили в тюрьму,
Почил Зосима, зла хлебнув сверх края.

4.

Повергли в прах обитель… Гнить на дне
Иль оттолкнуться к воздуху и свету?
Протянет длань Господь тебе и мне:
— Спаситесь и спасайте всю планету!
Как в неустройстве жить без Бога нам?!
Мы веруем и будем верить в Бога!
Пойдём к Святым пещерам строить храм —
Котомки есть, и посохов премного.
Спит в каждом русском чудо-богатырь,
Таящийся в душе — степном кургане.
Буди его — восстанет монастырь
На берегу Самары в белом камне.
И разнесётся колокольный звон
Во все концы на крыльях серафима.
Так завещал, ступая на амвон,
Святой народный праведник Зосима!

Кандид

По степи рысцой нешаткой —
От людской беды к несчастью —
Скачет добрая лошадка
Оренбургской рыжей масти.
Впереди бугры увалов
И колки земли целинной,
Мимо важного Урала,
Замаравшись влажной глиной,
Сквозь сугробы, грязь, пылищу,
По жаре, дождю вдогонку…
Ксёндз Кандид сухарик ищет,
Запустив ладонь в котомку.
Вот ржаной да с крупной солью
Дразнит карий глаз кобылий.
Так, мечту присыпав болью,
Заменяешь грёзы былью.

Разодрал сутану веткой —
Ткань висит ошмётком бурым,
Чуть прикрыта шляпой ветхой
Загорелая тонзура.
Милосердия взыскует
Обездоленным и нищим —
Ссыльный пан живёт не всуе,
Строит храм на пепелище.
Чёрствый хлеб голодным слаще
Мягких пряников медовых.
Пан Кандид гостинцы тащит —
Короб снеди и обновы,
Пузырьки с микстурой горькой,
Ассигнаций мятых стопку…
К сухарю ржаному с солькой
Тянет лошадь губы робко.

От села и до деревни,
От печалей к бедам лютым—
Укрепясь псалмом напевным,
Ксёндз спешит на помощь людям.
Скачет добрая лошадка
Оренбургской рыжей масти,
Нищелюбец—не загадка,
Жить для ближних—это счастье.
Не удержишь цепью сердце—
Разомкнут замок тревоги,
Для Кандида иноверцев
Не бывает средь убогих.
«Ешь сухарик, и поедем»,—
Ободрит кобылу словом.
Сам, как мышь в костёле, беден
Всадник воинства Христова.

Герой

Окна туго забиты мешками с песком.
Прекратился обстрел. На больничной постели
Умер воин от ран, крестик сжав со шнурком—
Тополя вдруг за тысячу вёрст зашумели.
Там в отдельной палате, в родном городке
Одноклассник солдата простился со светом
От удара ножом в дорогом кабаке,
Не оставив потомства отцу-мироеду.
Врач сказал медсестре: «Парню—вечный покой.
До последнего дрался, отход прикрывая».
А в России хирург покачал головой:
«Кто стоит на краю, тот и скатится с края…»

…не привык мой герой тень бросать на плетень,
Плутовать и просчитывать в бизнесе риски.
Пусть в плечах у него не косая сажень,
Да и рост выше среднего, не богатырский.
Просто парень рабочий. В толковых руках
Славно спорилось дело, он в армии тоже
Отслужил год за совесть свою, не за страх,
И женился на девушке чуть помоложе.
Нелегко было им жизнь наладить с нуля,
Честный хлеб трудовой запивая водою.
В дни рожденья детей он сажал тополя
У подъезда под самой счастливой звездою.

Одноклассник его—сын банкира, мажор—
Усмехался, жируя на папины деньги:
—Что деревья? Купи заграничный мотор
Или жёнке на уши с бриллиантами серьги!
Взял бы в банке у нас долгосрочный кредит
И махнул всей семьёй отдохнуть на Канары…
—Кабала долговая мне с детства претит,
Не даются кредиты народу задаром.
—Ну и ладно, плоди, дуралей, нищету,—
Газанул, оставляя шлейф дыма вонючий.
Доставалась герою копейка в поту,
Не привыкшему верить в сомнительный случай.

Да пребудут в России герои всегда,
Незаметные глазу в людской круговерти!
Если отчую землю постигнет беда,
Встанут крепким щитом перед лютою смертью.
Сильных духом и смелых в России не счесть:
Может быть, каждый сотый, десятый, девятый.
И в Донецк защищать грудью русскую честь
Полетел мой герой в телогрейке из ваты.
Птицы смотрят в окошко с раскидистых крон.
Тихо падает пух, разносимый ветрами.
У войны необъявленной строгий закон—
Добровольцев своими не звать именами…

Ростовую скульптуру на чёрной плите
Моет сторож кладбищенский, мзду предвкушая.
С горя запил банкир и вопит в пустоте:
—Для кого же копил, для кого же дышал я!
Для кого повторял: «Правда только в деньгах!
Мы хозяева мира, все прочие лохи…»
Одиночество жизни, бессилие, страх—
Злые спутники жертвы на сломе эпохи.
И забвение—жалкий удел старика,
Позабывшего совесть, мошну набивая.
Не коснётся ребячьей головки рука.
«Кто стоит на краю, тот и скатится с края…»

На могиле другой—обелиск со звездой,
Незабудки растут, стол, скамейка, ограда.
Два сынка—крепких тополя—вместе с вдовой
Поминают отца—работягу, солдата
И героя, презревшего сонный уют
Ради счастья людей с нашей русскою кровью.
—Скоро в доме внучата твои заснуют,
Первоцветы тебе принесут к изголовью.
Будешь в памяти вечно потомков своих,
Зашумит у крыльца тополиная роща…
У России с героем судьба на двоих—
Жизнь во имя добра чище, лучше и проще!

Сергей Пагын

Зачарованный волхв

● ● ●

Что человеку осеннему надо?
Света немного из голого сада,
нежности тёмной,
тепла—
можно печного, а можно людского,
можно лоскутного и шерстяного,
чтобы тихонько текла

жизнь в ожидании первого снега,
чтобы смотреть, как стремится с разбега
лист залететь на окно,
кружит, прощаясь, скворчиная стая,
и в мутноватой бутыли, играя,
в трубочку дышит вино,

как за оградой приятель твой грустный
к дому идёт между скирд кукурузных,
к белящей стену жене…

Что человеку осеннему надо?
Света немного из голого сада,
сладкого снега во сне.

● ● ●

Пока зима безвидна и пуста,
хоть с голоса, хоть с чистого листа
ты не спеши на свете проявиться.
«Да будет снег!»,—уж сказано. И мы
на белое глядим из белой тьмы,
и, как вода, прозрачны наши лица.

И воздух тих. Ещё чуть-чуть, и он
невозвратимо будет всполошён
тугим снежком, запущенным из сада.
Начнут розовощёкие мальцы
летать на санках, щёлкать леденцы,
в которых свет январского заката.

Давай ещё мгновенье подождём,
пока с небес, преображённых в холм,
свои салазки не пустили дети.
И тишина не поднимает век,
как только что воскресший человек,
не помнящий о жизни и о смерти.

● ● ●

Холстину бытия словами расшивая
вслепую, наугад, с изнанки ли, с лица,
я говорю: «Зима… Зима—без дна и края,
и мелкий снег в окне летает без конца».

Я говорю: «Дымя, горит моя тревога
сырою берестой»… И светится во тьме
немыслимый узор, который виден Богу,
но в плоскости моей, увы, не виден мне.

● ● ●

Ты говоришь: «Мороз.
И нужно над подвалом
продушину закрыть,
и лук в сарай убрать…».
Как сладко и темно под старым одеялом
и грушам золотым, и луковицам спать!

И думается мне, что вещи и растенья,
обычные слова и плач ночной, и смех
невидимые нам отбрасывают тени
куда-то вверх.

И тени всё растут—зима им не помеха,
светлеют и поют, и обретают вес.
И ширится для нас продушина, прореха
в стене небес.

● ● ●

Порой обдаст чужой судьбой—
бедой,
вороньей маетой,
разверзнутой землёю…
И весь твой лад и твой уют
от стыни этой не спасут,
нависшей над тобою.

Поднимешь ворот ли пальто,
стихи нашепчешь ли—и то
уже на грани срыва,
твои слова сведёт на нет
чужой судьбы рисковый свет,
несущийся с обрыва.

* * *

С молочным тёплым небом в голове
шагаешь ты по инистой листве
в расшатанном ноябрьском полусвете.
Долбит ворона на суку орех.
Из всех щелей, из всех земных прорех
глядит зима и насылает ветер.

Предзимний мир до веточки продрог.
Но и сюда приходит тихий бог
с пчелою в пряди
и стрижом в ладони,
и говорит он: «Мой печальный друг,
есть только жизнь—и ничего вокруг,
есть жизнь и… жизнь,
и ничего нет кроме».

* * *

Порою мы как будто из стекла,
чуть тронутого снегом и туманом.
И смертная тогда подходит мгла
к скрипящим рамам.

И что же видит?
Луковичный всплеск—
зелёное растёт из золотого.
Стакан гранёный вспыхнул и воскрес,
и обратился в слово.

И в небо превращается проём,
и вестью вещь становится нетленной—
и как тогда мы, Господи, поём
самозабвенно.

Зачарованный волхв

Как воздух ожидания тяжёл!
Мы заблудились…
Ни звезды с востока.
Слоновьим шагом час ночной прошёл,
как будто бы протопала эпоха.

Уже лица не чувствую…
Лишь взгляд.
И словно путник в заметённой нови
провидит жатву,
я провижу сад,
мольбу и трепет человечьей крови.

В густом снегу проплыли сны и дни…
Друзья уходят за скалистый гребень.
А я всё вижу шлемы и огни,
костры…
распятье…
человека в небе…

* * *

Небо плачет человеком—
босоногая слеза
пахнет детством, пахнет снегом,
обнимающим леса.

А потом во тьме кромешной,
встав в дороге на ночлег,
одинокий, поседевший
небом плачет человек.

Николай Ерёмин

Ладонь в ладонь

● ● ●

— Ни прошлого, ни будущего нет…
Всё — в настоящем, здесь… —
Сказал поэт.

Расстались мы — и встретились:
— Привет! —
Вновь в настоящем,
Через десять лет…

● ● ●

И опять подошёл я к реке —
И поймал
Изучающим взглядом

Отражение Бога в воде
И моё отражение
Рядом…

Дрожь по коже —
На солнце ль, в тени —
До чего же похожи они!

Разными путями

Шли мы
Разными путями,

Разделяемы
Страстями

Между небом
И землёй…

Оказалось —
Боже мой! —

Шли мы к истине
Одной…

То есть точно —
С двух сторон —

Прямо
К месту похорон…

Где любому —
Рай и Ад…

Жаль, что нет пути
Назад…

● ● ●

Был у меня
Меценат —
Добрый большой человек…

В годы надежд и утрат
Щедрый,
Как дождик и снег…

Но
Меж светил как-то раз
Вспыхнул сильней —

И погас…
Мой дорогой меценат…
Мой нерасчётливый брат…

● ● ●

Век мирской
Истекает…
Сколько зим —
Столько лет…

Где артист
Луспекаев?
Окуджава?
Привет!

Смерть поёт,
Что вот-вот
Ей в любви
Повезёт…

● ● ●

Всё, что сказал я, —
Всё случайно…

И потому —
Не-о-бы-чай-но,

Что здесь,
В границах бытия,

Смог
Это молвить

Только
Я…

● ● ●

Живу по милости Творца
В чертогах
Звёздного дворца…

Откуда ночью (всем завидно)
Мне видно — всё!
Меня — не видно.

А всем, где все на одного,
И днём
Не видно ничего…

● ● ●

В стране, где все — на одного,
И все грозят
Неволею,

Надежды нет
Ни на кого…
А на себя —
Тем более…

И всё ж
Я уповаю вновь
В душе
На веру и любовь…

Сны

Все сны мои
До ужаса просты:

Открылась в небо
Дверца самолёта —

И я смотрю…
И прыгнуть мне охота

В глубины высоты
И красоты…

Навстречу
Солнцелунному лучу…

И прыгаю…
И в ужасе лечу…

Юрий Беликов, Нвард Авагян

Настоящие русские, или Кубок с ликом вашего победителя

Зачем-то ведь врезались в память эти строки Игоря Шкляревского: «Двадцатилетье со дня окончания школы / Загодя встретил. Сегодня туда не пойду…»? А я, дурень, пошёл. Даже не на «двадцатилетье», а на, бог знает, уж в какие глуби западающий школьный юбилей. Устроители оного поступили любопытно: «ближние» года выпусков — с табличками на белоскатертных столах, к коим надлежало швартоваться, — разместили по периметру танцпола, а все остальные, включая и мой стёршийся год, — в «рукавах» второго этажа, утыкающихся над танцполом в тупички. Освещение здесь подпитывалось источником танцпола, посему столы терялись в сдержанных сумерках, а столик с «моим» годом и вовсе уходил в потёмки. Но самое провиденциальное: я оказался за этим столом в полном одиночестве…

Примерно то же чувство я испытываю, когда листаю книгу «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», изданную в две тысячи втором году московским издательством «Грааль». Я был её составителем. Вздрагиваю и холодею. Особенно — когда дохожу до пророческой строчки покойного Сергея Нохрина: «И на пустых скамейках нету места…». За промелькнувшее пятнадцатилетие из сорока авторов «Приюта…» в географическом охвате от Красноярска до Ставрополя скольких уже недостаёт на поверке! Не оттого ли, что дикороссы — это «поэты края бытия», как нарёк я их в одночасье на страницах «Литературной газеты»?

Если открыть первый раздел антологии и пробежаться взглядом сверху вниз только по заглавиям дикоросских подборок, они выстроятся в некое метафизическое развитие русской души в её взлётах и падениях (во всяком случае, такую «каверзу» я закладывал, цепляя названия и содержание подборок друг к дружке). Вот только несколько из них в той самой последовательности: «Русские идут» (Андрей Канавщиков), «Пусть рукоятку чувствует рука (Сергей Лузан), «Отогретую флейту берёг» (Иван Воробьёв), «А крылатым тварям — только сети» (Надежда Герман), «Вожжи придумали позже (Алексей Шманов), «Он сруб рубил, а получился выруб» (Валерий Абанькин), «На этом пиру не участники» (Сергей Кузнечихин), «Мне даже лень перекреститься» (Борис Косенков), «Упал мужик в осеннее ненастье» (Александр Ёлтышев)… Далее — в том же брезжущем и смеркающемся ключе.

«Настоящие русские» — так именует дикороссов армянская писательница Нвард Авагян, живущая в Степанакерте — столице Нагорного Карабаха. В минувшем году оставшиеся в живых из тех сорока были буквально потрясены: Нвард перевела на один из древнейших языков мира — язык Григора Нарекаци и Егише Чаренца — всю антологию, а это более трёхсот страниц! Мало того, перевод был издан отдельной книгой и уже нашёл своих читателей в Арцахе. «Непризнанные» получили признание в «непризнанной республике», как принято называть в СМИ Нагорный Карабах. И это — во времена, когда мосты художественного перевода на постсоветском пространстве, если не напрочь разрушены и сожжены, то расшатаны, заброшены и неухожены, и по этим скрипучим и небезопасным сооруженьицам с трудом пробираются в оба конца отважные одиночки-проводники. Пробираются — без особых надежд на возвращение. Как написала мне Нвард в одном из электронных посланий: «Доброй ночи! У нас принято к этому ещё добавить: „И чтобы утром никто из нас не отсутствовал!..“ Потому что так бывает не часто. Часто же слышим, что на границе опять есть жертва (или жертвы)…»

Но, право слово, стоило немного в этой жизни подзадержаться, чтобы вас нарекли не «новыми», не «старыми», а «настоящими русскими»! Причём не на вашей Родине, а на дальнем осколке уже не существующей Империи, внушительной частью которой ваша Родина ещё относительно недавно была. Но и те, кто не подзадержались, думаю, никогда не теряли этого внутреннего и, если хотите, тайного знания — о настоящих русских.

— Нвард, выскажу предположение, что дикороссы раскиданы по всему земному шару и ждут своего часа для опознания окружающими. И пример неожиданного перенесения их русской языковой стихии в стихию армянского языка как нельзя лучше свидетельствует об этой моей догадке. Но всё-таки, что вас подвигло? Чётко знаю: сама книга в её старинно-типографском шелесте страниц до вас не дошла. Да, тексты «Приюта неизвестных

поэтов» существовали в расширенном варианте в Сети. Но всё равно ведь нужно было на эти тексты набрести, каким-то образом за них зацепиться? Почему вы выбрали преимущественно никому не известных поэтов, а не признанных и премиально раскрученных фигурантов? В конце концов, я бы даже дополнил эти вопросы простым и по-детски удивлённым: «Кто вы?!»

— Мы — это руководитель центра художеств «Воги Наири» (в переводе — дух Наири) поэт Грант Алексанян и я. А почему выбрали антологию дикороссов? Мне думается, Юрий, что, как вы сами напомнили, у «премиально раскрученных фигурантов» от литературы, и в частности поэзии, вряд ли когда-либо был дефицит на переводчиков… А вот непризнанным поэтам такое внимание просто необходимо. Это — во-первых. Во-вторых, смотря о какой поэзии речь. Я представляю маленькую и юную республику, биография которой началась с протеста: во имя свободы, в защиту национального самосознания, против попрания всепризнанных и даже элементарных прав автохтонного, то есть коренного, народа. Потому и слово «протест» лично для меня исполнено уважения. И аналогия здесь единственная и простая: у большинства, если не всех, авторов, вошедших в антологию «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», я обнаружила именно чувство протеста. Не бунта, заметьте, но благородного протеста, основывающегося на возмущении не столько из-за собственного униженного бытия, сколько из-за всего того негативного, получившего, кажется, постоянную прописку в их родной стране.

Приведу примеры из книги.

— Так Москва — это ж разве Россия?
Тут Россией не пахнет давно!
Здешний житель — не то чтобы барин,
Но уже от иных корневищ…

И далее:

Так что с нашенским рылом суконным
К ним в калашный не сунешься ряд.

Это — Борис Косенков, на тот момент проживавший в Самаре. А теперь — живший в Обнинске, но рано ушедший Валерий Прокошин — в стихотворении «Письмо Иосифу»:

В Третьем Риме сегодня зима.
Снег ложится посмертною маской
Президента. И вновь мы с ума
Сходим здесь, под калужской Аляской,
Между ссученной явью и сказкой,
Как сказал старый дворник Кузьма,
Оглянувшись на север с опаской.

А вот и строки из стихотворения «Пасынок» бесприютного омича Аркадия Кутилова, с которыми он обращается к матушке-России:

Зачем ты меня не любила,
Терпела, стыдливо кривясь?
В припадке беззлобного пыла
С тобой я налаживал связь.
Покорный твоим обещаньям,
Признания ждал много лет.
Возьми же теперь на прощанье
Моей головы амулет!

И наконец, также рано ушедший в мир иной Геннадий Кононов из псковского городка с более чем говорящим названием Пыталово:

Под дождём, без затей, всех морских поминая чертей,
я пройду. По утрам, когда в ванных снежнейшая пена,
под дождём бесконечным я смою отчизну с лаптей.
Казановы смывают усталость с натруженных членов,
космос чист, а дожди нипочём голытьбе.
Расплатись за меня. Сдачу можешь оставить себе.

Вы, как пристальный составитель антологии, наверняка скажете, что таких, высоких «протестных» примеров в ней едва ли не на каждой странице.

Но есть ещё и третий довод (и его можно считать главным) — почему мы обратили свой взор к дикороссам. Антология, чего греха таить, пленила нас биографиями авторов, соседствующими с «ядрёными» стихами… Ну, разве не захватывает: человек, извините, пьянствует, бомжует, удостаиваясь если не презрения, то всеобщего невнимания, и в то же время… пишет стихи. Да ещё какие! Горько-нежные, иногда — возмущённые, иногда — иронично-грустные, но всегда замечательные. Вспомним лукавые фразы из стихотворения «Вот диплом мой и паспорт…» того же Кононова:

Я не бомж, господа. Говорят, у меня есть душа.
Я плачу за жильё, состою в профсоюзе и в браке…
У страны есть герои: Добрыня, Мальчиш-Кибальчиш,
так что я не безроден. Придётся — умру за Россию…

Что тут скажешь? Дикороссы пишут подкупающе доверчиво и живут, может быть, во многом «согрешив», но только не перед родным языком. Они остаются «верными подданными» основ отечественной словесности, правда, слегка внося в нутро русского поэтического языка эссенцию европейской, западной поэзии. У жившего в Великих Луках Андрея Власова есть такие строки:

Пусть здесь всё преходящее и проходное,
Пусть давно всё едино, но совесть чиста
Перед Господом Богом и речью родною.

А теперь прочтём финал стихотворения «Лауреат» того же Бориса Косенкова, вероятно, так же как и у Валерия Прокошина, адресованного Бродскому:

Не досадно ль, отринув истоки,
в безмятежном своём далеке
сочинять гениальные строки
на проклятом родном языке?.

Три разных поэта (не считая Бродского), а по отношению к родному языку перекличка явная…

Не секрет, что одной-двумя газетными или журнальными публикациями или в кои-то веки изданной тощим тиражом книжкой не станешь «общедоступным». Разве этого достаточно для того, чтобы донести до широкой публики поэзию дотоле неизвестного поэта? Спрашиваю потому, что вы свою битву за поэтов-дикороссов начали именно в газетах и журналах (сначала в «Трибуне», потом—«Труде», затем—в «Литературной газете», в дальнейшем—в журналах «День и ночь» и «Дети Ра») и наверняка знаете, чего стоит вывести даже одного неизвестного на арену. Но—антология! С охватом сорока «самовыращенных-дикорастущих» и потому неизвестных-непризнанных поэтов! Так что, это вы и только вы, дорогой товарищ, совершили настоящий подвиг. Если хотите знать, взяться за столь трудоёмкую работу, каким является перевод толстой антологии, меня подтолкнули ещё ваши титанические усилия, ставшие как бы примером…

—Я всего лишь следовал действительно титаническому примеру Фиделя Кастро: «Тот, кто не способен бороться за других, никогда не будет в состоянии бороться за самого себя». Пушкинская крылатая обмолвка из «Пира во время чумы» «и бездны мрачной на краю»—это про них, про дикороссов. Их список, возрастающий в геометрической прогрессии, если окинуть взором всю поэтическую Россию, выглядит как приговор устройству российского социума: два пермских поэта Николай Бурашников и Борис Гашев—убиты, Анатолий Култышев выбросился из окна московской многоэтажки, попавший в драку екатеринбуржец Сергей Нохрин скончался от разрыва аорты, уже названный вами неприкаянный Аркадий Кутилов найден без признаков жизни в одном из скверов Омска, девятнадцатилетний Илья Тюрин утонул в Кировском затоне Москвы-реки. Это—только на момент издания книги. Однако за прошедшее пятнадцатилетие, кроме Геннадия Кононова и Валерия Прокошина, мы ещё потеряли Арсения Бессонова, Юрия Влодова (все ушли от тяжёлых болезней), Олега Балезина (разрыв аорты). Ставший бездомным пермский поэт Валерий Абанькин задохнулся от дыма в заброшенном и загоревшемся доме…

Но если сделать заступ за объём книги (а вы как переводчик именно такой заступ и совершили, взяв в арцахскую антологию «Приюта…» авторов, представленных на сайте дикороссов), то тяжкий недуг отнял у нас и уже упомянутого вами Андрея Власова, поэзию которого ещё отмечал выдающийся лингвист Юрий Лотман. А недавно не стало и красноярского Гамлета Арутюняна. Будучи в больнице, он успел увидеть свои стихи в вашем переводе на армянский (книгу ему передал дикоросс Сергей Кузнечихин). Кстати, стихов Гамлета на дикоросском сайте нет, но тем не менее вы, очевидно, каким-то чутьём уловили его внутреннюю близость поэтам-дикороссам и уже без моего участия воссоединили их с Гамлетом, которого я знал заочно, по рассказам Сергея. Я понимаю, конечно: здесь сыграл какую-то роль армянский фактор, но, с вашей точки зрения, что подталкивает авторов к «уходу в дикороссы» (по аналогии с уходом в монастырь) и какие человеческие и поэтические признаки их роднят и сближают?

—И Гамлет, значит, ушёл… Жаль! Позвольте сказать, что когда бы поэты-дикороссы не ушли, они рано покидают нас… Вы правы: да, есть за мной маленький «грех»: на свой страх и риск я включила в книгу стихи Гамлета. Но не только потому, что он Арутюнян… Буду откровенна: включить его в «нашу с вами» антологию окончательно подтолкнула статья Владимира Яранцева о сибирской антологии поэзии, где Гамлет неплохо соседствует с остальными авторами. Так сказать, не выглядит чужаком, а значит, имеет некое внутреннее родство с ними, хотя и не был ни плотником, ни лесорубом, как другие в массе своей, но—хирургом, доктором наук, академиком РАН! Так вот, Яранцев считает, что сибирская антология со своими авторами является «самосадом», что провинциальная поэзия диковольная, растёт «некультурно», сама по себе, как таёжные дикоросы. И статью-то свою он озаглавил не иначе, как «Сибирские дикоросы», правда, с одной «с», а не с двумя, как у вас. Ну, а раз так, думала я, то почему бы мне слегка не попартизанить, одного из авторов этой сибирской антологии «перенеся» к «чистокровным», что ли, дикороссам?.. Или слово «дикоросс» с подачи ещё одного поэта Андрея Канавщикова вошло в оборот русской поэзии не благодаря Юрию Беликову? Это в равной степени справедливо, как, собственно, и то, что «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)» увидел свет шестью годами ранее сибирской антологии…

Весть о том, что армянский вариант антологии дошёл до умирающего в больнице Гамлета, глубоко потрясла меня… Большое спасибо Сергею Даниловичу Кузнечихину, передавшему Гамлету эту книгу. Если своим переводом я и впрямь смогла хотя бы в морально-психологическом плане помочь кому-то из «поэтов края бытия», значит, не зря старалась. Однажды, когда я как-то по-шальному, встретив и прочитав одно стихотворение в Интернете (запомнила лишь фамилию автора—Даниловский), зацепилась за слово «край»:

> Начинай запой озабоченности, заходи за край,
> Я-то знаю во что превращает быт
> Человека, какой ввечеру корой
> Покрывается он…

Прочла и почему-то подумала о том, как вообще слово может превзойти свои границы. Край…

у края… на краю… за край… а теперь и ваши «поэты края бытия»! Вот так слово становится символом целого явления, символом человеческой трагедии.

Беда в том, что до сих пор бытует плоское представление: дескать, несомненный талант сам пробьётся… Ну а если у кого-то нет этой пробивной силы? Или же, будучи не только талантливым поэтом, но и человеком гордым, он не приемлет подобно многим толкаться локтями? Да что там неизвестные поэты?! Иногда, явно недооценивая, шлагбаум опускают и перед более или менее известными…

Вероятно, и вам ведомо, что сказал Кирилл Ковальджи, когда ему показали стихи Всеволода Некрасова (об этом я прочла, уж не помню, на каком сайте, но прекрасно помню, какой мороз пробежал у меня по коже): «Да, знаю. Вот умрёт, тогда напечатаем». И у нас, армян, это звучит почти так же: «Гна мерир-ари сирем (иди умирай, и мы полюбим тебя). Однако многим и посмертно не светит признание… Не везде найдётся Юрий Беликов, чтобы найти тебя, вывести из тьмы непризнания в литературный свет. Потому и приходится констатировать, что продолжается весьма бесцеремонное отношение к непризнанным талантам.

— Честно говоря, несколько резанула слух вот эта фраза, якобы принадлежащая интеллигентнейшему Кириллу Ковальджи. Тем более адресованная стихам Всеволода Некрасова. Насколько мне известно, Кирилл Владимирович на протяжении всей своей жизни, и особенно работая в журнале «Юность», напротив, помогал напечататься многим авторам авангардного замеса. Если предположить, что это его слова, скорее он мог так обмолвиться не про Всеволода Некрасова, а про какого-нибудь дикоросса… типа Геннадия Кононова или Андрея Власова. Даже не обмолвиться (обмолвиться — вряд ли), подумать… Но вернёмся к Гамлету.

— В его стихах я действительно ощутила долю от дикоросского «дыхания». Вам не кажутся знакомыми грусть и лёгкая ирония в его произведениях? В «Эпитафии», например. Или — в «Звезде Падучей»:

Так трудно разобраться, что к чему.
Кому отдать свой голос ослабевший?
Как превозмочь всю эту кутерьму?

Прости, душа,
Что слово затаскали
И бросили гулять
По пустырям.

Но его грусть всегда светится, теплится оптимизмом:

Она простит едва ли,
И всё же превратится
В светлый храм.

Поэт как-то признался, что после перестройки произошла переоценка судьбы его родителей (они были репрессированы по статье №58, а потом реабилитированы), и у него возникла внутренняя потребность написать об этом стихи. Чем не судьба дикоросса? А дальше что? Будучи всегда занятым, прежде всего, психологически тяжёлым трудом («карма» онкологов), он действительно имел право сказать, что гордится тем, что сумел прорваться к своему читателю…

— Вы упомянули перестройку… Приходится согласиться: после того как не стало Советского Союза, начали разрушаться и доселе существовавшие, пусть не лишённые некоторого чрезмерного пафоса, культурные связи между народами, жившими в СССР. Разошлись и континенты языков, ранее скрепляемые всё более совершенствовавшимися механизмами переводов. Теперь — сплошные зияния. Даже — между этносами, входящими в состав самой РФ. И вдруг — событие из ряда вон выходящее: в Нагорном Карабахе перевели поэтов-дикороссов. Многих из них это известие буквально разбудило, привело в чувство, потому что, когда автор свыкается с мыслью, что он со своими писаниями не очень-то и нужен на Родине (а уж и государству-то и подавно!), он может впасть в творческий анабиоз, а то и приговорить себя к немоте, унылому превращению в обывателя. Так что это именно вы, Нвард, по отношению к русским поэтам совершили своего рода подвиг, а может быть, и отвели кого-то из них от края той самой бездны. Хотя мы уже как будто условились, что дикороссов всё равно тянет на край. Но очень хочется узнать: сколько, к примеру, вы затратили времени на перевод сорока авторов из России? Как вы перевоплощались в каждого из них (ведь перевод сродни перевоплощению, а потом ведь надо выйти из одной образной системы, чтобы перейти в другую)? Кто из поэтов стал для вас наиболее «трудным» и почему?

— Букет вопросов! Отвечу на них поочерёдно, дабы упростить себе задачу.

Антологию я перевела за четыре месяца и считаю, что за месяц «освоить» по десять поэтов в рамках стихотворной подборки не совсем нормально. Но как говорится, дорогу осилит идущий. Да и был поставлен чёткий срок сдачи книги, и стало некуда деваться. Сказать, что мобилизовала все мои силы, значит, ничего не сказать. Да, для переводчика иметь дело с одним автором, как вы сами подметили, «перевоплощаться» в него, гораздо легче, чем когда перед тобой сразу четыре десятка поэтов! Чтобы в достаточной мере понять стиль и манеру письма каждого, его мироощущение и многое другое, конечно, требуется время. Пришлось не довольствоваться лишь одной подборкой авторов,

данной в антологии. Искала их произведения везде и всюду, где только можно. Особенно туго приходилось с теми из них, чьи тексты перенасыщены народными фразами, диалектными словами, сленгом… Однажды, когда и фразеологический словарь оказался бессильным, за помощью пришлось обратиться к давнему другу, который вырос и живёт в российской глубинке. Он-то и объяснил смысл… одной крепкой мужской фразы! Смешно, да?

— Скорее, поражают тщательность и скрупулёзность, с какими вы принялись за «окультуривание» нашенских дикороссов на армянский лад…

— Я исходила из поставленной перед собой задачи: насколько можно целостной сохранить как саму «канву» каждого стихотворения, так и его «узоры», не теряя цветовую гамму последних. Думаю, в основном мне это удалось.

О том, как я переводила? Не скажу, что легко. Ну разве с Юрием Влодовым или Андреем Канавщиковым может быть легко? Чтобы перевести подборку «Русские идут» поэта из Великих Лук Канавщикова, и в частности его триптих «София», несмотря на то, что я находилась в цейтноте, мне всё-таки пришлось сколь можно глубже, уж во всяком случае не по школьной и даже университетской программе, покопаться в истории стрелецкого бунта, в так называемой Хованщине, да и заново разобраться вообще в «петровщине»…

Много энергозатрат потребовал от меня и новосибирец Константин Иванов… Трудно приходилось, прежде всего, в плане сохранения без потерь особенностей его словесного оформления. Не исключено, конечно, что в переводах, при более, что ли, пристальном взгляде, могут найтись кое-какие не переданные тонкости, но я, право же, думаю, что свела их к возможному минимуму. Не стану скрывать: в процессе перевода его «Грустных строк» и «Каждый в меру подымает ношу» пришлось особенно «потужиться», дабы не допустить механического «калькирования» подлинника, не утратить ту красочность и особенную экспрессивность, которыми сильно отличаются эти стихотворения. А также — не внести чуждых автору мировоззренческих черт, правильно понять его мысли, потому что поэтика Константина Иванова, «слышащего Гильгамеша», построена на более чем философском осмыслении мира и человеческой жизни:

И на этот первородный вопль,
Как на Бога я молясь, уйду,
Чтобы посадить бессмертный тополь
В ангельском саду…

Или вот ещё, на мой взгляд, характеризующее тайный крест самих дикороссов:

Ни клобуков, ни мантий, ни регалий…
Рассеянные по лицу земли,
Невидимы держатели скрижалей,
Затерянные по степям кремли…

Труднопереводимых лиц не так-то и мало в антологии, но чем труднее, тем интереснее. Огромное получила удовольствие, к примеру, работая над стихами Сутулова-Катеринича, Арсения Бессонова, Сергея Лузана, Сергея Нохрина, Владимира Монахова, Сергея Кузнечихина. У меня в ушах и сейчас звучит грустно-звенящая мелодия «Печорского тракта» Юрия Асланьяна: «То ли мысли мои бесконечны, знобящи и строги,

То ли тянется ветер по Печорскому тракту в остроги…» А «Волкопёс в зоопарке» Сергея Кузнечихина? Стихи заставляют в собачьей трагедии искать схожесть… с трагедиею человеческой! Посмотрите вокруг — и убедитесь в этом.

Не волк, не собака, но волка лютей,
Глядит сквозь решётку на праздных людей…

Взгляните хотя бы в глаза детей покинутых — бастардов нелюбви эпохи нуворишей… Была бы любовь, не бросили бы их.

В глазах его слёзы густые, как гной.
Сын пленного волка и суки цепной.
Дитя обстоятельств, где в роли царя —
Не похоть овчарки, так прихоть псаря…
Два страха, две страсти, вскипевших весной.
Презрения два, И любви — ни одной.

Для меня это стихотворение одно из лучших поэтических произведений, которые пришлось прочитать в двадцать первом веке. Вообще, читаешь их, дикороссов, и на сердце давит ощущение большой несправедливости, и в голову приходит грешная мысль: а если бы не было Беликова или если бы он не делал того, что сделал, что стало бы с дальнейшими судьбами этих несчастных и замечательных поэтов?

— Знаете, Нвард, в моей домашней библиотеке — ставший раритетным экземпляр дикоросского «Приюта…», начальные страницы которого испещрены почерками его авторов. Некоторых, повторюсь, увы, уже нет в живых. Автографы свои со всяческими мыслями-пожеланиями они оставляли в две тысячи втором году на «соборе дикороссов», как нарёк нашу сходку Константин Иванов, о котором вы уже сказали. А была она организована в столичном Домжуре редакцией московской газеты «Трибуна», взявшей под своё крыло и издание самой книги, и возможность собрать из разных концов огромной России, пусть не всех, но заметную часть авторов антологии. Я сейчас отметаю в сторону «титулы», коими в дружеском порыве награждали вашего покорного слугу растроганные дикороссы, но «расшифрую» хотя бы две из тех памятных надписей: «Юре Беликову… который тратит своё

драгоценное время на вытаскивание за шиворот на свет обитателей поэтических подворотен». «Юрию… с благодарностью за дело, блестяще начатое и реализованное». А дальше — прямо-таки предсказание: «С течением времени это поймут даже те, кто об этом не думал». Но тут вот какая печальная притча: я, быть может, спас и продолжаю спасать творчество дикороссов, но я не спас и, видимо, не могу спасти их физически — как личностей. К великому моему сожалению… С Богом не поспоришь. Но я хотел бы спросить о другом: чьи стихи из авторов антологии совпали с вашим личным мироощущением?

— Это, прежде всего, — москвич Евгений Степанов. В этом лишний раз убедилась на днях, прочитав его уже вне дикоросской подборки. Приведу, опять же, отдельные строки, которые наиболее, как мне кажется, созвучны с моими. У Степанова:

Не одинок.
Один.
Со всеми…

У меня:

Каскадом тоска, и бремя, и грусть
Тяжёлым камнем во мне засели
И давят, давят… всё давят на грудь.
Судьба строгая:
Живу со всеми,
В себе такая одинокая…

И «побег» Степанова от этого и от много ещё чего… в деревню, к матери-природе:

Не там искал свой мегаполис.
На даче ж — победив сорняк —
Я вырастил целебный колос.

А вот и о «веке-костоломе»:

Здесь от века-костолома
Скрыться не грешно.
Я гляжу счастливый-homo
dachnikus — в окно…

Есть и у меня цикл стихов в том же ключе. Замечу, что у Степанова замечательно, очень естественно получаются анжамбеманы. То есть ритмические и синтаксические перешагивания. Он вообще, как его тонко и метко охарактеризовал один из современников (боюсь ошибиться, но, по-моему, Евгений Харитонов), «воспитанный» авангардист, когда на уровне удачного синтеза в человеке уживаются две сути — авангардистская и традиционалистская. Ещё об одном авторе антологии. Верлибров я не пишу. Почти… Но мне нравятся чистые верлибры, подчёркиваю, чистые, и в данном случае — верлибры Владимира Монахова, отсутствие в которых привычных поэтических атрибутов освежает слова, их сцепление, да и неожиданную логику образов. Например:

Россия — не держит тепла.
Особенно, когда широко
открыты границы и весь
холод мира проникает
через посты Гидромета…

— А что вы ещё почерпнули в собственном знании о России и русском народе, когда поставили точку в своём переводческом труде?

— Дело в том, Юрий, что Арцах всегда был той стороной Армении, где не только достаточно знали о России, но и больше всех почитали русский язык. Назову факты. До злосчастной для нас, армян, Октябрьской революции и вплоть до двадцатого года прошлого века, когда тридцать тысяч моих соотечественников в Шуши (современники, в том числе иностранцы, называли его «маленьким Тифлисом») пали жертвами от пуль турецких аскеров, ятаганов зактурецкой черни, от пожарищ и массовой резни, учинённых ими в армянском квартале (об этой трагедии писали Городецкий, Мандельштам и другие), в городе издавалось более двадцати газет и журналов, из коих восемнадцать — на армянском языке и три — на русском: «Шушинский листок», «Шушинская жизнь» и «Голос народа». И что здесь важно: издавались они силами армянских интеллигентов. Да и в наши дни, опять же, в маленьком Степанакерте действовали две русские средние школы, когда общее количество школ в городе состояло из десяти. Приплюсуйте к этому ещё отдельный факультет русского языка и литературы в государственном вузе, и, полагаю, станет ясно отношение арцахцев к русскому языку и культуре.

Помню время, когда в Степанакерте чаще организовывались вечера русской поэзии. И — когда на этих вечерах лучшие произведения классиков и современных поэтов декламировала рядовая учительница, но большой знаток русской литературы, влюблённая душа Маргарита Тёр-Карапетян (Царствие ей небесное!), а зал чуть ли не треснул от аплодисментов…

Так вот, возвращаясь к прочитанной и переведённой антологии дикороссов и к тому, что я в ней почерпнула. Первым долгом — то, что у неординарного, талантливого и в хорошем смысле дерзкого человека, человека-правдолюбца в большинстве своём не судьба, но рок. Правда, она везде глаза колет. Второе: что, несмотря на это, у России, вопреки всем и всему, всегда храниться золотой запас настоящих поэтов. Русский поэт может жить впроголодь, в лохмотьях, но только не без песни в душе. Весёлой ли, грустной, но — песни. Как в стихах убиенного Николая Бурашникова: «Я счастлив тем, что слёзы у меня,

А я-то думал — плакать не могу…» Ну а простой народ… Он также всегда в России живёт и питается… терпением и ожиданием лучших дней.

И так до тех пор, пока не иссякнут последние капли этого терпения и народ не возьмётся за топор… Как бы парадоксально это ни звучало, но в русском человеке есть два начала: царственное и пугачёвское…

— Но тут, на мой взгляд, никакого взаимоисключающего противоречия, если учесть, что Пугачёв выдавал себя за императора Петра Третьего…

— Поэтому я думаю, что в некотором смысле нынче мало настоящих русских… и это большая беда для России. Сколь бы она ни была сверхдержавой на многогрешной Земле. И в данном случае дикороссы для меня — те самые настоящие русские. Во время работы над книгой и после стало яснее, как важны подобного рода общения между литераторами и, вообще, интеллигенцией наших народов. Вы правы, в начале нашего разговора сказав, что с упразднением единого государства и страны, «разошлись и континенты языков», и мы, может, и не полностью, но потеряли взаимные культурные связи. Так что давно пора восстановить этот важный мост — мост обогащения друг другом…

— Если вы помните, Нвард (поскольку вы, уже за скобками книги и дикоросского сайта, перевели и даже опубликовали в арцахском журнале «Гехарм» и мои стихи), у меня есть такая строчка, с которой начинается стихотворение: «Никогда я не был в Армении…». Правда, позднее я всё-таки в Армении побывал. Это случилось в девяносто первом году, во время пограничного армяно-азербайджанского конфликта. Если быть точным, вообще-то конфликт тогда перерос в войну. В ту пору я был автором и членом редколлегии журнала «Юность». Один из моих московских знакомых, ныне довольно известный и популярный прозаик Анатолий Королёв, узнав, что я собираюсь в армяно-азербайджанское приграничье, со свойственной ему парадоксальностью предостерёг: «Не поднимай голову, когда свистят птицы!» Именно так и назвал я впоследствии свой очерк, опубликованный на страницах «Юности». В памяти — аэропорт Звартноц, в который то и дело откладывались рейсы из Москвы, Ереван, но в особенности — Сисиан, горная местность Армении, ослепившая меня своей первозданностью: эти водопады, эти причудливые каменные изваяния, которые иногда сравнивают с древней обсерваторией…

— Простите, что прерываю… но не могу не сказать, что приятно удивлена услышанным. В то время многие из числа известных русских интеллигентов побывали в Арцахе: академик Сахаров, Галина Старовойтова, писатель и публицист Андрей Нуйкин, прозаик Инесса Буркова, поэт Михаил Дудин… Да разве всех припомнишь (побывали у нас даже Борис Ельцин и Александр Лебедь). И вот двадцать лет спустя узнаю, что к судьбам моего края, к существующему там по настоящее время более чем драматическому положению неравнодушно отнеслась ещё одна добрая душа… из нашего профессионального цеха — поэт из далёкой Перми.

— Увы, мне запомнилась не только первозданная красота приближённых к небу возвышенностей. Помню и другое: как мы приехали на «уазике» в армянскую деревню Нижний Хндзореск, зашли в дом, а его хозяин показывает следы от крупнокалиберных пуль над койкой, где спала его малолетняя дочь (пуля снесла над койкой никелированный шар!). Мы вышли на воздух. Я увидел бородатых, осунувшихся мужчин с охотничьими ружьями за плечами. Вдали, в сгущающихся сумерках посыпался сухой горох автоматных очередей. Мы решили ехать. А наутро узнали, что через полчаса после нашего отъезда в эту деревню вошёл азербайджанский ОМОН. Потом у меня родятся строки: «Я в байроны вышел. Я с длинным стволом обороны в числе фидаинов на русские пули ходил…». Дело в том, что на противоположной стороне в боевых и нередко карательных действиях тогда, в девяносто первом, участвовали советские, сиречь русские, солдаты. Ясно, что не по доброй воле, а выполняя приказ. Но, по-моему, с той поры у армян сложился некий комплекс или предубеждение по отношению к русским: мол, что же вы, братья во Христе, нас тогда подставили?

— Знаете, год девяносто первый мы часто просто называем годом… «Операции „Кольцо“». Центром было объявлено чрезвычайное положение, а в область введены части внутренних войск МВД СССР и Советской армии. Советские власти, оставив отговорки о беспристрастности, начали открыто поддерживать азербайджанцев. Край был в глухой блокаде. Перепахана была взлётная полоса аэродрома Мартакерта, Степанакертский же аэропорт передан азербайджанскому ОМОНу. Область находилась также в информационной блокаде: была введена жесточайшая цензура (помню, даже за одно слово нам, журналистам, пришлось долгими часами, аж до утра, биться с военным цензором). Закрыты были радио и телевидение. Объективной информации через этот панцирь редко удавалось просачиваться во внешний мир. С десятого апреля по двадцать второе мая в Шаумяновском районе вкупе с Геташенским подрайоном и ещё в пяти районах Арцаха шла этническая чистка автохтонов — депортация армянского населения. И в ответ народ предпринимал попытки организовать самооборону. Согласно данным российской правозащитной организации «Мемориал», за январь — апрель девяносто первого года на мирное армянское население было совершено восемьдесят нападений вооружённых боевиков, брошено в тюрьмы, убито сотни армян.

А теперь давайте-ка, Юрий, вместе переместимся в день седьмого декабря восемьдесят восьмого года. Спитакское одиннадцатибалльное землетрясение. Вопреки официальным данным — не двадцать пять тысяч жертв, но в разы больше. Горбачёв — с опозданием! — в ставшем за пять минут огромнейшим кладбищем втором по величине городе Армении — Гюмри. И в этом аду... потерявшие, а многие ещё искавшие под развалинами своих родных гюмрийцы со всех сторон окружают главу СССР и, как в той песне поётся, «со слезами на глазах» задают вопрос: «Когда же, наконец, решите проблему Карабаха?» Генсек выходит из себя, кричит: «Как вы можете даже в таком положении думать и говорить о Карабахе?!» А вот и можем! А вот и смогли! Потому что то, что сделала большевистская власть с Карабахом в тысяча девятьсот двадцать первом году (не говоря уж о судьбе Нахиджевана...) — по волюнтаристическому решению Сталина он был оторван от Армении и насильно поставлен под юрисдикцию новопровозглашенной Аз. ССР, для пережившего геноцид и потерявшего половину родины в лице Западной Армении армянского народа было хуже любого гиперземлетрясения, гиперцунами. И вот, семьдесят с лишним лет спустя, — операция «Кольцо». После Сумгаита, Баку, Кировабада... Снова насилие, снова жертвы, опять масштабная депортация...

— Совершенно чётко помню тогда, в девяносто первом (об этом тоже написано в моём очерке), наше общение с выпущенными из плена армянскими милиционерами. В плену над ними издевались, их унижали. Я и мой спутник, поэт и журналист Михаил Сарыч-Белоплотов, пили с ними прозрачную как слеза тутовую водку, постепенно размягчающую сердца, но эта фраза, прозвучавшая над нашим походным застольем под открытым небом, врезалась в меня, кажется, навсегда: «Мы думали, что больше никогда с русскими не выпьем...» После публикации очерка в «Юности» на моё имя пришло две телеграммы: первая — с признательностью (от армян), вторая — уничижительная и угрожающая, со словами: «Русский пьяница...» (соответственно — от противоположного лагеря). Что характерно: в ней явно делалось ударение на слове «русский».

Как наблюдатель тех давних уже событий могу сказать так: вначале, с моей точки зрения, армянская сторона была унижаемой и подавляемой (охотничьи ружья против стрелкового оружия и БТРов!), затем и армяне, как говорится, за порохом в карман не лезли... Даже абстрагировавшись, в межэтническом конфликте, как правило, сложно найти правых и виноватых. Но, как сказал мне живший тогда в Ереване, пишущий на русском и учившийся в Литинститутепоэт Армен Асриян, существует «культура войны». Странное, конечно, почти невозможное словосочетание. Однако... «убивать можно по-разному», — говорил мне мой собеседник. «Одни расстреливают, другие отрезают головы...» С того времени прошло более четверти века — и, кажется, только теперь, когда мир сфокусирован на сирийско-иракском Апокалипсисе, он начинает осознавать, отчего эти два слова-антагониста могут стоять рядом.

Я потому так углубился в воспоминания, что, мне кажется, именно с тех событий — сперва в Нагорном Карабахе, затем на границе Армении с Азербайджаном — берут начало кровавые вспышки на всём постсоветском пространстве. Но если об Армении и Азербайджане нам в России хоть что-то да известно, то о том, что сейчас происходит в Нагорном Карабахе, фактически живущем уже более двух десятилетий в изоляции, о чём думают его жители, его писатели и поэты, о чём они мечтают и тоскуют, мы не знаем...

— «Мы думали, что больше никогда с русскими не выпьем»? О, да... Несоизмеримой была тогда наша боль, а ещё больше — разочарование. Но мы, армяне (хотелось бы воскликнуть «увы!», но я всё же скажу «к счастью!»), незлопамятный народ. Умеем пожимать руку искренне раскаявшегося. Надо же, как здесь к месту возвращает нас к себе Гамлет — к своему стихотворению «Разговор с шофёром», которое начинается этими строками:

> — Вы, правда, любите Россию?
> И я сказал ему: — Люблю!

Это говорит в Сибирь сосланных родителей сын! Потому что он — армянин. Думаете, мало разочарований для нас сегодня? Как бы не так. Наш стратегический союзник Россия продаёт нашему же действующему (и заклятому) врагу наступательное оружие массового уничтожения... Именно это оружие и в апреле минувшего года было задействовано против нас, за четыре дня отняв жизнь более ста наших молодых ребят. Кстати, за эту сделку в адрес властей страны с упрёком и неодобрением выступило несколько русских политологов и даже военных экспертов... Ничего не решающее, почти ничтожное утешение, да, но всё равно — бальзам моральный! Уж будьте уверены: мы знаем и всегда знали, что существует две России... И стихотворение Гамлета Арутюняна, о котором я только что упомянула, есть своего рода политический диалог о смысле происходящих перемен в стране, попытка открыть философскую глубину настоящего времени, не всегда и не во всём справедливого...

Наша сегодняшняя Республика Арцах живёт и созидает под оком Всевышнего и благодаря непоколебимому духу своего народа, его славной Армии Обороны. И да будет с нами всегда

свет! Существо армянина соткано из благородства. В триста семнадцатом году н. э. спарапет (главнокомандующий всеми войсками) Мушех Мамиконян так перебил войско напавшего на Армению персидского короля Шапуха Второго, что тот ускакал к себе в Персию, даже оставив свой многочисленный гарем. Все ждали худшего, но Мушех, дав сопровождение и послов, выслал гарем обратно. Главный перс был настолько удивлён и тронут таким поступком, что приказал на своём золотом кубке выгравировать портрет спарапета и каждый раз, поднимая кубок с вином, всматривался в лицо благородного армянина и тихо повторял: «Во славу белого Всадника!» Об этом историческом факте свидетельствует даже старинная миниатюра. Разве это не есть… та самая «культура войны» — в наилучшем виде? А наш сегодняшний ворог хуже пещерного существа. Он рубит головы и живых, и мёртвых девятнадцатилетних пленных. Или изуродует мёртвое тело девяностолетней женщины потому, что она армянка…

Мы не дети тьмы! И таковыми не были никогда. Мы лишь хотим свободно жить на своей же земле, спокойно строить, созидать, землю пахать, стихи писать, детей растить, воспитывая их в духе не только зашиты всех достояний своих предков, но и в духе уважения как к собственной истории и культуре, так и культуре и истории остальных народов.

— И, судя по всему, вы, в том числе и по этой причине, так много времени отдаёте искусству перевода? Проза Межелайтиса, стихи Ходасевича и Кублановского, почти целая книга стихов Сэды Вермишевой и даже… хрестоматия культуры Китая… Теперь вот антология дикороссов. Если учесть, что вы сами — автор одного романа, трёх сборников рассказов и пяти стихотворных книг, то есть действующая писательница, остаётся только догадываться, через какие цейтноты вы проходите… Но лично меня не мог не «зацепить» тот факт, что шестую книгу стихов вы, когда-то ободрённая приезжавшим в Нагорный Карабах Михаилом Дудиным, написали на русском языке. Это «Арцахский дневник». И если у Фета «рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали…», то у Нвард Авагян «рояль… с пылью на зубах», оттого что «лает всё снаряд с огненным хвостом». А одно из стихотворений так и называется — «Тоска по тишине». По той самой, когда можно будет стереть пыль с рояля и в нём вновь задрожат фетовские струны… И здесь мне хотелось бы уяснить одно: я понимаю, отчего Гамлет Арутюнян писал стихи на русском (оттого что русский стал его родным), но что заставляет вас, воспитанной в стихии армянского языка, перейти на русский стихотворный?

— Вы не первый задаёте этот вопрос. Иногда мне приходится его слышать у себя же на родине. И для меня ответить на него — каждый раз заглянуть себе внутрь… Не знаю, как так получилось: не то шести, не то семиклассницей национальной школы на задание учителя русского языка и литературы — написать изложение по теме «Образ Ниловны», я сдала чуть ли не маленький реферат — шестистраничное сочинение, получив при этом, между прочим, пятёрку. Или, как, будучи выпускницей той же нерусской да плюс ещё деревенской школы, на вузовских приёмных экзаменах в большом, незнакомом и в основном русскоязычном городе экзамен по русскому языку (диктант!) сдала, опять-таки, на «отл.» (потому как красным чернилам там буквально нечего было делать), удивив тем самым аж самого заведующего кафедрой русского языка и литературы Юдкина. Может, Бог вселил в меня эту тягу к русскому языку? Классики же русской литературы превратили её в любовь… Но давайте вернёмся к тому времени, когда в силу возвышенных, с одной стороны, а с другой — более чем драматических событий (беспрерывные многотысячные *мирные* митинги в Степанакерте и в ответ на это — «сумгаит» в Сумгаите) в числе многих известных людей страны в Арцахе появился поэт Михаил Дудин. Вокруг центральной площади — колючая проволока… Кругом вооружённые солдаты. Перед моим кабинетом, как и перед другими, в редакции главной газеты Арцаха (а я тогда была завотделом) стоят во всеоружии «стражи порядка»: тандем офицеров внутренних войск и КГБ… Несмотря на их запрет, улучив момент, мы разговариваем с солдатами, пытаемся объяснить им всю правду о нас, дабы они, в случае чего, не выстрелили в народ… Но увы, как поётся в песне, «броня крепка, и танки наши быстры»… И я чувствую, что делаем мало. И вот поздними вечерами ко мне прилетают русские слова, целые строки, сплетающиеся в стихотворную форму. Я и раньше, ещё студенткой, баловала себя «чужестишками», но то было, скорее всего, игрой. А тут, в такой трагидраматической обстановке, какая может быть игра! Так рождаются «горячие» стихи, сначала «излишней политичностью» хромающие на одну ногу, но потом постепенно становящиеся на свои места. И я предлагаю их почитать солдатам и даже некоторым офицерам, и удивляюсь, когда… те берут их и действительно читают, например, мою «Депешу в Кремль» или «Сумгаит»:

> Инстинктом мутным
> Алкают снова кровь геноцида;
> В семени блудном
> Больно живуча эта страсть!
> Бозкурт, он ведь зверь особого вида,
> Чаще и шире открывает пасть…

Один из читающих, лейтенант из Курска, даже подружился с нами (впрочем, его товарищи тоже). Оказалось, что и он, как сам выразился, «иногда чиркнёт» стихи… Вот так. Вот что может делать с людьми поэзия! Мост между противоположными берегами… Когда же я целый цикл стихов показала Дудину, он, несмотря на цейтнот, быстро прочитал их и коротко оценил: «А у вас, знаете, неплохо получается. Можно сказать, я даже удивлён… Обязательно продолжайте, побольше внимания уделив художественности слога». Я и сама знала об этом. У меня был «взрыв», а при взрыве осколки летят неравномерно… Меня и сегодня завораживает русская словесность. И рука нет-нет да и тянется к авторучке… Но я, разумеется, была и остаюсь армянским писателем и не мыслю себя без родного языка и всего того, что связано с ним. Язык же русский для меня… ну, как окно в богатейшую литературу и культуру русского народа. И потом… это сейчас кто горазд, тот сразу берётся за перевод зарубежной литературы с языка оригинала. А моё поколение львиную долю мировой литературы изучало благодаря русским переводам…

— Но в сегодняшней России нет того читательского и зрительского отклика на поэтическое слово, какой был, скажем, во времена, когда стихи могли звучать на стадионе в Лужниках и в зале Политехнического. Слабое утешение: мол, стихам и не надо таких гигантских аудиторий, потому что поэзия — удел избранных, ими спасётся малое стадо. Экивоки в сторону Интернета и социальных сетей, куда, дескать, переместился читательский отклик, тоже не заменят того прочного читательского (именно читательского, а не писательского) интереса к поэтическому слову. Согласитесь: когда поэты комментируют поэтов, а зрителями на поэтических вечерах становятся приглашённые стихотворцы, это попахивает некой порчей Божьего замысла, потому что Слово не только для избранных, но и для всех, для каждого.

— Да, читательский дефицит налицо. И ситуация такова везде. Роль распространения поэзии вместо «толстых» журналов стал играть Интернет, однако, как мне кажется, сформировавшаяся «сетевая» поэзия отличительных и самостоятельных черт не приобрела. И вряд ли обретёт. Интернет, безусловно, даёт возможность получить аудиторию, иногда даже способствует появлению новых одарённых имён, но ведь гораздо больше он приводит и к распространению графомании…

— Вы написали мне о переведённой вами на армянский и опубликованной у вас в Арцахе подборке моих стихотворений (цитирую): «Рада сообщить, что она сразу привлекла к себе внимание армянского читателя…» С этого места, как принято говорить у нас в России, «пожалуйста, поподробнее». Я давно, например, не припомню, чтобы публикации моих стихов или вообще чьих-либо стихов в том или ином отечественном журнале или альманахе привлекали бы, тем более «сразу», внимание российского читателя. А армянского, оказывается, эта публикация привлекла?.. Может, армянский читатель чем-то принципиально отличается от российского? И у читателя маленького Арцаха совсем иной менталитет, нежели у читателя великанской и как бы потягивающейся во сне России? Прямо-таки как в том же моём, переведённом вами стихотворении: армянин, оказавшийся в Перми после того, как на его Родине «сократилась мышца Земли» (это о землетрясении), никому не отдаёт ключей от оставленного и, скорее всего, разрушенного дома.

Долго бездомный мир,
весь — от бабочки до президента —
будет просить человека
возвратить ему связку ключей.
Но в ответ прилетит: — Не отдам! —

…из глубин мирозданья.

Но сейчас практически из тех же «глубин мирозданья» мне «прилетело», что, стоило стихам вашего покорного слуги перенестись на арцахскую почву, как они тут же пополнили список «привлёкших внимание». Однако армяне — зело внимательный народ… Я не прав?

— Когда я впервые прочла это стихотворение, подумала: не только когда «сократилась мышца земли». Оказалось, я это произнесла вслух и мою «реплику» услышала вошедшая в тот момент в кабинет внучка-студентка. Она, моя Ани, удивлённо спросила: «О чём ты это, баб, сама с собой разговариваешь?» Молча дала ей почитать. Прочла и с задумчивым, затуманенным взглядом: «Сильно! Особенно финал. Просто душу выворачивает… Интересно пишет».

Однако объясню моё «не только когда…» Семья двоюродной сестры Лизы, уроженки Арцаха, оказалась в Средней Азии из-за репрессированного и сосланного в Сибирь отца. (Позднее его, как и миллионы несправедливо осуждённых, реабилитировали.) Так вот, она жила сначала в Андижане, затем в Душанбе, а когда, не без вмешательства извне, и там полыхнула национальная рознь и пошли армянские погромы, еле унесла ноги… Оставила заработанную за долгие годы и на зависть обставленную квартиру, дачу и в кармане лишь два ключа, после долгих скитаний вместе с детьми беженкой пришвартовалась к Финляндии. Это тоже было в наши дни, всего-то двадцать пять с лишним лет назад. Так что же мы услышим «…из глубин мирозданья» на сей счёт?

— Либо — раздирающее душу молчание, либо всё то же: «— Не отдам!» Нельзя отдавать родину предков, совесть, чистоту и красоту, пусть даже искорёженного мира… Иначе противно жить.

— Согласна с вами. И поэтому вернусь к переводу ваших стихов. Перевела их я по двум причинам. Первая и главная: не прошла мимо прочитанного… Оно отозвалось в моём сердце и наткнуло на размышления. Причина вторая: ведь не секрет, что те, кто наши стихи любит, не разочаровывается в них, они же их передают другим… Поэтому я думала: стихи пермского поэта Беликова найдут место в умах и сердцах от природы наделённых поэтическим слухом и чувством моих соотечественников. И не ошиблась. Прочитавший вашу подборку сначала в журнале «Գեղarm» («Гехарм»), то есть мой перевод, а потом изъявивший желание прочесть их… на языке оригинала наш восьмидесятишестилетний патриарх от литературы, «требовательный дядя», да ещё хорошо знающий русскую поэзию Максим Ованесян, поделился со мной своими впечатлениями: «В этих стихах кроется глубокое духовное начало. В них есть философские большие заряды. Первое, что пришло ко мне на ум при чтении, — мысль о том, что автор знает цену слова и дорожит им. У него богатый, яркий и одновременно естественный язык, а строки обдают душевным теплом — к людям, к отдельно взятой человеческой личности, к стране, к природе». Правда, удивительно, как он с первого же взгляда кратко, но достаточно ёмко уловил всё это? Ведь не читал же он, как я, скажем, ваши «Сосны — как Дмитрий Донской», где, как мне кажется, в спрессованном виде есть всё им перечисленное. Скажу со всей искренностью: когда я прочла это стихотворение, то вот от этих слов обомлела душа:

Но в тишине, когда ночь разгорится,
хочется соснам по спящим ветвям
тайно на тёмную землю спуститься,
чтобы поплакать немножечко там.

Только ветвей не найти на стволе.
Сосны качаются с болью немою.
И опуститься не могут к земле,
Да и подняться на небо не могут.

— Это — о моём поколении родившихся в пятидесятых-шестидесятых годах прошлого века, о поколении, мучительно застывшем между небом и землёй и, быть может, так и оставшемся, по большому счёту, не реализовавшимся и неузнанным…

— Однако для меня узнавание произошло. И мне ясно, что такому мастеру, как вы, по плечу «захватить» в свои владения всё то, что необходимо для настоящей, сверкающей поэзии. Вы словно раздвигаете свои границы к третьему измерению… Ну и отвечая на ваш последний вопрос: думаю, да, вы не ошиблись, предположив, что армяне «зело внимательный народ»… Мы действительно такие, Юрий, — внимательные и даже очень. А впрочем… как к хорошему, так и к плохому. И поскольку прекрасно чувствуем дефицит первого, то и ценим его высоко.

Юрий Татаренко, Владимир Алейников

«Русская поэзия мистична»

В только что ушедшем году известному поэту, основателю и лидеру легендарного СМОГа Владимиру Алейникову исполнилось 70 лет. Мэтр дал юбилейное интервью поэту и журналисту Юрию Татаренко.

— Хороший поэт — это жизненный опыт и мастерство. В какой пропорции они должны быть, как вы считаете?

— Поэт — это, прежде всего, дар. Чем крупнее дар, тем значительнее поэт. Без жизненного опыта трудно представить любого человека. В том числе и поэта. Больше ли, меньше ли, но есть этот опыт у всех. Мастерство необходимо тоже каждому, каким бы делом он в жизни ни занимался. Хороших поэтов на Руси раньше, на протяжении предыдущих столетий, было немало, да и нынче, в начале нового века, они всё-таки есть. Аркадий Акимович Штейнберг, поэт и переводчик, у которого за плечами был огромный жизненный опыт, включавший Отечественную войну и лагеря, в прежние годы говорил: «Русская поэзия — это такая армия, где взводами генералы командуют». Имелось в виду, что в нашей стране хороший поэт — вовсе не редкость. А великих поэтов — единицы, в любую эпоху, какой бы прекрасной или сложной она ни была.

Важно, как поэт распорядится своим даром — некоторыми способностями, талантом или даже гением. Вот здесь и нужно мастерство. Надо уметь работать. Надо быть настоящим тружеником. Например, давний мой друг молодости и соратник по СМОГу, Леонид Губанов, обладал крупным даром, ярким, стихийным, данным ему от природы. Но так и не сумел свою избыточную стихийность организовать, отнестись к ней разумно. Поэтому его стихи, переполненные плещущей через край энергией, хаотичны, в них вдосталь провалов, нелепиц, повторов, несмотря на немалое число замечательных строк и фрагментов. А другой мой давний приятель, Александр Величанский, обладавший даром совсем иного рода, сумел создать свою поэтику, организовать свои стихи. И они, при минимуме изобразительных средств, максимально воздействуют на читателей.

Важна и культура, образованность поэта. Без этого заниматься писанием стихов не стоит. Самообразование должно продолжаться всю жизнь. Совершенствоваться — надо. Иметь трезвый взгляд на себя и на свои писания, чтобы не самообольщаться и не попадать под влияние похвал, порою искренних и вполне заслуженных, но иногда и лживых, тоже надо. Пройти хорошую школу, чтобы обрести мастерство — надо. И так далее. Сплошное «надо».

Но прежде всего — нужен дар. Человек сам обычно понимает, каков он у него, этот дар. И никаких кривляний, никакого притворства здесь быть не должно. Дар осознаётся человеком и ведёт его — в жизни и в творчестве. С одарённостью у основной массы стихотворцев — совсем туго. В затянувшийся период нынешнего «как бы времени» появилось несметное количество людей, сочиняющих стихи и почему-то считающих себя поэтами. Но это ведь — та самая «армия поэтов», о которой ещё в двадцатых годах минувшего столетия провидчески писал Мандельштам. То есть некое гипертрофированное, разномастное сборище, необъятное пустое место, спешно заполняемое что-то там сочиняющими и при этом весьма амбициозными людьми, этакая дикарская тусовка, всеобщая лихорадочная пляска на рассыпающихся вдребезги никудышних стихотворных строчках, как на чьих-то костях. Поэзия мстит за варварское отношение к ней. Обращаться с ней следует бережно. Её надо чтить и беречь. А сейчас — и спасать.

Во всём, всегда и везде, нужна мера. Это хорошо, намного лучше других понимал Николай Заболоцкий. Всё его позднее творчество — изумительный синтез, где традиция в родстве с авангардом, где благородство и чувство меры, боль и радость, весомость каждого слова и метафоричность, гармония и фантазия, любовь и вера образуют неразрывное единство и продлевают дыхание речи, — настоящая русская классика. Авангард хорош тогда, когда в основе его лежит традиция. А традиция — понятие уникальное, универсальное, многогранное, органически включающее в себя как необходимое звено и авангард. Нынешние записные авангардисты, в основном люди малоталантливые, часто как щитом прикрываются Хлебниковым. Но у Хлебникова в стихах абсолютно всё органично, даже в его экспериментальных вещах, и это грандиозный поэт.

Что же такое авангард? Это—новизна. Новый звук, новое отношение к метафоре, новая структура стиха, новизна восприятия действительности, новизна в осознании мира как единого целого. Незаёмная. Личная. Собственная. У каждого поэта—своя. Да ещё и узнаваемость. Наилучшая—мгновенная. Даже по одной строке. Свой голос. В котором все тона буквально лучатся новизной. Свой лад. Своя музыка, без которой поэзия вообще невозможна. Своё дыхание. Свои ритмы. Новизна предельно искренняя, чистая, такая, как в детстве, с именно детским, уцелевшим, проявляющимся в любом возрасте изумлением перед распахнутым зрению и слуху миром. И это есть у всех крупных русских поэтов.

На русскую поэзию двадцатого века основное влияние оказали два поэта—Иннокентий Анненский и Велимир Хлебников. Без Анненского не было бы ни акмеистов, ни Пастернака. Без Хлебникова не было бы Хармса, Введенского. И второго периода поэзии Осипа Мандельштама, начиная с двадцатых годов и заканчивая «Воронежскими тетрадями», не было бы, я уверен в этом, без основательных бесед Мандельштама с Хлебниковым, без внимательного чтения им хлебниковских текстов, без хлебниковского воздействия на него, оказавшегося более чем благотворным. Хлебникова всю жизнь чтил и Заболоцкий. Но посмотрите, как великолепно усвоил он хлебниковские уроки, насколько полезной для него оказалась эта школа, как верно и умно понял он главное, важное для него, развил и укрепил уже собственными открытиями и достижениями. Так что воздействие и влияние обнаружить можно у всех поэтов. Более того. Поскольку поэтическая материя едина, у поэтов, живущих в разные эпохи, бывают почти буквальные совпадения в стихах. Во вселенной всё построено на вибрациях. Поэт улавливает эти вибрации и выражает их в слове.

В русской поэзии всё взаимосвязано, переплетено, соединено незримыми, духовными нитями. Лучшие её образцы—выражение всего сущего. Главное в поэзии—речь. И это действительно—наше всё.

—Ян Бруштейн назвал вас поэтом, свободным от времени,—согласны с таким определением? Какова цена этой свободы?

—Такое определение перекликается со словами Евгения Рейна, сказавшего, что все поэты (он выразился: «все мы»)—патриоты времени, а я—патриот пространства. Почему я свободен от времени? Величанский писал, что время—мой кровный должник. Но есть ли оно, время? Достоевский в этом сомневался. И действительно—что это такое—время? Почему привыкли мы к тому, что оно существует, влияет на нашу жизнь? Поскольку другого определения для того, чтобы обозначать некие отрезки человеческого существования, нет, приходится примиряться с тем, что оно, время, есть и немало всего значит в жизни.

Я свободен от времени, навязанного мне извне—допустим, режимом, делающим его сложным, драматичным, или даже трагичным, или чем-нибудь ещё, дисгармоничным для моей жизни и творчества, чуждым для меня. Свобода нужна мне так же, как дыхание.

Цена этой свободы чрезвычайно высока. По существу, в своём многолетнем служении добру и свету, с арсеналом своих писаний, стихов и прозы, с непрерывным выживанием и выстаиванием, со своей позицией человека, не желающего участвовать в хаосе, со своим образом жизни, разительно непохожим на жизнь современников, с ясным пониманием того непреложного факта, что занят я своим делом, тем, к которому призван, я нахожусь в постоянном сражении со злом, во всех очевидных и скрытых его проявлениях. И поэтому необходима мне и жизненно важна моя независимость от всего, что мешает мне жить и работать.

Пресловутого литературного процесса нет и быть не может, потому что литературу создают одиночки. В любых условиях, в самых разных, даже отчаянно трудных обстоятельствах я всегда оставался самим собою. Конечно, непросто вести себя именно так. Но это—моя жизнь. И мой путь. И я поступаю так, как считаю нужным. И никто мне на пути моём не указ. И моё время—всегда со мной. Здесь и повсюду.

Почти тридцать лет назад один понимающий поэзию человек сказал, что я уже часть будущего. Знаю, что стихи мои будут жить и в грядущем. А в настоящем—надо много работать. Надо заслужить пропуск в грядущее.

Обычно я говорю: каждому времени—свои песни. В шестидесятых годах, крылатых, благодаря молодости, с её дерзаниями, с постоянными открытиями, с усвоением и постижением всего, что пришло ко мне тогда, и культуры, и жизни, я писал стихи так, как это было созвучно этому времени, в семидесятых, драматичных, а порой и трагичных для меня,—уже по-другому, в восьмидесятых, когда весь прежний андеграундный уклад моей жизни претерпел изменения, поэтика тоже менялась, в девяностых, когда я обострённо ощущал, что нахожусь на грани двух эпох, уходящей и приходящей, на разломе, стихи мои выражали это состояние души и сердца, в новом веке стихи впитали токи нового времени, которое стараюсь я осмыслить и выразить в своих вещах. Каждый мой творческий период—это движение вперёд, вглубь и ввысь. Имя времени—наше слово. Наша русская речь. Покуда жива наша речь, все мы живы.

—Более четверти века вы живёте наедине с Коктебелем. В чём особенность этого места?

— Коктебель — благодатное и благословенное место. Здесь жив дух. Здесь есть прямая связь с космосом. Живу я здесь с 1991 года. Впервые в Коктебеле я оказался в мае 1964 года. И сразу понял: когда-нибудь я буду жить именно здесь. В последующие годы я постоянно, часто приезжал сюда, подолгу здесь обитал. Я знал Марию Степановну Волошину, старых коктебельцев, из волошинского круга, дружил с Марией Николаевной Изергиной, великой женщиной, в доме у которой десятилетиями бывали лучшие люди страны. Можно сказать, что живу я здесь, если учитывать прежние мои частые приезды, дольше Волошина. И написал здесь больше, чем он.

Я терпеть не могу, когда меня сравнивают с Волошиным. Мы совершенно разные люди. Только и у него, и у меня по отцовской линии — запорожские, казацкие предки. Вот и всё. Фамилия Волошин — не от цветка василька, по-украински — волошки. Волошин — прозвище. Выходец из волошских земель. Некоторые шутят, что нынче волошинский профиль на скале, известный всем, сменился моим профилем. Всё это — чушь. Разные люди, разные характеры, разное творчество.

Я вырос на Украине, в Кривом Роге, среди скифских степей. И Коктебель я воспринимаю, как часть моей Великой Скифии. Да и сам я, особенно с годами, седой, бородатый, похож на скифа. Посмотрите в Эрмитаже изображения скифов — и убедитесь в этом. Но я не просто похож на скифа, я и есть скиф. По семейным преданиям, наш древний род существует ещё со скифских времён. Скифы украинских, причерноморских степей — это и есть казаки. А казаки — народ, крепкая ветвь могучего общерусского древа.

Коктебель — ещё и мистическое место. Творчество любого рода обретает здесь новое дыхание. Вот и выходит, что поселился я здесь вовсе не случайно. Так было предопределено.

В прежние годы, когда были живы мои родители, я часто приезжал на свою родину, в Кривой Рог. Там есть друзья и знакомые, там довольно много почитателей и ценителей моих писаний. Там устраивали мои творческие вечера, выставки моей живописи и графики, публиковали мои тексты в местных изданиях.

Но теперь на Украине — хаос, период смуты, гражданская война. Дом, в котором я вырос и столько всего написал, в котором долго жил и работал мой отец, Дмитрий Григорьевич Алейников, замечательный художник, в котором жила моя мама, Мария Михайловна Железнова, выдающийся педагог, учитель от Бога, в котором было в прежние времена так много всего доброго и светлого, полностью разграблен. Исчезли все отцовские картины. Да вообще всё, что было в доме, исчезло. Зачем-то спилены деревья и виноградные лозы в саду и во дворе. Всё загажено. Словом, руины былого рая. И всё это — при афишируемой любви и уважении земляков ко мне и к моему творчеству. И вот уже третий год не бывал я на родине. С грустью приходится сказать, что ездить туда стало опасно. Сплошная боль.

Остаётся — вспоминать прошлое. И оно не где-то далеко от меня. Оно — близкое, живущее во мне и сейчас. Каждый день вспоминаю я детство, юность, родителей, нашу природу, особую, светлейшую музыку былого, всё, что было когда-то песней, сказкой и явью, что способствовало моему становлению, что было той драгоценной, необходимейшей для пишущего человека почвой, которую ничем не заменишь, что осталось в моей памяти, здесь, рядом со мной, навсегда. И понимаю: чтобы не мучиться так, находясь посреди непрерывных видений, сызнова оживающих событий, нахлынувших голосов, отголосков мелодий, разнообразных деталей и частностей, будничного и праздничного, утрат и обретений, прозрений и откровений, да вообще всего того, что составляло мою жизнь в минувшие годы, что наполняло её, озаряло немеркнущим светом, надо мне написать обо всём этом книгу. Надеюсь, я её напишу.

Коктебель — спасителен для меня. Здесь я живу как раз не наедине только с ним. Существует и связь со всем миром. Но здесь есть и необходимое для меня уединение. Это когда-то, особенно в семидесятых, когда я семь с половиной лет бездомничал, скитался по городам, вёл я вынужденную, подчеркну это, богемную жизнь. А по натуре своей человек я домашний. Раньше — любил путешествовать. А нынче трудновато мне стало передвигаться в пространстве. Вот и говорю порой: внешний мир — сузился, зато внутренний мир — непрерывно расширяется.

Жизнь коктебельская — это ещё и здоровье. А оно людям очень даже нужно, и это особенно остро понимаешь в зрелых своих летах. Жизнь коктебельская — это покой и воля. Только не пушкинские, а мои. Личные. Выстраданные. Оправданные всеми прежними, тяжёлыми для меня годами. Дарованные мне свыше. Так я считаю. Знаю, что говорю. Жизнь коктебельская — это счастливейшая, радостная возможность свободного, независимого, полноценного творчества. Это — ежедневная, большая работа. Я здесь не курортничаю. Я тружусь. Коктебель — обретение дома. И уже не родительского, а моего. Коктебель — то место на земле, где мне хорошо, где легко мне дышится, где я чувствую себя лучше, чем в Москве, куда приезжаю иногда, ненадолго, зимой, и вскоре уже возвращаюсь обратно. Коктебель — моё земное пристанище. Многое из того, что я предвижу или предчувствую, сбывается. Сбылся и Коктебель.

— Существует ли сегодня крымская литературная среда?

— Откуда мне знать об этом? С местными литераторами я не общаюсь. Какой-то крымский союз писателей вроде существует.

В Коктебеле в сентябре уже, наверное, чуть ли не пятнадцать лет подряд проходит Волошинский литературный фестиваль. Меня на него периодически усиленно зазывают. Иногда я бывал там. На таких сборищах я чувствую себя инопланетянином. Или — как мой учитель Иоганн Себастьян Бах, на фоне собравшихся в пёструю стаю у моря и не очень-то профессионально, зачастую просто фальшиво, музицирующих современников. А в последние годы перестал я бывать на этом фестивале. И есть для этого весомые причины. Я считаю, что этот фестиваль — имитация некоей бурной деятельности, только и всего. Как, впрочем, и другие литературные фестивали, на которых изредка приходилось мне бывать.

Не крымская, а коктебельская литературная среда существовала в шестидесятые и семидесятые годы, когда на веранде у Изергиной, или у Арендтов, или у Юрия Киселёва, да и в доме Волошина, у Марии Степановны, собирались приезжавшие сюда творческие люди, когда здесь читали стихи и прозу, беседовали, когда человеческое общение было необходимым для всех, когда нас вдохновляла и поддерживала выжившая, жизнетворная здешняя свобода. Старых коктебельцев осталось мало. Порой мы общаемся. Но золотая коктебельская эпоха — в прошлом. Нынешние «новые коктебельцы», как они себя называют, — совсем другие люди. В общем-то неплохие. Но — без того огня, который был в людях когда-то, в минувшие времена.

Ну а сам Коктебель — это и есть, для меня, среда. Среда обитания. Конечно, литературная. Ведь именно здесь я работаю. Общаться можно — с морем, с горами, с холмами, с деревьями, с цветами. Разумеется, и с людьми. Несмотря на то, что живу я затворником, ко мне иногда приезжают хорошие люди. Или навещают меня. Так что традиция общения, пусть и не такая впечатляющая, с размахом, как прежде, а поскромнее, избирательная, всё-таки продолжается.

— Про свою бытовую жизнь вы говорите: «Довольствуюсь малым». Неужели отказались бы, к примеру, от автомобиля от восхищённого поклонника?

— Да, я действительно в быту довольствуюсь малым. И давно к этому привык. В молодости средств к существованию у меня всегда было в обрез. В семидесятых, в период моих скитаний, нередко приходилось и голодать. Вот и выработалось у меня полнейшее равнодушие к тому, что называют «дом — полная чаша», и тем более — к излишествам. И автомобиль мне совершенно не нужен. В технике я ничего не понимаю. И откуда в наше время возьмётся восхищённый поклонник, который вознамерится подарить мне автомобиль? Мои поклонники — люди скромного достатка. А богатые думают только о себе любимых.

Один мой знакомый как-то подсчитал количество строк и авторских листов в изданных моих книгах и заявил, что, мол, если бы мне за мои писания платили так, как это было принято в советское время, то у меня мог бы целый парк автомобилей быть, — этакая напрасная математика, не вызывающая у меня никаких эмоций. За изданные книги и за публикации в периодике нынче ничего не платят. Литературные мои заработки редки. Да и то налоговая комиссия, обнаружив у меня, пенсионера, дополнительный заработок, запросто может вычесть с меня пенсию за несколько месяцев. Так уже бывало. И мне с большим трудом удалось отстоять свою пенсию за полгода. Оказывается, если получающий пенсию человек подрабатывает уборщиком, то пенсию у него не вычитают. Но у литераторов-пенсионеров, если обнаруживают гонорары, даже небольшие, пенсию отбирают. И тем самым создают для пожилых писателей тяжёлые условия для жизни. В ПЕН-клубе, где я состою, мне рассказывали знакомые, что многие писатели, особенно переводчики, вынуждены отказываться от работы и от полагающихся за неё гонораров, чтобы пенсию свою сохранить. Вячеслав Куприянов даже опубликовал в «Литературной газете» гневную статью об этом безобразии с изыманием пенсий у писателей. Но статья эта положение не улучшила. Ни налоговики, ни богачи о писателях, бывших «властителях дум», посреди современных бредовых законов не думают. Живу я в основном на пенсию.

— Как часто вы писали стихотворение с первой строки?

— Очень часто я писал стихотворение именно с первой строки. Она ведь — камертонная. Рождает звук. Вытягивает за собою всё остальное звучание, всю музыку. Так и в прозе. Первая фраза — главная. Она определяет всё, что будет написано потом. А в этом «потом», как сказал Григорий Саввич Сковорода, «всё происходит из бездны глубокого сердца».

— Коллеги считают вас поэтом-мистиком. Многое ли из написанного вами сбывалось?

— Вся настоящая русская поэзия — мистична. И Ригведа, созданная в Поднепровье и только намного позже, уже в Индии, когда на смену устной традиции, чрезвычайно живучей, существующей в народе до сих пор, пришла традиция письменная, наконец записанная. И «Слово о полку Игореве». И «Боянов гимн». И народные песни. И стихи русских классиков. Это заложено уже в самой нашей речи. И — в мироощущении.

У меня — ведическое мироощущение. Я ведический поэт. И у этой нашей русской мистичности — свои особенности. Она — светлая. Она существует по законам вселенной. И даёт человеку возможность чувствовать себя увереннее в мире. И даёт ему право на разумные поступки. И дарует ему право на полноценную жизнь. О самих себе, о том, что сбудется, поэту лучше помалкивать. Все эти пророчества — сбываются. Губанов ещё в восемнадцатилетнем возрасте написал, что умрёт он в сентябре, в тридцать семь лет. Так всё и вышло. Примеров подобных — предостаточно.

Всевозможных предчувствий, предвидения будущего и прочих взглядов наперёд у меня было много. И столько сбывалось, что я стал с этим вести себя осторожнее. Однажды, в феврале шестьдесят пятого года, в Крыму, в метель, ехал я по старой горной дороге на маленьком автобусе из Алушты в Судак. Ехал — и писал в пути одну большую и действительно мистическую вещь, которая называлась «Комедия». Когда я написал некоторые, как оказалось, провидческие строки, я вдруг отчётливо понял, что прямо сейчас автобус упадёт в пропасть. И в тот же миг автобус начал съезжать в пропасть. И зацепился колесом за придорожный столбик, да так и застыл. И мы, немногочисленные зимние пассажиры, чудом сумели выбраться из него. Долго мы стояли посреди метели. Наш автобус — висел над пропастью. Наконец из снежного роения появилась колонна грузовиков. И автобус вытащили на дорогу. И я добрался до Судака. Позже я понял, что в моих мистических строчках, написанных в автобусе, всё же была надежда на спасение. Это — лишь один случай, хотя мог бы я рассказать истории и пострашнее, да не хочу этого делать.

— В следующем году исполнится 55 лет с момента вашей первой публикации. Как отметите эту дату?

— Так уж получилось, что как поэт сформировался я рано. В шестьдесят втором, шестьдесят третьем годах, да и позже, в шестидесятых, я писал стихотворения и поэмы, от которых и теперь не отказываюсь. И это хорошие, сильные, особенно если учитывать возраст, в котором они написаны, и до сих пор меня самого иногда изумляющие, буквально сияющие новизной, с интуитивными находками и открытиями, чистые, полнокровные стихи. Очень мои. Мгновенно узнаваемые. Наверное, добрых два тома наберётся. Никогда эти вещи свои не подсчитывал. Они терялись, уничтожались, находились, вспоминались. Они выжили. И сейчас живут. И ни одна строка из этого добра доселе не опубликована. Когда-нибудь, возможно, издадут это. А также — неопубликованные стихи семидесятых и восьмидесятых. Будет «Неизданный Алейников». Как был издан том «Неизданный Хлебников». Надеюсь, что издадут и многие мои неопубликованные переводы. В годы скитаний большое количество моих текстов было утрачено. В искусстве нужны жертвы. Но не такие ведь глобальные, как у меня. Однако всё у нас бывает. В том числе и чудеса.

Когда я поселился в Коктебеле, у меня открылась вторая память. И я стал вспоминать, а потом и записывать, прежние свои тексты. А потом, по частям, ко мне вернулась изрядная часть давних текстов, которые я считал безнадёжно пропавшими. Их сохранили и вернули мне, уже в девяностых, некоторые хорошие люди. И моя мама сохранила в нашем криворожском доме давние мои стихи и прозу.

И сейчас я пишу эти строки в окружении груд своих рукописей. Тексты записаны в основном от руки и находятся в разном состоянии. Иногда это машинопись. Всё — в единственном экземпляре. Понимаю, что пора мне привести в порядок эти уцелевшие в прежних невзгодах писания, стихи и прозу, перепечатать их, внести в компьютер. Но, как я обычно выражаюсь, головы на всё не хватает. Ведь я постоянно пишу новые вещи, прозу, и время тогда идёт по-другому, и я живу словно в другом измерении. Ничего, с Божьей помощью, поступательно, сделаю всё необходимое.

Мне рассказывали, что Владимир Микушевич, рассуждая о моих частично изданных ранних стихах (тех, которые сохранились и были у меня в то время, когда в начале девяностых возникла возможность издания книг), говорил, что Артюр Рембо, в таком же возрасте, как и я, сформировавшийся как поэт, бросил писать стихи, а я не бросил, продолжил, и этим вроде как победил. Думаю, что Рембо оставил поэзию потому, что после «Озарений» и «Сезона в аду» он устрашился открывшихся ему видений. В поэзии нужна — отвага.

Писать я начал ещё в школьные годы, лет в двенадцать. Сочинял вначале прозу — приключения, фантастику. Потом стал писать о реальной жизни. И несколько позднее — пришли стихи. С тех пор продолжаю их писать. В юности я непрерывно, очень много работал над своими текстами. Это была для меня необходимейшая школа. Хорошо, что она была. Вскоре пришло и мастерство. Дальше были — совершенствование, развитие, путь. Вот и получается, что первая моя публикация — вроде и ни при чём. И до этого немало всего было написано, и после этого. И никакую дату не стану я отмечать. Я и семидесятилетие своё не отмечал. Зачем подводить какие-то итоги? Пусть всё находится в движении. Я, как и прежде, — в пути. Сказано ведь: «дорога — это жизнь». Вот именно. Мне ещё многое надо суметь сделать.

— Вы думали в молодости, что будете писать всю жизнь?

— Я знал это с детства.

— Как вам кажется, возможен ли в ближайшем будущем этакий СМОГ-2?

— Новый СМОГ невозможен. Всё хорошее бывает один раз. СМОГ — это я и Губанов. Оба мы — лидеры. Все остальные — потом. Идея содружества была моей. Название, аббревиатуру — девиз, пароль, боевой клич, для нашего поколения, да и не только для него, придумал Губанов. Он, с этаким вызовом, расшифровывал аббревиатуру — Самое Молодое Общество Гениев. Я предпочитал говорить — Смелость, Мысль, Образ, Глубина. Пусть из-за нашего СМОГа была искорёжена моя судьба, пусть из-за него было у меня слишком уж много неприятностей и бед, пусть из-за него меня четверть века не издавали на родине. Далее — «и так далее». Да мало ли что ещё бывало! Было — и сплыло. И я выжил. И слава Богу, и ныне жив.

Но СМОГ — явление. Причём небывалое. И оно уже не повторится. Нет ему аналогов. Нет и хотя бы отдалённого его подобия. Он — один такой. Он уникален. СМОГ появиться мог только в середине шестидесятых. И хотя власти, принявшие все возможные меры для того, чтобы уничтожить его на корню, утверждали, что он разгромлен, и это, видимо, их частично успокаивало, никуда он не делся. Все мы продолжали жить, работать, общаться.

Эпоха была непростой. Это ведь и без объяснений понятно. В нашем сражении бывали и победы, и утраты. Некоторых смогистов уже нет на свете. Но и сейчас, покуда живы мы, ныне здравствующие участники этого содружества, несколько человек, седые люди почтенного возраста, сумевшие выжить, состояться, создать нечто серьёзное в русской словесности, СМОГ существует. Мне столько раз приходилось писать и рассказывать о СМОГе, да и сейчас приходится, что я иногда в сердцах говорю — мол, надоел мне этот СМОГ хуже горькой редьки.

Я всегда был сам по себе. Любая стадность мне чужда и противна. Содружество наше задумывалось как творческое, избирательное, для считанных участников. А нахлынула в него целая свора всяких оглоедов, и кое-кто из них, работая на соответствующие органы, так и норовил свернуть всё на политические рельсы, из-за чего и начались репрессии. Политикой я сроду не занимался. Хотя среди моих друзей и знакомых были и правозащитники. Но раньше все друг друга знали. Пришлось многолетнюю череду неприятностей пережить. И то, что меня не печатали, — цветочки. Подразумевались и ягодки. Могли и посадить. Ни за что. Для острастки. В назидание другим. Могли и убить. Голову мне после чтений стихов разбивали. Кто это делал? Поди гадай теперь! У меня семь сотрясений мозга. И я в начале восьмидесятых, после очередного избиения, вообще перестал читать стихи на людях. Растянулось это почти на двадцать лет.

Когда у меня, после всех предыдущих трудных лет, образовалась семья, появились дети, надо было нам на что-то жить. Поначалу соглашался я на любые литературные заработки. Выручили меня переводы. В этом качестве, как оказалось, власти я устраивал. Переводил я в восьмидесятых поэзию народов СССР. Переводил очень хорошо. Ко мне уже стояла очередь национальных авторов, желающих, чтобы их стихи перевёл именно я. Выходили книги переводов. Было множество публикаций в периодике. Я уже думал, что так вот и буду годами, десятилетиями, существовать со статусом переводчика, пусть и хорошего, пусть и вынужденно, да всё же признанного властями, что публиковать мои стихи в периодике если и будут, то лишь изредка, да и то с купюрами, с цензорским вмешательством в тексты, что мои собственные сборники стихов, при благополучном стечении обстоятельств, когда-нибудь, в лучшем случае, раз в пять-семь лет, может быть, основательно изуродовав тексты, как это было сплошь и рядом принято тогда, и будут издавать, да и то было это под вопросом. Я относился к переводам очень серьёзно. И вкладывал в них много своего. Переводы поэзии — это ведь, как в музыке, переложение с инструмента на инструмент. Надо сохранять дух, а не букву. Надо, чтобы переведённые стихи жили в русской речи. И чем лучше поэт, который переводит чьи-то стихи, тем лучше и переводы. Но переводы, как верно утверждал Мандельштам, иссушают мозг. Мне надоело улучшать чьи-то тексты своими собственными словами. И вот, по чутью, как всегда у меня бывает, в девяностом году переводить я решительно прекратил.

И началась как раз именно тогда, словно подтверждая возможность чудес в нашей стране, пора свободного книгопечатания. И у меня вышли одна за другой несколько больших книг стихов. И начались некоторые изменения в моей жизни. Чудеса продолжались. И вскоре стал я жить в Коктебеле. И сразу же стал интенсивно, очень много работать, совершенно не думая об издании текстов. Мне было некогда. Я весь был в своих трудах. А потом, видимо, настало время и для изданий. И в начале нового века начали выходить мои книги. И это продолжается.

Ну а СМОГ мне и раньше охотно припоминали разные недоброжелатели, да и нынче такое бывает. Вот и сказал я однажды Рейну, что надоел мне СМОГ. Женя тут же ответил, что у него такая же история с Бродским. И добавил, что СМОГ — просто некий довесок ко мне, что я всегда был сам по себе, независимым, самостоятельным. Хорошо, что это он понимает. О СМОГе приходится мне рассказывать и писать потому, что больше никто

не знает всего, что было в этот период, так хорошо, как знаю я. И не только ещё живым могиканам богемы это интересно и важно, поскольку они, свидетели прежних событий, хотят, чтобы память об этом осталась, но и подросшим, молодым поколениям. Вот и приходится мне, поворчав, продолжать своё дело просветителя человечества. Кто-то из литературоведов назвал меня в прессе «Нестором отечественного андеграунда». Так вот живёшь—и что-нибудь новое о себе иногда узнаёшь. Какой-то злостный псевдокритик в своей статейке написал, что нет у меня другой легенды, кроме СМОГа. Заурядная чушь! Я и сам—давно уже легенда. Куда изредка ни придёшь, везде, прежде всего, слышишь, что я—живая легенда. И это ведь правда.

Когда-то, в молодости, у меня, не издававшегося, неофициального поэта, стихи которого широко расходились только в самиздате, не просто известность, но настоящая слава была такой невероятной, что я, вспоминая об этом, сам себе удивляясь, только вздыхаю да покачиваю седой своей головой. На мои чтения стихов собирались толпы слушателей. Время было орфическим. Стихи тогда прекрасно воспринимались людьми с голоса. Моё чтение стихов, как утверждают люди, слышавшие это чтение в прежние годы, было настоящим искусством, особым, неповторимым. И записей моего давнего чтения практически нет. Магнитофоны тогда были редкостью. Это сейчас техника стала такой, что сделать видеозапись довольно легко. Да только до сих пор нет ни одной большой, ретроспективной записи моего чтения стихов. Так, понемногу, что-то появилось кое-где. Может быть, кто-нибудь ещё спохватится, сделает большую запись. Если поймёт, что давно пора это сделать.

Нынче мне трудно стало читать стихи на моих редких творческих вечерах. Концентрация стихов такова, что я, читая их, особенно давние вещи, мгновенно, до секунды, вспоминаю всё, что было когда-то, что связано с их написанием, и перехватывает дыхание, я волнуюсь, мне приходится продолжать читать на одной воле. Поэтому нынче я предпочитаю, чтобы стихи мои люди читали с листа. Чтобы находились наедине с моими изданными книгами.

— У Бориса Слуцкого есть такие строчки: «Расспросите меня про Сталина—я его современником был». А вы себя чьим современником считаете?

— Да мало ли чьим был я современником! Изрядное количество людей, а вернее, множество людей, уже несколько поколений,—мои современники. Хлебников, когда его приятели-футуристы спорили, кто из них какой поэт, сказал: «А таких, как я, вообще больше нет». Могу я и о себе это сказать. Хлебников говорил: написал он столько стихов, что хватит их на мост до серебряного месяца. Думаю, моих стихов хватит для того, чтобы выйти за пределы солнечной системы. Так уж получилось, что написал я много всего. Значит, было, что сказать. И ещё напишу, даст Бог. Дело ведь не в количестве. Мой любимый композитор Бах тоже много музыки написал, до сих пор что-нибудь из его сочинений где-нибудь да находят. Жизнь моя, в которой всякое бывало, продолжается. И главнейшее в ней—творчество.

— Сохранились ли дружеские отношения с Эдуардом Лимоновым?

— Не сохранились. Он плохо ведёт себя по отношению к прежним друзьям, в том числе и ко мне, в прежнюю эпоху сделавшему для него много доброго. Пусть живёт так, как считает нужным. Его не переделаешь.

— В одном из интервью вы сказали, что поэту нужна «отзывчивость среды». Кто и как сейчас увеличивает эту самую отзывчивость?

— Как можно увеличивать отзывчивость? Она или есть у людей, или её нет и в помине. И среда—или она есть, или её нет. Прежнюю нашу среду, которая действительно была отзывчивой, уже не вернёшь. Многие мои друзья, приятели и знакомые умерли. Некоторые—живы. Но неофициальная, андеграундная, как теперь выражаются, наша среда—ушла вместе с прежней эпохой. Ныне я один остался—помнящий всё и умеющий сказать об этом.

Вот и пишу свои книги прозы, свою прозу поэта, свободную, ассоциативную, полифоничную, порою ритмическую, тяготеющую к поэзии, своеобразные воспоминания о том, что было когда-то, о людях, которых я знал. Больше некому это сделать.

Мои книги прозы образуют большую серию. Каждая книга имеет своё название. Общее название серии—«Отзывчивая среда». По известному выражению Чаадаева: «Слово звучит лишь в отзывчивой среде». Часть книг прозы издана, часть—в работе. Конечно, есть у меня и другая проза—романы, рассказы, эссе, записки. Всё это не издано. Может быть, дождётся издания. Ждать—значит, жить. Умение ждать давно уже стало у меня искусством. И кое-чего я всё-таки дождался.

Никогда я не заботился о том, чтобы пристраивать свои писания. Срабатывает прежняя наша этика: никуда не ходить, никого ни о чём не просить. Всё с изданиями получалось у меня как-то само собою. Все мои издания книг—случайны. Словно по волшебству. Может быть, это надо было выстрадать. Возможно, я это заслужил.

В начале нового века начали выходить мои книги в разных издательствах. Издания продолжаются. В 2015 году в Москве в издательстве «Рипол классик» вышло моё собрание сочинений в восьми томах. Большие тома, по восемьсот страниц. Три тома стихов, пять томов прозы. В этом собрании

нет и половины написанного мною более чем за полвека работы. Но оно даёт достаточное представление о моих писаниях. Я очень благодарен Сергею Михайловичу Макаренкову, генеральному директору «Рипола», за его издательский подвиг. Он понимает меня. И человек он отзывчивый. Есть и другие понимающие, отзывчивые люди — издатели, способствующие выходу моих книг, редакторы, публикующие мои вещи в периодике, в бумажных и в интернетовских журналах и альманахах. Есть люди, написавшие о моих стихах и прозе различные тексты-высказывания, а также серьёзные статьи, рецензии и эссе. Есть люди разного возраста, понимающие и любящие мои стихи и прозу, по своим человеческим достоинствам дорогие для меня. Всем этим современникам я признателен — за их внимание ко мне и к моим писаниям.

Сам я, в меру своих сил и возможностей, на протяжении многих лет делаю в периодических изданиях публикации текстов своих друзей и соратников по нашему отечественному андеграунду, пишу предисловия и послесловия к их книгам, стараюсь помогать некоторым достойным авторам из молодых поколений. Значит, отзывчивая среда существует и сейчас.

— Ещё одна ваша цитата: «Поэзия — крылатое горение… Стихи должны помогать жить, в них обязательно должны быть свет, благородство». Но то же самое можно сказать о любом творчестве, не так ли?

— Мои стихи действительно помогают людям жить. На протяжении половины столетия самые разные люди, и молодые, и пожилые, неоднократно говорили мне об этом. Я и сам это знаю. Творчество — должно быть именно таким. Значит, есть в моих стихах созидательная энергия, есть ощутимое многими притяжение тайны, есть нечто такое, что даёт людям возможность чувствовать себя свободнее и увереннее в жизни, есть и наиважнейшее: я продлеваю дыхание речи.

Незабвенная Мария Николаевна Изергина говорила в Коктебеле: «Все поэты вокруг ноют и ноют, и только у Алейникова, даже в трагических стихах, всегда есть свет». И ещё она говорила: «Алейников — русский поэт, потому что он мыслит по-русски». Она была блестяще образованна и очень умна.

Особенности мышления поэта — практически всё определяют. Русская поэзия — это сама жизнь. В ней, помимо множества прочих компонентов, всегда присутствует радость. А это — великая сила. Крылатое горение — не высокопарная фраза, а сущая правда. Настоящее горение — основа настоящего творчества. И оно должно быть крылатым. Должно уметь летать, быть выше и мирских безобразий, и заурядной повседневности. Обязано — быть на высоте. Без света и благородства — не бывает ни настоящих стихов, ни другого — вовсе не любого, а настоящего — творчества.

— Как вы считаете, живёт поэзия в поэте или поэт в поэзии?

— Поэзия живёт в нашем мире. И поэт — живёт в нашем мире, таком, каков он есть. Стихи — приходят к поэту. Он записывает их. И если они настоящие, они становятся частью общемировой поэзии.

— Известно ваше неоднозначное отношение к Бродскому и Евтушенко. А ведь их творчество — неотъемлемая часть русской культуры. Или они указали своим апологетам тропинку к обрыву?

— Лучше всех сказала поэт Марина Саввиных: «Бродский — кухня, Алейников — Вселенная». Всё этим сказано. Бродский — мой антипод. Его стихи не способны помогать людям жить. Это некие раздражители, рифмованное выражение взвинченных состояний, зачастую довольно резкое или даже грубое, переполненное мнимой парадоксальностью, а сама речь, то есть главное, весьма скудна. Породив множество подражателей, он нанёс русской поэзии намного больше вреда, чем Маяковский. Когда-то Заболоцкий, если при нём говорили о Маяковском, сразу вставал и уходил. Я хорошо его понимаю.

Арсений Александрович Тарковский в прежние годы говорил, что при чтении стихов Бродского у него возникает ощущение, будто автор отправился погулять, а стихи сочиняет машина. И он был прав.

Ну а Евтушенко получил от жизни всё, что только можно было получить. Но работает инерция. Человек пишет и пишет. Из несметного количества его стихов можно сложить небольшую книжку, вещей в тридцать, и это будут, пожалуй, хорошие стихи. С оговоркой: для прежнего времени, на безрыбье. Мой друг Анатолий Лейкин, писатель и хороший редактор, в девяностых редактировал собрание сочинений Евтушенко. Известно ведь, что Евтушенко соглашался на любые поправки и купюры в стихах, только бы это было напечатано. Лейкин с трудом изыскивал подлинные тексты. Однажды Евтушенко пришёл к Лейкину и с грустью рассказал, что он купил и прочитал собрание сочинений Марины Цветаевой — и понял, что по сравнению с ней он пигмей. Хорошо, конечно, что он это осознал. Но это ведь его не остановило. Как писал, так и продолжает непрерывно писать.

Не моё это дело — разбираться с творчеством двух этих авторов. Пусть этим занимаются литературоведы. И последнее дело — учить кого-нибудь жить. Гумилёв говорил Ахматовой: «Аня, если я буду кого-нибудь учить жить, ты меня сразу отрави». Настоящие стихи не учат жить — они помогают людям жить. Сознательно говорю об этом ещё раз.

— В вашей поэтической жизни даже друзья рифмуются: Губанов — Губайдуллина. А как вы думаете, с кем бы вас зарифмовал ваш друг Евгений Рейн?

— Вряд ли Губанов рифмуется с Губайдуллиной. И стихи его далеки от той авангардной музыки, которую сочиняет Губайдуллина. Кстати, правильная фамилия Губанова и всей его родни — Шалимов. Дед губановский, по отцовской линии, был вроде большевиком, его сослали, из ссылки он бежал и поменял фамилию на Губанова, так и прожил.

Ну а Рейн, полагаю, ни с кем не зарифмовал бы меня. Человек он талантливый, но — с некоторыми, присущими только ему и накрепко сросшимися с ним особенностями характера и поведения. Несмотря на свой солидный возраст, непрерывно продолжает навёрстывать упущенное в прежние годы. Иногда спохватывается и твердит мне, какой я из себя великий поэт и друг. И при этом ни на секунду не забывает о себе. И его можно понять. Пусть радуется образовавшейся возможности широко издаваться, получать премии, ездить по разным странам, пусть будет благодарен судьбе и счастливо сложившейся жизни.

— Геннадий Айги считал вас самым музыкальным русским поэтом после Батюшкова. Какую роль играет музыка в вашей жизни, много ли любимых композиторов?

— Айги действительно так считал. И не только он. Музыкой я занимался с детства. Роль музыки в моей жизни огромна. Любимых композиторов — немало. Стихи мои — тоже музыка. Одна из моих книг стихов так и называется — «Быть музыке».

— Бог троицу любит: процитирую вас в третий раз! «Стихи якобы ни о чём — это высший пилотаж для поэта». Из чего возникает это самое «якобы»?

— Флобер всю жизнь мечтал написать книгу «ни о чём». И одновременно — обо всём. Абсолютно свободную от всяких канонов и правил. О такой книге мечтал и Бунин. Частично ему это удалось — в «Жизни Арсеньева». Стихи «якобы ни о чём» и в то же время о разнообразнейших проявлениях бытия, о непрерывности жизни, о единстве всего сущего есть у Верлена, Анненского, Хлебникова, есть и у других поэтов. Есть они и у меня.

Такие стихи — именно высший пилотаж. Потому что достигается максимальная, небывалая концентрация, из штрихов, намёков, деталей, иносказаний, верно найденных слов, из самой фонетики, из музыки стихотворения возникает изумительный синтез. Говоря проще, проявляется и утверждается — во всей своей красе и силе — сама речь.

ДиН ПАРОДИЯ

Евгений Минин

Крылатая баба

Обострение

Ходит бессонница в серых штанах
И обостряет проблему.
Дмитрий Филиппенко

Летние ночи совсем коротки,
Хоть и проблема локальна:
Надо бессоннице справить портки —
В серых не так сексуальна.
Это, скажу вам, совсем не пустяк,
Всё превратилось в систему:
Ходит по спальне и эдак, и так
И обостряет проблему…

Психейное

С тех пор у меня не душа,
а с крыльями баба, Психея.
Максим Лаврентьев

Живу я, всё время браня,
крылатую бабу Психею.
Уж так истерзала меня,
что я временами психею.
И ни от кого не таю:
поскольку проблем с нею масса,
крылатую бабу свою
готов поменять на Пегаса…

Сергей Кузичкин

Двадцать лет и одна ночь

(Избранники Ангела)

Роман в четырёх книгах[1]

Книга третья. Один

Каждый миг начинается бытие; вокруг каждого «здесь» вращается кольцеобразное «там». Середина — повсюду. Путь вечности — кривая.
Фридрих Ницше, немецкий философ

Ночь выбора

Восточная Сибирь. Городок районного значения. 12 января

1983 года. 3 часа 53 минуты.

И в третий раз за эту ночь Ангел Смерти приготовился раздвинуть завесу Времени.

Три Ангела-хранителя стояли перед ним на коленях, низко, почти до пола, опустив головы, усиливая молитвы. Слышные только Ангелу Смерти звуки нарастали и становились нестерпимее, но Ангел не торопился принимать решение. Стоя перед завесой Времени, он глядел то на молящихся Хранителей людских душ, то на спящих людей, то поднимал голову вверх.

А время отсчитывало секунды…

Время тикало будильником на столе, светило зелёными цифрами электронных часов на районном узле связи, стучало в окна и двери ночной метелью и шло, шло, шло. Шло по-хозяйски неторопливо, но торопя, зная: люди, живущие на Земле, не властны над ним. Это оно, Время, господствует на планете — караулит у порога Вечности, принимает пришедшего в мир, берёт его под свой гнёт, и отсчитывает сроки, и молодит, и торопит, и старит, и жалеет, и не щадит, расставляет всех по местам. Судьба человека, пребывающего в земной жизни, — в его власти.

Другое дело — Ангелы…

Ангелы живут вне Времени, далеко и в то же время рядом с людьми, выполняя свои предназначения. Одни опускают душу человека на Землю и поселяют её в плоть; другие приходят к людям в течение жизни с весточкой — радостной или печальной; третьи с самого рождения идут рядом — ведут по жизни, хранят, заслоняют от бед, насколько могут, удерживают от искушений. С рождения человека на Земле они становятся вторым его невидимым телом, его ореолом. Когда же кончается срок земной жизни людей, за ними приходит Ангел Смерти. Защитный ореол человека слабеет и рушится, и Хранитель передаёт своего подопечного более могущественному, и все они — и Ангел Смерти, и вырвавшаяся из плена плоти душа, и отступивший Хранитель — уходят туда, откуда пришли, — в Вечность.

Мольба Хранителей не умолкала. Склонив головы почти до самого пола, они молили Ангела Смерти за подопечных. Каждый за своего. Но люди не слышали этих молитв.

Двадцатичетырёхлетний мужчина, женщина двадцати двух лет и полуторагодовалый малыш спали на узкой кровати-полуторке, а Ангел Смерти делал выбор: кого-то из них на исходе следующего светового дня он уведёт за собой. Ангел выбирал, заглядывая за завесу Времени. Будущее людей мелькало перед ним быстрым потоком, а люди существовали в этом потоке годы и десятилетия, размеренно, час за часом, день за днём, проживая жизни: занесённые в Великую Книгу и оставшиеся за её страницами.

Как прожили женщина и ребёнок без мужчины и как жили мужчина и женщина, потеряв ребёнка, Ангел уже знал. Он многое понял, но не торопился с выбором. Время людей сейчас было в его власти. Ангел Смерти открывал завесу, и Время, перед тем как начать свой новый размеренный виток, вначале путалось, вскипало, бурлило, растекалось, проникало в щели и трещины, впитывалось в Землю, оседало в подсознании людей и оставляло не видимые даже Ангелу следы своего бытия…

Ангел Смерти не думал об этом, он выполнял своё предназначение — отправлял людей по дорогам их жизней, прожитых, и не прожитых ими в реальности, а люди спали на кровати-полуторке в квартире-четвертушке щитосборного дома в небольшом городке Восточной Сибири и в то же

1. Продолжение. Начало см. «ДиН» №5–6/2016.

время шли по предназначенным им дорогам. Им казалось, что жизни их реальны, они чувствовали боль и радость, переживали, влюблялись, мчались друг от друга на большие расстояния, сами не зная зачем, а потом торопились снова увидеться. Ангел Смерти смотрел на происходящее, не вмешиваясь, не мешая Ангелам-хранителям беречь своих подопечных в пути и молить его за них.

Мужчина, женщина и ребёнок то дышали спокойно, то ворочались во сне, то снова затихали. Иногда на их сонных лицах появлялось блаженство, иногда—тревога. В ненастную январскую ночь они за несколько минут проживали целые десятилетия, не ведая, что дороги их в эту же ночь будут определены Ангелом Смерти, а новое утро лишь повторит одну из уже пройденных. Люди не знали и не должны были знать в своей земной жизни этого, как не должны были знать, кто, зачем, за какую провинность отправил их на Землю, дал им людскую оболочку и определили им сферу, за которую, как ни старайся, не выйти. Люди выполняли своё предназначение, данное им в Вечности, не зная о своей миссии на Земле, а Ангел выбирал правильный, на его взгляд, путь, по которому земная миссия каждого из них будет исполнена наиболее точно.

Мужчина потянул на себя одеяло и повернулся на спину. Одеяло наползло на его подбородок, и пшеничные усы-скобочки торчали над ним, словно стекали из-под носа на цветастый красно-синий пододеяльник. Нос на смуглом, плохо бритом лице его казался острым бугорком, глазницы с закрытыми веками—ямками, а оголившийся лоб—полянкой, с нечастыми, будто надрезанными, волнами-морщинами. Густые заросли—волосы его—сплетались в кудри и завитки и то и дело спадали на лоб, закрывая веки. Мужчина время от времени сквозь сон поправлял волосы и ворочался. Его движения озвучивались скрипом сетки старой кровати-полуторки и передавались спящим у него в ногах женщине и мальчику. Особенно чутко реагировала на движения мужчины женщина, каждый раз подсознательно подтягивая к себе правой рукой почти сползшую на пол простыню и вытягивая на свободное место ноги. Женщина шевелилась осторожно—даже во сне материнский инстинкт не подводил её и не выводил из осознания: рядом ребёнок. Ребёнок—мальчик—лежал на её согнутой левой руке, чуть повернувшись личиком к матери, подогнув под себя ножки, ступни которых торчали из-под покрывала. Мальчик то и дело улыбался во сне. Но его улыбка, как и выражения лиц мужчины и женщины, в полутьме были видны только Ангелу.

Тусклый свет горевшей в кухне-прихожей лампочки-сороковки, заглядывая через дверной проём в спальню, лишь краешком падал на остающуюся пустой с декабрьских холодов детскую кроватку, тускло освещал половину кровати-полуторки, осторожно касался молодого лица женщины, её длинных волос и, пробегая по бледной, застиранной простыне и выцветшему пододеяльнику, отражал половину лица мужчины. Чуть ярче высвечивал он стоявший придвинутый к кровати стул и рядом с ним стол. На матерчатой обивке стула лежали небрежно брошенные брюки и свитер мужчины, на спинке стула—смятый женский однотонный синий халат. На столе, возле стопы тетрадок и исписанных листов бумаги, рядом с утюгом и будильником, стояла открытой маленькая кастрюлька с застывшей в ней вместе с ложкой манной кашей и лежали заколка для волос, расчёска-массажка, а на самом краю—аккуратно сложенные детские колготки и рубашка.

Другая часть комнаты была почти лишена света: шторы на задёрнутом окне, телевизор на тумбочке едва были угадываемы по очертаниям. Чёрной вазочки с искусственными цветами в ней—бледно-жёлтой ромашкой и алой розочкой—на телевизоре не было видно. Но она там стояла.

Ангел Смерти, в который уже раз оглядев комнату, поднял вначале голову, а потом руки и, медленно раздвигая завесу, стал вглядываться в Высь Времени.

День женщины

1.

Ангел смотрел в Высь Времени.

В шесть тридцать зазвонил будильник.

Алёна вздрогнула и открыла глаза. Подсознание за несколько секунд до звонка подготовило её к пробуждению, и она уже знала, что будильник вот-вот прозвонит, и даже хотела встать и отключить звонок, как делала утрами не один раз, но не смогла побороть негу и открыть глаза, а когда будильник зазвонил, вздрогнула. Ребёнок почувствовал движение матери и стал поворачиваться сначала на спину а потом к стенке. Заворочался и мужчина—потянул одеяло, пряча под ним лицо. Алёна осторожно освободила свою руку, на которой была голова Саньки, прикрыла его одеялом и тихонько попробовала встать. Тихонько не получилось. Старая кровать заскрипела, и мужчина ещё глубже забрался под одеяло. Алёна встала, подошла к столу, нажала кнопку будильника.

— Андрей…—позвала она мужа, включив свет и надевая халат.

Свет ещё от одной лампочки-сороковки, засиженной мухами, хоть и был не очень ярким, но осветил всю комнату. Алёна хотела было поправить сползающую на пол из-под сына и мужа простыню, но передумала: всё равно сейчас все встанут, и нужно будет заправить постель.

Муж молчал.

— Андрей…— повторила она, собирая волосы в пучок и защёлкивая заколку.
— Ну что?— недовольно отозвался мужчина из-под одеяла.— Я встану через десять минут. Ты пока суп разогрей и воду— Саньку умыть.
— Я-то разогрею, а вот ты увези его в садик. У нас сегодня планёрка— опять опоздаю, опять влетит от старшего мастера. Он уже меня предупреждал, чтобы не опаздывала.
— Не могу. Ты же знаешь, что мне-то точно опаздывать нельзя,— продолжая лежать, начал оправдываться Андрей.— Я и так на исправлении… Мне за пятнадцать минут до планёрки надо быть в красном уголке, а не то Францыч с Райкой на меня докладную напишут, и тогда вообще уволят… По статье…
— Уволят его… Это меня точно уволят…— заворчала Алёна, уже включая на кухне электроплитку и наливая воду в кастрюлю.— Сам на автобусе поедет, а мне пешком до детского сада, а потом через линию в депо, между вагонами нырять… По холодрыге такой. Никакой жалости к жене нет. И не было никогда! И зачем человек женился? Зачем ребёнка завёл? Чтобы мучить нас? Сам мучится и нас мучит…
— Ну ладно, не причитай, не причитай!— Андрей откинул одеяло, присел на кровати.— Зато я почти всегда забираю Саньку из садика. Ищу штаны его там по кабинкам и от воспитательницы наставления выслушиваю, почему он в колготки писает…
— Писает, потому что дома холоднее, чем на улице, потому что дров нет. Это ты и виноват, что он писает в штаны. От холода. Я тоже скоро начну… Постоянно простуженная, кашляю, чихаю. От работы скоро отстранят— вообще без денег будем. На твои копейки, что ли, жить? Ноги протянем.

Андрей встал, хотел возразить жене, но Алёна, накинув пальто и хлопнув дверью, уже выскочила во двор.

Мороз клубами потянулся из-за покрывала, наброшенного на входную дверь, через кухню в комнату.

Алёна шагнула на крыльцо и обомлела. Прямо над её головой, над крышей дома, над изгородью висели звёзды. Крупные и мелкие огоньки, казалось, падали на снег, но, не касаясь его, замирали. На секунду-другую замерла и Алёна: её дыхание, мысли, стук сердца. Но тут же сердце встрепенулось, радостный восторг заклокотал внутри, и руки потянулись вверх, к звёздам. И правой, и левой рукой Алёна попробовала достать мерцающие огоньки, но огоньки не давались. Она улыбнулась и побежала к калитке, а потом к стоявшему за оградой общественному туалету. Улыбаясь, она бежала и обратно, несмотря на то, что морозец уже пощипывал её за нос и прикладывался к румяным щекам.
— Как там, на улице? Холодно?— спросил Андрей, когда она вернулась.— Что-то сияешь вся…
— А что мне не сиять?— снимая пальто и продолжая улыбаться, сказала Алёна.— Не плакать же от такой жизни. Привыкла уже ко всему. А на улице хорошо: хотя и мороз, хотя и холодно— зато звёзды!..
— А что звёзды?— Андрей удивлённо посмотрел на жену.
— Да ничего… Ничего особенного— просто звёзды,— сказала, потянувшись, Алёна, уже стоя у электроплитки.— Прямо над крыльцом висят и сияют. Умой и одень Саньку, а потом иди и сам посмотри.
— Я сначала посмотрю, а то невтерпёж уже,— сказал Андрей, обувая валенки и накидывая полушубок.

Пока Андрей ходил на улицу, Алёна сняла с плитки подогретую кашу и поставила на её место кастрюлю со сваренным вчера супом из концентратов, зачерпнула ковшом воды из цинкового ведра, поставила рядом с плиткой, а потом подошла к сыну.

Санька, предчувствуя, что сейчас его будут поднимать, с усилием жмурил глаза. Алёна наклонилась над ним, заглянула в лицо, чмокнула в щёчку.
— Сыну-уля-я, встава-ать пора-а. В са-адик пойдём!— пропела она над его ухом, и Санька, съёжившись, стал медленно прятать голову под одеяло.
— Ну ты прямо как папа!— незлобно возмутилась Алёна.— Папин сынок, и привычки папины— хитрющие. Вставать, вставать сейчас будем!

Вернулся Андрей. Запуская новые клубы морозного воздуха, он, прежде чем скинуть полушубок, потёр руки и уши.
— Да, морозец сегодня!— проговорил он.— И правда, звёзды какие-то такие необычно яркие… Я тоже таких раньше не видел.
— А что ты вообще видел?— спросила Алёна, помешивая поварёшкой суп в кастрюле.— За последний год, кроме бутылок,— ничего. Раньше с Хилем пил, а потом и один приноровился…
— Я уже больше месяца не пью!— возмутился Андрей.— По воле твоей матери пошёл лечиться от алкоголизма, хотя я не алкоголик! А звёзды я лучше тебя знаю. Могу показать тебе многие созвездия и даже, как они по-латыни называются, сказать. Я в восьмом классе хотел астрономом стать!
— Хотеть— не вредно, а вот смочь— не у всех получается,— отреагировала на возмущение мужа Алёна, снимая с плитки кастрюлю с супом и поставив на конфорку ковш с водой.— Я помню: ты мне по первости, как встречаться начали, показывал созвездия и даже повесть свою фантастическую давал читать. Про звёзды. Хорошая повесть была. Чё ты её забросил? И фантастику писать бросил… «Новые формы буду искать!» Много нашёл?
— Бросил, потому что фантастов сейчас развелось больше, чем читателей. Все фантастику пишут. Шпарят по накатанному, ничего нового нет—

ни одной мысли, ни одной свежей гипотезы… Читать даже неохота!—повышая голос, начал объяснять жене Андрей.
—А твои рассказы много кто читает? Газета их печатать не хочет,—вставила вопрос с репликой Алёна, уже жалея, что начала этот не ко времени разговор.
—Мои рассказы не для газет, а для книг! Понятно? Если не понимаешь, то и не суйся, и не учи!—закричал возмущённо Андрей и прошёл мимо жены в спальню.
—Не ори! И не буди соседей!—бросила ему вслед Алёна.—Я не собираюсь понимать твои запутанные мысли. Сам в них разберись! А у меня забот без этого хватает. Сына вот растить надо. Тебе не надо, а мне надо!
—Мне тоже надо!—крикнул, уже тише, из спальни Андрей, надевая свитер.
—А раз надо, то давай поднимай Саньку и умывай. Вода уже в ковшике нагрелась.

Андрей присел на кровать, наклонился над сыном.
—Санечка, сыночек, давай вставать,—прошептал он в ушко ребёнку.

Ребёнок зашевелился, съёжился.
—Вставай, вставай. Пойдём умываться. Мама водички нагрела. Сейчас личико умоем, кашку покушаем…

Санька потянулся, нехотя повернулся на спину, открыл глаза.
—Вот и хорошо!—обрадовался Андрей и схватил в охапку сына.—Сейчас зарядку с тобой сделаем.

Он резко выпрямился и подкинул Саньку к потолку.
—Вот так! Вот так!—восторженно кричал Андрей, подбрасывая и принимая на руки не то перепуганного, не то обрадованного ребёнка.
—Осторожно, ты! Уронишь!—подбежала к ним Алёна.—У тебя руки и так трясутся…
—Никогда не уроню!—улыбаясь, отстранился от жены Андрей, продолжая бросать вверх молчавшего сына.—Отойди в сторону, женщина! Не видишь—мужчины разминаются!
—То лежишь, стонешь—умираешь, то скачешь, как молодой козёл!—сказала Алёна, продолжая стоять возле мужа.
—Молодой, но не козёл!—обиделся Андрей и, поймав Саньку, понёс его к умывальнику.

Глядя, как муж умывает сына—осторожно смачивая ему глазки, лобик, щёчки, Алёна почувствовала себя виноватой. Зачем она накричала на него, обозвала козлом?
—А что тогда вчера вечером умирал? Потел весь,—мягко спросила она.
—Плохо было, вот и потел. Тебе бы вставили сульфазину, ты бы вообще пластом лежала…—сказал Андрей, осторожно вытирая полотенцем лицо Саньки, не глядя на жену.
—Мне не надо вставлять никакого сульфазина, я не алкоголичка!—снова повысила голос Алёна.
—И я не алкоголик! Мне врачиха сказала, что меня лечат от пьянства, а не от алкоголизма,—снова возвращая Саньку в спальню, пояснил Андрей.—Давай одевай его. Я сам ещё не умывался.

Алёна подошла к сидевшему на кровати и спокойно уже смотревшему на родителей сыну и стала надевать на него рубашку, колготки, кофточку…

Когда одевание было закончено, она причесала ребёнка, поставила на ноги.
—Ну, иди к папе на кухню. Он тебя покормит, а я постельку заправлю.

Санька поморщился, сделал шаг, второй, но вместо того, чтобы идти к столу, метнулся в угол, к стоявшей у стены детской кроватке.
—Покорми ребёнка!—крикнула Алёна мужу.

Андрей вышел из кухни. Санька стоял у кроватки, отвернувшись к ещё тёплой стенке, за которой была печка, закрыв ладонями лицо.
—Спрятался?—улыбнулся Андрей, присев перед сыном на корточки.—А я тебя всё равно вижу. Ушки-то торчат…

Санька быстро прижал ладонями уши.
—А теперь шея голая. Поймаю за шею!

Ребёнок прижал ручки к шее и уткнул лицо в угол кроватки.
—Вы что там церемонии разводите? Нашли время играться! Давай корми его—опоздаем!—одёрнула их Алёна, продолжая заправлять постель.
—Эх, поймаю!—Андрей сгрёб ребёнка в охапку и понёс к столу.—Ка-ашку будем кушать, ка-ашку!

Андрей сел на табуретку, устроил Саньку на коленях и поднёс ложку с манкой ко рту ребёнка.

Ребёнок сжал губки и отвернулся.
—Ну, это что за протест?—спросил Андрей, повторив попытку накормить сына.

Сын мотал головой, упорно отворачиваясь от манки и сжимая ротик.
—Не хочет он кашу. Может, супа ему дать?
—Да не будет он суп!—крикнула из спальни Алёна.
—Ну а что его тогда мучить?—Андрей поставил Саньку на пол.—Там поест. Там же их утром кормят?
—Кормят, кормят. Стыдно этого не знать.—Закончив убирать постель, Алёна подошла к столу.—Надевай ему пальто, пока я поем супа, а ты потом. Всё равно после нас пойдёшь…

Пока Андрей кутал сына в большое, на вырост (в три размера), пальто, пока надевал ему рукавички, обувал в валенки и завязывал шарфик, Алёна быстренько похлебала горячего супа, вытащила из-за печки санки с кошёвкой, положила на них нагретое детское одеяло.
—Всё! Сейчас я санки вынесу, а ты его бери…—скомандовала она мужу.

Андрей, накинув полушубок и надев шапку с подвёрнутыми вверх «ушами», вслед за Алёной

вынес сына во двор, усадил в санки на ещё тёплое одеяльце. Алёна подняла шарфик ближе к глазам ребёнка.

— Перед тем как пойдёшь за ним вечером, печку протопи обязательно,—сказала она мужу, взявшись за верёвочку санок.—В холодную квартиру не тащи.

— Ладно,—сказал нехотя Андрей, закрывая за ними калитку.

2.

Калитка за спиной Алёны закрылась, отделив её от дома, пусть не светлого и тёплого, каким хотелось ей, чтобы был её дом, но уже привычного и своего. С негромким хлопком закрывшейся калитки вдруг запало ей на сердце тревожное чувство и тихонько зашевелилось там. Алёне захотелось остановиться, вернуться домой, растопить остатками дров печку, уложить досматривать сны Саньку, а самой затеять какую-нибудь стряпню или стирку, приготовить горячий обед возвращающемуся к полудню с работы мужу…

Впервые за полгода после выхода из декретного отпуска ей не хотелось идти на работу, торопиться на планёрку в депо, везти сына по полутёмным улицам в детский сад. Сегодня ей хотелось быть дома. Но домой возвращаться было не то чтобы нельзя—домой идти было не время, время звало из дому: освещало путь висящими прямо перед глазами огоньками звёздочек, подгоняло, пощипывая морозцем, скрипело снегом под ногами и тянуло Алёну как на верёвочке вперёд, навстречу неизбежному дню; а Алёна тянула за верёвочку санки, на которых восседал Санька, ехавший навстречу своему дню, своей неизбежности; а там, за захлопнувшейся калиткой, за светящимся электричеством окном дома, собирался навстречу своей неизбежности её муж Андрей.

Свернув на территорию профессионально-технического училища, стараясь не сбиться с неосвещённой узко протоптанной тропинки, проходившей возле заснеженного футбольного поля, Алёна стала думать о муже. Почему-то мысли её вдруг заполнил Андрей, вернее, образ его и то, что было так или иначе связано в её жизни с ним. А связано с ним у неё за три года их совместной жизни было ой как много. Всё. Несмотря на то, что Алёна иногда ревновала Андрея к мимолётным девицам и даже друзьям, несмотря на чрезмерное увлечение мужа выпивкой, порой на откровенное его слабоволие, она всё же не представляла теперь себя без него. Ей уже казалось, что он был с нею всегда, а того времени, когда не было его,—не было совсем. Вернее, оно было когда-то, Алёна помнила о нём, но воспоминания эти были словно воспоминаниями о другой девочке, девушке по имени Алёна. Где-то далеко-далеко остались и её детство, и школа, и даже родители и сестра Лариса, и подруги—Марина и Рита. Андрей, появившийся вдруг, сразу же захватил её мысли и чувства, поглотил и растворил её всю целиком в сфере своего влияния и в одночасье стал для неё не только первым и единственным мужчиной, но целым миром и целой вселенной. Как астероид, попадая в поле влияния большой планеты, становится её спутником, так и Алёна закружилась вокруг Андрея, не помышляя вырваться из сферы его влияния, и только с появлением на свет Саньки место в её сердце стал занимать и другой, пока маленький, но всё же мужчина.

Маленький мужчина…

Слово «мужчина» для Алёны с первых школьных лет связалось в образ отца да ещё трёх-четырёх его друзей, что приходили к ним иногда после поездки на рыбалку. Алёна помнила, как рыбаки снимали в прихожей свои большие рыбацкие брезентовые куртки и, как ей казалось тогда, огромные болотные сапоги. Потом, на кухне, они вместе с отцом пили водку, курили, разговаривали, громко восхищались Алёниной мамой, когда та хлопотала у печки и стола, подавая закуску (чаще—только что сваренную уху):

— Ну, Шура! Ты молодец! Повезло Ваське с женой!

Этих мужиков-рыбаков по именам Алёна уже не помнила, не так часто они бывали у них в гостях, но именно их и отца она мысленно определяла для себя как мужчин. Сидевших же во дворе за столом и целое лето играющих в домино мужиков она, как и все, звала стариками, учителя мужского пола из её школы были для неё не более чем преподавателями, прохожие дяденьки—прохожими дяденьками. Не приходило Алёне в голову называть мужчинами и взрослеющих мальчишек с вокзаловских пятиэтажек, они так и оставались для неё мальчишками, в лучшем случае—парнями.

А нравился ли ей кто-то из мальчишек до встречи с Андреем? Алёна вдруг задумалась об этом сейчас, выходя на освещённую дорогу возле железнодорожной больницы, подёргивая верёвочку санок с сидевшим на них Санькой и торопясь не опоздать в детский сад и на работу.

«А действительно, неужели никто не нравился?»—спросила себя Алёна и остановилась на минутку, поправила под сыном одеяльце, натянула Саньке шарфик, укрывавший половину лица, ближе к глазам.

Потом она прибавила шагу, выходя на улицу Гагарина, и, посмотрев по сторонам—нет ли машин, перешла бойкую улицу. На пешеходной дорожке Алёна снова остановила санки, ещё раз поправила одеяльце под сыном. Мысли об Андрее и мужчинах не оставляли.

Так нравился ли ей по-настоящему кто-то, кроме Андрея? Неужели действительно никто? Ей запал в память мальчик по имени Володя. Было это в первом классе, когда она только-только стала

привыкать к школе. Среди других мальчишек он выглядел странно: один из всех в классе носил галстук и очки, державшиеся на оттопыренных ушах. Отвечая на вопросы учительницы, Володя всегда выходил из-за парты, становясь в проходе, и говорил громко и чётко. Как понимала сейчас Алёна, это выглядело забавно и привлекало её именно этой забавностью. Учился Володя в их классе недолго: во втором полугодии родители увезли его, как говорила учительница, в Казахстан, где начинали строительство нового большого завода. Несколько лет спустя Алёна увидела мальчика, похожего на Володю, в фильме «Звонят, откройте дверь». Правда, этот мальчик был постарше и без очков. Но был похож! Алёна даже уверила себя в том, что это именно тот Володя. Она специально пошла посмотреть второй раз фильм, внимательно читала титры, но не нашла среди исполнителей главных ролей имени Володя. Были там два Виктора—Вити. Один по фамилии Косых, а второй—Сысоев. Алёна не помнила фамилии Володи, но явно он был не Косых и не Сысоев. Она немного расстроилась и даже рассказала о причине своего расстройства родителям, на что отец как бы мимоходом заметил: артисты и писатели часто придумывают себе вымышленные имена и ими подписываются,—вернув Алёне надежду. Не хотела верить Алёна, что в кино снимался не Володя, и когда подруга Марина принесла газету со статьёй об этом фильме, где прямо говорилось, что роль мальчика Гены играл Витя Косых, который, как следовало из статьи, никогда не учился в их школе, Алёна уже понимала, что ошиблась, но верить в ошибку не хотелось. Она старалась больше не думать ни о Володе, ни о фильме, убеждая себя, что ей нет никакого дела ни до уехавшего в Казахстан Володи, ни до московского школьника Вити Косых, который чем-то похож на очкарика Володю и снимается в кино. Хотя какой-то непонятный осадок и даже досада на себя, на ничего не подозревающих далёких Володю и Витю у неё тогда остались. Но постепенно, как это бывает у детей-подростков, и они растворились в новых эмоциях и впечатлениях, и когда мальчика, по её мнению, похожего на Володю, Виктора Косых, она увидела в другом фильме—«Неуловимые мстители», он уже не казался ей похожим на забавного первоклассника Володю.

Алёна улыбнулась, вспомнив историю из детства, делая вывод, что история эта тоже забавна—и не более, что никаких чувств ни к Володе, ни к его экранному двойнику она не испытывала, как не испытывала и потом к человеку, требующему от неё признания в любви. К Степану, брату подруги Марины.

Стёпа…

Стёпа-недотёпа—так называл в детстве Степана отец Алёны, Василий Васильевич, да и не только он. В то время когда мальчишки вокзаловских пятиэтажек все летние дни бегали за мячом на спортивной площадке, мечтая обыграть какую-то «Зарю» то ли со шпалозавода, то ли с района железнодорожной больницы, то ли с улицы, где теперь располагался новый госбанк, Стёпа пропадал возле центрального городского кинотеатра «Победа». Стёпа не любил футбол, Стёпа любил кино. И не просто любил, он грезил и бредил им. Каждый месяц он караулил у газетных киосков журнал «Советский экран», вырезал из газет статьи о фильмах и актёрах, мог долго и интересно рассказывать про недавно вышедший фильм (даже интереснее, чем фильм был поставлен,—в этом убеждались многие, послушавшие Степана и ходившие после его рассказов в кино), про режиссёра, фильм поставившего, про актёров, занятых не только в главных ролях, попутно поясняя, где, в каких ещё фильмах снимался артист. Если кому-то из жильцов пяти пятиэтажных домов, расположенных в районе железнодорожного вокзала, нужно было знать, какие фильмы будут идти в «Победе» на этой или предстоящей неделе, они обращались к Стёпе.

В небольшом сибирском городке народ любил кино и охотно ходил на фильмы и в «Победу», и в дк железнодорожников, и в клубы строителей и шпалопропитчиков. Нельзя было сказать, что во всех клубах на всех сеансах все места были заполнены, но аншлаги случались. Особенно в «Победе», и этому немало способствовал Степан. Он знал весь месячный репертуар кинотеатра, помогал распространять билеты в школе, агитируя в кино школьников, родителей, учителей. Это он, Стёпа, уговорил Марину, Алёну и Риту пойти на фильм «Звонят, откройте дверь», а потом и на «Неуловимых мстителей», и на «Спартака», и на «Фантомаса»…

На «Спартака» и «Фантомаса» он достал билеты всем мальчишкам вокзаловских пятиэтажек и очень гордился тем, что хотя бы в эти дни находился в центре событий и считался для многих полезным человеком. В другие дни Стёпа, если дела не касалось кино, полезным человеком для окружающих его людей не считался. Более того, во всём остальном Степана причисляли не только к бесполезным людям, но даже к никчёмным. За что и дали ему прозвище «недотёпа». Родители вначале были рады увлечению сына кино, но когда киношные интересы вытеснили из жизни сына все остальные, стали сказываться на его учёбе, превращая Степана в киномана, они забеспокоились. Мать Степана советовалась даже с детским участковым врачом, рассказав ей, что сын становится рассеянным, забывает наказы родителей сделать что-то по дому: заправить постель, купить хлеба, покормить рыбок в аквариуме. Однако врач, к удивлению Стёпиной матери, успокоила её, сказав, что в возрасте Степана дети, бывает, находят себе неожиданные занятия, увлекаясь

до фанатизма спортом, обновлением нарядов, коллекционированием.
— Это явление вполне нормальное, и ничего плохого в нём нет. Скорее всего — возрастное и со временем пройдёт.

Послушав врача, родители Стёпы не стали препятствовать увлечению сына, смирились с происходящим и иногда только, больше по инерции, поругивали его за плохие отметки и забывчивость. В школе тоже свыклись со странностями Степана, и некоторые учителя даже давали ему поблажки, прощая неточность или забывчивость при ответах на уроках. Недотёпой Стёпу называли во дворе. Чаще других — пацаны-футболисты. Гонять по площадке мяч у Степана охоты не было, это все знали, но при необходимости, когда не хватало на матч игроков, его ставили в ворота. Стёпа и там не проявлял большого рвения, пропускал лёгкие мячи, за что его ругали, не подбирая выражений, и товарищи по команде, и болельщики. В пылу страстей «недотёпа» было самым безобидным его прозвищем.

Детский участковый врач оказалась права. Где-то к восьмому классу Стёпа стал меняться. Нет, он не забросил увлечение кинематографом, так же забывал про хлеб и рыбок, но постель за собой стал заправлять, больше внимания уделял урокам и уже не рассказывал взахлёб каждому встречному о новом фильме и актёрах, а отвечал только тогда, когда его спрашивали, говорил при этом не торопясь, вдумчиво и больше по делу и по теме. Несколько раз Степан сам, не по принуждению, появлялся на спортивной площадке и даже сам было напрашивался на участие в игре. Многие взрослые и кое-кто из одноклассников Степана отнесли перемены в нём на счёт взросления и перестали называть его недотёпой, даже за глаза. Конечно, они были правы — Степан взрослел, но главное в этом взрослении и перемене в его поведении было то, о чём Алёна узнала одной их первых: Стёпа положил на неё глаз. Наверное, в том случае нельзя было сказать, что он влюбился: скорее, просыпающиеся во взрослеющем мальчике мужские инстинкты стали проявляться влечением к противоположному полу, и Стёпа остановил свой выбор на ней. Почему? Алёна не знала. Она была младше его на два года и ни о чём таком тогда не думала и не сразу заметила перемену к ней Степана. Да, он приглашал её в кино, и она ходила несколько раз вместе с ним и подругами в «Победу»; да, он угощал её, встречая во дворе, конфетами и орехами, и она говорила ему спасибо; да, они несколько раз шли домой вместе из школы вдвоём… Она считала всё это делом обычным, и даже не могла подумать, что Стёпа может отметить её среди других девчонок, и была очень удивлена, когда однажды, в конце учебного года, брат подруги встретил её на лестничной площадке в подъезде с кустом цветущей черёмухи и объяснился. Вернее, сделал предложение. Ещё точнее — попытался предложение сделать.

Стёпа остановил её между вторым и третьим этажами на лестнице её подъезда и, то глядя на неё снизу вверх, то опуская взгляд, забормотал вначале что-то непонятное, перекладывая черёмуховый куст из одной руки в другую, а потом появились слова:
— Алёнка… Я… я… я хотел сказать…

На третьем этаже хлопнула дверь, и им пришлось спуститься на площадку, пропустив соседку-учительницу.
— Стёпа, говори быстрее, мне в школу надо, Валентина Александровна, видишь, уже пошла, — сказала всё ещё ни о чём не догадывающаяся Алёна.

Стёпа снова переложил черёмуху из руки в руку, поднял голову и, глядя ей в лицо, сказал громко:
— Давай с тобой дружить!

Алёна и после этих слов не поняла смысла происходящего. Они и так дружили все вместе, всем большим двором на пять пятиэтажек. Собираясь человек по пятнадцать-двадцать мальчишек и девчонок, ходили в кино или на стадион — болеть за футбольную команду «Локомотив», играющую на первенство города. Особенно когда «Локомотив» сражался против «Строителя» или «Динамо». На стадион девчонки ходили за компанию с мальчишками и, ничего не понимая в футболе, подбадривали криками футболистов в красных футболках с буквой «Л» и изображением электровоза на груди и искренне радовались, когда железнодорожная команда забивала гол. Никто ни с кем никогда у них в пятиэтажках не дрался. Были, конечно, небольшие стычки среди мальчишек, в основном из-за того же футбола, когда кто-то кому-то проигрывал, но все они благополучно разрешались на следующий день либо к вечеру дня того же на том же месте — спортивной площадке. Более того, если по двору проходили слухи, что кого-то из вокзаловских мальчишек обидели в районе госбанка или шпалозавода, большая группа старшеклассников вместе с пострадавшим шла на место инцидента, и там происходили разбирательства дела, чаще заканчивавшиеся миром — предложением выявить сильнейшего на футбольном поле; но иногда группа парламентариев возвращалась с ещё одним-двумя пострадавшими. Хорошее расположение духа Алёна питала почти ко всем своим сверстникам, естественно, выделяя более подруг и одноклассниц Марину и Риту и ещё, пожалуй, Олю Новикову, которая была какая-то неземная, незатейливая. Оля сразу после школы вышла замуж за приезжего парня, учившегося с ними последний год, и выпала из поля зрения Алёны. Ровно-хорошее расположение духа Алёна питала и к Степану, и, пожалуй, его она тогда считала забавным, но не более.

Степан смотрел на Алёну, стараясь не отводить глаз. Зрачки его бегали по орбитам, и это было забавно. Стёпа в ту минуту был похож на одного французского комика и на Савелия Крамарова одновременно, и Алёна засмеялась. Она засмеялась громко и искренне, как смеются на всей планете все девчонки её возраста. Она смеялась над видом Степана, но никак не над его предложением. Но Стёпа понял это по-своему. Бегающие зрачки его на секунду-другую замерли, но тут же веки глаз стали открываться и закрываться так часто, что Алёне стало ещё смешнее — она буквально зашлась в хохоте. Хохот её достиг апогея и едва не свалил с ног — сил не было стоять, — когда Стёпа, подняв над головой ветку черёмухи, наотмашь бросил её на подоконник и, сверкнув зрачками, помчался мимо неё вниз по лестнице. Это было так смешно, что Алёна ещё минут пять-семь не могла успокоиться и, стоя в подъезде, хохотала, не обращая внимания на то и дело проходящих мимо детей и взрослых. А ещё она подумала тогда, что Стёпа, наверное, мог быть бы артистом. Комиком.

То, что Стёпа вкладывал в своё предложение нечто большее, чем просто выходы в компании в кино, она поняла через день-два после несостоявшегося разговора в подъезде, увидев, что Степан начал её избегать. Он старался не встречаться с ней ни на улице, ни в школьном коридоре, уходил из дому, когда Алёна приходила к Марине. Привыкшая к ограниченному простору «дом — школа — двор» и жившая среди своих мыслей об уроках, книжках, домашних делах, она тогда впервые по-взрослому задумалась об отношениях между мальчишками и девчонками, стала присматриваться и заметила, что отношения эти даже среди одноклассников стали другими, не такими, что были раньше. Мальчишки не только из их класса, но и постарше смотрели теперь на неё и её сверстниц с какой-то скрытой робостью, а в разговорах хоть старались вести себя непринуждённо, но было видно — за непринуждённостью скрывается смущение. Наверное, тогда Алёна стала понимать, что она взрослеет, а вместе с ней взрослеют и её подруги, и одноклассники, и мальчишки-футболисты с их двора.

Два года Алёна и Стёпа не общались. Ограничивались мимолётным «здравствуй». Взрослеющая Алёна после восьмого класса хотела поступать в геологический техникум, но мама, Александра Никитовна, не пустила её в большой город, убедив стать ещё взрослее и закончить десятилетку. Хотела ли стать геологом Алёна? На вопрос этот она не могла с уверенностью ответить и несколько лет спустя. Посмотрев несколько фильмов о геологах, где были и геологи-женщины, Алёна почувствовала вдруг трепет в груди и захотела быть похожей на них. Жить летом в полях, лесах, у речек и озёр, а особенно в горах, а потом возвращаться домой с большим рюкзаком, геологическим молотком, минералами и подарками для родных! Особенно ей нравились в фильмах сцены возвращения домой: встречи у поезда, счастливые лица родных, слёзы радости.

Мать оказалась права: к десятому классу Алёна действительно стала взрослее и поняла, что, кроме романтического чувства, к геологии она больше ничего не испытывает, да и вся романтика, жившая в ней, заключается не в поиске полезных ископаемых, а скорее в киношных сценах возвращения геологов домой. Василий Васильевич не поддержал её выбора. Отец говорил, что жизнь в полевых условиях не такая уж романтическая — днём заедает мошка, ночью в палатках холодно, что геологи работают не только молоточками, но и лопатами, что в геологических партиях женщины — редкость, и ей придётся жить одной среди мужиков, и она долго не выдержит, а если даже и выдержит, то быстро научится курить и ругаться матерными словами. Кроме того, отец считал, что сезонная работа не способствует семейной жизни и геологи часто разводятся. Алёна молча слушала отца. Из того, что он говорил, она в то время понимала только про мошку и холодные ночи в палатках. Не поддерживала её и старшая сестра Лариса, собирающаяся продолжить династию родителей и пойти в железнодорожный техникум. Не поддерживали её выбора и подруги. Марина хотела поступать в политехнический, где преподавал её дядя, и звала Алёну с собой, а Рита, давно решившая, что из дому никуда не поедет, готовилась в медицинское училище, собираясь стать, как её мама, медсестрой. Ни в политехнический институт, ни в медицинское училище Алёне не хотелось, и она была накануне десятого класса в раздумье: куда пойти учиться? В год, когда Алёна заканчивала девятый класс, Стёпа пошёл служить в армию и сделал ещё одну попытку добиться взаимности Алёны.

Снова был май, и Стёпа снова ждал её с белой веткой душистой черёмухи, но уже в её квартире. Алёна, вернувшись из школы, застала его на кухне с Василием Васильевичем. Они сидели за столом, пили водку и закусывали копчёным салом. Увидев её, Стёпа растерянно встал и, взяв черёмуху, как и два года назад, стал перекладывать ветку из одной руки в другую.

— Стёпка в армию уходит послезавтра, — сказал за него отец. — Вот пришёл нас пригласить на проводины. И правильно: столько лет рядом живём — почти уже не чужие. Правда, Степан?

Степан кивнул: правда. Протянул Алёне ветку черёмухи и спросил:

— Ты придёшь?

— Приду, — сказала Алёна.

И она пришла. Пришли и Василий Васильевич, и Александра Никитовна, и Лариса — старшая

сестра Алёны, и ещё человек пятьдесят — соседей и родственников. Проводины прошли весело — с песнями и танцами, обилием выпитого и съеденного. Алёна весь вечер была окружена заботою Стёпиной мамы, которая старалась при удобном случае подтолкнуть сына к ней. Постриженный наголо Стёпа, казавшийся Алёне ещё более забавным, и рад бы был посидеть с ней рядом или потанцевать, но подвыпившие друзья и дядюшки-тётушки новобранца то и дело непременно хотели, чтобы Степан выпил с ними: «За последний раз на гражданке»,— и Стёпа пил и «за последний раз на гражданке», и «за первый раз именно в этой компании», и «за родителей», и «за друзей», и, отдельно, «за одноклассников». К вечеру он изрядно устал, прилёг отдохнуть в маленькой комнате на диванчик и уснул. А Алёна пошла домой. На другой день они большой компанией провожали Степана на вокзал. Алёна шла с подругами в конце большой и шумной компании. Компания пела под баян частушки и традиционную в таких случаях «Не плачь, девчонка», а Алёна смотрела на зеленеющие тополя возле автовокзала, расположенного между новым зданием вокзала железнодорожного и конторой станции. Через несколько лет под этими тополями ей назначит свидание Андрей. Но тогда она с Андреем не была знакома, не знала о его существовании, хотя он и тогда жил в этом же городе, и ходил по знакомым ей улицам, и бывал и на вокзале и автовокзале, и тоже готовился к службе в армии — осенью того же года.

Но в мае того года под тополями к ней подошёл Стёпа, отбившись от компании, и, дождавшись, чтобы им никто не мешал, спросил прямо, глядя ей в лицо захмелевшими глазами:

— Ждать будешь?

Она посмотрела на него — впервые, наверное,— с жалостью; увидев, что вся компания приостановилась перед поворотом на перрон и смотрит на них, поняла, что отшутиться не получится.

— Не знаю…— сказала она негромко, глядя в его блестящие зрачки.— Не знаю, Стёпа. Мне сейчас об учёбе думать надо, а не о любви…

Стёпа вздохнул и снова спросил:

— А написать тебе можно будет?

Алёна кивнула.

— Да поцелуйтесь вы! — крикнули им из притихшей толпы.

Стёпа несмело посмотрел на Алёну, словно спрашивал разрешения поцеловать, а та, молча и несмело, смотрела на него. Стёпа решился: обнял её за плечи и коснулся губами щеки. В толпе раздались одобряющие вопли, хлопки, баян заиграл марш. Стёпа, смутившись, ринулся к компании, следом пошла Алёна. Больше они не целовались. Степана уже ждали, и небольшого роста приезжий лейтенант сразу же, едва он подошёл, спросил фамилию и поставил его в строй из семи-восьми новобранцев. Старший лейтенант из военкомата провёл перекличку и скомандовал:

— В вагон!

К Степану бросились мать и тётушки. Всем было уже не до Алёны. Новобранцы, едва заскочив в вагон, тут же открыли окна и стали махать провожающим. Провожающие делали ответные жесты отъезжающим, жали им руки, передавали на словах то, что не успели передать на перроне. Говорили громко и те и другие, кричали что-то, что человеку со стороны разобрать было невозможно. Минут через десять поезд ушёл в восточном направлении и унёс Степана от неё. Навсегда.

Да, тем майским утром Стёпа уехал навсегда из её жизни. Он присылал ей письма — три или четыре, рассказывал об армейской жизни. Алёна перечитывала их по нескольку раз, но никак не решалась ответить. И не решилась. А подруга Марина всё передавала и передавала ей привет от брата. Алёна кивала и даже улыбалась. Подруга говорила ей, что после учебного подразделения Степана отправили к границе Монголии, что служит в ракетных войсках и получил звание сержанта. «Что ему передать?» — спрашивала подруга. «Передай привет»,— всегда отвечала Алёна. И на дополнительный короткий вопрос Марины, следовавший всегда после этого: «И всё?» — она отвечала теми же словами: «И всё…»

А на втором году Стёпиной службы Марина вдруг перестала передавать ей приветы от брата, перед окончанием школы всегда весёлая подруга неожиданно стала хмурой. Вначале Алёна подумала, что Марина стала серьёзной из-за экзаменов, но потом почувствовала что-то не совсем ладное. Она осторожно стала расспрашивать подругу, и та призналась, что Стёпа попал в дисбат. Слово «дисбат» Алёне знакомо не было, и Маринка пояснила ей, что так сокращённо называют дисциплинарный батальон, куда отправляют солдат за серьёзные провинности по службе или, как пишут в делах туда попавших, «за неуставные отношения». Стёпу, как оказалось, осудили за чрезмерное желание воспитывать молодых солдат.

— Отец ездил на суд,— сказала Марина.— Стёпе дали два года, а потом дослуживать будет оставшиеся полгода, так что не скоро его увидим. Ты уж никому не говори,— попросила подруга,— мы всем скажем, что Степан после армии на стройку поехал или сверхсрочно остался. Мама просила и тебе не говорить, но я уж не сдержалась…

Алёна пообещала никому не говорить и спросила, можно ли ему туда написать. Она действительно хотела написать Степану — правда, не знала о чём. Ей не верилось, что всегда спокойный Степан, этот Стёпа-недотёпа, может сделать что-то плохое людям, и считала, что должна поддержать его хотя бы письмом.

— Пока лучше не писать туда ничего,— сказала Марина.

А потом писать и не пришлось. Жизнь закрутилась, завертелась вокруг неё. Она поступила учиться на курсы продавцов и поехала на полгода в город гидростроителей. Однажды в поезде встретился ей белобрысый паренёк, угощавший её кофе и конфетами. Паренёк был из города гидростроителей, учился в областном центре в школе милиции и ехал на однодневную побывку домой. Никакой влюблённости Алёна к нему не испытала, но симпатию он у неё вызвал. Парень, по имени Володя, проводил её до общежития и выпросил адрес. Через неделю ей пришло письмо с фотографией Володи, она ему ответила и даже выполнила его просьбу, отправив ему своё фото. Он написал ей ещё, она тоже, и неизвестно, чем бы кончилось дело — всё шло к тому, что Володя собирался приехать к ней, но тут Алёне встретился Андрей. Встретился неожиданно, даже нечаянно, на железнодорожном вокзале, куда она пришла к поезду, чтобы повидать Володю, ехавшего в свой город гидростроителей из областного центра через их городок. С кудрявым черноволосым пареньком в тёмном пиджаке они столкнулись у входа на вокзал — она заходила, а он выходил. Увидев друг друга, они улыбнулись. Алёна потом, вспоминая тот вечер, спрашивала себя, почему она улыбнулась, и отвечала: наверное, потому, что он улыбнулся первый, а она лишь ответила ему. Паренёк придержал большую тугую вокзаловскую дверь, пропустив Алёну, но тут же развернулся и пошёл следом. Алёна увидела его снова, когда присела на скамью в зале ожидания. Он бесцеремонно сел рядом и попытался заговорить. Она вначале улыбнулась его словам, но когда поняла, что он выпивши, поднялась и пошла к выходу. Их встреча не была любовью с первого взгляда, он сразу не произвёл на неё впечатления, и отстань он тогда, она бы, наверное, больше и не вспомнила о нём. Но он не отстал и пошёл следом, и ей пришлось бросить на него второй взгляд, а потом и третий. Его всё время окликал такой же подвыпивший приятель, а он отмахивался и шёл за ней. А она же, вначале испугавшись, думала тогда лишь о том, чтобы скорее пришёл поезд с Володей и можно было оторваться от навязчивого парня. И поезд пришёл, словно внемля её думам, как ей показалось тогда, даже раньше расписания. Алёна бросилась вдоль притормозившего состава, всматриваясь в лица выходивших пассажиров, но не находила спасительного Володи. «Выйди он тогда — всё было бы по-другому»,— не раз после, вспоминая тот вечер, думала Алёна. Наверняка было бы по-другому, и она, не исключено, вышла бы замуж за Володю, а не за Андрея. Но Володя не вышел. Он не приехал. Алёна поняла это, дважды пройдя вдоль состава. Зато рядом был Андрей. Он преследовал её упорно, отмахиваясь от друга, бегущего за ним с бутылкой вина и пирожками. Бутылку друг держал в одной руке, а пирожки в другой, махая то бутылкой, то пирожками, то сразу двумя руками, и кричал на весь перрон, словно заблудившийся в лесу грибник:

— Андрюха-а-а-а!

Но Андрей, не слушая его, быстрым шагом шёл за Алёной в одну строну состава и в другую, а потом, когда она побежала от него, помчался следом. Он догнал её возле тех самых автовокзаловских тополей. А ей уже было не до улыбок. Она остановилась и, переведя дыхание, спросила, чуть заикаясь от волнения:

— Что… вам… надо?

Он ответил, ничуть не смущаясь:

— Вас. Именно вас…

Он стоял возле неё совершенно спокойный, поздним тёплым вечером начала сентября, и говорил слова, которых она ещё ни разу не слышала в свой адрес:

— Я понял, увидев вас, что вы именно та, кого я искал, как понял и то, что дальнейшие мои скитания по свету напрасны, я нашёл, что должен был найти…

Никто из её знакомых парней не говорил с ней так. И главное, что заметила Алёна: парень, несмотря на то, что был немного пьян, говорил не нарочито, не разыгрывая роль, а серьёзно. Вполне серьёзно. Это она почувствовала, не зная и не понимая почему. Она смутилась, но, стараясь не показать смущения, сказала:

— Мне сейчас домой надо… Меня ждут…

Он неожиданно согласился и произнёс ещё больше удивившие её слова:

— Пожалуйста, пожалуйста, только разрешите, я вас провожу до вашего дому. Вы можете ничего не говорить, да и я, пожалуй, не скажу больше ни слова, потому что я пьян от любви…

Они пошли рядом, а следом, метрах в пятнадцати, уже смирившись со своей участью, шёл за ними его друг с пирожками и бутылкой. Парень проводил её до подъезда, не говоря больше ничего, лишь назвав перед расставанием своё имя — Андрей — и спросив, как зовут её, назначил ей свидание на завтра, на десять утра. Он не просил у неё согласия на свидание, не спросил, свободна ли она в десять утра, а просто назвал время и, сказав: «До свидания», пошёл к поджидавшему его с бутылкой и пирожками приятелю.

А она долго не могла уснуть. Почему-то всё думала и думала о новом знакомом, несколько раз давала себе обещание — не ходить ни на какое свидание: «Чего ради? Такой самоуверенный…» — но тут же в голову ей приходила мысль о том, что парень этот любопытный, какой-то необычный, и желание узнать о нём, кто он такой, всё больше разгоралось. В общем, на свидание Алёна пошла.

Правда, вышла из дому не к десяти часам и даже не к одиннадцати, а ближе к полудню, накинув на себя лёгкое осеннее короткое пальтишко и повязав голову синей шёлковой косынкой. Он ждал её, сидя на скамейке, на детской площадке и читал газету. Он был тот же, что и вчера: кудряшки, тёмный пиджак… Но что-то сегодня в нём было другое. Он улыбался, и улыбка его располагала к нему даже на расстоянии.

— А я придумал, чем нам сегодня заняться: давайте в пригород съездим. Там, говорят, церковь есть, а я ни разу в церкви не был. Всё неудобно было — боялся, что подумают окружающие, а сейчас не боюсь. Вы в церкви были хоть раз?

— Нет… — сказала Алёна, немного удивлённая его предложением.

— И я не был. Поехали?

И прежде чем ответить: «Поехали», — Алёна сказала — а он ей ответил — то, что расположило их друг к другу.

— А вы меня не венчаться в церковь зовёте? — был её вопрос, естественно с улыбкой, но предполагающий ответ, в котором бы значилось многое.

И ответ, сразивший её, последовал мгновенно:

— А нас уже обвенчали на небесах. Ещё вчера. Всю ночь ангелы заздравную нам пели. Ты же ведь спать ночью не могла…

Пока Алёна старалась понять, шутит ли он или действительно так думает, пребывая в лёгком недоумении, он, взяв её за руку и сказав: «Поехали», повёл через двор по направлению к автовокзалу. И она не посмела освободить свою руку из руки его, да и, наверное, уже и не хотела освобождать ни руку, ни сердце, вдруг попавшее в полон к этому уверенному в себе парню, о котором она ничего не знала, но шла с ним и за ним, не понимая, что происходит с ней, с ним, с ними.

Володю она вычеркнула из своей жизни в тот же день. Он тоже не укладывался в её сознании как мужчина. Может, не успел уложиться потому, что видела она его только один раз и практически не знала. Вычеркнулся из её жизни и Степан. Впрочем, он, как и Володя, и не был там прописан. От Степана и от подруги Маринки отделил её не только Андрей. Марина, поступив в политехнический, на первом же курсе вышла замуж. Свадьбу проводили в квартире, там же, где делали проводины Степану. На свадьбе случилось неожиданное: Маринин отец повздорил с родственниками жениха, вышел с ними разобраться на лестничную площадку и то ли нечаянно, то ли нарочно столкнул одного из них с лестницы. Столкнул неудачно: пролетев несколько ступенек, мужчина ударился головой о перила лестницы, потерял сознание, а в больнице умер. Отца Марины и Стёпы забрали прямо со свадьбы. Когда приехали милиционеры, свадьба расстроилась, гости, начавшие расходиться сразу после инцидента на лестнице, разошлись окончательно. Веселье переросло вначале в уныние, а потом в горе и слёзы. Осознав, что произошло, Марина и её мать залились безутешными слезами, и им было уже не до гостей. Не зная, чем помочь подруге, Алёна задержалась дольше других, но, видя, что помощи от неё рыдающим никакой, тоже ушла. На другой день Марина, ни с кем не простившись, уехала с мужем в областной центр, и Алёна её больше не видела. Отцу Степана за убийство дали девять лет, а убитая горем мать, сгорающая от стыда за мужа и сына, вскоре поменяла квартиру и переехала в район завода по ремонту дорожно-строительных машин. После того как осудили отца Степана, по дворам пятиэтажек пошли разговоры и про Степана: открылась его тайна, и многие, покачивая головами, откровенно удивлялись, что с ним произошло. Удивлялся и Василий Васильевич.

— Вот это Стёпа-недотёпа, — говорил отец. — Такой тихоня-киноман, а что делал! Говорят, гонял и бил молодых солдат, спать им по нескольку суток не давал… Вот как человек в незнакомой среде меняется — не знаешь, что от кого ждать.

Больше про Степана Алёна не слышала ничего. Да и, откровенно говоря, уже и не думала о нём. У неё появился Андрей, её парень, её мужчина, — а потом и Санька. Второй мужчина в её жизни.

Второй мужчина в её жизни, всё больше заслонявший первого, сидел неподвижно на саночках. Алёна ещё раз, перед поворотом с большой улицы Гагарина на маленькую Шпалозаводскую, в конце которой находился детский сад, остановилась, поправила одеяльце под Санькой и, улыбнувшись ему и своим воспоминаниям, прибавила шагу.

Двор детского сада освещался яркой лампой со столба у входа, ворота были широко распахнуты, и от них до самого крыльца снег был расчерчен немногими следами от полозьев санок. Над крыльцом горела лампочка, освещая оранжевым светом входящих и выходящих. Алёна подняла на руки тяжёлого Саньку, в правую руку взяла санки и осторожно поднялась по трём высоким, зимой всегда скользким ступенькам. Открыв дверь с пружиной, она вошла сначала в небольшой коридорчик, поставила санки. За следующей дверью был совсем другой мир. Тёплый воздух, повеявший на неё от калорифера, и яркий свет ламп, называемых дневными, заставили Алёну отвлечься от воспоминаний. Она улыбнулась яркому свету, встречающей её и всегда улыбающейся нянечке Жене.

— Вот и Санька наш приехал! — сказала, сияя конопушками и отливая на ярком свету золотыми волосами, стянутыми в тугую косу, нянечка и, поздоровавшись с Алёной, предложила: — Давайте я помогу вам его раздеть. Вы сегодня одни из первых.

Алёна кивнула, и, пока она раскладывала в Санькиной кабинке запасные колготки и рубашку,

Женя-Конопушка развязала Саньке шарфик, сняла с молчавшего ребёнка шапочку и пальто, подала Алёне.

— Ну вот и разделся Санька-молчун,— вновь засияла Женя в улыбке и, склонившись над ребёнком, спросила:— Когда ж ты разговаривать с нами будешь? Или из принципа не хочешь?

Санька молчал, насупившись.

— Будет говорить. Ещё потом и не остановишь...— В раздевалку вошла воспитательница, покачивая белой большой копной волос на голове.— Правда, Санька?

Алёна поздоровалась с воспитательницей, поцеловала сына.

— Ну, иди, сынуля.

Женя-Конопушка взяла Саньку за руку и повела к двери в комнату младшей группы. Санька молча пошёл с нянечкой, а Алёна смотрела ему вслед. Конопушка открыла дверь и первой шагнула за порог, а ребёнок остановился и, оглянувшись, посмотрел на Алёну. Лицо его было серьёзным. Алёна смотрела на него, на нянечку, на дверь, которая вот-вот закроется за её сыном, и её вдруг охватила неясная, невесть откуда нахлынувшая тревога.

Ей вдруг захотелось броситься к сыну, схватить его, выбежать с ним на улицу и бежать, бежать, бежать. Но она не бросилась, не схватила и не побежала. Она с грустью в сердце дождалась, когда дверь за нянечкой и сыном закрылась, пожелала всего хорошего воспитательнице и пошла к выходу. В коридорчике она остановилась и, перед тем как выскочить обратно на мороз, постучала подошвами сапог об пол, подумав, что сапоги у неё с прошлого года и пора покупать новые. Алёна надела рукавички, приподняла воротник пальто и только тогда вышла на улицу.

3.

Она вышла на улицу из депо и осмотрелась. Мелкий снежок, словно крупой манкой, сыпал и сыпал с неба. Вагонов-рефрижераторов на ближайших путях не было.

— И ты компот ищешь?— спросил её слесарь Василий Львович, идущий в сторону депо из пункта техосмотра.— А вагончики с продавцами уже утянули. Вниз с горки пустили, в сортировку. В состав сейчас поставят и дальше на восток поедут.

— А до сортировки отсюда долго идти?— спросила Алёна.

— Да нет, она недалеко. Только навряд ли ты там быстро те самые рефрижераторы найдёшь. Там двадцать с лишним путей, и все— один длиннее другого. Если только у дежурной на горке спросить...

Алёна взглянула на свои часы-«копейки», подаренные ей Андреем летом на её день рождения. Было начало пятого. Новую партию колёсных пар обещали подать в цех около пяти «Пока закатят, пока подготовят к работе, половина шестого уже будет,— думала Алёна.— Сортировка недалеко, успею сходить...»

— Если надумаешь сбегать на горку— смотри, осторожно на путях,— напутствовал Василий Львович.— Скоро темнеть начнёт, да ещё снег сыплет. По путям не ходи, перейди на ту сторону линии и по тропинке шагай, как раз на горку выйдешь...

Алёна кивнула. Слова пожилого слесаря придали ей уверенности: надо сходить.

На смену Алёна не опоздала, хотя и пришла в раздевалку позже всех; успела переодеться к началу планёрки. Александре Никитовне— мастеру колёсного цеха и Ларисе— молодому бригадиру, работающим с Алёной в одной смене, не пришлось, как говорила ей не раз Лариса, «краснеть и оправдываться за дочь и сестру перед старшим мастером».

День был обычным. С ночной смены остались не осмотренными колёсные пары, и для неё— дефектоскопистки— работы было немало. Спокойно делая своё дело, Алёна думала об Андрее и Саньке.

О муже— продолжая (уже четвёртый год) разгадывать его сущность: что в нём есть такое, что притягивает её к нему? Ведь никаких любовных порывов он к ней давно не питает, да и не питал, наверное, с самого начала. Да, он выбрал её, добивался с ней встреч, приходил домой, но страстной любви, как полагала Алёна, в нём не было. Он принимал их отношения как сами собой разумеющиеся, как обычные с первого их дня. С того самого, когда они поехали в пригород, нашли церквушку— небольшое белёное здание, домик с маленьким куполом и крестом; робея, зашли в ограду, остановились у крыльца.

Дверь церкви была закрыта на висячий замок. К ним подошла лежавшая до того тихо у забора собака-дворняжка, повиляла хвостом, потом присела рядом.

— А батюшка в город уехал,— услышали они сзади и, оглянувшись, увидели женщину в платке и осеннем пальто, из-под которого торчал подол тёмной одежды.— Если вам записаться на отпевание или крещение, то я могу вас записать, сказать время, когда это можно сделать будет. Если свечку за здравие или упокой поставить, то я могу открыть дверь и показать, куда какую свечку поставить...

Женщина выглядела моложаво— ей, наверное, не было и сорока. Андрей посмотрел на Алёну, улыбнулся и неожиданно для Алёны спросил женщину:

— А на венчание у вас можно записаться?

— Можно. Если вы оба крещёные, если имеете свидетельство о заключении брака, то, исповедавшись и причастившись, имея двух свидетелей...

— Понятно, понятно,— закивал Андрей.— Будем знать теперь, что нам надо делать...

Женщина улыбнулась — дворняга, виляя хвостом, уже тёрлась о длинный подол её одежды.

— В храм заходить будете? — спросила она. — Можно свечки поставить Николе-угоднику, чтобы всё хорошо у вас было и Господь с вами пребывал… У нас и храм называется храмом Святителя Николая Чудотворца.

Слово «храм» вызвало у Алёны пугающе-возвышенное чувство. Ещё больший прилив трепетного волнения она испытала, когда Андрей сказал:

— Зайдём и обязательно свечку поставим. За здравие. Николе-угоднику.

Женщина открыла дверь церкви и, встав на крыльце, сказала:

— Проходите.

Алёна крепче сжала руку Андрея и посмотрела на него. Он подбадривающе кивнул, и они переступили порог храма. С залитого солнцем сентябрьского дня они осторожно шагнули в полутьму церковной обители как в мир, неведомый им, и, пройдя несколько несмелых шагов, в нерешительности остановились.

— Проходите, проходите… Не надо Божьего места бояться, — говорила женщина, пройдя вперёд. — Сегодня у нас служения нет, и отец Владимир в город уехал. Помолился с утра в церкви и уехал. А вы хорошо сделали, что пришли. Это вас Господь привёл сегодня. Вот и девушка одета как надо — в косыночке… Сейчас я вам свечи принесу, они у нас по пять копеек стоят, и скажу, куда поставить…

А внутри храма оказалось не так уж и темно. Глаза быстро привыкли к неяркому свету, проходившему через высоко расположенные, почти под потолком, два небольших окна, и Алёна увидела иконы на стенах, подсвечник, ворота и возвышенность перед ними, подумав, что, видимо, священник с этого места разговаривает с прихожанами.

Женщина сказала, что её зовут Валентина: «Матушка Валентина, жена настоятеля храма», — и принесла свечи. Андрей отдал матушке десять копеек, взял две свечи, одну протянул Алёне. Алёна удивилась, но не растерялась — свечку взяла и, последовав за матушкой Валентиной, подошла к подсвечнику. За ними Андрей.

— Я вижу, вы в первый раз в храме, — определила матушка, зажигая и устанавливая в подсвечник свою свечу. Она показала им, как нужно перекреститься: сверху вниз и справа налево. — Теперь пожелайте что-то хорошее — себе, родным, близким, попросите об этом Николу-угодника, чтобы ходатайствовал за вас перед Богом, и поставьте свечки. Ну, смелее, зажигайте о горящую свечку.

Андрей зажёг свечи — сначала её, потом свою, перекрестился и что-то прошептал. Алёна несмело, неумело и неуверенно, оглядываясь на матушку, тоже перекрестилась и, увидев, что женщина одобрительно кивнула ей, поставила свечку и стала шептать пожелания.

Что она пожелала тогда? Она попросила всем родным здоровья: матери, отцу, сестре Ларисе, попросила здоровья подругам, себе, потом, глянув на Андрея, пожелала, чтобы не болел и он, а ещё… Ещё она вдруг подумала тогда о Стёпе и попросила Николу-угодника, чтобы он помог ему…

— Ну что, можно сказать, что обвенчались? — спросил Андрей, улыбаясь, когда они побродили по улицам пригорода и вышли на берег реки — небольшой, но известной на всю страну, потому что о ней пели песни известные артисты.

Алёна ничего тогда не ответила, лишь смущённо улыбнулась. Потом они купили мороженого и поехали домой. Андрей проводил её до подъезда, у двери взял за руку и сказал, что ждёт её завтра после шести вечера у автовокзаловских тополей. Она почувствовала тогда, что он хочет обнять её, но не решается. Поцеловались они только на четвёртом свидании. Впрочем, свидание это случилось вскоре — не прошло и недели после их знакомства. Это получилось неожиданно для Алёны: они стояли в подъезде, в полутьме, держались за руки, и он вдруг притянул её и коснулся её губ губами. И хотя это было неожиданно для неё, Алёна не смутилась — она внутренне готовилась к этому, зная, что оно, это, произойдёт; и вот — случилось. Потом они поцеловались ещё раз и ещё. А потом, уже в канун ноябрьских праздников, была свадьба у Оли Новиковой, где они целовались в маленькой комнатке, уже не стесняясь никого. А потом Андрей ночевал у них дома, когда родители Алёны уехали в далёкий таёжный посёлок к старшей дочери Галине, а с ними осталась Лариса; и как она ни старалась помешать тесному общению сестры с Андреем, помешать не смогла. А потом… Потом Андрей привёл её домой и представил своей матери. А потом, холодными выходными днями середины февраля олимпийского для всей страны года, состоялась их свадьба. В трёхкомнатной квартире свекрови было не протолкнуться: собрались родственники и друзья Андрея, родители Алёны. Не было только Алёниной сестры Ларисы, которая уезжала куда-то по неотложным делам — как поняла Алёна, скорее надуманным, чтобы только не быть на свадьбе. А на свадьбе было шумно и весело два дня. Они фотографировались, высыпав всей компанией во двор дома. Подвыпивший дядька Андрея, Игорь, забыл сменить в фотоаппарате плёнку и, сделав два щелчка, под гул негодования фотографирующихся объявил, что фотоплёнка кончилась. Вечером первого дня свадьбы Алёна познакомилась с другом Андрея — Хилем. Гена Хиль в субботу дежурил на заводе и пришёл на свадьбу только к девяти вечера. Пришёл, как был на смене, в рабочей спецовке и принёс с собой гибкую пластинку из журнала «Кругозор» с записью английской группы «Смоки». Пританцовывая под британскую музыку, Гена

прогибался спиной, приседая при этом почти до пола, и кричал Андрею:

— Крести! Крести меня!

И Андрей, стоя над ним, крестил друга, а друг, входя в транс и извиваясь, почти лёжа на полу, продолжал кричать:

— В прыжке! Крести в прыжке!

И Андрей, скинув пиджак, обливаясь потом и заливаясь хохотом, подпрыгивал и перекрещивал Хиля. Все остальные танцующие, глядя на танец Хиля, свои танцы прекращали. Да и танцевать они больше не могли. Во-первых, Гена занимал почти всю площадку — прихожую, а во-вторых, все, видевшие танец Хиля, как один менялись в лицах и заходились кто в смехе, а кто и в хохоте, ища место, где бы присесть и перевести дух. Этого нельзя было не запомнить. Как нельзя было не запомнить Алёне и первые дни после их свадьбы, когда свекровь принесла им ключи от квартиры-четвертушки. Радости действительно не было предела. Была рада Алёна и общению с друзьями Андрея, которые приходили к ним едва ли не каждый день. Она с восхищением смотрела, как её Андрей вечерами садился за стол, брал в руки авторучку и, подумав, начинал писать новый рассказ или статью в газету. Ей нравилось это. Ей нравилось многое в нём. В первые месяцы их семейной жизни ей даже нравилось укладывать подвыпившего Андрей на кровать и провожать домой его друзей. Семейные отношения их в первую холодную зиму были очень тёплыми. Весной Алёна узнала ещё об одной страсти Андрея: он играл в футбол за заводскую команду — ходил на тренировки на футбольное поле профтехучилища и уезжал на игры. Алёна футболом интересовалась мало, на стадион не ходила, но из разговоров с Андреем и её рассказов, как они ходили всем двором болеть за «Локомотив», вдруг выяснилось, что Андрей в детские и подростковые годы играл именно за ту самую «Зарю», которую вокзаловские пацаны всегда мечтали обыграть, и даже знал по именам некоторых парней из пятиэтажек. Более того, Андрей знал Стёпу! Это выяснилось нечаянно, когда Алёна рассказывала Андрею про Марину и упомянула про её брата.

— Да они же, Стёпа с Маринкой, жили раньше с нами рядом — в бараках строителей! — сказал вдруг Андрей. — А потом родителям квартиру дали возле вокзала.

Алёна не стала вдаваться в подробности и рассказывать Андрею историю со Степаном, сказав лишь, что видела Степана перед уходом в армию, Марину — перед поездкой в областной центр, а мать их — когда она переезжала из пятиэтажек.

А потом появился Санька. Появление в доме нового человечка сказалось на отношениях молодых супругов: Алёна стала более требовательна к мужу, более смело пресекала теперь излишние, на её взгляд, застолья, а когда Андрей в расстройстве, что отложили публикацию рассказа в газете, сорвался в запой и его уволили с завода, Алёна впервые поругалась с ним, что называется, по-крупному и даже припугнула, что уйдёт жить к матери. Никуда уходить Алёна не собиралась, ей было жаль ставшего для неё близким человека, но угрозы её («вовремя высказанные» — как заметила дочери Александра Никитовна) подействовали на мужа (во всяком случае, сразу после её эмоциональной речи): он притих, перестал приглашать друзей и покупать спиртное. Собственно, покупать не только водку, вино и пиво, а даже продукты в то время у них было не на что. После увольнения с завода разладились у мужа отношения с редакцией, он месяца с полтора не мог устроиться на работу, вечерами и ночами то смотрел футбол, то писал что-то в тетрадке, вырывал листы, бросал в печку и снова писал. Иногда Алёна, просыпаясь среди ночи или под утро, видела, что муж стоит у окна и о чём-то думает. Она ничего не говорила ему, но становилось страшно. И тем не менее Алёна уже не представляла жизни без Андрея и Саньки. А жизнь и вправду, как говорят, имеет белые и серые полоски. Постепенно серые дни растворились среди белых и для них. Андрей сначала устроился работать в кочегарку железнодорожной больницы, а потом на станцию — помощником составителя поездов. Дела его с редакцией тоже наладились, да тут ещё и из Москвы неожиданно пришло письмо: литконсультантша детского журнала сообщала Андрею, что его рассказ «Радуга» принят к публикации и подготовлен в сборник молодых писателей России. Консультантша по имени Наташа (Алёна сделала для себя вывод — молодая и незамужняя) уж так звала-зазывала Андрея поехать в Москву и сдать экзамены в Литературный институт. И Алёна видела: глаза Андрея загорелись, он было встрепенулся, но быстро остыл. Безденежье, плохая статья в трудовой книжке при увольнении с завода, маленький ребёнок — всё было против его поездки в Москву. Он понимал, что приглашение литконсультантши — это шанс продвинуть свои произведения и стать писателем. Это понимала и Алёна. И, возможно, она попыталась бы что-то сделать, попросить о помощи мать, но приглашение пришло накануне экзаменов, недели за три до их начала, и Андрей просто не смог бы собрать все необходимые бумаги, нужные в Литературный институт. Он написал в письме консультантше Наталье, что подумает над предложением и, наверное, на следующий год приедет. Письмо из Москвы не прошло без последствий. Неделю Андрей сиял, садился за стол и писал новые рассказы, но месяц спустя, получив ещё одно письмо из столицы, в котором говорилось, что рассказ выйдет в книжке только в следующем году, расстроился, стал хмурым и осенью, после своего дня рождения,

ударился в пьянку с новой силой. Пил, выходя из дому для того, чтобы купить вина или водки, не ходил на работу больше недели, и только вмешательство Александры Никитовны, уважаемого на железной дороге человека, помогло обойтись ему лишь отстранением от основной работы и переводом в посыльные с обязательным добровольно-принудительным лечением от алкогольной зависимости в железнодорожной больнице.

Алёна решила идти в сортировку. Весть о том, что с вагонов-рефрижераторов, остановившихся напротив депо, продают компот-ассорти в больших пятилитровых банках, дошла до неё, когда она закончила проверку партии колёсных пар, уже поданной в цех за их смену.

Работу с оставшимися после ночной смены колёсами они закончили к полудню. Сели пить чай за столом нормировщицы Зинаиды Степановны: Александра Никитовна, инструментальщица баба Аня и Алёна. Александра Никитовна пригласила было к столу и Ларису, но та отказалась, сказав, что пойдёт в столовую с молодыми женщинами из планово-экономического отдела. Баба Аня, угощая шоколадными конфетами, расспрашивала Алёну о сыне и муже. Алёна отвечала неохотно. Заметив это, Зинаида Степановна быстро переменила тему разговора с семейной на продуктовую: о хорошей колбасе и рыбе, что привозят в их новый магазин недалеко от кинотеатра «Победа». А Алёну она тихо успокаивала:

— Не расстраивайся, всё будет нормально. Твой Андрей — парень умный. Я в газетах его статьи и рассказы всегда с интересом читаю — переборет он эту водку. Вот увидишь…

Алёна благодарно кивала и улыбалась нормировщице.

Пока пили чай, в цех закатили новую партию колёсных пар, и Алёна снова увлеклась работой. Порой она сама удивлялась себе, как быстро она обучилась профессии дефектоскописта: сдала на разряд, а уже после выхода из декретного отпуска разряд перед деповской комиссией подтвердила. Отыскивая с помощью дефектоскопа явные и почти незаметные трещины на вагонных колёсах, она снова думала о муже и сыне, о холодной квартире, о том, что впереди ещё половина зимы и нужны дрова, которых у них нет и которые, похоже, муж готовить не собирается, и им снова, как и в прошлый год, чтобы не замёрзнуть, придётся разбирать ограду.

Мысль о дровах и ограде вокруг их небольшого огородика под окном квартиры настигла её, когда она переходила к очередной колёсной паре, и ей снова, как и утром, когда она вышла за эту самую ограду, и позже — как в детском саду, захотелось домой. Ей вдруг как-то сразу неожиданно захотелось бросить дефектоскоп, бегом, через железнодорожные пути, напрямую помчаться к детскому саду шпалозавода, забрать Саньку и бежать дальше — к дому, к их холодной квартире, где, наверное, Андрей, уже растопил остатками дров печь, сидит за столом и что-то пишет на бледных белых листах бумаги. Желание и волнение так овладели ею, что она действительно сняла дефектоскоп, отложила его на стол и, чтобы подавить всё более овладевающие ею эмоции, пошла в бытовку. Умыв лицо, Алёна с минутку поговорила с техничкой, собравшейся мыть в бытовке полы.

— Двигают крэщэнские морозы, — напомнила техничка, смуглая маленькая пожилая женщина-хохлушка, имени которой Алёна не знала, — так шо холода-то все ишо впереди.

Алёна согласилась с ней, и хотя короткий разговор был о холодах, на сердце после общения с едва знакомой ей женщиной стало теплее. Она вернулась в цех и снова принялась за проверку колёсных пар.

Партия колёс, поданных в цех после полудня, была небольшой, и смена с ней справилась часа за два с половиной. Некоторые из женщин снова сели пить чай. К ним присоединились мужчины-сварщики, и за столом нормировщицы снова стало многолюдно.

Алёне чаю не хотелось. Она осталась возле дефектоскопа, взяла местную газету и стала просматривать программу телевизионных передач на сегодняшний вечер и завтрашний день. Завтра ей предстояло работать в ночную смену а значит, днём она может заниматься домашними делами при включённом телевизоре. Алёна увлеклась изучением программы и не сразу заметила оживление в цехе. Возникшее как-то сразу эмоциональное движение работников депо помогла заметить ей Зинаида Степановна.

— А тебе что, Алёнушка, ассорти не нужно? — спросила она, подойдя к Алёне. — Возле депо рефрижератор стоит, а с него проводники продают компот-ассорти. Большие пятилитровые банки, по пять рублей… Там персики без косточек, абрикосы… Взяла бы сыночку с мужем баночку.

— Да у меня денег с собой нет… — попробовала было отмахнуться Алёна.

— А у матери спросить не хочешь? — догадалась нормировщица.

Не выдержав взгляда пожилой женщины, Алёна опустила голову.

— Ну давай я тебе займу. И Александре Никитовне не скажу. Купи компотику.

«Брать в долг у Зинаиды Степановны стыдно вдвойне, — подумала Алёна. — Лучше уж у матери попросить…»

Брать в долг у нормировщицы не пришлось. Александра Никитовна сама подошла к дочери.

— Я взяла на тебя, было, баночку, — сказала она Алёне, — да Лариса пообещала подруге с техотдела. Им там, конторским, не оторваться. Так ты

уж сама сходи. Проводники тут, на втором пути от депо, стоят.

Александра Никитовна протянула дочери голубенькую пятёрку.

Перед тем как идти в сортировку, Алёна решила зайти в бытовку и обуть валенки, которые стояли у неё в кабинке с прошлого года. Всё-таки идти по снегу, да и там, в сортировке, вагоны не сразу найдёшь — может, по сугробам между путями ходить придётся.

Техничка, уже помыв полы, пила чай за маленьким столиком у двери.

— Сантэхники должны прийти, краны сробить, текуть. Жду вот, — сказала она Алёне. — А то бы с тобой тоже пшла… Як же, нужон компот… А тиби две банки не унесть. Неунесть… Тишолые они, падлы… А ты хилинька… Та и не близка сортировька-то эта…

Алёна согласилась, что «не унесть» и что «сортировка не близка». Быстро переобувшись, она выбежала из депо.

Алёна перешла пути — сначала деповские, потом магистральные — и пошла по самому краю железнодорожного полотна, по натоптанной, но уже почти припорошённой тропинке. Тропинка вела прямо к видневшемуся внизу зданию сортировки — центру управления всей сортировочной станцией, постоянно строящемуся и перестраивающемуся, расширяющемуся и надстраивающемуся и теперь больше напоминавшему квадратную башню в четыре этажа. С начала строительства на северо-востоке Сибири всесоюзной ударной магистрали небольшая их железнодорожная станция за пятилетку преобразилась и переобустроилась до неузнаваемости. Вот и вагонное депо их расширили, и локомотивное надстроили, и сортировочную станцию почти заново выстроили.

Алёна шла, согревая в рукавичке голубенькую пятёрку, и думала о том, как порадуется сынишка сладким персикам и абрикосам. Да и мужу приятно будет. Она не сомневалась, что Андрею будет приятно и он сам первый начнёт кормить сына, доставая большой ложкой из банки абрикосы и персики. Она представила, как муж нальёт в стаканы сока, подаст Саньке, потом предложит ей. Но она сначала отмахнётся, скажет: «Потом… потом… Дай согреться, раздеться…» Андрей начнёт пить, нахваливать, и, глядя на него, улыбаясь, начнёт пить сок и сынок. Медленно, останавливаясь после каждого глотка, чтобы посмотреть, сколько выпил папа. Тут уж и не выдержит она и тоже возьмёт свой стакан, подсядет к Саньке и скажет: «А я быстрее, быстрее…» А Санька заулыбается, может быть, даже засмеётся и пробормочет что-то вроде: «Бистлее…» — и снова начнёт пить, кося глазками через стакан уже на Алёну.

Алёну согревала и подгоняла представленная картина, и она быстро дошла до компрессорной станции — небольшого домика, расположенного примерно на полпути к сортировочной горке. Компрессорщик сметал снег метлой с крыльца домика.

— Я по этой тропинке до сортировочной дойду? — спросила его Алёна.

Ей неудобно было молча пройти мимо человека.

Компрессорщик резко выпрямился, будто вздрогнул, и Алёна заметила, что он больше обычного сутуловат, а может, даже горбоват.

— Да, дойдёшь… — сказал компрессорщик, сухо, как показалось Алёне, даже несколько зло: мол, ходят тут всякие, где не положено. — Только смотри, осторожно, темнеет уже. Да и с горки сейчас вагоны начнут вниз фуговать. Роспуск состава начнётся. На пути не заходи и даже не приближайся к ним. Как шла по тропе, так и иди.

— Хорошо, спасибо, — сказала ещё не старому человеку Алёна, подумав, что совсем он и не злой, а просто такой в жизни невесёлый, и, чтобы подтвердить свою догадку, хотела было спросить его о рефрижераторах, но передумала.

Зато обратила внимание: действительно стало смеркаться. Без того шагавшая быстро, Алёна решила прибавить ещё.

А белая крупка сыпала и сыпала с неба. Очертания приближающегося здания сортировки высотой в четыре этажа теперь узнавались больше по свету, зажжённому в его окнах.

Отойдя от компрессорной метров на двадцать, Алёна вдруг почувствовала, что вся радость её куда-то делась, а вместо неё в душе нарастал страх. «Видимо, разговор с компрессорщиком на меня подействовал, всё-таки неприятный он на вид человек», — подумала Алёна и, едва подумав, вздрогнула: по соседнему пути на скорости промчались вниз две отцепленные цистерны. «Может, вернуться? Ведь темнеет так быстро. Где я там, потемну, буду эти рефрижераторы искать?» Ей вдруг сразу же захотелось развернуться и бегом побежать обратно, вверх по тропинке, в депо, но мысль о компоте, о сыне, о муже, об улыбках, радости на их лицах остановила её. «На сортировке подскажут где, — успокоила она себя. — Да и рефрижераторы эти сразу видно, это не просто вагоны какие, они в сцепке, секцией стоят…»

Алёна попробовала взглянуть на часики-«копейки», но было уже не разглядеть их стрелок.

«Шестнадцать тридцать пять…» — сказал кто-то громким мужским голосом, и она это услышала отчётливо и испуганно оглянулась. От домика ей махал компрессорщик и что-то кричал. Алёна не слышала что, но то, что о времени говорил явно не он, она была убеждена. Алёна подумала, что надо вернуться, послушать, что скажет этот человек из компрессорной — может, что-нибудь насчёт рефрижераторов, но тут увидела, что он бежит к ней. Алёна решила сделать несколько

шагов навстречу бегущему человеку, но потеряла ориентир и шагнула чуть в сторону, к рельсам, и, то ли поскользнувшись на тропинке, то ли споткнувшись о рельс, упала. Ещё падая, она увидела большое, серое, грохочущее, дрязгающее и визжащее, стремительно приближающееся к ней чудовище. Чудовище смеялось этим своим грохотанием, визжанием и дрязганьем и тянуло к ней свои большие серые руки. Ещё через мгновение оно сбило с ног оказавшегося совсем близко компрессорщика и набросилось на неё…

А дальше были звёзды.

Звёзды, белые как снег, летели в темноте, кружили и падали. Падали на неё, то ли лежащую на железнодорожном пути, то ли уже летевшую в небо. Скорее летевшую, потому что ей было хорошо, легко и спокойно. Спокойно, потому что там, за звёздами, вдали, она видела, как, смеясь, по очереди пьют компот прямо из пятилитровой банки Санька с Андреем. И Алёна засмеялась — так же громко и легко, как это делали сын и муж.

А звёзды, белые и мелкие, летели и летели, кружились, разделяли и отдаляли её от них.

Мужчина и ребёнок

1.

Звёзды, ещё недавно крупные и ясные, а теперь какие-то вдруг то ли неестественные искринки, то ли уже просто белые снежинки, летели, кружились перед глазами и отделяли и отдаляли Андрея от Алёны с Санькой.

Андрей закрыл калитку за женой и сыном, посмотрел им вслед, но их уже было не видно за искринками-снежинками. Он встрепенулся, вспомнив, что хотел что-то сказать, крикнуть вдогонку Алёне, что-то напомнить ей, но внезапно возникшая мысль тут же выскочила из головы. Решив, что раз сразу забылось, значит, это не так важно, Андрей махнул рукой и заторопился обратно в дом. Тепло прихожей встретил он восторженно. Скинув шапку, потёр уши, потом руки и, не снимая полушубка, направился к плите. Зачерпнул поварёшкой из кастрюли, сделал несколько глотков. Суп был ещё горячим и обжигал нёбо и язык, но Андрей не остановился, пока не покончил с тем, что попало на поварёшку. Хотел было зачерпнуть ещё, но решил всё же налить в тарелку. Поставив тарелку на кухонный стол, Андрей прошёл в комнату и включил телевизор. Маленький чёрно-белый «Рассвет» через минуту зашипел, и по экрану замельтешили чёрно-белые мурашки. «Никак не хотят раньше восьми показывать», — посетовал Андрей и выключил не расцветающий «Рассвет». Поев супа и ополоснув тарелку кипятком из чайника, Андрей подсел было к столу в комнате, взял в руки исписанный лист, попробовал вчитаться во вчера написанный текст, но, прочтя две-три строки, отложил. «Всё плохо… Всё! — сделал он заключение. — Приду к обеду, растоплю печь — и заново всё переписывать, переделывать надо».

Около половины восьмого Андрей стал собираться. Надев свитер с глухим воротником, подумал, накинуть ли шарфик, и решил, что он лишним не будет. Полушубок, шапка с опущенными теперь «ушами», валенки, ещё тёплые, ночевавшие в духовке, и меховые рукавички — теперь мороз ему не страшен. Во всяком случае, до автобусной остановки за орсовской столовой он добежит, не замёрзнув.

Андрей закрыл дверь квартиры на висячий замок, второй замок навесил на дверь небольших сеней. Когда вышел за калитку, почувствовал покалывание под чашечкой правой ноги. Позавчера в наркологическом кабинете железнодорожной больницы ему поставили очередной болючий укол сульфазина. Эти уколы Андрей переносил тяжело. Лучше сказать, совсем не переносил. После них у него поднималась температура, нога то немела до такой степени, что нельзя было пошевелить пальцами, то её вытягивало, будто она росла, при этом пальцы выкручивало. «В трубочку», — как говорил ходивший вместе с Андреем на лечение башмачник из нечётного парка, высокий Кочкин, тоже тяжело переносивший лечение. Предыдущую ночь Андрей почти не спал — мучился; хорошо, хоть эту уснуть удалось. Сегодня ему снова предстояло до шестнадцати часов посетить наркологический кабинет и поставить укол. Полагалось ещё два укола, но он уговорил нарколога Галину Георгиевну пропустить один. Но один всё-таки ещё оставался. Андрей поморщился, представив предстоящий процесс. Покалывание в ноге стихло, и он решил прибавить шагу.

«Интересно: ещё час назад такое ясное небо было, звёздное, а теперь снег пошёл, и звёзд почти не видно», — удивлялся Андрей, глядя на искрящийся снежок. Проходя к бане, он разглядел цифры электронных часов на здании узла связи: 8.40. Через десять минут должен был подойти к остановке за орсовской столовой служебный автобус.

Не сбавляя хода, возле узла связи он повернул к столовой, потом нырнул в темноту небольшого столовского сквера, прошёл мимо давно не работающего фонтана и вышел к остановке. Под козырьком её сгруппировалось человек семь — мужчины и женщины. Двое мужиков стояли поодаль. Андрей подошёл к ним, поздоровался. Двое, не останавливая своего разговора, кивнули ему в ответ на приветствие.

Автобус подошёл минут через пять. Андрей пробрался на заднее сидение, поздоровался с сидящими в уголке башмачниками, ехавшими от шпалозавода. На повороте с улицы Гагарина автобус сделал незапланированную остановку,

подсадив опоздавшую дежурную по стрелочному посту Клаву Орешкову, мать его одноклассницы Любки-Орешки. Андрей улыбнулся, вспомнив начальные школьные годы, смешную Орешку, которая, даже не зная урока, всегда выходила к доске и, опустив глаза, говорила учительнице: «Я учила, позабыла…»

Клава, а особенно муж её, Николай, числились в чудаках. Отец Любки, Коля Орешков, тоже работал на станции — башмачником в нечётном парке. Сознательно стремясь попасть с женой в разные смены, он околачивался во время дежурства жены у неё на посту. Днём, правда, не всегда, но ночью постоянно. Это было предметом для шуток станционных острословов. Вот и сейчас кто-то из женщин в автобусе бросил в адрес Клавы:

— А Колюньку-то своего чё с собой не взяла?

Привычная к шуткам, Клавдия отмахнулась, усаживаясь на свободное сидение у передней двери.

— Да он с ночной сегодня! Подремлет чуток и прискачет. Недалеко живёт! — продолжил шутку весёлый мужской голос.

Лёгкий смешок прокатился по сиденьям. Клава промолчала, и дальше шутка не прошла. От Клавы Андрей знал, что одноклассница живёт в пригороде Ленинграда, что закончила строительное училище, работает сейчас маляром на стройке, что выходила замуж, но прожила с мужем недолго и детей не завела.

Промчавшись по улице Транспортной, «пазик» сделал вираж возле вокзаловских пятиэтажек, свернул на улицу Северо-Вокзальную и замер возле бывшего, царской постройки, железнодорожного вокзала — нынешней конторы станции. Путь выходивших из автобуса людей, однако, лежал не туда, а в небольшое соседнее здание — красный уголок предприятия, где проходили планёрки каждой заступающей на вахту смены. Зал был заполнен наполовину, когда Андрей прошёл к сцене и засвидетельствовал своё явление перед Францем — старшим нарядчиком, поздоровался с его бессменной замшей Раисой — женщиной средних лет, оставившей работу диспетчера по состоянию здоровья. За столом нарядчиков Андрей сидеть не собирался, временная должность его — посыльный — предполагала быть рядом, но всё же в стороне, поэтому он прошёл к дальним рядам и присел с краю, наискосок от большой, почти во всю стену, картины, изображающей железнодорожный путь и состав, наполовину вошедший в тоннель.

Планёрка длилась около получаса. Старший смены и заместитель начальника станции по кадрам говорили о травматизме и дисциплине на производстве, сидевшие перед Андреем мужики вполголоса предполагали, как поведёт себя на новом посту недавно ставший руководителем страны человек. Сошлись на том, что непредсказуемо, потому что «он — чекист, а чекисты бывшими не бывают». Слева женщины шептались о своём, а сидевший в центре сцены Франц то чертил линии в журнале выхода на работу, прозванном станционным людом «Францевой амбарной книгой», то давал на ухо указания Раисе, пристроившейся с ним рядом. Андрей немного взгрустнул, представив, что ему предстоит сделать несколько поездок по городу: найти и вызвать на внеплановую работу взамен прогульщиков ничего пока не подозревающих людей — составителей поездов, их помощников и регулировщиков скорости вагонов (так с недавнего времени называли башмачников). Но в грусть он впадал, как оказалось, зря. Все, кто должен быть на смене, в красный уголок сегодня пришли, и — редкий случай из жизни посыльного — бегать по вызовам не пришлось.

— Пофисло тебэ с утра, тай Бох, чтопы и вечер так пыл… Не напился нихто, — сказал улыбающийся Франц, разглядывая в журнале список ночной смены.

— Да не должны, — предположила тоже довольная Раиса. — Получку неделю назад получили, пропился, кто хотел, уже, а до аванса ещё неделя…

— Тай Бох, тай Бох… — лепетал старший нарядчик, перелистывая страницы амбарной книги своего имени.

Волжский немец Франц в начале Великой Отечественной войны прибыл в Сибирь спецэшелоном из Саратовской губернии. Был он молод и горяч и за нарушение спецпереселенческого режима схлопотал срок по политической статье. Отбывал в здешнем лагере, а освободившись, остался в городе, пришёл работать в контору станции. Вначале разнорабочим, потом за красивый почерк стал нарядчиком.

— А как твой тэла газетный? Что пышешь? — неожиданно обратился Франц к Андрею, отложив журнал.

— Да так… — смутился вначале было Андрей, но, вспомнив, что Франц человек серьёзный и если спрашивает о чём-то, то не ради праздного разговора, признался: — За очерк тут взялся про ветерана войны с завода по ремонту дорожно-строительных машин, но как-то не пошло: всё наивные слова в голову лезут, всё банальщина какая-то…

— Пойтёт! — улыбнулся Франц. — Ты целовэк творческий. Правыльно, что сомневаешься, нэ халтура дэлаешь… Я-то снаю, как там халтура дэлают. Общий слов ищут. Я сам в лагерь был — в газет лагерный пысал. «За рэконструкций» назывался…

— «За реконструкцию», — сказал Андрей. — Знаю. В прошлом году пятьдесят лет со дня выхода первого номера в редакции отметили.

— Мэня на юпилей приглашал, — гордо поднял голову Франц, вставая из-за стола. — А тытавай

учись журналистыка. Талатн у тэпя ест… Всё чытаю, что пишешь… Молодец, корошо пишешь. Вотка бы толка не пил…

— Да не буду больше! — махнул Андрей.

Возле Франца с Раисой, за разговорами, он провёл ещё около часа и вышел на улицу, когда совсем рассвело.

Небесам, видать, надоело посыпать землю снегом, и теперь было видно, как из-за тяжёлых облаков силится пробиться солнышко. От старого вокзала до нового, по всему перрону, люди в оранжевых жилетках с деревянными лопатами скребли снег и грузили его на тележки, двигаемые маленьким станционным трактором. Диктор объявила о скором прибытии утреннего поезда, идущего от Енисея к северному берегу Байкала, и из вокзала к первому пути, мешая снегоуборщикам, потянулись пассажиры с сумками и чемоданами. Снегоуборщики, понимая, что работать им сейчас не дадут, решили сделать перекур и, собрав лопаты в одно место — возле виадука, оставили орудия труда под присмотр вызвавшегося охранять добровольца и потянулись в здание вокзала. Тракторист перекуривать не собирался — отцепил тележки и погнал трактор на пункт приёма и сдачи багажа.

Пока на станции готовились к прибытию поезда, Андрей перебросился несколькими фразами с литовцем Вилюсом — «ответственным за бесперебойную работу виадука», как в шутку характеризовал его отчим Андрея — Анатолий Васильевич. Много лет и зим Вилюс подметал и чистил от снега переход над железнодорожными путями. А ещё он был мужем двоюродной сестры матери Андрея. Его дочь Светка была одногодкой Андрею. Как и Франц, Вилюс отбывал по молодости срок в местном лагере, тоже говорил с акцентом и на родину возвращаться тоже не собирался. У Андрея всегда вызывали улыбку воспоминания о том, как Вилюс пил водку. Наклонившись над столом, вставлял гранёную пятидесятиграммовую рюмку в рот, а потом резко опрокидывал голову назад. Так он пил и на свадьбе Андрея с Алёной.

Как, кажется, недавно это было!

Будто всего несколько дней назад, встречая вечерний северный поезд, спешащий от Байкала к Енисею, Андрей увидел впервые Алёну. Недолгие ухаживания, свадьба, рождение Саньки — всё промелькнуло будто за один день. Да и не только это. С этого самого вокзала Андрей когда-то уезжал на службу в армию, сюда же, на тот же железнодорожный путь, с которого тогда уходил поезд, вернулся он четыре с половиной года назад. «Наверное, не только рельсы, но и шпалы под ними не успели поменять». Ещё раньше, когда Андрей учился в школе, в пятом классе, они с матерью поехали на зимние каникулы в Москву и в Ленинград. Отец их провожал в морозные зимние сумерки. Андрей помнил, что было это первого января. Они встретили Новый год и поехали. Поехали в валенках, одевшись по-зимнему, и потом, в столице, где пешеходные дорожки посыпались солью и снег таял, шлёпали по лужам в промокшей обуви. Правда, мочили ноги недолго: прогулявшись по Красной площади, забежали сначала в ГУМ, а затем в ЦУМ и купили ботинки ему и сапоги матери. Сибирские же валенки сдали в камеру хранения, вместе с подарками для сестёр и отца. В город на Неве они ехали налегке, почти как жители европейской части страны, преследуя в основном экскурсионную цель. Правда, и там не обошлось без покупок для дома, коробок и сумок.

«А вокзал всё тот же: и двери эти тугие, и часы над ними, и стрелки на часах… Да и люди… Кассирша одна, сколько помню, тут всё время работала и сейчас работает…»

Узнав, как здоровье тёти Маруси и Светки, и получив ответ: «Всё корошо», — Андрей поспешил сообщить Вилюсу, что у него лично и в семье тоже всё нормально, и, простившись, пошёл дальше, думая, что ему делать: вернуться домой или зайти к наркологу в больницу? Решив пройти через вокзал, он специально остановился возле билетных касс в надежде увидеть старую кассиршу. И увидел её. А увидев, вдруг поразился: она уж и не такая старая! Может, немного, лет на пять, старше его матери, которой этим летом, в августе, исполнится сорок пять.

Выйдя к улице Транспортной, где обычно останавливался следующий к шпалозаводу и проходящий мимо железнодорожной больницы автобус, Андрей неожиданно для себя решил пойти к деду с бабушкой. Перейдя улицу, Андрей прошёл между двумя недавно выстроенными зданиями — гостиницей и Домом быта, пересёк Старобазарную площадь и вышел на улицу Партизанскую, на известный в городе вино-водочный магазин «Партизанский». Домах в пятнадцати от него стоял уже более полувека небольшой домик Николая Григорьевича и Анны Веденеевны — родителей покойного отца Андрея. А на другом конце этой улицы, за Домом связи и железнодорожной баней, был дом самого Андрея. Наверное, поэтому и выбрал он такой маршрут.

И дед, и бабушка были дома. Дед, как всегда в последние годы, вышел отворить внуку ворота, а затем по привычке лёг на кровать. Подложив две подушки под спину, он почти сидел на железной кровати, поверх покрывала, в брюках и в тёплой байковой рубашке от нижнего китайского белья, не имеющей воротника. Бабушка стряпала пельмени.

— Вовремя ты, — улыбнулась она внуку. — Сейчас, сейчас поставлю варить.

— А Игорь на работе сегодня? — спросил Андрей, сняв полушубок и усаживаясь на деревянную крашеную скамью со спинкой и подлокотниками, называемую дедом диваном.

— Да нет, с ночной он сегодня. К Алику, другу, пошёл. Там вчера именины были... — пояснила бабушка.
— У них там каждый день именины! — крикнул из комнаты дед. — Лишь бы выпить лишний раз...
— Слышит ведь, — полушёпотом сказала бабушка, кивнув в сторону деда. — А притворяется иногда: ничего не слышу, мол...

Игорь, младший брат отца Андрея, после очередного ухода от жены жил «на задворках», в выстроенном им из шпал домике. Отслуживший железной дороге, пропитанный креозотом стройматериал. Игорь оббил стены снаружи и внутри вагонкой — тоже уже бывшими в употреблении дощечками, списанными после ремонта вагонов и контейнеров. Сколько помнил себя Андрей, столько и существовал под черёмухой, перед калиткой в огород, домик. Сначала это была дощатая летняя кухня, потом к ней приросла ещё одна стена, между стенами засыпали опилки, и получилась засыпушка, и только лет пять назад, когда Игорь окончательно понял, что семейная жизнь его не удалась, он, не разбирая засыпушку, сложил вокруг неё домик из шпал. Некоторое время старая постройка находилась внутри новой. Дед прозвал домик крепостью, которую «из пушки не пробить», а когда друзья дядьки стали называть строение «броневиком», дед и тут не растерялся, переименовав «броневик» в «браневик» — от слова «браниться». Конечно же, подвыпившие мужики, приходившие к Игорю «на брагу», и бранились там, и ругались разными непечатными словами, и даже — Андрей был свидетелем — чуть не разодрались однажды, но то, что происходило внутри «крепости-броневика-браневика», навряд ли было слышно на улице. Стены его точно были звуконепроницаемы, и чтобы достучаться до закрывшегося в «броневике» Игоря, нужно было колотить изо всех сил в маленькое окошечко со стороны огорода. Когда же хозяин спал там пьяным, то не помогало и это — «крепость» оставалась неприступной. Не поменял домик названия и так же оставался неприступным для стучащихся в него и после того, как Игорь «вынес» засыпушку из шпального строения, но засыпал там пьяным. А пьяным же или слегка выпившим Игорь бывал часто. Потеряв после сорока смысл жизни, он находил утешение в изготовлении хмельного напитка — браги да в выплёскивании своих мыслей на бумагу. Выплёскивание, как правило, проходило тут же, в «браневике», при помощи авторучки и общей тетрадки. Обычно Игорь брался за изложение мыслей либо с утра, пока не выпил, либо чуть под хмельком. Записывал он не каждый день, но когда начинал, его трудно было остановить. Около трёх десятков общих тетрадок по девяносто шесть листов каждая, исписанных мелким почерком с иллюстрациями — подклеенными на страницу фотографиями автора, хранились тут же, в «браневике», под одной из полок, и, бывало, иногда, поймав лирическое настроение, хозяин читал свои записи гостям. Гости делали вид, что слушают с интересом, хотя не всегда это было так. Чаще зашедшим к Игорю не было выхода: либо пить и слушать, либо уходить после двух кружек. Большинство предпочитали пить и слушать. Некоторые даже вступали в обсуждение прочитанного. Таких Игорь уважал больше и даже оставлял ночевать возле фляги, за что читал им свои записки и во время ночной пробудки, и на следующее утро. Несколько раз дядька зачитывал главы из тетрадки и племяннику. Раза два Андрей ночевал в «браневике» и тоже принимал живое участие в обсуждении прочитанного. Мнение племянника для Игоря было особенно ценным, ибо он почитал и высоко ценил литературные способности Андрея.

Каждый раз Игорь заводил брагу для дальнейшего процесса — выгнать из неё самогон. Но сколько бы раз дядька ни настаивал в алюминиевой фляге месиво из воды, дрожжей и сахара до четырёхдневной кондиции (именно столько, по мнению Игоря, нужно было браге, чтобы из неё можно было гнать более крепкий напиток), оно не выстаивало. Уже на третий (а то и на второй) день хозяин обязательно снимал пробу, и начиналось...

Уходя в ночную смену — на дежурство по ремонтно-восстановительному железнодорожному поезду, — Игорь прихватывал с собой трёхлитровую баночку. Когда это случалось, то смена проходила легко и весело. Он угощал брагой напарника, всю ночь говорил громко и вдохновенно, а утром нередко возвращался домой не один. Дня два потом непрерывно хлопали ворота дедова дома, и знакомые ветерану гражданской войны и не знакомые ему люди проходили под лай собаки через двор, прямиком к огороду, и исчезали в «крепости-браневике», выскакивая оттуда на минутку-другую — добежать до туалета или помочиться тут же, под черёмухой. Иногда из «браневика-броневика» выходил и сам Игорь. Чаще для того, чтобы взять из дому что-нибудь закусить. Дед ворчал, иногда ругал сына в открытую, но в целом проявлял терпимость, а бывало даже, находясь в хорошем расположении духа, сам заходил в «браневик» и с полчасика-часик общался с более молодым поколением.

Дед был родом из Калужской губернии. Семилетним ребёнком привёз его вместе с матерью Анной Борисовной и сестрой Полиной в Сибирь отец Григорий Тимофеевич. Инженер-железнодорожник ехал вместе с семьёй строить Транссибирскую магистраль, и судьба забросила его на небольшую сибирскую станцию между Енисеем и Ангарой, где он и застрял до конца своей жизни. Его временно расквартировали на этой, тогда ещё маленькой,

железнодорожной станции, с учётом, что он будет выезжать в командировки, и дальнейшей перспективой перевода в губернский город. Григорий Тимофеевич года три выезжал в инспекционные и рабочие поездки до Забайкалья — на восток и до Кузнецка — на юго-запад. Николай Григорьевич нередко ностальгически вспоминал и рассказывал внуку с улыбкой и блеском в глазах, как возвращался его отец из поездок — всегда с подарками: «от зайчика — для Коленьки и от лисички — для Поленьки». Но глаза деда потухали, едва речь заходила о ранней смерти первого переселенца их фамилии на сибирскую землю. Однажды из поездки отец не приехал — его привезли поздним холодным ноябрьским вечером, уже неживого и без подарков. В дороге он простудился и заболел. Дело дошло до горячки. Ни врача, ни фельдшера поблизости не оказалось, и Григорий Тимофеевич, как Лев Николаевич Толстой, умер в доме начальника станции, при вокзале небольшого городка. Было ему едва за сорок. После смерти мужа инженерша Анна Борисовна в родные края не вернулась. Благо, из хорошего ведомственного дома на Юго-Западной улице никто выселять её не собирался. Более того, железнодорожное ведомство назначило семье пенсию «за потерю кормильца». Денежного пособия хватало тридцатипятилетней вдове на содержание себя и детей. Сестра деда, Полина, была старше брата на пять годков. Достигнув совершеннолетия, похорошевшая, она вышла замуж за сына ссыльного поляка, родившегося в Сибири и названного на русский лад Сашей. Андрей застал ещё живым деда Сашу — балагура и любителя быть в центре любой компании. Умер он в середине шестидесятых. А баба Поля оказалась долгожительницей, не дотянув до векового юбилея четыре с половиной года. Дед же, Николай Григорьевич, пошёл по стопам отца. В шестнадцать лет его взяли посыльным в контору станции, собирались было отправить в железнодорожное училище, но тут разразилась Первая мировая война, и он попал, по ходатайству благосклонно относившихся к памяти отца железнодорожных чиновников, в училище другое — юнкерское. В училище и застали Николая Григорьевича обе революции 1917 года. Если после первой мало что изменилось в распорядке юнкеров, то после второй у командования вначале наступила растерянность: никто толком не знал, что такое делается в Питере и Москве. Занятия, однако, — и практические, и теоретические — продолжались, и последующие события — создание Добровольческой армии, восстание сосланных в сибирский плен чехов, словаков, а также встречающихся среди них румын и мадьяр — подтолкнули командиров к решимости: юнкера оказались в армии Колчака.

Несколько месяцев в конце 1918-го и начале 1919-го годов провели они в коротких боях, скорее, стычках с Красной Армией, с отрядами мятежных военнопленных, выбивали из деревень людей, прозванных партизанами и бандитами. Их рота и другие подразделения квартировали неделями в деревнях, недалеко, в десяти-пятнадцати верстах от железной дороги. К лету 1919 года подошли близко к станции, где жили мать и сестра Николая Григорьевича. Сопротивление партизан усиливалось, их агитаторы ночами расклеивали листовки на воротах домов и магазинов. Агитация не проходила даром, и в рядах военных сначала шёпотом, а потом громче стали спрашивать: «За что воюем? С кем воюем?» Однажды прибыл к ним специальный отряд. Люди эти держались особняком и уходили куда-то тихо, часто ночью или на рассвете. «Они выполняют особое поручение», — доходили слухи до бывших юнкеров. А вскоре выяснилось: отряд выполнял карательные операции против местного населения. Выявляли сочувствующих партизанам, пытали и расстреливали. Как рассказывал Николай Григорьевич внуку, однажды, войдя в одно село, они обнаружили в одном из амбаров несколько окровавленных трупов замученных насмерть людей — мужчин и женщин, с вырезанными на теле пятиконечными звёздами. В ту же ночь несколько человек из их роты вместе с винтовками ушли из расположения и не вернулись. Их назвали дезертирами, предателями, уверяя, что они перешли к партизанам. Как выяснилось чуть позже, все они были родом из этих мест. Разговоры, однако, среди военнослужащих на разложение в их рядах дисциплины продолжались, а партизанское движение разрасталось, и уже ходили слухи, что солдаты и младшие командиры группами переходят на сторону большевиков. Брожения в умах начались и среди офицеров роты. А после того, как с десяток замученных трупов они нашли в очередном селе, стихийно возник митинг, и большая часть роты проголосовала за то, чтобы перейти к партизанам.

Рассказывая сыновьям и внуку об этом эпизоде своей жизни, Николай Григорьевич не вдавался в подробности, говорил, что они всей ротой оказались сначала в составе партизанского отряда, а потом некоторые из них пошли служить в Красную Армию и воевали до полной победы советской власти. До полной победы воевать деду не пришлось. Его, как бывшего железнодорожника, не то чтобы привлекли, а скорее отправили работать на станцию. А он и не был против. При новой власти восстанавливал повреждённые железнодорожные пути, ремонтировал паровозы. Вместе с ним и многие железнодорожники из числа служивших на станции до революции остались на своей прежней службе. После утверждения новой власти станция стала разрастаться. Построили дополнительные пути, расширили паровозные мастерские, переименовав их в депо, открыли вагоноремонтные

мастерские, стали возводить кирпичные двухэтажные дома, выстроили новую общественную баню, клуб для железнодорожников. Вот эти два объекта — баня и клуб — особенно были дороги Николаю Григорьевичу. Инициативного молодого человека новая власть стала продвигать на руководящие места. Так, в середине двадцатых годов деда Андрея назначили заведующим железнодорожной баней, а в конце тридцатых — заведующим клубом железнодорожников. Уже работая завбаней, Николай Григорьевич женился. Как-то, зайдя в сапожную мастерскую набить подковки на свои всегда начищенные, сверкающие сапоги, бывший юнкер, красный партизан и уже потомственный железнодорожник, увидев красавицу — юную дочку сапожника Веденея, партизанившего вместе с ним, едва не лишился рассудка и уж точно — потерял покой. Девушку звали, как и его мать, Анной. Несмотря на то, что Аннушке не исполнилось и шестнадцати лет, Николай Григорьевич ждать не хотел и отправил к Веденею ближе к празднику Покрова Пресвятой Богородицы своих сватов. Веденей сопротивляться не стал. Сказал вначале, больше для порядку, что, мол, молода ещё замуж, но, глянув на жениха — стройного двадцативосьмилетнего заведующего баней в новом пиджачке, хромовых сапожках, подумал что-то своё и, махнув сразу обеими руками, словно отгоняя бесов, сказал: «Да ладно уж… Отдаю Нюрку Кольке. Садитесь к столу!» Со свадьбой не тянули — сыграли накануне ноябрьских праздников.

— Видишь, как батя женился? Даже не поухаживал за матерью, — говорил иногда в присутствии деда и бабушки подвыпивший Игорь.

— Как это не поухаживал? — возмущался дед. — Почти неделю ходил к воротам, чуть ли ночевал возле дома.

— Как же, ночевал он! — уже негодовала бабушка. — Дня три всего покрутился у дома. Меня караулил. К воротам даже не подпускал. Я было с полными вёдрами иду, а он нет чтобы принять вёдра, помочь, — встанет преградой и не даёт прохода. А мне тяжело, плечи болят — вёдра-то полные. А ему — хоть бы хны. Стоит себе — балаболит.

— Ничего я не балаболил! — отвечал дед. — Я замуж тебя звал. А вёдра свои могла тогда и поставить. Там скамейка хорошая была.

То, что скамейка хорошая, Андрей знал. Крепкий и по нынешним временам столетний дом этот находился на соседней улице, и жил в нём с семьёй брат бабушки Степан Веденеевич.

Николай Григорьевич привёл молодую жену в дом матери. Правда, жили они там недолго. С полгода. Новая власть хотя и хорошо относилась к своим партизанам, но вот сменившееся железнодорожное начальство всё-таки на хороший ведомственный дом имело свои виды. Заведующему железнодорожной баней предложили выстроить дом новый, а служебный отдать под жильё начальству паровозного депо. Домик на углу улиц Партизанской и Рабочей бригада станционных строителей возвела без малого за два месяца. Начали сразу после майских праздников и закончили в конце июня. Покраску полов и побелку сделали Анна Борисовна и Полина Григорьевна. Анна Веденеевна была тогда уже на сносях и, едва её привели в новый дом, родила сына. Мальчика назвали Николаем. Рождение сына и новоселье решили объединить в один праздник, и в воскресный июльский солнечный день в ограде нового дома, под молодой берёзкой и рядом с только что посаженным деревцем черёмухи собралась большая компания родных и знакомых. Установили большой сколоченный из досок стол, скамейки, и…

Начало традиции отмечать праздники «под берёзкой, у черёмухи» было положено именно в тот летний день 1926 года.

Правда, рождение второго сына, Евгения, отметить на свежем воздухе не пришлось. Родился он в декабре следующего года, за две недели до смены отрывного календаря, постоянно висевшего на одном и том же месте — в комнате под большой рамкой с семейными фотографиями. Зато третий сын, Игорь, тоже порадовал: появился на свет в августе, когда старшему, Николаю, исполнилось уже тринадцать. И снова было весело и шумно под разросшейся черёмухой в ограде дома Николая Григорьевича. За минувшие годы, от рождения первого сына до появления третьего, произошли некоторые события в семье партизана гражданской войны. И два из них, не считая печального — смерти Анны Борисовны в начале тридцатых годов, во многом повлияли на дальнейшую жизнь семьи. Глава семейства был переведён железнодорожным начальством на повышение — стал сначала заведующим железнодорожным клубом, а когда их село объявили городом, железнодорожники переименовали клуб в Дом культуры и издали приказ, по которому Николай Григорьевич назначался директором дк. Это — первое и приятное событие. А вот второе стало совсем неприятным: на шестом месяце беременности Анна Веденеевна, переходя по узкому мостку через ручей, оступилась, упала и подвернула ногу. Падение это отразилось и на позвоночнике, и Анна Веденеевна, хотя и удачно потом родила и могла ходить, но до конца жизни передвигалась с трудом — опираясь на палочку или на стены дома.

А потом была война, названная Великой Отечественной. Николая Григорьевича оставили в тылу, определив его место работы как «стратегическое». Во всяком случае, так говорил дед, когда внук спрашивал его о войне. Но, став постарше, Андрей начал понимать, что деда, скорее всего, не взяли на фронт по возрасту. Работы

в дк железнодорожников во время войны было много. Через станцию шли эшелоны, некоторые задерживались на запасных путях по нескольку дней, и небольшой коллектив Дома культуры обеспечивал культурную программу. Вот тут и проявились в полной мере организаторские способности Николая Григорьевича. Он собирал по всему городу «артистов»—играющих на гармонях и балалайках стариков, поющих баб и старух и подпевающих им подростков, сам лично проводил репетиции и составлял концертные номера. Конечно же, это было сложнее, чем добывать уголь, дрова, музыкальные инструменты или—как раньше, в бане,—мыло для прачечной и машинки для стрижки в парикмахерскую. Но директор дк справлялся. Много лет потом вспоминали участники тех концертов свои выступления и диву давались, как они могли в то время задорно петь и плясать—голодные, раздетые, ничего, кроме чая да редких обедов «за счёт предприятия», не получающие за свои выступления. А ведь могли. И мог Володька Зорин—ровесник старшего сына Николая (тоже участвовавшего в самодеятельности—поющего в хоре)—отплясывать вприсядочку и выделывать коленца. Кто его учил и где, для всех было загадкой, которую так и не разгадали, потому что, замеченный проезжающим в поезде и попавшим на концерт руководителем Краснознамённого ансамбля, уехал Володька в Москву и стал настоящим артистом. Отъезд Володьки Зорина под новый 1944 год имел три последствия для Николая Григорьевича. Первое—радостное: его наградили от имени начальника железной дороги Почётной грамотой «за подготовку кадров для фронта»; второе—с грустинкой: дк лишился ведущего артиста; и третье—печальное: вслед за Володькой рванул в столицу его сын Женька. Рванул без предупреждения—собрал котомку, написал записку: «Еду бить фашистов»—и уехал на поезде-товарняке в западном направлении. Печальное событие ещё больше подорвало здоровье Анны Веденеевны; стал задумчивым и нередко бывал рассеянным после этого и сам Николай Григорьевич. Старший же сын Николай всю войну работал в вагоноремонтных мастерских, и когда осенью 1944 года стали призывать его ровесников, он, было, тоже собрался на фронт, но ему, как говорили тогда, «дали бронь». Так и остался отец Андрея работать в мастерских до конца своей жизни. Больше двадцати лет был дед Андрея директором дк железнодорожников. Получил знак отличия «Почётный железнодорожник», трудовые медали. Не оставлял своей должности Николай Григорьевич ещё года три после того, как оформил пенсию. И не оставлял бы её, наверное, ещё лет несколько—начальство не желало лучшего директора, но за год до рождения Андрея случилось с ним несчастье. Его саданул рогом в живот одичавший соседский бык Султан. Разъярённый, долгое время находившийся на привязи бык, освободившись от пут, проломил загон и вырвался на улицу. Сломав изгородь, здоровенный бычара помчался по улице, свернул на площадку, где играли ребятишки. В это время Николай Григорьевич шёл с работы домой. Увидев бегущего быка, не растерялся—попробовал было его остановить. Схватил жердину с первой попавшейся изгороди и бросился навстречу разгневанному Султану, намереваясь напугать его и заставить остановиться. Но бык останавливаться не собирался, увернулся от жердины и, не сбавляя хода, подцепил директора Дома культуры на рога, протащил его метров семь и скинул у дороги. По разъярённому, не желающему усмиряться Султану открыли огонь стрелки военизированной охраны, когда он вырвался на перрон вокзала, разогнал пассажиров и пошёл было в атаку на паровоз и пассажирские вагоны. Бык был убит на железнодорожных путях, возле строящегося виадука. На то, как его вытаскивали на перрон с помощью канатов и колёсного трактора, а затем грузили на тракторную тележку, собрались посмотреть сотни любопытных. История эта долго была самой обсуждаемой в городе и даже была описана на страницах местной газеты. Николая Григорьевича же увезли сначала в железнодорожную больницу, сделали первичную операцию, а затем отправили в областной центр—в больницу дорожную. Султан задел рогом деду кишки, и некоторую часть их в больнице директору дк удалили, поставив взамен, по самой передовой в то время технологии, искусственный заменитель—«капроновую кишку», как говорил сам дед. Операция прошла удачно, и хотя Николай Григорьевич вернулся из больницы худым и бледным, стал разборчив к пище, внешне он не выглядел больным. Ходил на рыбалку (один раз в половодье двое суток просидел на дереве, пока вода не ушла), ездил на лечение в Кисловодск. Время от времени деду выдавали в больнице направление «в область», и он уезжал на плановую операцию—по его выражению, «для замены или прочистки капрона». А дядя Женя пропал для семьи на долгие годы. Бабушка уже не думала увидеть его ни живым, ни мёртвым, молилась постоянно, ворожила, наливая в воду расплавленный воск, а затем, достав причудливую фигуру, разглядывала отражающуюся на стенке тень и плакала тихо. Грустил и Николай Григорьевич, когда речь заходила о пропавшем, родившемся не летом, как остальные его дети, а зимой сыне. Он давно знал пристрастие жены к разного рода гаданиям и молитвенным шептаниям. Ещё до войны она бралась заговаривать у малышей грыжу и успешно это делала. Николай Григорьевич вначале часто выражал недовольство, когда Анна Веденеевна бралась за очередной целительный сеанс, терпеть не мог, когда в его дом приходили

больные женщины и приводили своих детей, но в конце концов смирялся, начиная понимать, что знахарство для Анны Веденеевны — её часть жизни, которая ему не принадлежит. А когда же вернулся сам после операции и месяца полтора ещё не мог выходить из дому, Анна Веденеевна стала лечить его травами и заговорами, и он почувствовал вдруг облегчение, поверил в её способности окончательно и больше не препятствовал жене.

За пятьдесят с лишним лет не было года, чтобы кто-то не собирался под теперь уже разросшейся и поднявшейся метра на полтора над крышей «браневика» черёмухой, у скромной и по-прежнему кажущейся молодой берёзки. И именины, и приезд родных, и разные праздники. А уж День железнодорожника особенно. Праздник железнодорожников всегда шумной компанией родственники отмечали только в доме Николая Григорьевича. Даже если была пасмурная погода, празднование не отменяли, а переносили в избу. Небольшая комната дедова дома удивительным образом вмещала в себя всех пришедших. За три составленных один к другому стола усаживалось до сорока человек. Андрей помнил эти шумные компании с первых своих сознательных лет. На праздники, или, как их называли взрослые, гулянки, приводили с собой детей. Двоюродные и троюродные братья и сёстры Андрея бегали из кухни в комнату, а если позволяла погода — играли во дворе и на огороде. Детей было много, но почему-то только одного Андрюшу ставили на табуретку и заставляли читать при всей честной компании разные стихотворения. А стихотворений он знал немало. Первые из них начал рассказывать, как только научился говорить, изумляя не только маму, папу, бабушку с дедушкой, но и всех, кто слышал его выступления: родных, соседей, знакомых. На маленького Андрюшу, декламирующего стихи и при этом живо размахивающего руками, приходили и даже приезжали посмотреть из ближайших деревень родственники, знакомые родственников, знакомые знакомых и соседей. Правда, не всегда пришедшим и приехавшим за десятки километров удавалось увидеть и услышать выступления юного декламатора. Андрюша, что называется, за просто так, по заказу («по заявкам», как говорил дед), не выступал. Трудно сказать, что соображал в четырёх-, пятилетнем возрасте мальчик, но взрослые, в первую очередь родители, заметили: юный чтец отказывается выступать, когда людей послушать его собирается немного, но охотно соглашается и даже вызывается сам, если вокруг него не менее десятка человек. Взрослые быстро нашли и причину феномена маленького Андрюши. Мать его, Валентина, между делом любила петь песни из кинофильмов и читать вслух со школы запомнившиеся строчки, а сынок, между прочим, их запоминал и, подрастая, начал сам воспроизводить услышанное и запавшее в память. Вот так вроде бы просто объясняли некоторые Андрюшин феномен, хотя они же были в растерянности и терялись с ответом на вопрос: а почему же другие дети и родные сестрёнки Андрея, также слышавшие с детства стихи и песни, не поступали так же, как он?

— Тут что-то особенное! — улыбаясь, будто зная разгадку, с гордостью за внука-первенца говорил дед Николай Григорьевич, потряхивая над головой указательным пальцем правой руки.

Некоторые захмелевшие родственники, забавы ради, пытались было переориентировать чтеца на пение. Первым, кто хотел этого, был его родной дядька — Евгений, воскресший и вернувшийся под крышу родного дома. Захмелев, он кричал иногда стоящему на табуретке Андрею:

— Давай песню!

И часть мужской компании подхватывала призыв:

— Спой, Андрюха! Выдай песню!

Поначалу Андрюша смущался, опускал голову и, спрыгивая с табуретки, уходил из комнаты, давая всем понять: петь он не будет и стихов сегодня читать тоже больше не намерен. Некоторые из компании, желающие продолжения выступления Андрюши, бросались вслед за ним — уговаривать, но Андрюша был непреклонен: отмахивался и не поддавался. Понимая, что концерт действительно окончен, компания возвращалась к тому, зачем собралась: к питию и разговорам. И всем уже казалось, что требование сменить чтение стихов на пение было лишь шуткой дяди Жени. Но время от времени на очередном застолье история с требованием песни повторялась и заканчивалась один в один — сорванным выступлением чтеца стихотворений.

Так было раза три или четыре, и, может быть, шуточки дядьки с компанией в адрес Андрюши вошли бы в привычку и останавливали бы каждое его следующее выступление, но однажды в ответ на призыв спеть чтец вдруг, сделав паузу, громко сказал:

— Я не Магомаев!

Этим неожиданным высказыванием, после минутной тишины, а затем дружного хохота компании, Андрюша дал понять всем раз и навсегда, что он выступает только в разговорном жанре. И долго потом родственнички во главе с дядей Женей гадали: сам ли Андрей придумал это сказать им, или его кто-то подучил? Подозрение падало на родителей, главным образом на отца, но ни отец, ни сын ни признаваться, ни оправдываться не желали. А мать же просто отмахивалась от вопрошавших:

— Ничего я ему не говорила. Он и сам умный: порой так скажет, что хоть на месте падай!

Выступления Андрюши на гулянках продолжались, и когда он стал школьником — учился

в первом и даже во втором классе; ну а потом как-то сошли на нет. Наверное, мальчик подрос и не вызывал уже всеобщего умиления в компаниях. Его пробовали заменить подрастающими сестрёнками и братьями из числа двоюродных и троюродных, и даже родную сестру Олю ставили на табуретку, но такого успеха, какой имел Андрюша, кандидаты в его преемники у слушателей не достигали. «Не дотягивают»,—определял бывший директор Дома культуры железнодорожников, когда видел, как детишки мямлили что-то неслышное для остальных себе под нос или, бодро начиная, вдруг забывали слова, обрывали выступление и больше не рисковали.

— Андрюшка такой один!—гордо заявлял Николай Григорьевич на правах хозяина и старейшины рода всем своим гостям, главным образом глядя на сына Евгения.—С него толк будет. Не то что с некоторых. С малолетства по каталажкам мыкаться не будет.

Про каталажку-тюрьму дед говорил не для красного словца. За четырнадцать с лишним лет отсутствия на родине сын его Евгений, так и не добравшийся в 1944 году до фронта, но доехавший до столицы, дважды в этих самых каталажках успел побывать. В первый раз—когда он связался с беспризорной шпаной из числа, как и он, бегущих на фронт добровольцев-патриотов. Война заканчивалась, Красная Армия освобождала Европу, и сотни юнцов пятнадцати-, восемнадцатилетнего возраста, притормозив в Москве, сбивались в шайки. Патриотизм в их крови остывал, а желудок и подрастающий организм требовали пищи, и добровольцы начали промышлять по столичным вокзалам и рынкам, становясь уголовниками. Сын партизана гражданской и директора дк небольшого городка в Сибири, понимая, что на фронт уже не попадёт, решил податься на родину отца, в Калужскую область. Добравшись до Киевского вокзала, он познакомился с двумя сверстниками-уральцами, те угостили его хлебом, печеньем, дали выпить водки, папироску и пригласили пойти на дело. В скольких делах он принял участие, Евгений ни родителям, ни родственникам не рассказывал, говорил только, что был пойман на месте преступления во время ночной кражи магазина в Замоскворечье, отдан под суд и отбывал первый срок в лагере уголовников, где-то под Подольском. Во второй раз Евгений Николаевич «топтал зону» в Калужской области, куда он всё-таки решил добраться, освободившись из лагеря. Но доехал только до Калуги, и то уже не вольным пассажиром, а в сопровождении двух милиционеров. В поезде он попытался стащить пиджак у соседа по плацкарте—как говорил, с толстым кошельком в кармане,—но далеко не ушёл. Его догнали в тамбуре лихие ребята-пассажиры, скрутили и выдали милиции. В общем, из четырнадцати проведённых вдали от родины лет восемь дядька Андрея провёл в неволе. В родительский дом он вернулся уже далеко не тем юнцом, что тайно уезжал на товарном поезде. Приехал хотя ещё и молодым человеком, но уже со зрелым взглядом на жизнь и уголовным прошлым. Зрелый взгляд его всегда цепко схватывал всё, что лежало без должного присмотра, и бедному Евгению стоило неимоверного труда сдержать себя, укротить руки и не прихватить чужую вещь. Сдерживать себя получалось не всегда. Как он сам потом признавался, несколько сумок и чемоданов он всё же «с умом, толком и расстановкой» стащил у пассажиров-ротозеев на вокзале. Вещи прятал в лесу, часть из них продавал барыгам или менял на водку и самогонку. Пил он мало, но иногда крепко, и однажды, потеряв бдительность, попался, предлагая краденый пиджак (снова пиджак!) на базаре. На базарного барыгу, которому дядька предложил пиджак, как оказалось, уже положили глаз милиционеры, заподозрив его в торговле спиртным. И едва Евгений, договорившись о цене, отдал мужичку пиджачок, взяв взамен две бутылки самогона, и причастился в закутке стаканчиком, как появились трое в милицейских фуражках, подкатила машина, и продавец и покупатель поехали в отделение. Там выяснилось, что пиджачок ворованный, есть заявление пассажира о краже, и…

И уголовное прошлое дяди Жени приобрело форму настоящего и будущего ещё на шесть лет. А Андрей подрастал, принимал и познавал окружающий мир, начиная понимать, что жизнь не ограничивается их квартирой в большом деревянном тринадцатиквартирном доме, домом деда с огородом и черёмухой, школой. Что где-то есть большие города и широкие реки, и одна из рек называется Леной, и там, на её берегу, отбывает срок его дядька Евгений. Не один раз Андрюша был свидетелем, когда дед, отвечая на вопрос, где его средний сын, говорил:

— На Лене, лес пластает…

Несколько раз Андрей находил на карте эту большую сибирскую реку, тянувшуюся по Иркутской области и Якутии, и старался представить, на каком её участке может готовить лес его дядька.

Последний срок дядя получил, когда Андрей был дошкольником, а вернулся—племянник перешёл в пятый класс. Андрей запомнил тот день летний день, когда дядька пришёл к ним в гости в пятиэтажный дом, где они тогда жили, что стоял рядом с новым зданием госбанка, между железнодорожной больницей и шпалозаводом. Пришёл с подарками, на вид уставший, но радостный, в сопровождении подвыпивших деда и Игоря. Запомнил Андрей, как они все стояли тогда на балконе, взрослые о чём-то громко говорили. С балкона и из окон третьего этажа были видны очистные сооружения шпалозавода и большая

труба, из которой зимой и летом стекала мутная, отливающая зелёными и синими бликами вода. Стекала прямо в пробегающий ручей, а оттуда в небольшое озеро, в котором, по словам деда, когда-то водилась рыба и, до появления шпалозавода, садились у берега пролетающие утки. Гладь и рябь озера, сколько помнил Андрей, всегда были мутными, а берега каждый год всё больше зарастали камышами. Дядька смеялся, шутил, говорил с блеском в глазах о том, что наконец-то понял жизнь и ошибок молодости не повторит. Отец Андрея кивал ему, давая понять, что, мол, верю и со всем, что говоришь, соглашаюсь. Кивали словам дяди Жени, показывая, что тоже соглашаются с ним, и мать Андрея, и младший брат отца — Игорь, и только Николай Григорьевич, видимо, не разделял их оптимизма. Улыбался, где-то кивал, но Андрей заметил: дед грустит, думая о чём-то и переживая.

О чём грустил тогда, в тот запомнившийся Андрею день, дед, внук так и не узнал. Если о дяде Жене, то напрасно. Последний срок действительно изменил дядьку. А может, возраст сказался, и стал Евгений Николаевич мудрее, и больше он опрометчивых поступков не совершал. Поумнел, в общем. Устроился на работу: сначала в строительно-монтажный поезд, но, быстро смекнув про выгоду, перебрался слесарем на мясокомбинат, одаряя иногда родственников редкими сортами колбасы или сортами обычными, но по сниженным ценам. Женился. Жена была не только его ровесницей и работала там же, на мясокомбинате, но и звали её так же — Женей. Тётя Женя появилась в поле зрения Андрея ещё при жизни его отца. Жила она в пригороде, там, куда через несколько лет повезёт впервые Андрей Алёну и где сохранилась единственная в районе церковь. Туда и переехал жить дядя Женя. Правда, церквушка его не интересовала, а вот завод по производству технического спирта, называемый гидролизным…

Сам дядя спиртиком не баловался, но, покупая его у заводских дельцов по самым низким расценкам, разводил его до сорока градусов и продавал под видом водки особо жаждущим после закрытия и до открытия вино-водочных магазинов. Он по-прежнему не дружил с законом, но был осторожен и не попадался. Через несколько лет семейной жизни он уговорил уже немолодую жену бросить работу, продать скромный домик и перебраться в город, что стоял западнее по Транссибу, на берегу большой сибирской реки и назывался Енисей-град. В Енисей-граде дядюшка сначала сам устроился сантехником в ЖКО, затем помог устроиться в эту же контору тётушке, определив её дворником, и добился служебного жилья в двухэтажном деревянном домике, который года через два пошёл под снос, и, естественно, все жители его были переселены в новые благоустроенные квартиры, которые уже не считались служебными.

Новое жильё дядя с тётей получали после возвращения Андрея из армии, накануне его знакомства с Алёной. И здесь, смекнув о выгоде, дядя Женя через мать зазывал Андрея к себе, обещая устроить на работу и прописать. Если бы Андрей согласился, то в результате сноса они получили бы двухкомнатную квартиру. Андрею в то время было не до дядиных идей и переездов, и он проигнорировал предложение.

— Зря, — сказал при встрече ему дядька, — имел бы своё право на жильё.

Тогда Андрей и эти слова дяди пропустил мимо ушей.

Бабушка разлила по тарелкам пельмени с дымящимся бульоном и пригласила внука с дедом к столу. Едва сели, послышался стук ворот, лязганье металлического затвора.

— Ну вот… Идёт… — пробурчал дед, имея в виду Игоря.

И действительно, дверь широко отворилась, и в проём её не вошёл, а влетел младший брат отца.

— Андрюха! Здорово, племяш! — едва прикрыв за собой дверь, бросился к племяннику дядька.

— А дверь кто затворять будет? — прикрикнул на него дед, сидевший ближе всех к двери. — Не лето на дворе!

— Ой, прости, батя, прости! — едва успев пожать руку вставшему навстречу дядьке Андрею, Игорь развернулся, подскочил к двери и с силой потянул её на себя. — Ну вот, мороз больше не пролезет.

Дед молча почерпнул на ложку несколько пельменей. Было видно: он недоволен, и в первую очередь тем, что Игорь выпивши.

— Ну чё ты, батя, ворчишь всё? Недоволен… Всё нормально. По весне, ближе к маю, дом начнём ремонтировать. Фундамент подниму… — Игорь подставил табуретку к столу, сев между отцом и племянником.

— Поднимешь ты!..

Николай Григорьевич поднялся, взял свою тарелку и понёс её в комнату. Сел к столу там, давая понять, что не собирается разговаривать с пьяным сыном.

— Вот ты!.. — изумился Игорь. — Сказал, подниму — значит, подниму. Ребята помогут с работы. Андрюха вот придёт. Придёшь, Андрюша?

Андрей кивнул.

— Ну вот… — вздохнул Игорь, глядя то на поставленную перед ним тарелочку с пельменями, то на Анну Веденеевну.

Было видно: он не остановится на выпитом сегодня.

— Сделаете вы… — снова заворчал из комнаты дед, — пять лет уже каждое лето талдычит: подниму, подниму фундамент, а как лето…

Игорь хотел что-то ответить отцу, но Анна Веденеевна одёрнула его за рукав, и он, махнув рукой, стал есть пельмени.

Горячие пельмешки, в меру поперчённые, с плавающим в бульоне лучком, так пришлись по вкусу Андрею, что он не отказался от добавки. Не отказался от дополнительной поварёшки и Игорь, уже успокоившийся и замолчавший. Пришёл за добавкой и дед, тоже уже спокойный и даже улыбающийся. Улыбался дед, глядя на то, как аппетитно управляется с бабушкиным кушаньем внук.

— А нет ничего вкуснее бабушкиных пельменей, правда, Андрюха?—спросил он внука, подмигнув.

— Правда,—согласился Андрей.—Я, в армии когда был, часто вспоминал бабушкины пельмени.

— И я вспоминал,—оторвался от тарелки Игорь.

— Дрова-то дома есть?—спросил дед внука, помня, что тот два дня назад приходил за дровами, жалуясь на то, что обещанную машину дров ему не везут уже две недели.

— Да пока не привезли…—вздохнул Андрей.

— Ну, выбери там с поленницы сухеньких да увези саночки,—разрешил дед.

Андрей кивнул.

— Я помогу тебе,—сказал Игорь, когда с пельменями и чаем с черничным вареньем было покончено и Андрей стал собираться.—Выберу хороших полешек.

Попрощавшись с дедом и бабушкой, в сопровождении дядьки Андрей вышел во двор.

Солнышко, наконец-то пробившееся из-за туч, отражаясь в белизне снега, сразу заслепило глаза.

— Разгулялся денёк-то,—сказал Игорь и, загнав собаку в будку, проводил племянника под навес, где в несколько рядов были уложены наколотые дрова.

— Давай санки, сейчас с верхом нагрузим,—сказал дядька и, не дожидаясь, когда Андрей возьмётся за верёвочку больших кованых санок с кошёвкой, сам подтянул стоявшие тут же санки ближе к дровам и стал укладывать поленья.

Наложив приличную горку, Игорь перетянул дрова верёвкой в трёх местах—повдоль и поперёк—и вручил верёвочку от саней племяннику:

— Ну вот. Вези.

Он проводил Андрея до ворот.

— Жаль, тебе сейчас нельзя пить,—вздохнул Игорь, открывая ворота.—А то бы бражку попробовали. Третий день уже пошёл, как поставил. Не хотел начинать, но тут у Альки водки принял, добавить требуется. А чё мне? Два выходных впереди…—то ли перед племянником, то ли перед собой начал оправдываться Игорь.

— Да нельзя мне…—сказал Андрей.—И лечусь, и неохота…

— Ну и правильно,—сказал Игорь, открывая ворота пошире.

— Ладно, пойду,—сказал Андрей, натягивая верёвку санок и стараясь осторожно выкатить их через неширокие ворота.

Однако выйти он не успел. Едва Игорь распахнул ворота, как из-за палисадника на тропинке появились Стас с приятелем.

Двоюродный брат Игоря и тоже дядька Андрея, Стас последнее время жил одиноко, сменил несколько мест работы, нередко был гостем «браневика». «У него нюх на брагу,—говорил Игорь Андрею.—Только поставлю—он тут как тут. И откуда узнаёт только?»

Вот и сейчас Стас не промахнулся.

— Во-о! И Андрюшка тут!—обрадовался Стас, пожимая руки племяннику и брату.—Здорово, Игорь!

— Да здоровее, чем ты, видали!—сказал Игорь и спросил лукаво:—Ты к матери?

— Зачем к матери? К тебе! Говорят, у тебя брага есть.

— Кто говорит?—спросил серьёзно Игорь.—Никто тебе сказать не мог. Наобум идёшь. Так вот: брага только вчера поставлена, и это просто сладкая вода. Приходи послезавтра. Я вечером с работы приду, и попробуем.

— Дай сейчас хоть по кружке,—не сдавался Стас.—Мы с Виталей помираем с похмелья.

— Ну, это не ко мне, это в магазин… Выше по Партизанской…—сказал Игорь.

Он явно не был настроен угощать брагой Стаса с приятелем.

— Ну братуха, Игорёк. Ну вспомни: я ж тебя не один раз выручал…—взмолился Стас.—Ну хоть по кружечке. Вот и Андрюшка с нами посидит…

— Я не могу,—сразу отреагировал Андрей.—Мне сегодня к врачу надо… Ещё и за ребёнком потом в детский сад…

— Ты что, от запоев лечишься?—спросил Андрея до того молчавший Виталий.

— Да вроде того…—кивнул Андрей.

— В железнодорожной?—снова спросил приятель Стаса.

Андрей кивнул ещё раз.

— Давно?

— Две недели как на сеансы хожу.

— Пора разряжаться,—сказал со знанием дела Виталий.

— Нет, нет, нет!—замотал головой Андрей.

— Да не в том смысле. Я тебе не про выпивку говорю,—улыбнулся Виталий,—не бойся ты так. Начинай пить капустный рассол. Хорошей квашеной капустки, солёной можно, ешь каждый день помаленьку, и тетурамчик рассосётся. Понял?

Андрей кивнул.

— А у меня есть капуста. Хорошая. Хочешь, Андрюха, угощу?—сказал вдруг Игорь.

— Вот-вот!—обрадовался Стас.—Пошли. Андрея капустой угостишь, нас брагой, и посидим хорошо. А то держишь в воротах. Не май же на дворе. Замёрзли уже.

— Пойдём? — сдавая, казалось, ещё минуту назад незыблемую позицию, предложил Андрею Игорь. — Посидишь с нами с часок, капусты поешь…
— Ну нет. Не сейчас. Дел много, — стал отказываться Андрей, в душе сомневаясь: а может, зайти, посидеть с мужиками, поговорить, время ещё есть, но, глянув на санки с дровами, решил всё же не идти. — Печку дома топить надо. Алёнка на смене, Саньку забрать…
— Ладно, — согласился Игорь. — Отдохни от выпивки, займись лучше творчеством, а мы пойдём брагу пить.

Он пожал руку Андрею. Стас и Виталий обрадованно и спешно тоже стали прощаться с ним, помогли выкатить санки на дорогу и махали вслед, пока он не вышел на Партизанскую улицу.

Андрей пошёл по краю проезжей части. Улица в этом месте проходила через ручей, берега которого были заболочены, и не имела пешеходных дорожек. В разгар дня на этом участке пешеходу нужно было быть осторожным: грузовые автомобили шли едва ли не сплошным потоком, и нередко приходилось идущему пешком останавливаться и даже сходить на обочину, чтобы пропустить автотранспорт. Особенно неприятно было это делать зимой, когда по обочинам лежал глубокий снег. Но на этот раз Андрей удачно проскочил неудобный участок, встретив лишь пару навстречу идущих «Магирусов». Ну, вот уже и улица Суворова, налево — городская площадь, направо — военкомат, прямо — узел связи с электронными часами, дальше — железнодорожная баня, и наконец — родная четвертушка.

Проходя мимо узла связи, Андрей глянул на часы. Они показывали начало второго: день был в самом разгаре. Выгрузив поленья в сенцах, Андрей занёс охапку дров домой, положил у печи.

«Рано ещё, наверное, топить, — подумал он. — До шести часов всё тепло выветрится. Часа через два растоплю, а пока до больницы схожу. Чем раньше вколют укол, тем быстрее отмучаюсь».

Железнодорожная больница была недалеко. Её территория начиналась сразу за стадионом ПТУ. Между двумя заборами — училища и больницы — Андрей пошёл по улице имени Валентины Терешковой к поликлинике.

Возле кабинета нарколога сидели несколько человек. Андрей занял очередь за бывшим помощником машиниста Лаповым, переведённым по причине прогулов и пьянства в подсобные рабочие на строительство нового цеха локомотивного депо. С Лаповым Андрей несколько раз работал в одной смене, и, было дело, выпивали они после работы пару раз. В общих чертах историю болезни помощника машиниста Лапова, приведшую его к наркологу, Андрей знал, как и Лапов знал историю болезни Андрея.

Врач-нарколог Галина Георгиевна пациентов долго не задерживала. Кому укол, кому таблетка, два-три общих вопроса, и — следующий. Пациенты заходили в кабинет, не снимая верхней одежды.
— А можно мне укол сегодня пропустить? — спросил врача, войдя и поздоровавшись, Андрей, не надеясь получить согласие.
— Что, тяжело? — глянула сквозь стёкла очков на пациента Галина Георгиевна.
— Тяжело, — вздохнул Андрей. — Ногу тянет потом, спать не могу… А мне теперь по городу бегать приходиться — вызывать людей на смену.
— А выпить не тянет? — спросила врач, глядя Андрею в глаза.
— Нет! Что вы! — восторженно заговорил Андрей, не отводя глаз. — Я теперь даже запах спиртного не переношу! Один на меня дохнул в автобусе два дня назад, так меня чуть прямо там не вырвало.
— Ну, это хорошо, — одобрительно кивнула Галина Георгиевна. — Так и должно быть. Ладно, пойду тебе на уступки: пропустим один укол. Придёшь послезавтра, а там посмотрим.
— Спасибо! — засветился Андрей.
— Спасибо скажешь через год после лечения, если продержишься, все искушения преодолеешь, — сказала нарколог, провожая его до двери.

Андрей вышел за территорию больницы, раздумывая: идти домой или…

«Может, до матери сходить? Зайду, попью чаю, а потом — домой, печку топить».

Он знал, что мать сейчас на работе, но дома должна была быть сестра Лена — студентка медицинского училища. Дом матери находился среди десятка других пятиэтажек в районе жилой зоны завода по ремонту дорожно-строительных машин, называемой заводским посёлком. Туда и решил идти Андрей.

Он пошёл по пешеходной дорожке мимо больничного забора, но теперь уже со стороны улицы Гагарина — одной из главных автомобильных и пешеходных артерий городка. Главной она была по правую сторону железной дороги, если ориентироваться по направлению на столицу. По левую сторону от железной дороги, разделяющей город на две части, была другая главная улица — Кирова. Её официально считали центральной городской, ибо вдоль неё располагалось несколько административных зданий, включая районный совет, райисполком и райком партии. Но городской совет, горисполком и горком партии находились на правой стороне города, едва ли не на его окраине, напротив, не так давно сооружённой здесь площади, объявленной центральной городской, как положено, с памятником танку Т-34 и трибуной для руководителей города. Площадь оживала дважды в год, в мае — первого и девятого числа. Пестрела флагами в День солидарности трудящихся и содрогалась от поступи военных на День

Победы. В эти дни оживали и многие улицы города. Колонны двигались от райисполкома по Кирова, потом мимо стадиона и парка уходили в тоннель под железной дорогой, выныривали на свет возле дома отдыха локомотивных бригад и шли по улице полководца Суворова, пересекая улицу космонавта Гагарина, на городскую площадь. На улице Гагарина, помимо больничного забора, каменного гастронома и ряда кирпичных двух-, трёх- и пятиэтажных жилых домов, ничего административного не было, но все жители правой стороны города, включая руководителей, считали её главной. До Октябрьской революции, да и после, вплоть до тридцатых годов, улица эта называлась Харинской, по фамилии сибирского купца, имевшего дом в начале улицы и лихо пролетавшего на пролётках и бричках вдоль по Харинской. Была улица с тех ещё времён всегда ухоженной и выглядела достойнее других. В тридцатых годах Харинскую назвали именем всем известного героя гражданской войны, однако вскоре бывший командарм Красной Армии попал в немилость, и улица получила имя другого героя борьбы с белым движением в России; но не прошло и полгода, как и этот командир-орденоносец был объявлен врагом народа, лишён наград и расстрелян. Власти города быстро дали улице нейтральное название, переименовав в Широкую. Улица на то время действительно была шире всех других улиц правой и левой частей города и более двадцати лет официально именовалась Широкой, хотя в народе звалась по-старому—Харинской. И только когда в космос полетел Юрий Гагарин, решение властей назвать бывшую Харинскую именем первого космонавта Земли совпало с энтузиазмом населения. Новое название сразу прижилось и начисто вычеркнуло все бывшие. Через пять лет после последнего переименования пересекающей Гагарина улице Шлакоблочной решено было дать имя первой женщины планеты, взлетевшей в космос, и теперь Андрей, выходя из дома, нередко шёл по Терешковой до Гагарина, чтобы там, на перекрёстке улиц космонавтов, решить для себя, по какой дороге идти ему дальше.

И вот он шёл в три часа пополудни двенадцатого января 1983 года по улице родного городка, носящей имя Гагарина. Прошёл вдоль больничного забора, мимо пятиэтажек, мимо дома его детства и ранней юности, вышел было уже к ручью, называемому теперь Креозоткой, и вдруг решил свернуть на бывшую Спортивную и зайти к дому матери с другой стороны.

Улица Спортивная, как и Транспортная, и ещё несколько других, появилась в городе после того, как в состав населённого пункта перешли постройки, а если точнее, бараки бывших поселенческих зон политических ссыльных. Зоны закрыли, политических отправили домой, а бараки передали городу. Бараков было много, они занимали приличную территорию вдоль железной дороги от шпалозавода до железнодорожного вокзала, подступая к улице Гагарина. Осталось на этой площади и здание управления зоной. Военное начальство сменили гражданские руководители (в большинстве—бывшие военные), а в бараки вместо подневольных поселили молодых строителей. Поскольку вольные строители занимались тем же, чем и до них бывшие жители бараков,—строили железнодорожные пути, структура в целом не поменялась, изменили только название организации: зашифрованной казённо-номерной дали романтическое имя—«Ангарстрой», а безымянным проулкам между бараками придумали названия, объявив их новыми улицами города. Одна из них почему-то стала Спортивной. Именно на ней построили первую в городе пятиэтажку, в которую поселили лучших строителей «Ангарстроя», в числе которых оказалась мать Андрея. Переезжая в новый дом накануне пятидесятилетия Октябрьской революции, отец отметил, что «не прошло и пяти лет, как они снова заехали на территорию зоны», имея в виду то, что семейная жизнь их начиналась в одном из бараков по улице Шлакоблочной. Андрей помнил некоторые моменты из барачной жизни: небольшой огородик под окном; продуктовый магазин с торца одного из бараков, возле которого всегда толпился народ; длинный, плохо освещённый барачный коридор, по которому уходила однажды в больницу мать, спрашивая их, детей—сына Андрея и дочь Ольгу:

— Ну, кого вам принести: Лену или Лёню? Братика или сестрёнку?

Андрей кричал:

— Лёню! Лёню!

Ольга говорила, как всегда, тихо и со слезами, не в силах перекричать брата:

— Лену, Лену…

И, освещая тусклый коридор радостными улыбками, через несколько дней мать с отцом принесли домой Лену. Было это почти двадцать лет назад.

А улица Спортивная полностью оправдала своё название, когда в первую городскую пятиэтажку въехали дети ангарстроевцев. В первое же лето на пустыре образовалось футбольное поле нестандартных размеров, с нестандартными воротами на нём, запрыгал по земле и молодой травке мяч, и… Через два года образовалась дворовая футбольная команда «Заря», стойко отстаивающая честь двора на своём поле, а когда приходилось, то и в разный уголках города. Ещё через два сезона «Заря» приняла участие в городских соревнованиях на приз «Кожаный мяч» и заставила считаться с собой известные детские команды города, упорно продвигаясь к пьедесталу. Сыграв нулевую ничью в финальном матче с не знающим поражений «Сибиряком», переиграла его в серии

одиннадцатиметровых ударов. Правда, к тому времени улица юных футболистов уже не называлась Спортивной. В канун очередной годовщины Октябрьской революции ей дали имя полузабытого командира местных партизан, под командованием которого сражался с колчаковцами дед Андрея.

Андрей улыбнулся, вспомнив футбольное детство и то, как он, продолжая традицию взрослеющих футболистов «Зари», набирал в команду двенадцати-, тринадцатилетних ребятишек из ближайших домов. Благо, город рос, появлялись новые пятиэтажки, в новых домах подрастали новые футболисты. Ещё два сезона, до ухода Андрея в армию, «Заря» была лидером детского футбола в городе, занимая в соревнованиях только первые места. Андрей был тренером на детских турнирах и игроком на юношеских. Юношеская сборная города, в составе которой он играл левого полузащитника, заняла четвёртое место на первенстве области: начав турнир с впечатляющих побед, неожиданно, владея большим преимуществом, обидно проиграла в полуфинале по пенальти и, расстроенная, затем уступила игру в матче за третье место явно более слабому сопернику. Тем не менее взрослые футбольные разряды молодые ребята получили, и Андрей уходил в армию спортсменом-разрядником. Правда, и его спортивный разряд, и его футбольные способности остались невостребованными в течение двух армейских лет. Служил он в дальнем полку, у границы, и утешением было то, что солдатам разрешали играть в футбол в свободное от службы время. А после армии Андрей уже больше времени отдавал творческой стороне своей жизни, разделяя её со стороной бытовой, потом семейной и, нередко бывало, праздной. Первые два года он играл в местных командах, с одной — «Локомотивом» — даже выиграл кубок отделения железной дороги, но уже той первой детской любви к футболу он больше не испытывал.

Внизу бывшая Спортивная улица заканчивалась дорогой, ведущей к новому микрорайону. Когда-то здесь, за частными домами, начиналась полевая дорога. Она шла мимо пшеничных полей к лесу и Грибановой горе, названной так по имени ещё одного местного богатого человека, имевшего там до революции заимку. На эту гору ходили в конце мая почти все ребятишки их двора. Пили воду с родника, пекли прошлогоднюю картошку на костре. А ближе к августу «на Грибашку» водила Андрея с сестрой мать — «по грибы да по ягоды». Про ягоды Андрей не помнил, а вот с грибами домой они возвращались всегда. Не зря, наверное, гора всё-таки называлась Грибановой.

По бывшей Спортивной Андрей снова вышел на Партизанскую, теперь уже в самом её окончании. Последний дом заканчивался за Креозоткой, на горке, и сразу за ним улица обрывалась, упираясь в небольшую Шпалозаводскую улицу, за которой уже начинался пятиэтажный заводской посёлок. В общем, Партизанская улица вела Андрея и к своему дому, и к дому матери, и к дому деда.

Проходя через мостик над ручьём, Андрей вспомнил недалёкое время, когда они засиживались допоздна за бутылочкой-другой с другом Хилем, а потом Гена провожал его домой. Проводы обычно затягивались до дома Андрея, от крыльца которого шёл уже обратно провожать Гену Андрей. Бывало, дело заканчивалось уже на рассвете, вот на этом самом мостике через Креозотку, по подсчётам Геннадия, являющимся серединой пути от Гены к Андрею, и наоборот.

Мысль о друге неожиданно приняла реальную окраску: едва Андрей вступил в окружение пятиэтажек, как из подъезда одной из них не вышел, громко хлопнув дверью, а выплыл Хиль.

— О-о-о! — увидев Андрея, приплясывая, с распростёртыми руками, держа в одной из них разводной ключ, а в другой верхонки, стал подходить к нему Гена. — Андрюха! Сколько зим…

Чёрная кроличья шапка Геннадия была сдвинута набекрень, лицо растянулось в улыбке, смолистые усы-скобочки приняли на физиономии форму буквы «П», которая в старом русском алфавите имела название «покой». Покой и радость выражала вся фигура сантехника завода по ремонту дорожно-строительных машин. Андрей ещё на подходе друга догадался, что тот уже принял какое-то количество спиртного, а когда попал в объятия Хиля, понял, что тот не на шутку пьян.

— Андрюха, дружбан! Сто лет тебя не видел! Ты где пропал? Спрашиваю у твоей матери: мол, где, а она толком ответить не может.

— Да здесь я… Куда ж мне деваться?.. — осторожно убирая с плеча руки Хиля, сказал Андрей.

— Ну и хорошо, что здесь! — Гена легонько ударил ладонью в плечо друга и неожиданно пригласил: — Пошли сейчас ко мне. Я тут закалымил немного у одного инженера: коньяк французский, крабы в банке, икра, шоколад. Он по загранкам мотается. Привёз импортную сантехнику: смесители, краны… Я ему поставил. Прикинь: никого не позвал… Меня! — Гена сунул ключ в карман телогрейки и хлопнул себя в грудь. — Позвонил на работу, отпросил у мастера. Нет, не отпросил, чё я говорю, наряд оформил и привёз на «жигулёнке». Я ему за час всё сделал — всю работу провернул. Теперь до завтра свободен. Ну ты же меня знаешь: просто так понты колотить я не буду. Всё оформил ему как надо. И он молодец — угостил меня по полной программе и с собой ещё дал…

— Хорошо, — сказал Андрей, подумывая, а не проводить ли ему Гену до дома.

— Пойдём, проводишь, — снова обнял его за плечо Хиль. — Я один сейчас. Надюха на работе, дети вечером со школы придут, они у меня обе

в продлённую группу ходят. Пойдём, посидим спокойно, как раньше. Вспомним молодость!

— Я ж в завязке, Ген…— вздохнул Андрей.— Прохожу курс лечения. Сейчас в самом его эпицентре.

— А я что, тебе пить предлагаю?— Геннадий развёл руки.— Посидишь рядом, пока я пить буду, а ты крабов попробуешь, чаю попьёшь…

— Ладно,— кивнул Андрей, и они пошли к дому Хиля.

Дом Хиля был тут же — за следующей пятиэтажкой. Жил он здесь с семейством третий год, а до того делил жилплощадь с тёщей в деревянном трёхквартирном доме недалеко от территории завода, имея огород и отдельный вход в свою отдельную комнату и отдельную кухню. Именно там частенько случались застольные встречи Гены и Андрея (иногда с подключением тёщи), заканчивающиеся, как правило, затемно, и именно оттуда шёл Хиль каждый раз провожать друга. Несколько встреч было и в новой квартире Гены. Андрей помогал ему с переездом и потом бывал не однажды, но долгих застолий уже не получалось. К тому времени друзья трудились на разных предприятиях, что, скорее всего, и было причиной их теперешних нечастых встреч.

Дома, в тепле, Гену развезло ещё больше. Он не успел даже налить коньяк из французской бутылки, а его уже повело. Резать сало, открывать крабов и наливать коньяк пришлось гостю. Андрей усадил хозяина за кухонный стол, поставил перед ним наполненную рюмочку.

— Давай пей да поспи ложись, а я чуток посижу и пойду. К матери зайду ещё.

— Ничего я спать не буду!— встрепенулся вдруг утухший было Гена, обвив длинными пальцами рюмку с коньяком.— Наливай себе чаю!

Андрей налил чаю, сел напротив.

— Ну, за тебя, дружбан!— сказал тост Хиль и опустошил рюмку.

— Будь здоров,— ответил Андрей, подцепив на вилку крабовое мясо и протягивая другу.

Друг закусил прямо с вилки, прожевал, потёр руки.

— Эх, Андрюха! А помнишь, как мы, бывало…

— Помню…— подтвердил Андрей, действительно вспоминая дни трёх-, четырёхлетней давности: и беседы за столом у Гены дома, и выпивки в заводском скверике, а то и на травке возле заводской столовой после получек, и путешествие в вечернее время в железнодорожный ресторан, и хождения вместе с Геной на стадион.

Особенно памятным был поход в ресторан. Андрей тогда ещё не был женат и однажды нежарким летним вечером решил заглянуть к другу. Друг был на огороде, занимался поливкой из шланга подрастающих овощей. Друзья постояли немного у калитки, выяснив, что у Андрея есть пять рублей, а у Гены пятьдесят копеек. Дома, конечно, у Гены было больше, но он домой идти не хотел, предчувствуя: если зайдёт, то жена и тёща обязательно дадут ему новое огородное задание. Гена трудился в огороде налегке — в брюках и тапочках. Оголённый торс его был бронзовым от загара, грудь — волосатой. Хиль одной рукой то поглаживал себе грудь, то разглаживал смоляные усы, а другой держал поливочный шланг. С утра и почти весь день было прохладно — потеплело лишь к вечеру, но Андрей, выходя на прогулку, на всякий случай оделся с запасом — на олимпийку набросил ещё и пиджачок. Гена прикинул пиджачок на себя. Костюмчик приятеля оказался ему коротковат как по длине, так и в рукавах, но это не смутило старшего товарища — у него уже созрел план. Пока Андрей обходил огород, Гена скрутил шланг, осмотрелся; убедившись, что за ним не наблюдают, перелез через невысокий заборчик за туалетом. Друзья — Андрей в олимпийке, а Гена в его пиджаке,— отправились прямиком к автобусной остановке. Понимая, что специализированные водочные магазины уже закрыты, а работающий до десяти вечера гастроном торгует только сухим вином и дорогим коньяком, они логично решили ехать в открытый до часу ночи вокзальный ресторан.

В начале девятого вечера молодая кондукторша автобуса, уже не чувствуя ног, сидела неподвижно на первом сиденье, лицом к салону, и редкие пассажиры шли с оплатой к ней. Друзья уселись на заднее сиденье «ЛиАЗа», и Гена, достав из грудного кармашка Андреева пиджака заводской пропуск, помахал кондукторше: «Проездной!» Та отвернулась, давая понять, что ей всё равно.

Гена решил зайти в здание вокзала со стороны перрона:

— Пусть они думают, что мы с поезда.

«Они» — это и работники ресторана, которым, как полагал Андрей, было всё равно, с поезда они или нет,— лишь бы платили, и дежурный наряд милиции, которому всё равно не было, ибо ходили слухи, что загреметь в милицию подвыпившему человеку на вокзале проще, чем где бы то ни было в городе. «Ребята сейчас на хозрасчёте,— помнится, пояснял одноклассник Андрея, белокурый Пантелеев.— За каждого доставленного и оформленного пьяного им по три рубля платят. Вот и стараются: кто больше натаскает за смену. И ходить никуда не надо: магазины закроются — люди сами на вокзал к ресторану идут, а тут эти охотники. Бамц!— и ты на нарах ночуешь. Я это хорошо знаю: сейчас там бывший наш корешок с посёлка „5-й километр“ зажигает сержантом. По кличке Кунька». Попасть к Куньке и ночевать на нарах Андрей с Геной не хотели, да и трезвые навряд ли бы ночевали там, но слышали, что уж очень хитрыми были вокзаловские менты — пропускали людей в ресторан беспрепятственно, а сами караулили

у выхода. Бывало, опять же, по слухам, Кунька и его сослуживцы выявляли выпивших, заставляя дышать им в лицо. В общем, Гена решил подстраховаться, и приятели, обогнув здание вокзала, зашли в ресторан со стороны перрона. Ресторан был открыт. Ни Куньки, ни других милиционеров в обозримом пространстве вокзаловского интерьера не было, и друзья, потянув на себя большую тугую ресторанную дверь, оказались в питейном заведении. Мог ли тогда подумать, представить себе Андрей, что через полтора-два месяца здесь же, на вокзале, недалеко от ресторана, подвыпивший, не боящийся ни Куньки, ни ночёвки на нарах, он встретит судьбу — Алёну? Конечно же, нет, а потому без лишних церемоний он и вошёл без ностальгии вслед за Хилем в здание вокзала через историческую, со стороны перрона, дверь.

Четыреста граммов водки в графине и два капустных салата обошлись им в четыре шестьдесят. Народу в ресторане было мало: кроме них, ещё три-четыре посетителя.

— А у вас тут музыка есть? — спросил Гена молодого официанта.

— Магнитофон.

— Включи там нам на сдачу какую-нибудь приятную музычку, — попросил Хиль. — А то мы с другом пятый день в поезде, а там только про железную дорогу поют.

Паренёк по имени Саша кивнул, и, пока друзья разливали и решали, за что пить, из-за стоечки бара полилась приятная мелодия.

— Поль Мориа! — узнал Гена. Улыбка озарила его счастливое лицо, глаза заблестели. — Молодец, Санёк! — похвалил он официанта и предложил держащему уже наполненный до половины фужер Андрею: — Ну, давай… Чтоб всё у нас хорошо было…

Они выпили по одной, потом по второй, съели салаты, за разговором не заметили, что музыка утихла. Вспомнил про неё Гена, когда официант, проходя мимо них, как бы между прочим спросил:

— Ребята, это не ваш поезд отправляется?

— Да нет, Санёк! — живо отозвался Хиль. — Мы с пересадкой тут у вас… Наш только ночью пойдёт… А ты ещё музыку поставить можешь?

Санёк остановился и, глядя на Хиля, стал переминаться с ноги на ногу.

— А! — догадался Гена; запуская поочерёдно руки в карманы брюк, он вытащил пятьдесят копеек, положил полтинник на стол. — Держи, друг. Поставь нам что-нибудь такое же.

— «Смоки» подойдут? — спросил Санёк.

— А кто они — «Смоки»? — не понял Хиль.

— Английская группа, — пояснил официант, — самая популярная в Европе сейчас.

— Подойдут! — сказал Андрей. — У меня дома пластинка гибкая есть с их записью, с «Кругозора». Нормально.

Гена развёл руками:

— Ну, раз друг говорит… Давай, Санёк, «Смоков».

Мог ли тогда предположить и Гена Хиль, что через каких-то полгода он принесёт на свадьбу друга не что иное, как такой же самый журнальчик «Кругозор» с гибкой пластинкой, и будет танцевать под британскую музыку до упаду?

После «Смоков» официант по собственной инициативе поставил новые записи Юрия Антонова. Друзья опустошили графинчик, но уходить не торопились, увлечённо обсуждая предстоящий матч высшей лиги по футболу: «Динамо» (Киев) — «Спартак» (Москва).

— Я тебе говорю: в Киеве «Динамо» разнесёт «Спартак», — уверял поклонник киевлян Хиль никогда не сочувствовавшего «Спартаку» и болеющего за другое, московское, «Динамо» Андрея. — Опять киевляне чемпионами будут!

— Посмотрим ещё… — только и мог сказать ему Андрей, понимая, что, кроме «Спартака», действительно никто не может составить в этом чемпионате конкуренцию киевскому «Динамо».

Почти удовлетворённые выпитым, увлечённые разговором, они не обратили внимания на появившегося в ресторане сержанта в летней милицейской рубашке и тёмных очках.

— Куда едем, товарищи? — спросил сержант, неслышно подойдя к их столику.

Друзья остановили беседу и глянули на подошедшего. Гена — развалившись на стуле как на диване. Андрей — с недосказанным словом на устах. Что-то знакомое было в облике милиционера. Несмотря на тёмные очки и форму, Андрей узнал в нём парня с посёлка «5-й километр». Он был года на два старше Андрея. Во всяком случае, когда Андрей с Пантелеевым учились в шестом классе, парень этот с рыжеватыми волосами учился в восьмом. Говорил он быстро, называл Пантелеева Вовиком, носил под мышкой портфель-папку и один раз даже, насколько помнил Андрей, играл с ними в футбол. Запомнился он Андрею более всего тем, что бегал по полю как заведённый, суетясь, часто без толку кричал, чтобы дали ему и только ему пас, и высоко задирал ноги, пытаясь остановить летящий мяч. Андрей несколько раз был в гостях у Пантелеева в посёлке «5-й километр», славившемся в городе тем, что на его территории располагался стационар городской больницы, где лечили кожных и венерических больных. Длиннющий деревянный барак был предметом шуток в городе. Попавший туда считался чуть ли не изгоем: «Он на пятом лежал…» Причём большинство горожан и знать не хотели, что, кроме венерических болезней, там лечат и кожные. Псориаз, например. Кроме «венерического барака», посёлок «5-й километр» был известен складами чёрного металла «Вторчермет» и железнодорожным тупиком, где грузили лес на экспорт.

Было там и небольшое футбольное поле. В один из сентябрьских ясных деньков и выбежал поиграть в футбол к бегающим по полю пацанам будущий сержант железнодорожной милиции Кунька. «Да, его все звали Кунька»,—вспомнил Андрей.

— Никуда не едем. Домой сейчас поедем,—сказал Гена, по старшинству вызывая огонь на себя.

— На «5-й километр» сейчас поедем,—вырвалось вдруг у Андрея.—Друга навестим.

Кунька снял очки, глянул на Андрея.

— Я тебя где-то видел,—сказал он, протирая носовым платочком стёкла очков.—Ты в заводском посёлке живёшь?

— Жил когда-то…

— Понял…—надев очки, произнёс сержант.— Узнал я тебя: Вовчика Пантелеева дружок. Футболист… Знаешь Вовика? Знаешь. Знакомый. А со знакомых у нас особый спрос…

Андрей с Геной переглянулись, не зная, как понимать его слова.

— Ну, вы закончили тут?—спросил Кунька.—Вижу: закончили. Вставайте тогда—пойдём…

— Куда?—снова принимая удар на себя, спросил продолжавший сидеть Гена.

— Пока на выход…—сказал милиционер.

Понимая, что отговорки и тем более сопротивление бесполезны, друзья поднялись: первым Гена, потом Андрей.

— Шесть рублей на нас заработает…—сказал, направляясь к двери, Хиль.

Он пошёл первым, за ним Андрей, потом Кунька.

В вестибюле они остановились.

— Вот,—сказал Кунька и показал на дверь,—вот выход из вокзала в сторону автобусной остановки. Давайте сделаем так: уже через минуту я вас здесь не вижу. Понятно?

— Понятно,—сказал Хиль и, положив руку на плечо Андрея, повёл его к выходу.

— Слушай, надо было у него денег занять…—опомнился Гена, едва они вышли на вокзаловское крыльцо.

— Ну ты чё?—изумился Андрей.—Он нас отпустил, а мы: дай денег. Он точно спрячет нас.

— Да не бойся ты,—уверенно сказал Хиль.—Раз не спрятал, уже не спрячет. Как его зовут?

— Кунька…

— Знаю, что Кунька, а по имени?

Андрей пожал плечами.

— Пошли,—решился Хиль и открыл тугую дверь вокзала, на сей раз со стороны города.

Много раз потом вспоминал Андрей этот случай и без улыбки вспомнить ни разу не мог. Это надо было видеть: выпивший высокий молодой человек в пиджачке не по размеру маловатом, наброшенном на голое тело, на треть с торчащими под рукавами голыми волосатыми руками и его приятель в синей олимпийке входят на вокзал, и высокий громко окрикивает сержанта милиции, а когда тот поворачивается—загребая на себя пятернёй правой руки, кричит:

— Эй, иди сюда!

Трудно сказать, что чувствовал милиционер, но к друзьям он подошёл. Уже не так уверенно, как в ресторане, и, наверное, с внутренней опаской, но всё же держа марку.

— Что случилось?

— Да ничего,—возбуждённый Хиль приблизился к сержанту вплотную.—Как тебя зовут?

— Сержант Куницын,—ответил слегка растерянный милиционер.

— А по имени?—осмелевший Гена положил руку на плечо сержанта.

— По имени—Виталий,—сказал сержант, убирая руку Хиля.—Что случилось? Повторяю вопрос.

Гена почесал затылок и выпалил:

— Виталя, ты можешь нам три рубля занять?

Кунька, он же сержант Куницын, он же—просто Виталя, опешил. Снял очки.

— А ну пойдём,—сказал он после паузы и потянул друзей к выходу.

— Ну, вы просто—оборзевшие!—по складам сказал он, когда они вышли на крыльцо.—Наглые, как бараны!

— Ну а чё?—продолжал наступать на него понимающий, что терять нечего, а прибрести можно, Гена Хиль.—Андрюха часто ходит тут через вокзал… Через два дня нам дадут зарплату, он занесёт.

— А где вы сейчас что возьмёте?—спросил после минутного раздумья сержант Куницын.—В ресторан я вас больше не пущу.

— Да найдём где…—сказал Хиль.

— Найдём,—подтвердил Андрей.

Кунька расстегнул нагрудный карман милицейской рубашки, достал несколько бумажек, отыскал среди них тройку, протянул Андрею.

— Вот. Ему даю… И то потому, что в детстве с ним в футбол играл. В субботу я дежурю, тогда и приносите. Трезвые. Пьяные придёте—будете загорать в клоповнике.

— Спасибо,—ещё более возбудился Хиль, снова пытаясь обнять за плечи сержанта.

— Всё, всё, всё, всё! Разбегаемся!—отстранился очередной раз Кунька от Хиля и, не прощаясь, пошёл обратно на вокзал.

«Искать новые жертвы и восстанавливать утраченную на время тройку»,—так примерно подумали о нём друзья.

— До утра он больше заработает,—вслух выразил эту мысль Хиль.

Вечер был уже слишком поздним, где-то около одиннадцати. Понимая, что сейчас не купишь даже в гастрономе, друзья решили идти по проторённому в позднее время железнодорожному пути. Городок, на треть состоящий из железнодорожников, денно и нощно кормился от железной дороги. Лучшие продукты всегда были

в магазинах железнодорожного ОРСа; дары природы — ягоду, грибы и кедровый орех — неплохо можно было продать в вагоны-рестораны проходящих поездов; там же, в вагонах-ресторанах, — правда, втридорога, — можно было купить в любое время суток и спиртное. Но знающие, экономные люди, не избалованные элитными спиртными напитками, предпочитали в позднее время идти за выпивкой не на вокзал, а подальше от него — в сортировочные парки грузовых вагонов, ибо там частенько «куковали» в ожидании формирования очередного поезда проводники с Кубани, Кавказа и из Средней Азии, сопровождающие свою винную продукцию и, как правило, торгующие вином на розлив и, как правило же, недорого. В разных местах, на разных железных дорогах страны проводников этих звали по-разному. На этой станции Восточной Сибири их называли «мишками». Если точнее, то в позднее вечернее, а то и глубоко ночное время вынырнувший из-под вагона в чётном, нечётном парках или даже на главной сортировке-горке человек спрашивал работавшего в ночную смену башмачника, составителя поездов или вагонника: где найти дядю Мишу? Это было паролем — бессменным и известным всем. Вот туда, на железную дорогу, в ближайший чётный парк вагонов, хорошо зная многолетний пароль, и отправились приятели Андрей с Геной. Хиль мял в руках полученную от сержанта Куньки тройку и вёл друга вдоль железнодорожных путей к конторе чётного парка.

Первым, кого они встретили у вагонов, был человек в оранжевом жилете, назвавшийся помощником составителя поездов. Гена спросил его про дядю Мишу, тот сначала пожал плечами, но потом, оглядев пришельцев, насколько это можно было при свете отдалённых фонарей, нерешительно заметил, что про «мишку» знает некто Лёша и он может его позвать.

— Зови! — решительно сказал Хиль.

Помощник составителя ушёл в контору, и через минуту оттуда вышел милиционер, на сей раз в звании младшего сержанта. Нельзя сказать, что друзья испугались, но в первые минуты небольшое тревожное чувство с мыслью: «Отвязались от одного мента и нарвались на другого», — посетило обоих.

— Что, мужики, дядю Мишу ищем? — спросил младший сержант милиции.

— Ищем! — ответил не желающий отступать Хиль. — Идём домой и по пути ищем.

— Ну и правильно, — сказал милиционер. — Могу помочь за угощение.

Друзья немного замялись с ответом. Потом Хиль сказал:

— У нас три рубля всего…

— Нормально! — повеселел младший сержант. — Пойдём сейчас в чётный парк, там кубанское вино на розлив продаётся. Рубль баночка пол-литровая. Как раз у нас по баночке на троих получается.

— Ну чё, идём? — спросил Гена Андрея.

— Пошли, — согласился тот. — Всё равно больше нигде не возьмём. Ночь уж на дворе…

— Пойдём! — сказал Хиль милиционеру.

И младший сержант милиции по имени Лёша повёл друзей через тоннель — вернее, над тоннелем, — к нечётному парку формирующихся на восток железнодорожных составов.

По пути совсем уж развеселившийся милиционер стал рассказывать анекдоты «про ментов», громко смеясь и матерясь. Не пройдёт и года с той памятной для Андрея ночи, как он снова встретит милиционера Лёшу в щитосборном посёлке по Партизанской улице, где поселится после свадьбы с Алёной. Лёша тоже будет жить там и, увидев Андрея, узнает его сразу и искренне обрадуется. Несколько раз он потом будет доставать в вечернее время Андрею и приходившему к нему в гости Хилю самогон и сам «причащаться» с друзьями. Чаще это будет происходить в доме Андрея, реже на крылечке Лёшиного дома. А ещё примерно через год Лёша неожиданно умрёт. Во время очередного дежурства он выпросит у одного из проводников вина, выпьет из баночки, дойдёт до конторы чётного парка, присядет, схватится обеими руками за живот и умрёт. Потом пойдут слухи. Разные. И то, что его специально отравили проводники, знающие уже не один год любившего выпить милиционера. Сговорились и отравили. Станут говорить и о том, что Лёша, перед тем как пить вино, принял какое-то лекарство, и оно дало реакцию на вино. В общем, Лёши, через год после первой встречи на железнодорожных путях ставшего приятелем Андрея и Гены, не станет два года спустя после их знакомства. На некоторое время ходьба по путям в поисках «мишек» поутихнет. Но ненадолго. Память у русского человека коротка, и когда горит его душа-душенька, не запугать его никакими травлеными винами.

Но это случится без малого через два года, а тогда Лёша привёл Андрея с Геной на нужный путь нечётного парка, постучал в дверь вагона, и она приоткрылась.

— Нам три баночки, земляк, — сказал Лёша, кивнув Хилю, чтобы тот отдал деньги.

Хиль протянул в щель тройку. Из вагона вытянулась рука и деньги забрала.

Кто там был в вагоне, Андрей не видел. Через несколько минут из приоткрытой двери рука протянула пол-литровую стеклянную баночку с тёмной жидкостью.

— Бери, — сказал Лёша Хилю.

Хиль взял, пригубил, подумал немного, а потом, не отрываясь, выпил до дна.

— Как? — спросил милиционер Лёша.

— Ну, нормально. Только не пойму: вермут это или портвейн какой-то?
— Да не всё ли равно,— махнул Лёша.

Рука приняла пустую баночку и через минуту протянула наполненную.

— Давай, друг,— кивнул Лёша Андрею.

Андрей взял баночку и, как и Хиль, сначала сделал глоток. Жидкость была тёплой, даже немного приторной, но пить и не задерживать тару было нужно, и Андрей, морщась, выпил всё, что было в баночке.

Едва он допил, как из вагонной дверной щели вытянулась рука и баночку забрала.

— Да нормально. Неплохое вино,— определил Лёша, выпив свою порцию. Едва он отдал баночку, дверь вагона захлопнулась совсем.

— Ну что, мужики? Приятно было с вами пообщаться. А теперь давайте: вам домой — баиньки, а мне на службу до утра. Чуть чего — обращайтесь. Спросите в парке Лёшу-милиционера. Всегда помогу, если на службе буду.

— Хорошо, Лёха. Будем знать,— сказал на прощание Хиль, похлопав нового приятеля по плечу.

Домой тогда друзья добрались часам к двум ночи. Гена ещё долго не отпускал Андрея возле подъезда материного дома, где тогда Андрей жил. Говорил о дружбе, о том, что как хорошо, что судьба их свела и что у них много общего. Гена так заговорил приятеля, что тот забыл о пиджаке и пришёл домой в олимпийке, получив за это нагоняй от волновавшейся и не сомкнувшей глаз матери.

Пока Андрей вспоминал историю с вечерним рестораном и ночным хождением по железнодорожным путям, Гена «приговорил» ещё рюмочку коньяку, пожевал краба и закрыл глаза.

— Спать будешь?— спросил Андрей.

— Давай, Андрюха, я прилягу на диван, а ты ещё посиди рядом. Телевизор включи. Не уходи так быстро… Редко видимся,— Хиль открыл глаза и попробовал приподняться, но не смог.

— Это разве быстро? Я уж минут сорок у тебя сижу, а то больше даже. Где у тебя часы? Время узнать надо. Мне ещё Саньку из детского сада забирать.

— В комнате… Там… На стене… И будильник в спальне,— сказал Хиль.

На улице стало темнеть, и сумерки через окно проникали в квартиру Гены Хиля, делая расплывчатыми предметы. Андрей, войдя в комнату, включил свет.

Яркие лампочки люстры ослепили на мгновение, и едва они полыхнули своим ярким светом, Андрей услышал отчётливо: «Шестнадцать тридцать пять!» Громко, на всю комнату.

— Гена!— позвал Андрей.

— Чё там?— отозвался из кухни Хиль.

— Ты что-то мне сказал?

— Ничё я тебе не говорил. Ты же время пошёл смотреть.

Андрей глянул на висевшие над столом квадратные часы с римскими цифрами и не успел ещё определить, сколько они показывают, как снова ясно и громко, почти басом, кто-то повторил: «Шестнадцать тридцать пять!»

Андрей почувствовал укол под сердцем и присел на край дивана, прижав сразу обе руки к левой стороне груди. Висевшие перед ним часы показывали 16.35.

— Чё там, Андрюха?— снова спросил из кухни Хиль.

— Да что-то сердце кольнуло,— сказал Андрей.— Сейчас посижу минутку.

— Сердце колет потому, что ты резко пить бросил,— говорил из кухни Гена.— А умные люди говорят: нельзя резко. Постепенно надо…

Второго укола не последовало, и Андрей, глубоко вдохнув и выдохнув, поднялся. Подошёл к столу, глянул на будильник. Стрелки его шли вровень со стрелками настенных часов.

— Ладно, Гена, извини. Закрывайся, я пойду. Время уже много.

— Ну, давай, братуха,— Гена с трудом, покачиваясь, попробовал ещё раз приподняться, но его снова притянуло к табуретке.

— Я бы тебя сейчас уложил, но тебе дверь закрыть надо,— сказал Андрей, помогая встать другу.

Опершись на плечо Андрея, Хиль вместе с гостем дошёл до двери.

— Ну, закрывайся давай,— дал ему команду Андрей и, открыв дверь, вышел на площадку.

Гена махнул приятелю рукой, Андрей ответил тем же, и дверь закрылась. Андрей подождал, когда щёлкнет замок, и ещё минутку — не упадёт ли друг за дверью, и только потом стал осторожно спускаться по ступенькам неосвещённого подъезда.

Дом матери был наискосок от нынешнего дома Хиля, и Андрей ещё из окна приятеля видел, что в большой комнате зажёгся свет.

«Ну хорошо, раз дома кто-то есть, то я сначала пойду за Санькой, а потом вместе с ним уж зайду в гости»,— решил он и, обогнув родительский дом, пошёл по кратчайшему пути — между пятиэтажек — к шпалозаводскому детскому саду. Этот детский сад был предопределён Саньке ещё до его рождения. На свадьбе Андрея и Алёны подруга дядьки Игоря — Нинель, произнося тост, пообещала молодожёнам устроить их будущего ребёнка в ясли и детский сад. Поскольку она много лет работала завхозом шпалозаводского детского сада, то его она и имела в виду. Туда, когда подошло время, и отдали, с помощью Нинели, Саньку.

Андрей перебежал заканчивающуюся здесь, за остановкой, улицу Гагарина, вышел на Шпалозаводскую и минут через пять был у ворот детского сада. Разбор детей уже начался. Самые нетерпеливые — чаще бабушки, реже родители — развозили в основном на саночках, реже на автомобилях по

домам своих ребятишек. Пока Андрей дошёл до детсада, совсем стемнело, и над крыльцом засветили большой уличный фонарь. Зайдя в коридорчик, Андрей сначала отыскал взглядом среди других свои санки, а потом открыл дверь в мир детства. Всегда—правда, не так часто,—переступая этот порог, он испытывал необъяснимый для себя внутренний порыв, восторг. Он будто попадал на другую планету, где всё было другое: свет, тепло, люди, предметы, склад жизни. Всё, кроме Саньки, который отправлялся на эту планету им и Алёной пять раз в неделю и вживался в этот мир, и, видимо, жил в ладу с ним, пока не появлялся он или Алёна. Едва увидев родителей, Санька, не раздумывая, без сожаления бросался из этого мира: не желая знать никого и ничего, вырывал свою руку из рук нянечки или воспитательницы и мчался к отцу или матери. Так было и на этот раз. Андрея встретила у входа всегда приветливая нянечка Женя, прозванная здесь из-за своих веснушек и рыжих волос Конопушкой.

— Здравствуйте, здравствуйте,—заулыбалась, увидев Андрея, Конопушка.—Вы сегодня рано привезли и пораньше забираете…

— Да вот, решил пораньше. Мне сегодня к восьми ещё на работу, а Алёна до восьми работает, так вот оставлю пока его у бабушки, а сам пойду печь топить, а потом заберём…

Женя кивнула.

— Сейчас я вам его приведу. Сегодня он хорошо себя вёл: и кашу всю съел, и супчик в обед, и рисовал солнышко.

Андрей улыбнулся. Ему приятно было слышать лестные отзывы о сыне.

— Жаль вот только, никак говорить не научится,—посетовала, продолжая сохранять улыбку, Женя-Конопушка.

— Да,—согласился Андрей.—Будем стараться. Учить будем.

Женя, перед тем как пойти за Санькой, ещё раз сверкнула улыбкой и блеснула схваченными в пучок золотыми волосами.

Санька вырвался от Конопушки ещё на пороге, едва открылась дверь и он увидел Андрея. Андрей схватил подбежавшего сына, поднял над головой, но сразу же поставил на пол.

— Ой, сынок, я холодный, с мороза!—улыбался он смеющемуся сыну, и Женя-Конопушка, сверкая карими глазками, сияя веснушками и блистая огненными волосами, радовалась вместе с ними.

Дома у матери их встретили сразу две Андреевы сестры: Лена, живущая там, и Ольга, приехавшая из деревни. Сестрёнки обрадовались приходу брата с племянником. Больше, видимо, племяннику, потому как обе сразу бросились раздевать и целовать Саньку.

— А мамка что-то на работе задерживается,—сказала Лена, предложив брату пельменей.

Андрей не отказался и, умывшись, прошёл с Санькой в кухню, присел у края стола, взяв сына на руки. Санька пельмени есть не стал и, вырвавшись из рук отца, побежал в комнату, к ещё не разобранной ёлке.

Пока Андрей управлялся с пельменями, сестрёнки рассказали ему, что собираются сегодня вечером на поезде в областной центр.

— Мы уж и билеты купили. В девять часов поедем на вокзал,—сказала Лена.

— Ну, счастливо вам,—пожелал Андрей, добавив:—Привет всем родным там!

— Передадим,—улыбнулась Ольга, имея в виду тётку—материну сестру и её дочь—их двоюродную сестру, тоже Ольгу, живших в областном центре.

Санька возился у ёлки с игрушками, а Андрей с сёстрами, усевшись на диване, смотрели телевизор. Шла в повторе новогодняя передача «Шире круг». Время катилось к семи вечера. Андрей решил оставить сына на сестёр, а сам добежать до дома—растопить печь и сразу же вернуться за ребёнком.

«Если в семь пойду, то до восьми успею обернуться»,—подумал он, рассчитывая, что у него есть ещё в резерве минут двадцать и можно посидеть в тепле на уютном материном диване, на котором ему не один раз приходилось и сидеть, и лежать, и даже спать.

В дверь позвонили.

— Ну наконец и мамка пришла,—бросилась к дверям Лена.

Но за дверьми была не мать. Осторожно переступая порог, в прихожую вошла Мария—подруга матери по работе.

Лицо её было раскрасневшимся, глаза—влажными.

— Андрей, ты тут?—то ли спросила, то ли сказала она тихим разбитым голосом, глядя на подошедшего к ней Андрея.

Мария теребила руками то ворот расстёгнутой на ней шубы, то пуховый платок, который держала в руках.

— Андрей… Андрей…—негромко не то звала, не то говорила, обращаясь к нему, Мария.—А мы к тебе поехали сначала домой, потом на работу… А тебя нет нигде, тогда я сюда…

Андрей, Ольга, Лена и подбежавший к ним Санька, замерев, смотрели на Марию, ожидая, что она скажет ещё.

— Андрюша! Андрюша!—вдруг закричала, заплакала Мария и, бросившись к Андрею, обняла его.—Андрюша!—Мария прижалась мокрым от слёз лицом к лицу растерянного Андрея.—Андрюша, Алёна, Алёна! Алёна попала под поезд!

Андрей отпрянул, легонько оттолкнул Марию от себя.

— Под какой поезд?—тихо спросил он, ещё не до конца понимая смысл сказанных Марией слов.

— В сортировке, на горке! — закричала Мария, снова бросившись к нему и снова обняв.
— Насмерть? — спросила Ольга.
— Насмерть! Насмерть! — закричала ещё громче Мария, оторвавшись от Андрея, и, уже не сдерживаясь, не зарыдала, а завыла.

Андрей почувствовал, как кольнуло у него в груди слева, как оторвалось одновременно с уколом что-то под горлом и покатилось вниз по телу. Он, как и ранее у Хиля, скрестил руки на груди.
— Я так и знал… — не сказал, а прошептал он сначала. — Я так и знал! Знал, что что-то такое с ней случится, — говорил он, наращивая голос! — Я так и знал! — закричал он, испугав стоящего возле его ног, вздрогнувшего от крика отца Саньку. — Я знал, что случится нечто подобное! — орал на всю квартиру Андрей, выбегая из прихожей в зал и возвращаясь обратно. — Я так и знал! — он бросился в дальнюю комнату — материну спальню — и с разбегу упал на кровать. — Я знал, что с ней что-то случится, знал! — кричал он, закрыв лицо руками и прижимаясь к подушке, заглушая крик. — Я предчувствовал! Я знал! Знал! Знал!

2.

— Я предчувствовал… Я знал… Знал… Знал… — бормотал Андрей у гроба Алёны.

Больше двух суток он ходил, сидел, лежал на кровати в полуобморочном состоянии. Рядом толпились, ходили, сидели, пытались разговаривать с ним люди — знакомые и незнакомые; он кивал, что-то говорил им, но чаще, отмахиваясь, продолжал бормотать:
— Я знал… Я знал… Я знал… Я предчувствовал, что что-то такое случится…

Он смутно помнил, как в вечер смерти Алёны, наспех накинув на себя полушубок и шапку, он бежал по Партизанской от дома матери до дома деда. Мимо своего дома, мимо узла связи, не обращая внимания на цифры электронных часов, на встречные и поперечные машины. Ему сигналили из автомобилей, он слышал и не слышал, пытаясь проскочить перед капотами.

Быстрее… Быстрее… Ещё быстрее…

Он помнил, как громко стучал в ворота, как вышел ему открыть дед, помнил, как пробормотал на кухне об Алёне, и бабушка заплакала, а зашедший в дом, уже проспавшийся после проводов гостей Игорь стал громко вздыхать и разводить руками.

Как выбежал из дедова дома снова на Партизанскую, как бежал по ней дальше, а потом свернул на Старобазарную площадь, к вокзаловским пятиэтажкам, к дому тёщи, Андрей не помнил. Не помнил, как его встретили Александра Никитовна и Лариса, как там, сразу же или чуть погодя, оказались его мать и сёстры вместе с Санькой. В памяти остались лица и люди. Много лиц и людей. Люди звонили и стучали в двери, заходили и выходили из квартиры.

Алёну привезли из морга вечером следующего дня. Приготовленный и до того стоявший у балконной двери обитый красным плюшем гроб установили на табуретки и положили её туда. Она лежала в красном гробу, в красном платье, с синими разводами на лице. Веки её постоянно открывались, как будто она хотела насмотреться перед вечным покоем на окружающих её людей, на потолок квартиры, где прожила большую часть своей короткой жизни, на мужа и сына. Муж и сын все полтора дня были рядом. Андрей садился на табурет у изголовья и бормотал, а не понимающий ничего Санька бегал вокруг, задевая стоящих и сидевших вокруг людей, наступал им на ноги, трогал венки, крышку гроба, ждущую предназначенного ей часа, а пока продолжающую стоять возле балконной двери. Иногда ребёнок резвился — дул на свечку, что богомольные старушки вставили в руки покойной Алёны, смеясь при этом и пытаясь дотянуться до пятикопеечных монет, закрывающих глаза его маме, приложенных теми же старушками. Эти монеты смущали и мучили Андрея. Но он молчал, продолжая бормотать себе под нос, отвлекаясь лишь на то, чтобы оттащить от гроба не в меру разрезвившегося Саньку. Саньку пытались поймать и увести на кухню или в спальню и Лариса, и Александра Никитовна, и Валентина Андреевна. Игра в догонялки доставляла ещё большее удовольствие ребёнку, он громко смеялся, убегал от бабушек и тётки, ловко лавируя между сидевшими и стоявшими в комнате людьми, прячась за них и между ними. Ребёнок успокаивался сам, когда пред гробом появлялись новые люди и начинали громко причитать и рыдать. Санька тогда притихал, прижимался к Андрею и с любопытством смотрел на плачущих. К рыданиям время от времени присоединялись громкие вскрики и причитания Александры Никитовны, Ларисы и приехавшей из деревни тётки Андрея — Галины.

Все полтора дня, пока гроб был в квартире Александры Никитовны, висело рядом со всеми нетерпимое напряжение. Оно летало между людьми, заполняя каждый квадратный метр, каждый уголок квартиры, и достигло своего апогея, когда угрюмые, пришедшие с мороза люди раскрыли настежь входную дверь и, сняв шапки, молча встали у гроба. Четверо мужчин неопределённого возраста, небритые несколько дней, в замусоленных полушубках, в подшитых толстой подошвой валенках, пропахшие дымом костра, молчанием своим дали всем понять: пора. Напряжение накалило атмосферу квартиры, и произошёл взрыв. Невидимый и неявный, но ощутимый всеми присутствующими. Внутри каждого находившегося в тот час в квартире человека случилось непонятное никому из них движение души и прояснение

сознания. И Андрей, смирившийся было с мыслью, что сидение у гроба жены будет для него нескончаемым, понял, что это ещё не вечность и впереди — долгая жизнь без Алёны. И Александра Никитовна, до последнего не верившая в то, что младшая дочь её — её Алёнушка — уходит от неё навсегда, словно только-только прозрела. И Лариса, никогда не представляющая свою жизнь без сестры, вдруг впервые подумала о том, что теперь она единственная дочь у матери и что Алёна ушла из дому не к мужу, а навсегда и уже никогда не вернётся и даже не придёт в гости. И Валентина Андреевна, растерянная и потрясённая смертью невестки, представила в минуту душевного взрыва сына Андрея, в одиночку воспитывающего её внука — Саньку, и ужаснулась. И дед Андрея, партизан и активист, восьмидесятишестилетний Николай Григорьевич, именно в тот миг, как никогда близко, ощутил дыхание Вечности. И дядька Игорь, уже выпивший и вздыхающий громко, словно напоказ, вздохнул особо жалостно, так, что все поверили в его искренность. И эти все, остальные, кто в большей, кто в меньшей степени, ужаснулись ещё одной смерти на земле. Очередной, привычной, но, как всегда, несправедливой, на их взгляд, и неправильной смерти.

И в первую после взрыва минуту и Андрей, и его мать, и тёща, и Лариса ринулись, окружили, поочерёдно целуя в лоб, в щёки, в губы, лежащую в гробу, но уходящую из этого дома, от них, с лица земли Алёну.

Четверо мужиков подняли гроб, протиснули в одну дверь — из зала в прихожую, во вторую — на лестничную площадку и стали неловко спускать по ступенькам с пятого этажа на первый. Мать помогла Андрею надеть полушубок, намотала вокруг шеи шарф.

— Мороз на улице... — сказала она, надевая на сына шапку, и, взяв под руку, повела к выходу.

Андрей шёл по ступенькам, продолжая бормотать. Несколько раз пытавшаяся привести его в чувство мать больше уже не делала попыток успокоить его и шла рядом, следом за остальными. Выход на свежий воздух, на солнце, на ослепительный снег ненадолго отрезвил его. Двор был усеян людьми, пришедшими проститься с Алёной. Люди толпились у машины и автобуса. Ребятишки и несколько взрослых, забравшись на деревянную горку на детской площадке, смотрели на процессию оттуда. Гроб поставили в машину-дежурку из депо. Рядом с гробом сели Александра Никитовна с Ларисой и ещё несколько человек. В будку дежурки потянулись было и Валентина Андреевна с Андреем, но кто-то участливо взял их под руки и проводил в автобус, туда же отправили сестёр Андрея — Ольгу и Лену, тётю Галю с двоюродным братом Андрея Олегом, Николая Григорьевича с Игорем. Остальные места в автобусе заняли знакомые и незнакомые Андрею люди. Среди них он узнал только Марию с мужем, её брата Алексея и четверых мужиков, выносивших гроб. Мужики встали в проходе.

— Смотри-ка, как потеплело, — сказал один из них, ни к кому не обращаясь. — То мороз, мороз, а тут чуть ли не с крыши капает. Позавчера, когда начали могилку копать, думали, замёрзнем все там — и землю не отдолбим, и костёр не поможет... А начали копать — так легко пошло... И сегодня денёк светлый выдался...

— У светлого человека и жизнь светлая, и день последний всегда светлым бывает... — сказала Мария.

Она хотела добавить ещё что-то, но, видя, что никто не поддерживает разговора, передумала. Всю дорогу до кладбища пассажиры автобуса молчали.

Андрей смотрел в окно. Вот они вывернули на улицу Локомотивную, вот проехали до Партизанской, проехали мимо маслозавода, нефтебазы, переехали переезд один, второй — возле дома, где живут Вилюс с тётей Марусей, третий — перед спуском на кладбище. Вот и оно — последнее пристанище Алёны. Автобус нырнул в низину, проехал вдоль замёрзшего ручья, потом повернул к кладбищенским воротам, немного поднявшись в горку. Узкая дорога среди могилок, зелёных сосен и голых берёзок и — остановка.

Пока люди выходили из автобуса, гроб вытащили из дежурки, установили на табуретки возле ямы-могилы, рядом поставили памятник — синюю тумбу с пятиконечной красной звездой. На тумбе была фотография Алёны, сделанная за год до замужества. Светлые глаза на светлом лице девятнадцатилетней девушки смотрели на всех собравшихся светло и спокойно. А рядом, закрытые уже навечно, без пятаков, глаза на светлом с синими разводами лице женщины, лежавшей в гробу, не видели уже ничего и никого.

Толпа приехавших на кладбище людей полукругом, в три ряда, встала возле гроба. Кто-то что-то начал говорить. Слова вырывались торопливые, спотыкались и сминались. Говоривший человек осёкся. Его подхватил другой, выговаривавший более складно. До Андрея доносились обрывки фраз: «Не дожила... недолюбила... не до конца узнала радость материнства...» Потом говорил дед — Николай Григорьевич. Говорил о несправедливости бытия, о том, что родители не должны хоронить своих детей. Слова деда с новой силой разбередили чувства Александры Никитовны, и она бросилась к Алёне, упала на гроб.

— Ну что — прощайтесь... — сказал один из мужиков, выносивших гроб и, как понял Андрей, копавших могилу.

Александра Никитовна, обняв гроб, безудержно рыдала. Её подхватили под руки, поставили,

поднесли к лицу ватку с нашатырём. Родные стали прощаться. Поочерёдно подходили к Алёне, целовали в бесчувственный лоб. Легонько подтолкнули и Андрея. Он наклонился над лицом жены, тоже поцеловал в холодный лоб, потом в обе щёки и коснулся губ. Губы не были холодными. На мгновение ему показалось, что Алёна немного подалась вперёд и ответила ему на его поцелуй — пошевелила губами. Он резко отпрянул, испугавшись, ещё раз глянул на жену и отошёл.

Испуг привёл его в полное сознание. Мысль его просветлела. Будто сонная пелена, закутывающая до того мысли, спала с него, и он стал понимать: всё, что происходит сейчас, — явь. Мир, в котором он существует, — реальный. На дворе зима, январь, снег, мороз, а он сейчас, в данную минуту, на кладбище, где хоронят его жену Алёну, Алёнку — человека, с которым он прожил три с небольшим года. Осознание того, что её уже не будет, а рядом с ним остаётся её и его Санька, подкатило слезой. Слёзы полились потоком. Он, скинув рукавицы, стал вытирать их ладонями, рванулся в сторону через сугроб и едва не ударился о берёзу. Гладенькая берёзка, согнувшись, нависала над одной из могилок, окружённой золотистой оградкой. Поднимавшийся ровно над землёй её ствол в полутора метрах сгибался и наклонялся над оградкой. Андрей одной рукой обнял в изгибе ствол берёзки, вытирая ладонью второй руки и рукавом полушубка слёзы. Тем временем в траурной толпе произошло оживление, и послышались удары молотка.

«Крышку гроба заколачивают! — дошло до него. — Зачем они это делают? Зачем забивают?!» Он вдруг представил себя в гробу, закрытым крышкой, приколачиваемой к гробу здоровенными гвоздями. Ему стало плохо, горло перехватило. А жестокая фантазия не отпускала: она подхватила его, подняла в воздух в забитом гробу и бросила в могилу, на дно, а потом стала засыпать глиной, песком, землёй. Андрей как наяву увидел молодых, гладко, до блеска на лицах, выбритых могильщиков, с улыбкою и даже со смехом работающих над ним лопатами. Он попробовал закричать, но не смог. Рот его едва приоткрылся, но звук не выходил. Он обнял ствол берёзки и медленно стал оседать. Его заметили, подбежали. Кто-то из мужчин несколько раз пошлёпал по щекам. Потом поднесли нашатырный спирт. Андрей встрепенулся, открыл глаза, посмотрел в лица склонившихся над ним и, не узнав никого, спросил:

— Вы кто?

Ему ещё раз поднесли ватку с нашатырём, он отдёрнулся, приподнялся, встал. Медленно возвращаясь в реальность, Андрей ещё раз осмотрел собравшихся и, шагнув сквозь отступившую толпу, побрёл наугад. Его догнали, помогли дойти до автобуса, помогли сесть.

3.

Его догнали, когда он упал на лестничной площадке, помогли сесть.

Он пришёл в себя на ступеньках в подъезде тёщиного дома. Рядом были мать, тётя Галя, Олег. Из квартиры вышли Александра Никитовна и Лариса.

— Ну, что с ним? — спросила Лариса.

— Да живой! — сказал Олег.

— Смотри-ка, как пятнами лицо покрылось, — подсела к нему, обняв за плечо, мать. — Зачем ты вина выпил, Андрюша? Тебе же нельзя…

В полуобморочное состояние Андрей вновь впал, когда ехал с кладбища. Он понимал, что везут его на поминки, к тёще домой. Как выходил из автобуса и поднимался по лестнице на пятый этаж, не помнил. Смутно осознавал уже в квартире: ему помогают раздеться, умыться, сажают за стол. Столы, конечно же, накрыли там, где почти двое суток стоял гроб, — в зале. А больше было и негде. «Где был стол яств, там гроб стоит, а где был гроб, там стол теперь…» — лезли в голову Андрея вольно переложенные слова классика. Его посадили рядом с Олегом, тёткой Галей и двоюродной сестрой Тоней, готовившей поминальный стол и на кладбище не ездившей.

Тоня подкладывала в его тарелочку то винегрет, то горячую картошку, то котлеты, заставляя поесть. Андрей цеплял вилкой еду, жевал, но глотал с трудом. Даже для этого сил не было. Не было ни вкуса, ни аппетита. Голода он не чувствовал. Помаленьку он приходил в себя, стал осматриваться, узнавать людей. Напротив него сидели мать, Александра Никитовна, Лариса, Мария с братом Лёшей. Чуть дальше — отчим Анатолий Васильевич, дед Николай Григорьевич, дядька Игорь, Алёнины родственники, соседи Александры Никитовны, работники вагонного депо — знакомые ему и незнакомые люди.

Первый поминальный тост вызвался сказать один из мужиков, что приходили выносить гроб. Как понял Андрей, он был старшим из них.

— Мне уже много раз приходилось копать могилы и хоронить людей, — сказал, встав, копщик. — Знаете, бывает и погода хорошая, и лето, и место вроде бы самое подходящее, и земля должна быть мягкой, как пух, а не идёт копка, сопротивляется землица — не хочет принимать человека. И бывает наоборот, как в этом случае: и зима, и мороз, и место среди деревьев — корней много всяких… Ну, думаешь, помучаемся, а нет — пошло, пошло, пошло… Можете мне верить или не верить, а я уже понял, что всё зависит от человека: как он жил, так его и земля принимает…

— А за что? За что ей такая тяжёлая смерть?! За что? — перебила его Александра Никитовна. — Ведь и не жила ещё! Грехов накопить не успела. Училась, замуж вышла, сына родила…

Александра Никитовна рванулась из-за стола, но её удержала сидевшая рядом Мария.

— Успокойся, Шура, не надо! Побереги себя хоть! Алёну уже не вернуть…

— А за что и, главное, для чего — только Господь знает, — сказал, обращаясь уже к Александре Никитовне, копщик. — И мы узнаем. В своё время… А сейчас душенька Алёнушки помыкается немного по земле и на небеса подастся — через девять небесных ворот мытариться будет.

— Ой! — снова дёрнулась было, на сей раз заплакав, Александра Никитовна.

Её снова придержали, подбежала Лариса, обняла сзади за плечи.

Копщик сел, не договорив.

— Давайте выпьем, пусть земля ей будет пухом, как говорят, — перехватил инициативу Николай Григорьевич, демонстрируя всем, что опыта руководителя у него не отнять.

Выпили, потом второй раз — и снова за путешествие Алёны в Царствие Небесное. Кто-то ещё говорил, вставая. Потом уже говорили не так громко и не вставая, с места. После нескольких рюмок разговоры потекли сразу в нескольких местах.

Андрей запомнил, что рассказывала мать. Будто накануне, примерно дня за три до случившегося, видела она Алёну во сне в красном платье. А когда узнала о смерти невестки, её словно кто-то заставил зайти в магазин одежды, где она увидела именно то платье, что было на Алёне в её сне. Она поняла, что платье это она должна обязательно купить. И она купила его, а когда одели Алёну, платье было ей впору.

— Вот как не верить после этого снам? — спросила то ли себя, то ли тех, кто был рядом и слышал её рассказ, Валентина Андреевна.

— Ешь, ешь давай, Андрюшка, — настаивала Тоня, положив в тарелку Андрея горячую котлетку.

— А может, ему выпить немного? — предложил подошедший к ним муж Тони Толик.

— Да ж ему нельзя, он лечится от этого. Ты ж знаешь! — возразила Тоня.

— Знаю! Потому и говорю. Я сам там лечился однажды и кое-что понимаю. Ему надо сейчас граммов сто выпить не задумываясь. Чисто как лекарство. Спирт разойдётся по желудку, по крови, и аппетит появится. А не то совсем дойдёт с переживаниями.

Толик говорил убедительно, жестикулируя руками, и Тоня посмотрела на Андрея:

— Может, и вправду граммов сто выпить? Со ста граммов реакция не начнётся.

Андрей пожал плечами.

— Конечно, выпить, — Толик решительно взял в руки бутылку водки.

— А может, вина? — спросила Тоня. — Не так крепко чтобы было.

— Ну, давайте вина, — согласился Толик, наливая в рюмку кагор. — Вино в этом случае не лучше водки, но, может, кагор на аппетит повлияет? Давай, Андрюха, только сразу и не задумываясь. И поешь. Закуси быстро.

Андрей так и сделал. Быстро выпил и сразу стал закусывать котлетой.

И вправду, вначале он почувствовал приятное жжение в желудке, как вино растекается по телу, доел котлету. Тоня подложила ему ещё одну, и он было подцепил её на вилку, но…

Но откусить не смог. Голова закружилась, какая-то сила внутри его тела стала подниматься к груди, к горлу, к лицу, сдавливала сердце, перехватывала дыхание. Андрей медленно накренился в сторону Олега.

— Балкон! Балкон! Откройте балконную дверь! — закричали за столом не то голосом матери, не то Ларисы. — Ему плохо! Он весь красными пятнами покрылся!

Андрей попробовал сопротивляться забирающей его силе, приподнялся, но почувствовал, как его повело снова в сторону сидевшего рядом Олега. Он устоял, удержался, рванулся из-за стола и побежал к входной двери. Перед глазами в маленькой тесной прихожей вдруг заплясали огоньки: жёлтые, красные, синие. Он, не раздумывая, побежал прямо на них и сквозь них. Потом полыхнуло пламя — костром от пола до потолка. Он кинулся в огонь, натолкнулся на дверь и тут, у двери, совсем рядом, увидел незнакомого человека в серой одежде. Лицо его было восковым, неживым, но глаза улыбались. «Открывай дверь, и пойдём…» — услышал отчётливо Андрей, хотя человек, стоявший напротив его, не произнёс ни звука. Рот его был неподвижен, губы сжаты, только блестели зрачки глаз.

Андрей рванул на себя дверь и выскочил в коридор.

Что было дальше, он не помнил. Пришёл в себя на лестнице. Олег помог ему встать, подхватил под руку, под другую руку его взяла Лариса. В сопровождении остальных вышедших в коридор они поднялись по лестнице, вошли в квартиру. Под десятком тревожных взглядов Андрея проводили до маленькой комнаты, уложили на диван, оставили одного.

Он лежал на диване в маленькой комнате тёщиной квартиры, где не один раз ночевали они с Алёной и до рождения Саньки, и после его появления на свет. Он лежал на спине в полутёмной комнатке, а мысли бегали в его голове, словно одна хотела догнать и перегнать другую. Ему вспомнилась и первая ночь, проведённая в этой комнате, когда родители Алёны уехали к родственникам, а Лариса ушла на работу в ночную смену а он остался ночевать здесь, у Алёны, в надежде уйти ранним утром. Но рано уйти не удалось. Лариса неожиданно приехала в половине шестого утра.

Открывшая ей дверь Алёна всеми силами препятствовала проходу сестры в комнату, сопровождая её то на кухню, то в спальню. Понявшая, в чём дело, Лариса сначала демонстративно громко стучала на кухне о стол тарелками и кружками, а потом часа полтора крутила магнитофон в спальне. Сон сморил её примерно около восьми часов, и только тогда Андрей смог выскочить из комнаты, бегом добежать до автобусной остановки, доехать до дому, переодеться и опять бегом же примчаться на работу. На работу он тогда опоздал. Причём прилично — на целый час, за что получил нагоняй от начальника смены. Тогда он ещё работал на заводе, вместе с Хилем. Потом вспомнился случай, когда он приехал поздней электричкой из соседнего города, где их команда «Локомотив» выиграла кубок отделения железной дороги по футболу. Они победили в финале в сумбурной, противоречивой игре, во время которой могла стать удачливой любая из двух команд. Но удача была за ними. В самом начале встречи хозяева не забили одиннадцатиметровый, при первой возможности колотили по воротам, не давая им приблизиться к своим. Первый тайм закончился без голов при подавляющем преимуществе соперников. А во втором всё поменялось. Видимо, атакующие выдохлись и с самого начала второй половины игры прижались к своим воротам. Первый гол они забили со штрафного. Удар был несильным, но вратарь вышел далеко из ворот и не смог догнать перелетевший через него мяч. Вдохновлённые, они забили минут через десять ещё один гол. Мяч закатился в ворота в результате долгих коротких перепасовок в штрафной площадке соперника. После этого хозяева сникли окончательно и играли только на отбой. Ну а третий мяч был за Андреем. Играл он в тот день плохо, как оценивал сам — ужасно. Сказывался перерыв в тренировочном процессе и то, что он всё реже и реже выходил на футбольное поле. У него в том матче не получалось ничего. Он не мог, как раньше, проскочить по самой кромке поля, мимо делающего ему подкат соперника, как часто и успешно делал раньше. Часто терял мяч в безобидных ситуациях и не давал паса, когда его необходимо уже было дать. И гол он забил скорее случайно, чем закономерно. Метрах в двадцати от ворот Андрей с мячом нарвался на защитника. Тот, отбивая мяч, угодил в Андрея, Андрей — снова в защитника, защитник ударил на отбой, но мяч срезался с его ноги и закрутился волчком. Вот по такому крутящемуся мячу Андрей решил пробить в сторону ворот. И мяч полетел, описывая такую неимоверную дугу, что вратарь, снова вышедший далеко из ворот, только проводил его взглядом до сетки. Кубок начали обмывать прямо там же — в столовой за обедом, а продолжили в электричке. За три часа следования электропоезда они выпили двадцать бутылок портвейна. Если учесть, что их было всего четырнадцать человек, а некоторые лишь пригубили вино, то доза активных выпивщиков была приличной. В общем, он не помнил, как и кто привёл его «до тёщи». Он проснулся тогда в этой маленькой комнате, на этом вот диване, а Алёна с крохотным Санькой спала рядом на кровати. Тогда ещё стояла здесь кровать. Теперь на её месте стол. Кровать разобрали и вынесли на балкон. А диван остался тот же. На этом диване два года назад умер его тесть, Василий Васильевич. Сходил с Александрой Никитовной в больницу к Алёне, когда та лежала там, беременная Санькой, под присмотром врачей. На сохранении, как все говорили. Проведал Василий Васильевич дочь, проводил жену на работу в ночную смену, купил бутылку водки, выпил полстакана, присел на диван и умер. Как установили потом врачи — лопнула поджелудочная железа. Он просидел на диване, будучи уже неживым, часа два-три, пока его не обнаружила Лариса.

Вспомнив про тестя, Андрей встрепенулся. На этом диване умер Василий Васильевич, а теперь чуть ли не при смерти лежит он. Правда, его смерть на этот раз отпустила, но… Андрей резко сел. Его охватил неведомый ранее страх. Но он не дёрнулся, не выскочил из затемнённой комнаты, а, глубоко вздохнув, удержал себя. «О чём я думаю, что вспоминаю? У меня же ведь жена умерла, я с ребёнком маленьким остался. Как жить дальше, не знаю… Про это думать надо…»

Дверь в комнату слегка приоткрылась, и в неё заглянул Анатолий Васильевич.

— Ты чё тут без света? — спросил он.

— Без света лучше… — ответил нехотя Андрей.

— Ну как? Полегчало? — Анатолий Васильевич присел рядом.

— Да отпустило вроде…

— А ты не слушай никого. Особенно этого Толика, баламута. Тебе пить сейчас никак нельзя. Не в том дело, что лечишься, а в том, что сына воспитывать надо. Одному-то тяжко придётся…

Андрей вздохнул.

— Ты давай переходи жить к матери вместе с Санькой, — продолжил наставления Анатолий Васильевич. — Что там, в бараке, мучиться, ребёнка морозить? Живите у нас — места хватит, а чуть что, так и я могу в эту щитовушку перейти. Давай прямо завтра и перебирайся к матери. Слышишь?

Андрей представил себя сначала в холодной четвертушке топящим печку, укладывающим Саньку, а потом собирающим его в детский сад, торопящимся и озабоченным, а потом светлую, тёплую, благоустроенную квартиру матери, себя за пишущей машинкой, мать, приглашающую с улыбкой к столу: «Ребята, ужин готов!» — и сделал выбор в пользу материной квартиры.

— Ну, что думаешь? Переходишь? — настойчиво спрашивал Анатолий Васильевич.

— Перехожу,— ответил Андрей.
— Ну и хорошо. Только прошу тебя: не начинай пить. С выпивкой заканчивать тебе надо окончательно.

4.

«С выпивкой заканчивать нужно. Окончательно! — думал Андрей.— Особенно сейчас, когда наступают большие перемены».

Он шёл, восторженный и весёлый, из редакции газеты. Разговор с редактором окрылил его.

На дворе стоял август. Лёгкая грусть, что до конца лета осталась какая-то пара недель, бродила между душой и сознанием, но восторг не давал грусти развиться и разливался по всем жилкам и сосудам. Андрей переходил на работу в редакцию! Корреспондентом промышленно-транспортного отдела. Накануне назначенной встречи с редактором он зашёл к деду с бабушкой, где сразу же был приглашён к столу.

— Сегодня Медовый Спас по-старинному,— сказала бабушка, подавая к чаю медок.— Обязательно должен ложечку-другую мёду съесть, чаю попить, а потом уже по делам. Тогда и удача с тобой будет и всё получится.

И действительно, всё получилось, и удача была с ним. Редактор объединённой — выходящей четыре раза в неделю на город и район — газеты Владимир Георгиевич, отец Серёги Мазина, что играл когда-то в детской команде под руководством Андрея-тренера на городском турнире «Кожаный мяч», знал его хорошо и в лицо, и по рассказам сына, и по публикациям и уже не один раз намекал о переходе на работу в редакцию. Но Андрей воздерживался, не торопился, понимая, что если он займётся газетными делами, на литературные времени останется немного.

— Я в газету статьи пишу только для того, чтобы иногда и рассказы мои публиковали,— не скрывая, говорил редактору и всем сотрудникам газеты Андрей.

Редактор и сотрудники кивали, делали вид, что понимают его, но, как потом рассказывали дружески настроенные к Андрею корреспонденты, когда он покидал стены редакции, редактор, зам и заведующие отделами пожимали плечами, спрашивая не то себя, не то друг друга:

— Что ему надо? Тёплая, чистая работа, и главное — парню по плечу! Какие ему ещё рассказы нужны? Садись, пиши статьи, репортажи, очерки, зарабатывай, участвуй в конкурсах. Вступай в Союз журналистов. В писатели всё равно не пробиться. Их в стране больше десяти тысяч… Многие хотели, и не такие, как он, но ничего не вышло.

В городе и районе ещё несколько человек «баловались» написанием рассказов и стихов. Публиковались они даже в областных газетах, но Андрей был единственным, кто попал в центральное книжное издательство, в сборник молодых писателей страны. Сборник вышел в июле, до их города ещё не дошёл, но резонанс уже был. О книге сказали в новостях центрального телевидения, написали в газетах областного центра, имя Андрея упомянули по областному радио, и, видимо, это сыграло свою роль. Редактор понял, что упускает талантливого автора, и срочно пригласил Андрея для беседы.

— Ну что, дорогой мой, я поздравляю тебя с всесоюзной публикацией,— вполне искренне говорил Андрею, улыбаясь, пожимая руку и предлагая стул, Владимир Георгиевич, небольшого роста человек, с лёгкой пролысиной.— Я в тебе не сомневался и не сомневаюсь. Виден потенциал. Понимаю: тебе бы сейчас в Литературный институт, но сам знаешь, наверное,— не время пока.

— Да, зовёт меня туда одна дама. Второй уж год на очное отделение Литинститута. Но мне сложно: ребёнок у меня, два года всего. На мать же не оставишь. Она сама ещё работает,— отвечал Андрей, присаживаясь перед редакторским столом.

— Да. У тебя и ребёнок маленький, и другие дела. Я и говорю: не время. Может, потом на заочное поступишь. А лучше на факультет журналистики в наш областной университет. А? — Владимир Георгиевич снова широко улыбнулся, теперь уже сидя в своём кресле.— И далеко ездить не надо. Вон, Валентин Григорьевич Распутин Литературного института не кончал. Ему хватило факультета журналистики. Стал ведущим нашим писателем. А начинал с газеты. И у тебя может так получиться.

Редактор сделал паузу, глядя в лицо своего будущего сотрудника.

Андрей пожал плечами:

— Не знаю. Надо подумать.

— В общем, давай так: ты приходишь к нам на работу, выполняешь данные тебе задания, в свободное время пишешь свои рассказы, повести и, если хочешь, романы, а я со своей стороны обещаю один раз в два месяца публиковать твою прозу. Либо в развороте литературного клуба, либо в субботних номерах. Кроме того, я не буду тебе препятствовать печататься в других изданиях,— сделал деловое предложение редактор.— Идёт?

— Идёт…— сказал несмело Андрей.— Только я боюсь, что у меня возникнут сложности с переходом к вам. Сейчас на станции такая нехватка кадров, а я недавно на составителя поездов сдал. Составители теперь на вес золота.

— Ничего, я поговорю с вашим начальником. Завтра у нас бюро в горкоме. Там увижу его и убедительно попрошу. Считай, что ты уже у нас в штате. Со следующей недели можешь выходить.

Андрей не шёл, а летел, порхал, парил над улицей космонавта Гагарина. Семь месяцев прошло после смерти и похорон Алёны. За это время и поменялась жизнь Андрея, и произошли некоторые

события с окружающими его людьми. Все эти семь месяцев они с Санькой жили у матери. Мать взяла на себя заботы о внуке: собирала в детский сад, часто отводила его туда и забирала сама, освобождая от этих обязанностей Андрея. Младшая сестра Лена весной вышла замуж и перешла жить к мужу. Отчим Анатолий Васильевич ближе к лету окончательно обосновался в Андреевой «четвертушке».

— Тут дышать легче. Дом деревянный, огородик. Не то что в кирпичном, каменном мешке,— говорил он, словно оправдываясь, когда Андрей заходил к нему в «четвертушку».

В трёхкомнатной квартире матери Андрей чувствовал себя вольготно, и творческие дела его пошли. Он написал для газеты несколько очерков о ветеранах Великой Отечественной войны, закончил два рассказа и взялся за оригинальную, по его мнению, повесть, дав ей определение: мистическо-бытовая. События повести развивались параллельно в двух временных отрезках. Нет, повесть не была фантастической. Она действительно была бытовой, и даже, может быть, слишком бытовой, но налёт мистики должен был, по мнению Андрея, придать его произведению особый шарм и оригинальность.

Незаметно для себя Андрей прошёл мимо железнодорожной больницы, мимо пятиэтажного дома по бывшей улице Спортивной, где осталось и, наверное, ещё жило в потаённых уголках двора и на третьем этаже второго подъезда его детство, миновал бывшее озеро, прошагал по мостику мимо креозотного ручья. Когда оказался на улице Шпалозаводской, глянул на часы. «Половина четвёртого. Может, Саньку сейчас забрать?— подумал он.—Сонный час у них в три кончается, уже где-то, наверное, играют. Заберу, чтобы потом опять не ходить».

Узкую автомобильную дорогу, являющуюся одновременно и пешеходной, ведущую к детскому саду, клубу шпалопропитчиков и проходной завода, с двух сторон поджимали высокие тополя. Зимой, особенно при неярком электрическом свете от нескольких уличных фонарей, по утрам и вечерам они выглядели как рукастые пугала, а вот летом и ранней осенью создавали настоящую аллею. Шпалозаводская тополиная аллея шумела крепкой большой листвой в такт хорошему настроению Андрея, и полёт его души продолжался.

Душа сделала очередной вираж, когда на площадке в ограде детского сада Андрей увидел золотоволосую Женю-Конопушку, с нежным и весёлым сиянием в глазах.

— Что-то вы так рано сегодня, Андрей Николаевич!—улыбнулась только ему Женя, и медные конопушки молодой ладной девушки заблестели на солнышке особым блеском, отличным от блеска её волос и глаз.

— Да вот, Женя, перехожу скоро на работу в редакцию газеты. Буду, как говорят, имидж менять.

— Ой, как хорошо!—Женя засияла ещё ярче, затмевая солнце и небо.—Давно пора вам туда, давно. Я всегда с интересом читаю ваши рассказы в газете. Как они мне нравятся! Особенно про девушку, которую вы встретили, а она полюбила вас, но потом должна была уехать. «Простая история», кажется?

— «Совсем простая история»,—поправил тоже продолжающий светиться от её улыбки и хорошего настроения Андрей.—Только не я там девушку встретил, а мой герой. Это не одно и то же, Женя.

— Да я понимаю, что не совсем там вы, но никак не могу отделить вас от того героя.

— Ну и ладно, пусть хоть так. Всё равно приятно, когда твои рассказы не только читают, но ещё и помнят содержание.

— А что сейчас пишете?—сияющая Женя смотрела ему в глаза своим горящим очарованием.

— Да-а…—поперхнулся Андрей под лучами её глаз.—Да повесть… В двух измерениях как бы. Одни и те же люди живут сразу и в наше время, и сто лет назад.

— Интересно!—Женя-Конопушка захлопала в ладоши.—Это очень интересно. А когда напечатают?

— Сначала закончить надо,—смутился Андрей.— А потом, я думаю, её не сразу напечатают. Из-за мистической линии.

— Да напечатают!—уверенно махнула рукой Конопушка.—Должны напечатать. Это же так необычно: люди живут сразу в двух временах. А вы мне в рукописи эту повесть почитать дадите? А то я уже сгораю от нетерпения.

— Ну хорошо,—снова смутившись, сказал Андрей.

— Запомню: обещали!—ещё ярче, ослепляя Андрея, улыбнулась нянечка его сына.—Я вас тут заговорила. Сейчас Саньку приведу. Он там, за домиками, в песочнице с ребятишками играет.

Женя легко и воздушно, словно балерина, повернулась и плавненько, чуть покачивая бёдрами, плечиками, головкой, пошла.

«Что ж её Конопушкой-то зовут? Она же красавица!—сделал неожиданное открытие Андрей.— И веснушки нисколько не портят ей лица. Даже наоборот! И рыжие волосы совсем не рыжие, а точно золотые. Её Златовлаской надо называть! Как в том чехословацком фильме-сказке принцессу Златовлаской звали!»

Он уже больше года водит Саньку в этот детский сад, часто видит Женю—и только сегодня вдруг посмотрел на неё по-новому. Почему не замечал раньше? Сердце его вновь запрыгало, заплясало. Волнение подступило к груди. «Стоп! Стоп. Стоп…—попробовал успокоить себя Андрей.— Это я переволновался, столько впечатлений сегодня. Надо забирать Саньку и быстро уходить.

Иначе я наговорю этой Златовласке каких-нибудь глупостей…»

А Женя уже шла к нему. Она плыла, парила по дорожке детского сада и, как показалось Андрею в тот миг, в ту минуту, даже не касалась своими босоножками асфальта. Стройная, с высоко поднятой головой, она вела за руку Саньку. И Санька—его сынок, его сокровище—казалось, тоже плавно и неторопливо парил рядом с ней и, даже увидев его, не рванулся, как бывало, вперёд и не вырвал руку из руки Златовласки.

— Ну вот и Саня наш,—сказала Женя, останавливаясь перед ним, и её улыбка и ласковый, нежный, тёплый взгляд бальзамом полились на его затихающее сердце.

Дыхание остановилось. Поток воздуха так и застыл в приоткрытых губах. Андрей смотрел в глаза Жени-Златовласки, бессознательно стараясь определить цвет её зрачков. «Карие, с зелёным отливом? Серые, со стальным? Мягко-синие, с горячим проблеском?»—мысли скакали, метались, не собираясь в логическую цепочку.

А Златовласка, улыбающаяся и уверенная, продолжала держать за руку его сына. А сын Санька, переминаясь с ноги на ногу, не пытался и, наверное, не хотел вырывать свою ручку из сжатой в кулачок ладони нянечки.

Андрей вдруг представил, как нежная, мягкая ладонь Жени касается его щеки, висков, волос, и почувствовал, что капельки пота выступили на его лбу.

— Вы, наверное, сегодня очень устали, Андрей Николаевич? Вон, вспотели уже,—продолжая улыбаться, привела его в чувство Женя.—Вам отдохнуть надо, чаю попить. Я сейчас Санькину сменную одежду из кабинки принесу. Подождите минутку.

Женя-Златовласка легко повернулась и снова пошла от него, а Андрей с Санькой смотрели ей вслед.

Окончание следует…

Евгений Минин

Поэтов командир

Чуковское

весь из солнечного света
быстроходный и прямой
в небо-небо ветер-ветер
нас уносит с головой
Евгения Ульянкина

я уже поэт московский
не пишу трудов про сыр
сочиняю как Чуковский—
отдыхает Мойдодыр
кружка-кружка, чайник-чайник,
потрясу окрестный мир
скоро стану я начальник
и поэтов командир
но смотрю—из коридора
злой рассерженной совой
на меня глядит Федора
и качает головой…

Мой дядя Петя

Мой дядя Петя—самый честный дядя.
Он занемог не в шутку от вина.
«Ты уважаешь,—быковато глядя,
Он спрашивал и спрашивал—меня».
Екатерина Ишимцева

Когда храпел мой дядя на подушке,
А я засуетилась у плиты,
Вдруг появился дядя Саша Пушкин,
Как гений мимолётной красоты.
И на меня взирая быковато,
Он произнёс, труды мои браня:
— Тебя ждёт, Катя, страшная расплата—
Раз ты не уважаешь так меня…

Сергей Кузнечихин

Конец цитаты

Шёл и удивлялся приступу оптимизма. Оказалось, что не так много и надо ему для счастья. Или хотя бы для радости. Подвернулась работёнка, за которую сразу же заплатили, без волокиты и оскорбительных выхаживаний. И всего-то. Увы. У каждого времени свои радости. Вдобавок и книжку в букинисте купил. Казалось бы, ещё месяц назад готов был отдать половину своей библиотеки за килограмм мяса и ведро картошки, а тут увидел и забылся, схватил по старой привычке, живучи они. Но не жалел. Да и не больно-то издержался, трамвайный билет дороже. Давно ли на книжной барахолке за неё пять номиналов требовали. А теперь—пожалуйста. Свободная продажа. И пиво на каждом углу, хотя крепко подорожало, в отличие от книг. И вдруг захотелось пивка. Гулять, так гулять. Мужик всё-таки. Это ничего, что плывущие навстречу девушки смотрят мимо него. Для них он староват, всё справедливо, какие могут быть претензии, если он вдвое старше, а может, и больше, чем вдвое. Сам-то он стариком себя не считает и возраста пока не чувствует. Бог с ними, с девушками. Пусть себе идут, пусть не смотрят. Да и «прикид» у него, как они тетерь говорят, совковый. Не их герой. Так он и не напрашивается в герои. Просто случился хороший день, вот он и радуется, и лёгкая грустинка очень даже к месту на этом празднике.

Пока любовался чужими девушками, прозевал поворот к пивному ларьку, но возвращаться не стал—мало ли их понаставили. Через полтора квартала увидел прилепившийся к пятиэтажке вагончик.

Вошёл и… Сколько лет, сколько зим! Однокашник! Три курса в одной комнате жили.

— Лет десять, поди, не виделись?

— Если не больше.

— Ты что, хозяин этого,—он замялся, не зная, как обозвать, и сказал якобы с юмором,—предприятия?

— Зять хозяин. Попросил подменить на пару дней. У него встреча с деловыми партнёрами.

— Теперь это так называется?

— Он вроде не бабник. Сказал, что надо. Пытаюсь верить. Я вообще в его дела глубоко не вникаю. Ты-то как?

— Как и все.

— К сожалению.

— Я особо не жалею, смирился.

— Контора-то не развалилась?

— Держится кое-как. Щиплем по мелочам. Проблема с деньгами. Сначала ждёшь, пока заказчик оплатит, потом—когда своё начальство выкроит.

— Из того, что заработал ты?

— И при этом благодетелей из себя корчат. Сами подталкивают договариваться напрямую. Недавно проектик подвернулся. За гроши сделал, но считаю, что повезло.

— У нас в институте ещё хуже. Договоров нет. Зарплаты—тоже. Предлагают увольняться, но добровольно уходить никто не хочет, надеются на сокращение и выходное пособие. Хоть шерсти клок.

— Резонно.

— А начальство, чтобы пособие это не выплачивать, заставляет сидеть от звонка до звонка. Надеется, что не выдержат и понесут заявления.

— Сволочи, измором берут.

— Именно так. Взрослых людей, серьёзных специалистов, целый день балду гонять заставляют. У меня терпенья не хватило. Написал, хлопнул дверью. Теперь у зятя на подхвате. Представь себе, как бы ты гордился в наши дни, что у тебя знакомый в пивной точке.

— Ценнейший кадр. А я, кстати, пивка зашёл выпить по случаю подачки фортуны,—он протянул деньги, и ему показалось, что однокашник несколько смутился, но деньги взял и торопливо открыл пиво, ему и себе.—Ну давай! За нас!

— За нас! И хрен с ними!

Пиво было прохладное, с лёгкой горчинкой. Жадно влил в себя чуть ли не полбутылки. Громко выдохнул, изображая удовольствие. Напряжённая получалась встреча. И он радостно вспомнил про книгу.

— Сейчас я тебя удивлю, заглянул в бук и вот что урвал,—опустил руку в сумку и выложил на прилавок томик Бабеля.—Помнишь?

— Отлично помню. Благодаря ему, стал самым заметным парнем на курсе.

— Шестидесятилетняя Манька, родоначальница всех бандитов, вложив два пальца в рот, свистнула так, что её соседи покачнулись.

— Маня, вы не на работе. Холоднокровнее, Маня.

Засмеялись и дружно приложились к пиву.
— Отлично помню. Поехал к деду в Кемеровскую область и без всякого блата купил в сельмаге.
— Это ещё до книголюбского бума?
— Или в самом начале.
— Надо было брать несколько пачек.
— На какие шиши? И, главное, не приучены были. Спекуляция не только властями преследовалась, приличные люди тоже брезговали.
— Тогда брезговали, теперь гордятся. А бум начался всё-таки попозже. Я на лекции по научному коммунизму переписывал из твоей книги рассказ «Король». Положите, прошу вас, завтра утром под ворота на Софийевскую, 17—двадцать тысяч рублей.
— Пока переписывал, выучил наизусть?
— Не весь, но самые сочные места. Даже теперь помню. Вот, послушай—он опрокидывал корову с одного удара и погружал нож в коровье сердце. На земле, залитой кровью, расцвели факелы, как огненные розы, и загремели выстрелы.
— Красиво.
— Хотел ещё один рассказ переписать, но не успел, книгу вроде как зачитали.
— Преподаватель по гидравлике.
— Дворкин, хорошо помню, я ему экзамен два раза пересдавал.
— А я с первого раза пятёрку получил. Он ещё в середине семестра, узнал от кого-то про книгу и попросил на недельку. Взял и забыл. А напомнить я постеснялся.
— Подобное стеснение квалифицируется как взятка. Надо было на комсомольском собрании тебя проработать.
— А его на партийном.

Засмеялись и чокнулись бутылками. Однокашник открыл ещё пару и поспешил предупредить:
— За счёт заведения. Пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей.
— И это помню. А вот ещё…

Поднял палец, а сказать не успел. Дверь в ларёк открылась, но сначала в неё влетел обрывок песни: «Владимирский централ, ветер северный…», а уже за нею вошли с напускной вальяжностью два бритоголовых парня в спортивных костюмах.
— Ну что уставился, не узнаёшь?
— Вроде нет.
— Не надо, папаша, не крути.
— Вы откуда?
— От верблюда! Слышал о таком?

Однокашник, видимо, о чём-то догадался. Богатое мимикой лицо его сделалось неподвижным и серым. Чужой и механический голос как будто выдавился из самой глубины.
— Я не хозяин.
— А где хозяин?
— Завтра будет… Или послезавтра.
— Что ты с ним базаришь,—занервничал второй спортсмен. Велено семнадцатого, значит, семнадцатого.

Нервозность показалась какой-то наигранной. Он повернулся на голос, даже не повернулся, а всего лишь повёл плечом. Собирался посмотреть, а может, и одёрнуть перевозбуждённого мальчика, совсем не богатырского сложения. Но его опередили. Первый удар пришёлся в основание шеи с правой стороны. Бутылка с пивом выпала из руки и покатилась по полу. Второй удар уже по левому боку, там, где почки. Он поскользнулся и не устоял на ногах. Пиво, разлитое по затоптанному полу, ещё пенилось и почему-то пахло мочой. Может, потому, что когда падаешь мордой в пол, грязь на нём приобретает особый запах, запах унижения и страха. Третий удар был уже для острастки, по прилавку, но достался книге, и она, раскрывшись на лету, шлёпнулась в пивную лужу.
— Слушай сюда! Передай своему хозяину, чтобы завтра ждал нас чисто выбритым и в парадной форме… Не слышу ответа?
— Передам,—выдавился всё тот же механический голос однокашника.
— Однозначно, завтра!—а потом уже лениво поинтересовался у напарника.—А мужика-то зачем отоварил?
— Он бутылкой на меня замахнулся.
— Показалось наверно…

Дверь после них осталась открытой. Всё тот же заунывный голос продолжал петь:

> …Но как-то под вечер в подъезде,
> К нему подкатил я слегка.
> Он нёс тебе розы, а я ему свесил
> От всей души, с левой крюка.

Потом фыркнул двигатель и песня уехала.

Он встал, поднял книгу. Страницы, намоченные пивом, уже разбухли. Первое желание было выбросить её в урну. Словно избавиться от свидетеля. Но делать это при однокашнике он постеснялся. Завернул в пакет и опустил в сумку. Рука ныла.
— Он что, резиновой дубинкой меня?
— Обрезком кабеля. Очень больно?
— Пальцы слушаются, значит, не смертельно.
— Извини, что так получилось. Удружил зятёк.

И замолчали. Не было желания ни обсуждать, ни объяснять. Поскорее разойтись и забыть. Оставалось вымучить прощальные слова, чтобы уход не показался бегством.

Зинаида Кузнецова

Дети маршала

Как-то на досуге мне пришло в голову подсчитать, сколько людей я встретила за годы своей работы в администрации города. Получилось где-то плюс-минус миллион. Нет, конечно, город наш маленький, и столько народу не наберётся, но если считать, что в день приходило примерно 50–70 посетителей, с которыми надо было поздороваться, ответить на вопрос, помочь, подсказать, отказать и так далее, то эта цифра вполне объяснима. В дни приёмов или на совещания приходило по 120–150 человек.

Вот в этом калейдоскопе встреч, лиц, знакомств, да и за давностью лет, как-то совсем позабылись друзья детства. Однажды я долго вспоминала, кто из мальчишек учился вместе со мной в начальных классах, и не могла вспомнить. Правда, легко было запутаться. После войны ребятишек в деревне было мало, в классе моей старшей сестры, 1941 года рождения, например, училось всего шесть человек. У нас было 6 девочек и три мальчика. Поэтому классы совмещали: первый класс учился в одном кабинете с третьим, а второй с четвёртым. Первоклассники сидели за партами на одном ряду, а на другом ряду—третьеклассники. В начале урока учительница объясняла урок нам, а потом переходила на другой ряд. Какая каша была в головах у детей, понятно. Помню, как стоит у доски хулиганистый пацан Огнивенко, третий год сидящий в третьем классе, мнётся, никак не может ответить, какие звери живут в Африке. Кто-то шёпотом подсказывает ему: «Негры». Он с благодарностью оборачивается к подсказчику и—гордо!—к учительнице: знаю, мол, не лыком шит, и произносит: «Ещё в Африке живут звери негры».

Мы с сестрой учились хорошо, часто награждались похвальными листами и книжками. Книга у нас в семье почиталась; наверное, единственная семья в деревне, у которой имелась небольшая библиотека, была наша. Родители наши повидали свет, поэтому мы немножко отличались от остальных. Учителя нас любили, а сверстники дразнили отличниками. Семья наша была большая и бедная. Выживали в основном за счёт огорода и подсобного хозяйства. Для нас даже сахар был большим лакомством. Насыпали его горкою на стол и макали в него смоченный водою хлеб. Вкуснота необыкновенная!

Мы, младшие в семье, несмотря на полуголодное существование, иногда капризничали, не хотели, например, ужинать. Тогда мама прибегала к крайнему средству. Она говорила, не будешь есть, душа твоя голодная улетит искать еду по соседям, облизывать их ложки. А если она прилетит к Кольке Гаврилычеву? А у него ложки-то какие сопливые! Этот аргумент действовал безотказно. Колька, наш дружок, старше нас с сестрой на два года, был на редкость сопливым. Две зелёные сосульки постоянно висели у него под носом. О Кольке у меня навсегда осталась память в виде своеобразного украшения. Мне тогда было лет пять, мы играли с ним в «домики», то есть делали углубления на покатом берегу пересохшего за лето ручья и украшали их щепочками, веточками, стёклышками—других игрушек не было. Он нечаянно насорил в моём «домике», мы тут же рассорились и разбежались, каждый поближе к своему двору. Дальше—больше. Я взяла кусок кирпича и кинула в него, но не попала. Он кинул в ответ. Сначала я ослепла, потом почувствовала страшную боль. По лицу текло что-то горячее, моё белое платьишко стало красным. Я с рёвом пустилась домой. Папа, увидев меня, побежал к соседям: убью! Мама уцепилась за него и не отпустила, слава Богу. Побежали за фельдшером, хромым Костей, которого все звали Никодимычем. Я от страха перестала реветь. Мы с сестрой боялись Костю до дрожи, до обмороков. Как только увидим, что он спускается к нам с горки, сразу прячемся в сундук, затаимся там и не дышим, пока он не уйдёт. Однажды, увидев его, направляющегося к нашему дому, я от ужаса спряталась в табак, который папа выращивал в огороде. Земля была тёплая, но сырая после ночного дождя. Костя пробыл у нас довольно долго, и я заснула. А когда проснулась, меня почему-то сильно трясло, даже зубы стучали. В дальнейшем я заболела малярией. Видно, укусил малярийный комар. Это было ужасно. Каждое утро начиналось с сильнейшего озноба—меня колотило и подбрасывало так, что стук моих зубов был слышен, наверное, за несколько метров. Меня укрывали толстым стёганым одеялом, поверх одеяла шубой и ещё чем-нибудь, но это не спасало. Потом начинался другой кошмар—меня бросало в жар, тело моё,

казалось, просто расплавляется. Лечили меня горчайшим лекарством — хиной.

К счастью, Никодимыч меня тогда не съел, а промыл и забинтовал рану и посоветовал съездить завтра в районную больницу. Но мы в больницу не поехали, а над правой бровью у меня навсегда осталась большая вмятина. А с Колькой мы опять подружились, чуть ли не на второй день.

Мы с сестрой были двойняшки. На вопрос кого-нибудь из взрослых, где же нас, таких красивых, взяли, мы с гордостью отвечали: нас папа с войны принёс. Нашего соседа Кольку с войны принесла мать. Правда, это случилось ещё до окончания войны. У Кольки было две матери: тётя Нюра, его настоящая мать, и тётка Марья, сестра тёти Нюры. Колька называл их мама и мамака. Главной в семье была мамака, строгая, неулыбчивая женщина. Кольку они обожали.

С войны в деревню принесли и ещё двух пацанов, Шурика и Толика. Они были тоже постарше нас. Шурик, веснушчатый, долговязый был моим «женихом». Так взрослые почему-то считали, может потому, что мы часто проводили время вместе, любили слушать пластинки — у них одних в селе был патефон. Чаще всего слушали Лидию Русланову, весь её репертуар знали наизусть.

Толик жил на другом краю деревни, с бабушкой. Мать его была неизвестно где, да он в ней не сильно и нуждался, бабушка души в нём не чаяла.

В селе было много сирот, почти у каждого второго война отняла отца. Я помню, как наш сосед Мишка, парень лет шестнадцати, прибежал к нам с новостью: кто-то, где-то видел отряд всадников, якобы появившийся в каком-то селении, они проскакали и скрылись, а куда — неизвестно. Его отец был кавалеристом и пропал без вести. Я навсегда запомнила тоскливую надежду в его глазах.

Кольку, Шурика и Толяна объединяла не только военная биография их матерей — у них была одна фамилия на троих. Нет, вообще-то фамилии у них были разные, даже по две. У нас в деревне по какому-то странному обычаю никого не звали по фамилиям, а только по двору, то есть прозвищами. Это повелось, наверное, потому, что в деревне было две основных фамилии, и, чтобы не перепутать, называли по-своему. Например, скажут: Николай Татаринцев — ну и что? Татаринцевых в деревне пруд пруди. А вот Коля Алдохин (по дворовому прозвищу) — другое дело, сразу ясно, о ком речь идёт. Правда, вот наша фамилия была в селе единственной, а нас всё равно называли не Китаевыми, а Денисовыми.

Несмотря на то, что у каждого из этих пацанов было как бы по две фамилии, а у Кольки даже три (в деревне судачили, что настоящая его фамилия Дадаев, и отец его — то ли калмык, то ли казах), они считали себя Василевскими. Конечно же, имелся в виду маршал Василевский. Почему именно его они выбрали в отцы, непонятно, ведь, например, маршал Жуков пользовался несравненно большей любовью и авторитетом в народе. Помню, как мы распевали частушку: «Ах, машина ехала, колёсами стукала, никогда мы не забудем товарища Жукова».

Когда кто-нибудь из старших пацанов начинал смеяться над ними, или допускались оскорбительные выражения в адрес их матерей, ребята кидались в драку, и частенько обидчики удирали с раскврашенными носами. Особенно не спускал обиды Толян. Лет в тринадцать он едва не угодил в тюрьму: при очередной драке пырнул ножом соседского Лёньку, который особенно им всем досаждал. Пока окровавленный Лёнька скулил в медпункте, Толик исчез. Мы, ребятня, до самого вечера искали его по всей деревне. Уже в сумерках обнаружили его в густых зарослях малинника в нашем саду. Он попросил принести ему хлеба и воды, что мы с готовностью и сделали. Было немножко страшновато находиться рядом с ним. Он скрывался ещё несколько дней. Приезжал милиционер из района, но мы не выдали его укрытия. Дня через три его бабушка заколола свинью и повезла в райцентр. По разговорам взрослых мы поняли, что Толикку больше ничего не грозит, и он вскоре носился по деревне как ни в чём не бывало.

Мальчишки продолжали упорно утверждать, что их отец — маршал Василевский. Доказательством тому служили фотографии маршала, вырванные из «Огонька» и других журналов, висящие в их избах. Самая красивая фотография была у Кольки.

Мы часто играли в войну, да это и понятно, война недавно закончилась, возвращались уцелевшие земляки, своими рассказами о войне, своими орденами и медалями они вызывали у нас, детей, восхищение, хотелось походить на них. Колька всегда был у нас командиром, я — медсестрой. Все ребята мечтали стать военными, а уж эта троица сыновей маршала Василевского и подавно.

Я решила посмотреть в Интернете, что стало с этими ребятами, живы ли они. И хоть с компьютером я на «вы», всё-таки обнаружила одного в социальных сетях. Вот это да! Колька, наш сосед, оказывается, стал генералом! Он, конечно, сильно изменился, трудно было узнать в этом солидном, важном, увешанном орденами офицере того скуластого, узкоглазого мальчишку, который оставил на моём лице отметину. Я знала, что он после школы поступил в военно-политическое училище, но потом я уехала из деревни, и что с ним дальше стало — понятия с тех пор не имела.

Продолжаю поиски. Нашла Шурика. Полковник авиации в отставке. Орденская планка на груди. Семейные фотографии, дети, внуки… Такой же белобрысый, лопоухий, веснушчатый… С Шуриком после школы я виделась всего лишь один раз. Я приехала в отпуск к родителям, и он тоже

был в отпуске. Ему очень шла военная форма. Каждый вечер он приходил к нам, мы сидели на отполированных временем брёвнах возле забора, болтали обо всём понемногу. Мужского интереса Шурик ко мне явно не проявлял, да и я к нему тоже. Совсем забылась детская влюблённость, когда при виде его сладко и непонятно сжималось сердце, а нечаянное прикосновение обжигало огнём. Он мне очень нравился, а ему нравилась другая девчонка, живущая на другом берегу реки. Однажды он в ледоход по плывущим льдинам перебрался через реку, к ней. Я ревновала, страдала и даже плакала. Мне было тогда двенадцать лет, ему четырнадцать.

Поразил его рассказ о том, что он нашёл всё-таки своего отца. Не маршала Василевского, конечно, но тоже военного, полковника. Окончив военное училище, в парадной форме, начищенный, наглаженный, с новенькими лейтенантскими погонами, весь из себя, Шурик решился показаться отцу. Он разыскал его в одной из станиц на Кубани, где тот жил со своей семьёй. Но отец принял его холодно. Ни малейшей искорки не только отцовской любви, но и элементарного интереса не уловил парень в глазах полковника. Разговора не получилось. Ни о матери Шурика, ни о нём самом не было задано ни одного вопроса. «Зачем ты приехал?»—только и спросил тот. И такая горькая обида сквозила в рассказе Александра, что было понятно: рана от этой встречи не зажила у него в душе до сих пор.

Третьего, Толика, в Интернете я не нашла. Созвонилась с одной из бывших одноклассниц, но она тоже мало что о нём знала. Бабушка его давно умерла, других родственников не было, особенно-то никто и не интересовался его судьбой. После армии он остался на сверхсрочную службу. Воевал в «горячих точках», говорят, даже президент Афганистана наградил его высшим орденом страны. Толик когда-то тоже хотел стать военным. Он был бесшабашным, отчаянным мальчишкой. Не терпел несправедливости и часто бросался на защиту слабых и обижаемых. Запомнился один случай. Дело было зимой. С утра у нас в доме ощущалась какая-то непонятная тревога. Выходить на улицу родители не разрешили. Даже наша собака Жульба сидела взаперти в сенях и тоже тревожно лаяла. Слышались какие-то звуки, похожие на стук доски о доску, лай собак. Мы догадывались в чём дело—приехали живодёры, отстреливающие бездомных собак. Но какие в деревне бездомные собаки—они просто живут на улице. Кто их будет держать в избе? Вдруг рядом с нашим домом послышались громкие выстрелы, собачий визг. Папа, накинув полушубок, выскочил на улицу. Мы, несмотря на запрет матери,—за ним. На снегу лежала наша Жульба. Как она сумела выбраться из сеней, непонятно. Снег под ней был ярко-алого цвета. Горячие капли крови прожигали снег, и над ямками стоял парок. Она смотрела на нашего отца глазами, полными слёз и, казалось, просила: помоги, сделай что-нибудь, ты же сильный, ты мой хозяин. Ноги её дёргались, она не в силах была поднять голову. Мы рыдали. «Вы что наделали? Это же собака не беспризорная, неужели не видно!—сказал папа, губы его тряслись.—А вы марш домой»,—это уже нам.

Один из негодяев уже поднял ружьё, собираясь добить беднягу, но Толик, тоже прибежавший на выстрелы, полураздетый, в каких-то калошах на босую ногу, бросился к Жульбе, прикрыл её своим худеньким телом и закричал: «Не трогайте, гады!» Мужики опешили. «Отойди, давай, пацан,—сказал один из них,—некогда тут возиться, нам план надо делать». Толик, с ненавистью глядя на него, снова крикнул: «Не трогай!» «Мужики, уезжайте,—сказал отец,—хватит уже, и так дел наделали. Совести у вас нет совсем». Живодёры, матерясь, уселись на сани, на которых лежали тушки убитых животных, и уехали. Собаку выходили, и она ещё долго-долго жила у нас.

Как сложилась дальнейшая судьба Толика, никто точно не знает. Может, погиб от пули душмана, может, сгорел на ликвидации Чернобыльской аварии, может, сложил свою голову ещё где-нибудь. Если он погиб, то наверняка его смерть была героической—такой он был пацан. Но хочется верить, что он жив и здоров, растит детей и внуков, любит жену, разводит цветы на даче.

Да, не посрамили мальчишки громкую фамилию.

Если бы маршал Василевский был жив и каким-то образом узнал о своих «детях», он бы, наверное, гордился ими.

За туманом ничего не видно…

В нежно-розовой юности мне довелось жить в Казахстане. Мы с подружкой решили уехать из своей деревни, а в Казахстане жила её старшая сестра. Сказано—сделано.

В то время целина была уже давно поднята, степь распахана, собирались неплохие урожаи. Строились посёлки, элеваторы, электростанции, дороги. Расстояния в степи—немерянные. От совхоза до совхоза можно ехать целый день, не встретишь ни одной живой души, только сурки, как бояре в толстых шубах, стоят на обочине.

Поселки носили название тех городов, откуда приезжали первые целинники: Минский, Одесский, Фрунзенский и так далее. Мы жили на Минском ХПП, что означало: хлебоприёмный пункт, а проще говоря, элеватор.

Двадцать домиков в степи, до ближайшей станции километров сто, только к элеватору подведена железнодорожная ветка. Дизельная электростанция, водокачка, ни деревца вокруг, ни кустика. Когда начинались бураны, на улицу старались выходить крайне редко, жизнь в посёлке замирала.

Посёлок продувался вдоль и поперёк, снег несло, кружило, возвращало, и так могло продолжаться и неделю, и две.

Весной ненадолго степь оживала, расцветали подснежники, до самого горизонта колыхалось белое море—цвёл ковыль. Кое-где в степи встречались берёзовые колки, которые росли, как правило, у болотца. Откуда брались эти болотца—непонятно, до ближайшей речки было несколько километров.

Посёлок наш был интернациональным: русские, украинцы, казахи, немцы, было несколько семей из Мордовии. Несколько позже приехали переселенцы из Белоруссии. Более мирных, добродушных и простодушных людей, чем белорусы, я в своей жизни не встречала. Делились последним куском, хотя жили очень скромно. Мне кажется, что древние наши предки, русичи, были такими.

Больше всего было украинцев, в том числе из Западной Украины. Они отличались говором, одеждой, сдержанностью. Но я с ними дружила—девушка по имени Слава—Станислава—была моей подружкой.

Приехала из Алма-Аты казашка Аня (настоящее имя Несыпбала), и все мы близко к сердцу принимали развитие отношений между нею и красивым парнем по имени Сакен, и радовались, когда они, наконец, поженились.

Директором у нас был чеченец, или ингуш, точно не знаю, по фамилии Харсиев. У него было человек 11 или 12 детей, причём скоро он привёз ещё одну такую же большую семью—женщину и её 13 детей. Говорили, что это была его сестра, но некоторые посмеивались, мол, это вторая семья, у них так принято. Все ребятишки отличались необыкновенной красотой, взрослые дочери—просто красавицы.

Первые в своей жизни цветы я получила от парня из этой семьи. Мы шли с ним вдоль железнодорожной ветки, кругом выжженная трава, глина, и вдруг около рельсов какие-то синенькие чахлые цветочки. И Хабибула нагнулся, сорвал их и подарил мне. Мне никогда до этого не дарили цветы, и я испытала какое-то незнакомое чувство, я как бы качественно изменилась внутри, даже что-то вроде гордости появилось…

Хабибула был красивый парень, приехал после техникума, работал электромехаником. Вскоре все поселковые стали звать его Хаби, он охотно откликался. Нарочно говорил с акцентом, пародировал отца, и по своему поведению был скорее русским, чем ингушом. Сёстры его тоже иногда посмеивались над отцом, конечно, в его отсутствие.

Я помню, как они с жаром обсуждали решение властей о восстановлении национального языка и письменности, о разрешении обучения на родном языке. Я по молодости лет не совсем понимала, о чём идёт речь, но радовалась вместе с ними. И все наши ребята радовались.

Нас, молодёжи, было в посёлке немного. Вечерами собирались на крылечке магазина, пели песни. Начинала всегда Алия, наполовину казашка, наполовину татарка, очень красивая девушка. Она появилась у нас неспроста. Неподалёку строился закрытый город (теперь Степногорск), там отбывал наказание её жених—русский парень Николай. Она тайком от родителей поселилась у нас, чтобы быть ближе к нему, ездила на свидания, посылала посылки. Мы принимали во всём этом живейшее участие, сочувствовали ей, помогали.

У Алии был необыкновенно красивый голос—высокий, чистый, сильный. «За туманом ничего не видно…»—начинала она, и словно птица взмахивала крылами в груди. Некоторое время никто не решался запеть. Голос поднимался в небо, летел над вечерней степью и где-то там, в необозримом далеке, растворялся. Потом начинали подтягивать другие, и долго не смолкали наши песни.

Особенно мы любили украинские песни. И до сих пор я их люблю. Мне очень нравилась мягкая украинская речь. Сначала было смешно слушать то или иное слово, а потом незаметно и сами мы с подружкой усвоили многие из них, и я уже в письмах домой писала «нема» вместо «нет»—совершенно непроизвольно.

Жили в посёлке три семьи немцев. Две сестры, на вид невзрачные, худенькие, живущие весьма скромно. Но сколько в них было доброты! Я была самой молодой девчонкой в посёлке, и меня все опекали, тем более у меня недавно умерла мама, все знали об этом и жалели меня. Сёстры Риц частенько зазывали меня к себе, кормили, и от них чуть ли не впервые я услышала и узнала многое о германской культуре, истории, народе, хотя они сами, конечно, были русскими немцами.

Был у нас молдаванин Коля Дынту, который всё хотел посмотреть, какая я буду в старости и смеялся при этом, потому что представить того кузнечика в очках старой было невозможно.

Много лет прошло с тех пор. Мне иногда снится сон: я возвращаюсь в это посёлок, хочу увидеть своих друзей, знакомых, но вокруг всё какие-то незнакомые строения, выбитые окна, пустые улицы. Нигде ни одного живого существа. Я мечусь туда-сюда, мне страшно. Вот знакомый дом, сейчас я увижу кого-нибудь… Нет, всё опять чужое, незнакомое. После этих снов на меня нападает тоска. Кажется, ну что там вспоминать—два десятка щитовых домиков да скромные жёлтые или синие цветочки на чахлой земле?

Мне всегда хотелось туда возвратиться, посмотреть, как там? Но я понимаю, что этого никогда уже не будет.

Где теперь Алия и Сакен? За границей. Где Дынту, так и не увидевший меня в старости? Когда я смотрела по телевизору репортажи из Чечни, сердце моё обливалось кровью. Я невольно искала глазами знакомое лицо — Хабибулу. Быть может, его сын стрелял в наших парней или он сам давно убит сыном Васи Лютова, его друга?

И город Степногорск, родной брат нашему городу, теперь чужой. Самая большая моя боль — Украина. Тут не хватит никаких слов, чтобы её выразить. Как же всё это случилось с нами?

У меня до сих пор хранится маленький сборничек украинских песен, которые я практически все знаю. И когда в каком-нибудь старом фильме зазвучит украинская песня, хочется плакать — от их красоты, напевности и от горечи понимания, что мы теперь — врозь.

И снова я вижу во сне тот затерянный в степи посёлочек. И нет там ни друзей, ни знакомых. И всё там порушено и запущено и скрыто за туманом раздоров, споров и обид.

И где мы когда-то были так счастливы.

Наталья Тугаринова

Из книги «Русская раса. Теорема о России»

Возвращение из эмиграции

Я не могу вдали от тебя — невыносимо —
Были пустыми ночи и дни, вёсны и зимы…
Ты моя плоть, душа моя, сердце и разум —
С первого взгляда я это знал, с первого раза!

Я эмигрант своей любви, своей Отчизны.
Но я вернусь, границам всем бросая вызов.
Скажут друзья: "Зачем идёшь — это опасно».
Заговорила кровь во мне — русская раса.

Вот я пришёл, дай руку мне, дай свою нежность —
Ты подошла и замерла, в ладонях нежась.
Сквозь времена и через все пять измерений —
Шёл я к тебе, моя любовь, мой нежный гений.

Вывод

Русская раса — Спас на крови
Русская раса рождалась в любви.

Русская раса — в тебе и во мне,
Русская раса рождалась в огне.

Русская раса — единство веры
Тех, кто ни в чём не знает меры.

Севастополь и Крым. Ветеранов строй:
«Мы — то смогли. А вы бы?»

Наш ответ стал русской весной.
Русская раса — это выбор.

— Русская раса — это каста?
— Высшая или голытьба?

— Раса единства, раса контрастов.
Русская раса — это судьба.

Ты и Россия

Ты помнишь имя моё?
Однажды меня спросили:
«Дитя, как имя твоё?»
И я сказала: «Россия».

Ты дал мне Слово, Ты дал мне Речь
И душу вдохнул в меня.
Я знала — Ты будешь меня беречь,
А я сберегу Тебя —

Твой голос, сердце и этот лик —
Любимый, знакомый, родной.
Ты слышишь мой шёпот,
Ты слышишь мой крик,
Ты даже далёко — со мной.

Враги приносили горе и смерть,
Пытки, угрозы, насилие…
Спросили: «Как имя твоё, ответь?»
И я сказала: «Россия».

Так было от века. Так было не раз.
Но Ты приходил в решающий час…
И снова пришёл и сегодня спас
Меня, моё сердце, нас.

Мы вместе — в прозе, в стихах и песнях.
Единство слова, единство чести.
Мы вместе — руки, сердца и нервы —
Единство крови, мысли и веры.

Я верю — Ты самый сильный.
Я верю — Твой Космос нов.
Ты знаешь, что я — Россия
Ты знаешь, что я — любовь.

Франциск Сент-Джордж

Обезьянки мне понравились

— Я была в вашей стране,— сказала польская дама на английском.— В семьдесят втором.

Я родился в семьдесят втором. 1972 год н. э. был хорошим годом, чтобы родиться.

— Мы посетили обезьяний питомник, на юге.— Она говорила с сильным, мелодичным славянским акцентом.— Питомник был в лесу, и обезьяны бегали повсюду, совершенно свободно! Качались на ветках! Ссорились!

Я знал об этом питомнике. Это был огромный вивариум, под открытым небом, принадлежавший государству, в ведении местного Института субтропических исследований, почти в самом сердце города. Специалисты со всего мира признавали и высоко ценили научные программы Института. Питомник был открыт публике, за входную плату (символическую).

— Мне понравились обезьянки!— сказала пани, мечтательно.— Их так много было! Сотни! На деревьях! Карабкающихся по скалам! Плескающихся в маленьких прудах! Шумный народец — ах, такой шумный! Писку, визгу!

— Я тоже побывал там, когда был ребёнком,— я сказал.— Мне было лет восемь. И потом, позже, тоже… посетить пришлось…

Обезьяны, всех видов и размеров, приобретались в дружественных африканских странах, недавно завоевавших независимость и решивших избрать социалистический путь экономического развития. Большинство приматов передавалось нашей стране в дар, «безвозмездно».

— О, посетили?!— воскликнула полька.— Ну и как, обезьянки-то, понравились?

В 1992-м, ровно через двадцать лет после своего рождения, я смотрел в полевой бинокль на лес вивариума. Лес был безмолвен в полуденной жаре. Строения Института казались пустыми; ослепительно-белые стены над выбитыми окнами и дверьми были обуглены.

Группа сепаратистов играла в футбол с горцами-добровольцами на лугу, возле отдалённого строения на опушке хвойного леса. Это строение подверглось наименьшим повреждениям во время боевых действий.

Видно было, что добровольцы играют лучше — техничнее, агрессивнее. Они были к тому же старше; многие с бородами. У всех игроков без исключения были тёмные от загара лица и белоснежные туловища. Их гимнастёрки были сложены на сочной зелёной траве луга в кучки, заменяющие командам столбы ворот. Гоняли мяч они азартно, били по нему беззвучно (на таком расстоянии просто не было слышно…).

Мячом им служила отрезанная обезьянья голова. Или человечья. На голове были волосы и уши, но потому что она была запачкана бурыми пятнами, я не мог с уверенностью сказать, какого она происхождения. А знать хотел.

Снайпер-блондин, расположившийся рядом, держал в руках мощный оптический прицел; он снял его со своей немецкой винтовки. Он не любил, чтобы его инструмент трогали. Может считал, что это принесёт ему неудачу. Не знаю. Он неподвижно смотрел в прицел.

Я взглянул на него. Тусклые волосы, гармонирующие с сухой, выгоревшей на солнце травой холма; выцветшая, цвета хаки, униформа. Сливался с окружающей средой он идеально.

Пот ручейками стекал мне в глаза. Я раздражённо утёрся. Блондин был удивительно спокойным парнем, всегда сдержанным. И неразговорчивым.

— Слушай, что они гоняют-то?— я спросил.— А?

Он ответил после долгого, неприятного молчания, не отрываясь от прицела.

— Обезьянью голову гоняют.— И неожиданно продолжил:— Если посмотришь на БМП, что возле сосновой рощицы стоит, увидишь силуэт маленькой обезьянки на броне. Привязана она там, чем-то типа бельевой верёвки. Они, должно быть, поймали сегодня пару обезьян в лесу, утречком…

Я был удивлён. Количеством произнесённых слов. Его предположением, что в лесу питомника всё ещё есть обезьяны. Я слышал, что практически все они были изловлены, когда город был захвачен и оставлен десяток раз воюющими сторонами; что небольших, мартышек, держали в качестве талисмана в пехотных и танковых подразделениях, а покрупнее — продавали в порту за границу; остальных просто убили, развлекаясь, стреляя в лесу, как в тире.

— Вчера у них не было этой мартышки,— сказал снайпер.— Видно, решили обзавестись… И совсем крошечную я видел, в джунглях, на свободе пока

что, несколько минут назад. Маленьких трудно заметить.— Он хмыкнул:— Крошка, которую я засёк, должно быть, перескочила через несколько эволюционных этапов за этот год: она явно научилась существовать бесшумно, как кошка. Такое поведение, э-э-э, было бы интересной темой для докторской диссертации…— он усмехнулся:— если бы от этого Института что-то осталось…

«А какие эволюционные этапы ты-то перепрыгнул, чтобы начать так вот словоохотливо говорить?»— подумал я. Моё удивление перешло в неприязненное изумление.

Вообще-то я ему завидовал. Дико. Чёрной завистью. Его безмятежному характеру. Его матовой коже— сухой как пергамент. Тому, что он явно не против был находиться здесь и сейчас. Что у него есть этот ё… мощный прицел. Всему завидовал! И, оказывается, он ещё и образован. По речи видно.

Я попытался сглотнуть сухой ком, застрявший в горле. Приложил к потному лбу мокрый, вонючий рукав рубашки. Нательный крестик и цепочка, касающиеся моей груди, вызывали раздражение потеющей кожи; на моей волосатой груди появлялось всё больше сыпи. Чесалось страшно, с ума сводило. Но снять распятье я не мог, никак,— это может неуда…

— Месяц назад,— вымолвил блондин,— тут только добровольцы были— эти горцы.

Я заметил, что он, говоря, наблюдает за футбольным матчем в прицел— и даже комментирует: едва слышно выдохнул «ну, давай, б…». А ведь я тоже пару минут назад был оценивающим зрителем… Как я его ненавижу, б… болельщика этого!..

— …и,— он продолжил ровно,— тогда они играли с головами пленников. Отрезанными от тела бóшечками, м-да… Дело они это лю-ю-бят, дети гор: ритуальные усекновения главы— с молитвочками, с песнопениями их заунывными. Ну, ты знаешь,— он осклабился,— штучки их исламистские…

Он повернулся ко мне. У него были вылинявшие голубые глаза. Почти белые. И такие же пустые, как полуденное небо над нами.

— Они стараются не заниматься такими прелестями в присутствии сепаратистов— местные-то, они типа, нэжны пирожны… Ха!

Он отвернулся к своему прицелу. Замер. Неподвижное, единое целое с выжженной природой холма существо.

Я мог бы под рубашкой майку носить, чтобы от распятья защитить кожу. Но в этой дикой влажной жаре, проклятой, ещё один слой одежды…

Я поскрёб грудь, медленно поднял полевой бинокль, стал искать бмп.

Она сидела на облупленной краске брони. И вправду маленькая обезьяна. Обезьянка. Вокруг её шеи была обвязана белая верёвка. Сидела она, ссутулившись, на скате, в тени высоких сосен опушки. Вдруг она привстала, подняла плечи, вскинула правую руку, схватила верёвку и резко отвела голову назад. Верёвка, натянувшись, дёрнула её голову. Мартышка притронулась (на этот раз робко) к верёвке, словно пытаясь умиротворить наказывающую, жестокую руку. Притронулась ещё раз. Отпустила верёвку. Сгорбилась на железе ската. Осталась сидеть. Неподвижно, безвольно.

— Конечно!— сказал я польской дамочке, улыбаясь.— От обезьянок я был в восторге! И вообще, тогда у нас, попозже, в 80-х, были и Олимпийские игры— вы помните, наверно— и… Ах, то были хорошие времена! Много чего замечательного, знаете ли, было… А от обезьянок я был просто без ума!!!

Инна Халяпина

Мы говорим — нас слушают

Я сижу у компьютера, и мои глаза от усталости сходятся в одну точку. Они скоро поменяются местами. А потом я сама займу место в психушке, что было бы естественным завершением всего, что в последнее время со мной происходит.

На это место меня пристроила Илона, я имею в виду не психушку, а у компьютера.

А ведь не всё так плохо, во всяком случае, территориально, так как сижу я в шикарном помещении, в историческом здании с нарядной лепкой и витыми лестницами, и доской, гласящей, что эта красота находится под охраной государства.

Из окон виден старый город, его сказочная декорация. И башенные часы мелодично отбивают время и создают настроение.

И всякий раз я могу перевести взгляд от своего компьютера и всё это увидеть и услышать. Но я не умею радоваться малому и думаю о том, чем кончатся мои попытки хоть как-то устроиться в этой жизни и начать зарабатывать деньги, потому что вид из окна — условие желательное, но недостаточное.

Илона даёт мне уроки карьерного роста, она считает, что я должна сначала завоевать авторитет, показать, на что способна. А уж потом, когда все переполнятся восторгом и благодарностью, меня обязательно возьмут на работу. На контрактной основе, конечно, и неизвестно, надолго ли. А как по-другому? Здесь капитализм.

Мне помнится, как я однажды уже зарабатывала авторитет в одной вполне приличной фирме, где на меня скинули работу, которую никто не хотел делать. Сидела от зари до зари, не считаясь с личным временем и собственным достоинством. Ну и что?

Подарили букет цветов и попрощались с виноватой улыбкой. Тогда я дала себе слово — никогда больше авторитет не зарабатывать, а только — деньги.

Надо когда-нибудь написать об обещаниях, которые мы даём себе на протяжении всей жизни…

Отворилась дверь, и зашла Илона, и прервала мои беспокойные мысли. От компьютера тоже пришлось оторваться, так как Илона занимает собой всё пространство, из которого не вырвешься, тем более когда у неё плохое настроение.

Илона похожа на породистую гривастую лошадку, правда, немного недокормленную.

Но в этом весь шарм. Сейчас она выглядит расстроенной и подавленной. У неё к настоящему моменту её жизни накопилось к этой самой жизни много претензий, которые она готова прямо сейчас вывалить на мою голову, совершенно не учитывая, что у меня полно работы и мне надо зарабатывать авторитет.

Илона излагает чётко и по пунктам.

Во-первых, шеф, этот городской сумасшедший, который скурился до последней стадии дистрофии, совершенно не думает о своих подчинённых, в том числе и о ней. А у неё через два месяца кончается контракт. И что будет дальше? Об этом он не думает, он думает только о своих никому не нужных проектах, над которыми смеётся весь город. Превратил свою жизнь в театр. Он же театральный режиссёр! У него была труппа! И где теперь этот театр? Где его актёры? Наверное, умерли с голоду. И теперь он хочет, чтобы ему подыгрывали мы. Пашем на него, и ты, кстати, тоже, а он, конченый эгоист, принимает всё как должное. Вырядился в свою паршивую юбку и подметает ею улицы, и думает, что он таким образом интересен.

Илона с тяжёлым вздохом уселась на подоконник. За окном поздняя готика чертит свой строгий контур, и Илона с копной медных волос особенно эффектна на фоне такой зарисовки. Но сейчас не об этом.

Сейчас Илона переходит к следующему пункту.

Во-вторых, на банковском счёте у неё ноль, за квартиру уже два месяца не плачено, потому что зарплату задержали. По вине шефа. Но ему этого не понять, так как у него даже квартиры нет, живёт божьей милостью в каком-то монастыре. И это тоже часть его имиджа, то есть театра, и все должны этим восхищаться. Какая тоска!

Но и это ещё не всё. Гражданский муж в последнее время ведёт себя странно. Он не смотрит, а поглядывает, причём исподтишка, как будто замыслил аферу, то есть измену, и надо ждать удара в спину. Опять! А ведь она наивно полагала, что уже пришла к окончательному варианту своего счастья. Сколько времени и сил потрачено впустую! Видел бы кто-нибудь, что ей досталось! Пришлось работать над стилем, манерами

и социальным статусом. Прожила четыре года с мерзавцем! Прямо так и сказала.

Между прочим, Илона из профессорской семьи, но когда сдают нервы, то не до этого.

И она продолжала.

В довершение всех несчастий через два дня приезжают родственники из дальнего зарубежья. Как снег на голову, как гром средь ясного неба, как экологическая катастрофа! Потому что, когда на счёте ноль и любовник в состоянии вот-вот слинять, то гости нежелательны вдвойне.

Илона ждёт моей реакции, моего сочувствия, а может быть, и участия. Но у меня на всё это нет сил. Я думаю только о том, что если я не успею закончить презентацию для выставки нашему ненормальному шефу, то это пошатнёт мой авторитет. И прощай светлое будущее.

И ещё я думаю о том, что через час придёт ВВ и надо будет ехать на городское радио, откуда мы вещаем по понедельникам. Я и в это влезла.

Илона говорит, что это хороший выход к общественности, только зачем он мне нужен, я пока не знаю, может быть, тоже для авторитета.

ВВ — это друг. Или я принимаю желаемое за действительное. Но уж точно не враг, что тоже не мало, потому что тот ограниченный круг общения, с которым здесь приходится мириться, доброжелательности не предполагает. Все зовут его ВВ, потому что ему самому так нравится. Мы с Илоной всячески поддерживаем в нём веру в талант. ВВ талантлив до боли в подсознании, до боли потому, что сознание нам диктует неутешительные прогнозы. Перевожу на человеческий язык — до боли жалко невостребованный талант. И хоть из меня жалельщица никакая, но на радио я пошла из-за ВВ, не хотелось разрушать его и без того слабую веру в перспективу этого мероприятия.

Зашёл шеф, и одновременно часы за окном напомнили о том, что время идёт вперёд.

А у меня ещё ничего не сделано, и даже хуже, я делаю так, как может не понравиться шефу.

У нас с ним разные вкусы, то есть он считает, что у меня вкуса нет вообще. Только в одном мы совпадаем — он носит юбку, и я тоже.

Шеф интересуется, как идут дела? И я вру, что всё в порядке, и к завтрашнему утру презентация будет готова. В глазах у него промелькнуло сомнение, не такой уж он сумасшедший, чтобы не заметить моей неуверенности. Я даже запаниковала и подумала, что будет, если он сейчас попросит показать то, что я уже успела сделать.

А чего мне, собственно, бояться? Что он мне, деньги платит?

В это время зазвонил телефон, и это его отвлекло. Звонила важная дама из министерства, от которой многое зависит. У шефа сразу изменился тон, и он заговорил с ней просительно и выбирая слова. И куда только делось его хамское высокомерие?

Илона при этом показушно вышла, грохнув дверью. Вот вам профессорское воспитание.

Зато пришёл ВВ, то есть прибежал, и бросил на стол ворох текстов, которые ещё предстоит редактировать. А когда? Эфир через час. Опять будем нестись, как оглашенные, на красный свет с риском для жизни, и всё ради какого-то выхода к общественности.

Нас мало, и это усложняет подготовку к вещанию. Могло быть больше, нам обивают пороги толпы, все хотят прорваться в местную элиту и получить трибуну для самовыражения.

Но ВВ категорически против случайных людей. Где раньше работали, туда пусть и идут.

К тому же у него врождённая нелюбовь к провинциалам, ещё не хватало им пробиться в эфир и там окопаться, от них и так уже некуда деться. Вот примерно в таком духе у нас идёт работа с кадрами, которые решают всё.

Явилась заплаканная Илона с жалобой на головную боль и общее недомогание, а это значит, что мы с ВВ сегодня вещаем без неё. Я даю ей таблетку аспирина, и мы мчимся на радио.

В первые минуты эфира мы удачно справляемся с запыханностью и стрессом.

Мы говорим — нас слушают.

Через три дня состоялось открытие выставки. Ради такого случая шеф сменил юбку.

Оказалось, что моя презентация несколько сместила внимание приглашённых (меня не пригласили) от его многозначительных художеств. И он был этим недоволен.

Зато даме из министерства всё исключительно понравилось, она отметила несомненный успех, а потом долго разговаривала с шефом, который, кроме неё, никого не замечал и ходил с видом загадочным и отстранённым. Так мне на следующий день рассказывала Илона.

А ещё через день я уже не работала нигде. Мне даже спасибо не сказали.

Остался только выход к общественности.

Мучук и Киви прибились к нашему берегу по стечению досадных обстоятельств.

ВВ сопротивлялся долго, он категорически отказывался расширять редакцию. Интуиция правильно подсказывала ему, что этого не следует делать. Но на радио наступил период информационных пустот и организаторских накладок. ВВ замотался и ослабил бдительность. Вот тут эти двое к нему и вломились, и на ВВ вдруг напал ложный демократизм, и он подумал: а почему бы и нет?

Мучук — самоуверенный тип без возраста, отрекомендовался музыкантом с успешным сценическим опытом. Я не представляю, как этого красавца можно выпустить на сцену, но, наверное, в тех широтах, откуда он приехал, сойдёт и так. Его карикатурную физиономию природа наверняка

сварганила по пьянке или подшутила. Мучук этим фактом не заморачивался, а даже наоборот, лез всем на глаза и пытался вести себя экстравагантно. Всегда артистично целовал дамам ручки, всем, кроме Киви, которая его на дух не переносила.

Киви — маленькая затюканная женщина, настолько микроскопическая, что не разглядеть.

Но некоторые фрагменты в облике всё же выделялись, особенно взбитые начёсом волосы и глаза, похожие на тёмные виноградины. И эти глаза смотрели на ВВ преданно и просительно. Смотрели так, что его чуткая душа не выдержала. ВВ никогда не отличался доверчивостью, но на этот раз не распознал, что это взгляд обыкновенной попрошайки. Но это выяснилось позже, а пока ВВ великодушно предположил, что для интеллигентной женщины у нас найдётся какое-нибудь занятие.

Я тоже пыталась оправдать его решение. А что делать, если каждый понедельник хоть сдохни, но выйди в эфир? Какими силами заполнять этот эфир? Вот и Илона в последнее время начала хандрить. И у меня дел невпроворот, и хоть немного внимания надо уделить семье и ребёнку.

ВВ ехидно поинтересовался, кого я считаю ребёнком? Мою семнадцатилетнюю дочь?

А даже если и так.

У ВВ семьи нет, зато есть две невесты — Леся и Кася, полновесные грубоскроенные девахи фольклорного типа. И похожи друг на друга как родные сёстры.

ВВ ими умело манипулирует, соблюдая строгую и справедливую очерёдность. Невесты понятия не имеют о существовании друг друга. Несмотря на это, ВВ всё равно считает себя святым, потому что у него же их две, а не десять.

От такой арифметики я чуть не задохнулась. Во мне взыграла женская солидарность, и я заняла принципиальную позицию.

Да будет тебе известно, дорогой ВВ, что в этом деле нет счёта до десяти и даже до двух.

Я не думаю, что тебе понравится, если тебя самого поставят в очередь и будут держать прозапас.

ВВ мои нравоучения показались бестактными, он вышел из себя, и теперь грозится ничего мне не рассказывать и никого не показывать. Ну и не надо. Эка невидаль! У Леси подслеповатый взгляд, а у Каси вообще взгляда нет.

Я не понимаю, как ВВ при всей его безусловной одарённости имеет такой плебейский вкус?

Но не мешало бы вернуться к Мучуку и Киви. Я предвидела, что эта парочка вылезет нам боком, но масштабы бедствия оказались выше всяких ожиданий.

Не помню, когда дело было, но то, что в понедельник, это уж абсолютно точно, и с уверенностью можно сказать, что лил дождь, так как дождь здесь льёт всегда, а поскольку ещё и гром гремел, то, скорее всего, был месяц май. Я обращаю внимание на такие мелочи не из занудства, а по той причине, что в студии, откуда вещает наше радио, есть два окна, что в принципе недопустимо. Но чего можно хотеть от этой провинции? Когда я задаю такие вопросы, ВВ замыкается в себе, а Илона надувает губы. Они воспринимают это как личное оскорбление. Но я не сомневаюсь, что в глубине души они со мной согласны.

Так вот, об окнах в студии я вспомнила потому, что микрофоны имеют высокую чувствительность, и поэтому посторонние звуки, проникающие с улицы, крайне нежелательны. Когда на город надвигается гроза в начале мая, а мы в это время вещаем, то эфир благодаря погодному фону начинает обогащаться дополнительным содержанием, иногда это даже вносит элемент драматургии и повышенного смысла. Особенно, если учесть, что дома у наших слушателей тоже есть окна, и от разыгравшейся погоды и всяких уличных шумов получается двойной эффект. Это не всегда идёт нам на пользу, как было в тот майский понедельник, о котором стоит вспомнить. А инцидент произошёл неприятный. Трудно даже описать. Опозорились на весь город и его окрестности. Хорошо, что наше радио пока ещё не слушают через интернет, а то бы опозорились на весь мир. Это я предположила слишком смело, и только Киви уверена, что когда мы вещаем, пустеют улицы.

Но всё же… ВВ в тот раз отсутствовал, его где-то носили черти.

Киви начитывала свой текст, как всегда с неуместными интонациями и хроническими запинками, а Мучук при этом дёргался, как на шарнирах, и хватался за все ручки пульта попеременно, всем своим видом показывая, что от таких дикторских накладок ему уже трижды плохо. И вдруг у него сдают нервы, и он резко перебивает Киви какой-то грохочущей музыкой. Киви от такой неслыханной наглости на секунду онемела, а потом набросилась на Мучука настолько по-бабьему, так горласто и базарно, что никак не вязалось с её манерностью и тщедушностью. В это время за окном грянул гром и о стекло забилась листва.

Представили совокупность звуковых эффектов?

Мучук в долгу не остался. Слово за слово, и договорились до личных оскорблений, на мой взгляд, вполне справедливых. Базар прервала я на непечатном диалекте, потому что, как же по-другому развести этих двоих и облегчить душу?

Гром грянул с новой силой, ветер распахнул окно, и в студию ворвались музыкальные импровизации уличного шарманщика.

Но не это самое страшное, самым страшным было то, что Мучук забыл отключить микрофоны и вся заваруха пошла в эфир. Когда это обнаружилось, было уже до такой степени поздно, что извиняться перед слушателями и валить всё на технику было бы просто смешно. А мне было

не до смеха, я жалела шарманщика. Стоит под дождём и развлекает редких прохожих, которые не обращают на него никакого внимания, а он продолжает, причём с полным безразличием к подаянию. И я вижу в нём родственную душу, он тоже старается для искусства и авторитета.

ВВ узнал о случившемся в тот же вечер, ему наябедничала Леся или Кася, не знаю, они мне на одно лицо.

На следующий день ВВ собрал нас для конкретного разговора, то есть на всех наорал и заявил, что за такое вещание нам надо головы оторвать. У меня хорошо развита фантазия, и я сразу представила Мучука и Киви без голов и констатировала, что им это было бы даже к лицу. От такого каламбура я начала хохотать, и на меня все глянули как на ненормальную. ВВ решил, что я смеюсь над ним, и обиделся. А зря. Меньше бы шлялся со своими невестами и больше времени уделял работе с персоналом и обратной связи со слушателями.

Хотя назвать персоналом то, что мы имеем, можно с большой натяжкой, а напоминать ВВ о его невестах тоже не стоило, это был мелочный выпад.

ВВ обиделся и исчез, и перестал звонить, я даже забеспокоилась.

А дня через два позвонил Мучук и спросил, готов ли материал о чемпионате мира по футболу? Но это был только предлог, на самом деле он звонил в разведывательных целях, так как боялся, что получил отставку, и хотел прощупать почву.

Мучук, не мельтеши. Мы хорошо понимаем, что от тебя уже не избавиться, заляг на дно хотя бы на неделю, а там видно будет. Никто тебя не выгонит, у ВВ другие методы, и вообще, он отходчивый и незлопамятный, как все талантливые люди. Это я из вредности сказала, чтобы позлить Мучука, он не переносит напоминаний о чьём-то таланте и подыхает от зависти. Таким образом, мне удалось быстро свернуть разговор и распрощаться.

В тот же день вечером позвонила Киви и завела разговор о чемпионате мира по футболу.

Я попросила её не морочить мне голову, а начать с главного. Киви затравленным голосом стала взывать к пониманию и справедливости. Её справедливость заключалась в том, что одинокая женщина, страдающая гипертонией, имеет больше прав на ошибки, чем, например, я, что к людям надо относиться бережно, а её, несчастную, не ставят ни в грош да ещё норовят обидеть, особенно Мучук.

Побудительный мотив к звонку у Киви был такой же, как у Мучука. Она боялась потерять место на радио, и даже не потому, что это место казалось ей пределом мечтаний, а потому, что она втайне страдала по ВВ, и этого не видели только слепые и ВВ.

Киви, угомонись и ты. Мы не звери. Останешься и будешь дальше произносить свои сбивчивые монологи для одного слушателя. Единственное, о чём предупреждаю,—если ещё раз скажешь в эфир «махайте бюллетнями», убью, и буду считать это делом святым и правым.

Вот таким квадратно-гнездовым способом (выражение ВВ) мы наводим порядок.

Сегодня воскресенье, а значит, завтра эфир и я пишу обзор о чемпионате мира по футболу.

Я терпеть не могу футбол. Не понимаю, как взрослые люди из-за забитого мяча напиваются до полусмерти, а из-за незабитого—тоже напиваются до полусмерти.

У меня в ногах свернулся кот Платон, что успокаивает и создаёт уют.

Зазвонил телефон. Это ВВ. Он спрашивает, готов ли материал о чемпионате мира по футболу? Но звонит он не за этим. Ему надо просто поговорить.

Платон мне друг и даже родственник. У него собачья душа, преданная и бескорыстная, и любит он меня просто так, а не за жрачку. При этом он, как самый настоящий кот, отлично владеет дипломатическими приёмами и потому всегда достигает желаемой цели. Ему всё разрешается и прощается.

Платон усат, головаст и разговорчив. Его кошачьи тирады могли бы сослужить хорошую службу зоологам в изучении языка животных, но ни за какие блага в мире я не отдала бы его для исследований.

Однажды на время моего недельного отсутствия я пристроила Платона к соседке, с которой после этого у меня испортились отношения. Платон показал характер, то есть вёл себя по-хамски: разбил два флакона французских духов, порвал шторы и справил нужду в тапочек. Вдобавок ко всему он объявил голодовку и целую неделю ничего не ел, и даже не пил. Соседка стала опасаться за его жизнь и уже хотела обратиться к кошачьему психологу. Здесь и такие имеются. Но я, наконец, приехала и в спешном порядке забрала Платона домой.

Оказавшись дома, он первым делом впал в монолог. Это была претензия, имеющая сложную структуру, из которой стало ясно, что ещё раз он такое испытание не переживёт. Потом он сожрал утроенную порцию кошачьих консервов и разлёгся на моей подушке. Значит, простил.

Зазвонил телефон, и Платон зажмурился от удовольствия, привычные домашние звуки были ему в кайф.

Звонил Робик. В доперестроечном прошлом—каскадёр, в эмигрантском настоящем—безработный. Робик гордился своей редкой профессией и знакомствами с известными людьми и считал, что лихого каскадёрского опыта вполне достаточно, чтобы работать корреспондентом на радио. Я тоже так думаю. То есть я думаю, что раз мы пригрели Мучука и Киви, то, как люди последовательные,

должны продолжать сливаться с народом и каждому дать шанс, а эфир всё стерпит.

ВВ моих доводов не принимал, ему уже хватило проблем, и от каждого нового посягателя на часть эфирного времени он теперь шарахается как от прокажённого. Робик настаивал. Какими-то прохиндейскими уловками добыл номер моего телефона и теперь названивает и надоедает.

Лично я ничего против него не имею и уверена, что толку от Робика будет значительно больше, чем от других. Во всяком случае, будет кому усмирить Мучука, а то и по морде ему врезать, уж больно наглый стал в последнее время, плетёт интриги и настраивает всех против ВВ.

ВВ же отсылает Робика попробовать свои силы в качестве вышибалы на дискотеке, чем оскорбляет его профессиональное достоинство и проявляет недальновидность.

Да, у нас не дискотека, но собственный вышибала никак не повредит, а даже наоборот — поднимет престиж нашего сомнительного предприятия. Новому времени надо соответствовать.

И я победила. В один прекрасный понедельник Робик ввалился в студию с бутылкой шампанского и коробкой конфет. ВВ допустил его к эфиру, и Робик решил отметить это событие щедро и по-джентельменски. У Мучука при этом вытянулась его пластилиновая рожа и испортилось настроение, зато Киви заметно оживилась и даже зарделась. Похоже, что у неё взыграла сексуальная фантазия. На здоровье.

Робик к своей первой программе подготовился серьёзно и покорил слушателей ясностью мысли и изящным юмором. А нас покорило ещё и то, чего слушатели видеть не могли, — яркий шейный платок, открытая улыбка и общая раскованность. Нас — это меня и Киви, которая от переполнявших её впечатлений сидела совершенно прибалдевшая.

Для Мучука же настали чёрные дни. И правильно! За что боролись? За справедливое равновесие сил. Чего и добились. Мучук до такой степени уравновесился, что стал почти невесомым.

Жаль, что ВВ всего этого не видел, потому что опять куда-то запропастился. Я подозреваю, что Леся и Кася умяли его со всеми потрохами.

После удачного эфира с Робиком ВВ позвонил почти сразу. Он был доволен и спокоен и сообщил, что уезжает на север к морю поправить нервную систему и привести в порядок мысли. После этого ему предстоят длительные гастроли, а поскольку как пианист он сейчас не в форме, то на радио не покажется долго, а когда вернётся, будет работать над техникой и репертуаром.

Не могу сказать, что я особо вдохновилась перспективой ответственности, которую мне приходится нести в отсутствие ВВ. Загнусь я когда-нибудь с этим радио.

Интересно, с кем ВВ едет к морю? С Лесей или с Касей? А может, сразу с обеими?

После того как ВВ отчалил в северные края, к нам набежала орава желающих высказаться, причём в прямом эфире. Профессии потенциальных корреспондентов поражали своим разнообразием и несоответствием с притязаниями и реальными возможностями. Однажды пришла хихикающая дамочка, которая изъявила готовность вести на радио передачи для детей, и в подтверждение своей состоятельности бойким голосом прочла пару стишков собственного сочинения. Вполне весёлые стишки про белочек, ёжиков и бурундучков. Что уж точно удалось, так это рифма. Хорошо, что при разговоре присутствовали Робик и Битнер. Они тактично перевели всё в шутку и выпроводили даму быстро и интеллигентно.

После чего Робик внёс предложение. Раз ВВ видел его в роли вышибалы, то так тому и быть, он вышибет всех и освободит нас для работы и творчества. Так и порешили. И теперь контактами с соискателями места в медийном пространстве у нас занимается Робик, причём вполне успешно. Не далее чем вчера ему удалось избавиться от одного чудаковатого изобретателя, который вознамерился через наше радио продвигать своё детище — машину для уборки ранней капусты.

Литературную рубрику у нас ведёт Битнер. Он писатель, причём не плохой. Но впадает в две крайности, совершенно противоположные по жанру, — эпохальные баллады и босяцкие частушки.

Баллады красивы, но меланхоличны и не всем понятны, а частушки вводят меня в эстетический шок, зато очень нравятся слушателям. Особенно последняя — про Бабу Ягу, которая потеряла штаны. Наши слушатели завалили редакцию благодарными отзывами и просят ещё.

Понятно?! Вот и доказано, что народу надо. И попробуйте после этого обвинять меня в симпатии к русскому шансону. Ах, как это низкопробно! Как ты со своими интеллектуальными запросами можешь допускать на радио такую музыку?! Допускаю и буду! А если вы задались целью усыпить слушателей прямо у радиоприёмников, то крутите классику вперемежку с Киви. А мы с Битнером создадим альтернативное радио, такое, что заслушаетесь и прибежите к нам извиняться.

Это я перед ВВ так раскудахталась. И он принял всё за чистую монету и заявил, что если ещё раз услышит про Бабу Ягу с её штанами, то литературную рубрику из программы придётся изъять, а ещё ему придётся заняться музыкальной цензурой.

Как заговорил! Ничего, остынет, одумается, а потом подлизываться будет. Мы это уже проходили.

Так вот о Битнере. Его появления на радио носят хаотичный характер и зависят от наплывов

вдохновения. Но всё же некоторую закономерность усмотреть можно.

Битнера вдохновляет смена времён года. На излёте зимы и с приходом весны у него начинается обострение, как у чахоточников, и он погружается в свои мрачные баллады. Причём пишет их с такой скоростью, как будто боится не дожить до лета.

На границе между весной и летом наступает розовый период. В это время Битнер непременно влюбляется, и тогда заполучить его для радио совершенно невозможно.

Никто не понимает, как можно влюбляться в одно и то же время? А я очень даже понимаю. Ведь любовь — это на девяносто процентов самовнушение.

Илона хочет докопаться до истины и интересуется, что же приходится на оставшиеся десять процентов? Сумасшествие, конечно. Битнер человек творческий, и в этом у него недостатка нет.

К концу лета любовь, как и положено, сменяется разочарованием. Битнер начинает ностальгировать по прошлому, по ясноглазым девочкам, по разведённым мостам и даже по разведённой водке. Печаль обостряет чувства, и всё заканчивается невероятным поэтическим подъёмом. Битнер принимается за частушки и выдаёт такую отборную похабщину, что даже Мучук смущается и краснеет.

В начале осени интерес к частушкам пропадает и начинается поиск себя в творчестве. Битнер делает очередную попытку освоить сценарный жанр. А у него это никогда не получается, поэтому он становится злой и раздражительный, и в таком виде приходит на передачи и начитывает, что придётся, из старого репертуара. Но его голос, независимо от настроения, удивительно хорошо ложится в эфир. У Битнера приятный медовый тембр, и микрофоны поглощают его, как бальзам.

Когда осень близится к концу, Битнер всегда заболевает, ходит простуженный и притихший. Отодвигает подальше свою писанину, надевает толстый свитер, целыми днями курит трубку и отращивает бороду. В таком состоянии он мне кого-то напоминает, но для радио он опять потерян. Ненадолго.

Выздоравливает Битнер быстро и начинает готовиться к новогодней программе. А это значит, что каждый из нас получит от него поздравление в стихотворной форме, причём получит по заслугам. Битнер желчный, но справедливый.

ВВ уже месяц не появляется и даже не звонит. По-видимому, его перестало интересовать то самое медийное пространство, которое мы так ревностно оберегаем.

Но в один как всегда дождливый понедельник он нагрянул в студию неожиданно, к концу вещания, как налётчик, как будто хотел нас застукать и в чём-то уличить. Не нравятся мне такие проверки, тем более что пахали мы всё это время вполне добросовестно, если не считать Мучука, этого халтурщика и провокатора, который пару раз так лажанулся, что мы уже начинаем подозревать злой умысел.

Но самое интересное, что ВВ привёл с собой ярко-рыжую девицу, и я подумала: вот кобель! Девица внесла в студию запах резких духов и атмосферу дурацкой неловкости.

Мучук склонился в три погибели и облобызал гостье ручку. А Битнер при этом заметил, что не следует особо обольщаться, так как эти целования ручек имеют обратную сторону. Девица приняла замечание буквально, перевернула ладонь и уставилась в неё. И мы не поняли: или она такая дура, или удачно подыграла?

Представлена нам гостья не была. И не надо, не велика честь.

Киви завистливо косилась на её плотную задницу, обтянутую шёлковыми брючками.

Задница заслуживала внимания. Поэтому Робик тоже втихаря поглядывал, но пытался изображать равнодушие. Мучук же из кожи вон лез, чтобы произвести впечатление, только что на голове не стоял. Пантомима напоминала поведение школьников при появлении в классе новенькой.

Очень мне не понравилось, что ВВ позволял девице собой командовать, и я пожалела о Лесе и Касе. Но, как оказалось, ВВ не собирался прерывать с ними связь, в этом вопросе он всегда хотел быть проще и шире.

После окончания передачи мы расстались довольно быстро и я побрела домой.

Когда я говорю «домой», это значит, что я указываю не на суть, а на направление, так как дом у меня в последний раз был давно, но не настолько давно, чтобы забыть, как даже перенаселённая коммуналка была мне в радость.

То место, где теперь мой дом-недом, обогревает Платон. Этот хитрюга делает его жилым помещением, потому что для него дом — это та территория, где нахожусь я.

Так часто бывает, что не успеваю я переступить порог, как звонит телефон. И я бегу к нему прямо в плаще, бросая на пол зонтик. На этот раз я поспешила не зря. Звонила подруга детства, звонила через тысячи километров и три границы. Мы долго говорили, а потом я застыла у телефона и без всякой логики разревелась. Платон решил, что телефон и есть причина моих слёз и начал на него шипеть.

Какой он всё-таки умный!

Помещение нашей редакции состоит из двух смежных комнат, немного темноватых, но жить можно. В прямом смысле этого слова, у нас здесь даже диван стоит. И ещё много разной мебели и всякой всячины, половину из которой можно выбросить, но рука не поднимается.

Сегодня приёмный день, а это значит, что мы доступны нашим слушателям с одиннадцати до восемнадцати часов, причём вживую, нас даже потрогать можно, что некоторые и делают. Не все ещё освоили интернет, и не всем под силу общаться с нами виртуально, то есть писать на наш электронный адрес всякие гадости и при этом не называться своими настоящими именами. Смелые люди. От таких анонимов меня уже тошнит, поэтому переписку с ними взял на себя Робик.

Сейчас Робик уселся поближе к двери и чертит в тетради какие-то квадратики. А я ломаю на квадратики шоколад, так как скоро будет готов чай, который надо с чем-то пить.

День выдался на редкость спокойный, в числе посетителей оказались только двое — мужеподобная тётка с насморком и нагловатый паренёк, который бесконтрольно употреблял слово «блин». Просидели они не долго, но уже давно ушли, а Киви до сих пор не может успокоиться, потому что претензии посетителей относились непосредственно к ней, что не удивительно.

В дальнем углу Тата, милое создание, редактирует тексты, а Киви возле неё крутится и донимает своим нытьём и искоса поглядывает на дверь, надеется, что ВВ придёт. Сердцу не прикажешь.

ВВ ещё не знает, что ко всем напастям у нас появилась ещё одна — Киви начала писать детективы и собирается их нести в массы через наше радио. Каково! Творческий потенциал нашей редакции крепчает день ото дня. Какие детективы? Киви всю жизнь работала бухгалтером в домоуправлении, считала коммунальные копейки. А теперь вообразила себя писательницей. Понятно, что она спятила от безделья и одиночества, но причём здесь радио? Зачем валить с больной головы на здоровую? Хотя, где я тут вижу здоровые головы? Мы же все рехнулись. Единственный человек, который ещё в состоянии здраво мыслить, это Робик, и тот каждый день подшофе.

Робик вдруг ударился в воспоминания, и это оказалось интересным и даже захватывающим. Он родился в цирковой семье, мама — наездница, отец — воздушный гимнаст. И потому Робик начал кувыркаться в воздухе практически с пелёнок, а над своей кроваткой он отчётливо помнит два образа — склонённую голову мамы и морду её любимой кобылы Аглаи. Пока папа летал под куполом, а мама демонстрировала чудеса джигитовки, Аглая оставалась дежурить возле Робика, и когда он начинал плакать, заходилась громким ржанием, таким истошным, что сбегались все, даже ковёрные. Таким образом она вынянчила Робика до трёх лет, и именно этим Робик объясняет тот факт, что в его внешности есть что-то лошадиное, на Аглаю он похож больше, чем на своих родителей. Чего только не бывает в жизни…

Я подумала, что Робик и Илона прекрасно смотрелись бы вместе, ну просто пара гнедых, загнанных судьбой и отощавших от жизненных передряг.

Когда Робик окончил школу, он поступил в цирковое училище. А какой у него был выбор? Робик не принял на душу кочевую жизнь своих родителей и потому представить себе не мог, как сложится его жизнь дальше. Здесь взыграли гены дедушки, большого деловара и спекулянта, который был страшным домоседом и вёл свой бизнес по телефону, не вставая с дивана. Однажды пришлось-таки встать, это случилось, когда за дедулей пришли и увезли его за сто первый километр. Робик унаследовал от деда не только домоседство, но и авантюрность, но она у него была не криминальной, а спортивно-экстремальной.

К счастью Робика, кинематограф стал остро нуждаться в приключенческих и трюковых фильмах, а заодно и в каскадёрах. Вот так он и попал в кино.

Каких знаменитостей он только не дублировал, откуда он только не падал и куда: с крыши дома на капот грузовика, с отвесной скалы в пропасть, с моста в воду, с вертолёта в заросли кактусов, с лошади в чисто поле. Список далеко не полный.

Автомобильные трюки Робик освоил довольно быстро, но однажды, перевернувшись в кювет, чуть было не лишился жизни и даже начал задумываться о смене профессии. Но жить без адреналина он уже не мог.

А что теперь? Теперь времена другие и здоровье уже не то. Жена с дочкой живут далеко, за двумя материками и тремя океанами, там, где солнце сжигает кожу через озоновые дыры, и кому-то это даже на пользу. Только не Робику, ему там делать нечего. Хотя почему? Там тоже есть крыши домов, и отвесные скалы, и мосты, и вертолёты, есть и пропасти, а уж тем более кактусы. Нет только чистого поля. Это и решило вопрос.

Киви сидела, раззявив рот, а Тата отложила в сторону тексты. А я разлила чай по чашкам.

И в этот момент к нам зашёл вертлявый субъект, весь в клетчатом. У меня даже в глазах зарешетило. Он проворно обошёл стул для посетителей и свалился в драное кресло.

Валович — представился посетитель. Ничего себе имечко, как булыжником огрели.

Робик попытался взять инициативу в свои руки, но фиг ему это удалось. Валович не дал никому и рта открыть и сходу сообщил, что он доктор технических наук, лично знаком с первым президентом великой державы, так как сам долго и продуктивно работал в его команде, а потом встал во главе крупного концерна, настолько известного, что пусть это лучше останется в тайне.

Бедняга! Как же он умудрился так измельчать, что его даже к нам занесло? Но я не успела об этом спросить, меня опередил Робик. Он

поинтересовался, не является ли уважаемый гость сыном лейтенанта Шмидта, и если это так, то с фамилией Шмидт в этом регионе ему было бы значительно комфортней.

Валович невозмутимо признался, что его фамилия ему очень нравится, как и всё, что он имеет по факту своего рождения. В общем, юмор не дошёл.

Робик осторожно поинтересовался целью его визита, и Валович выдал нам ошеломляющую новость — он будет вести на радио политическую рубрику, и вопрос этот уже решён. Кем? Главным редактором, разумеется.

Робик подавился шоколадкой, Киви выпала в осадок, а за ней Тата, а за Татой я. Чай остыл. Первым пришёл в себя Робик и позвонил ВВ. Оказалось, что тот понятия ни о чём не имеет и никому ничего не обещал. Мы, как по команде, пристально глянули на Валовича и потребовали объяснений. И он нам поведал, что вчера на каком-то сборище он познакомился с Мучуком, и тот представился ему главным редактором радио. И с какой стати это надо ставить под сомнение? Если мы сами не можем разобраться в структуре своей редакции, то в этом никто не виноват.

Конечно, Валович не виноват. Попробуй тут разберись.

Но каков Мучук! Покоя ему не дают чужие лавры. Неужели не найдётся никого, кто мог бы набить ему его мучучье рыло? Это я подумала про себя, а вслух предложила Валовичу самому договориться с ВВ о встрече и всё с ним обсудить. С этим он и удалился.

А мы решили остаться ещё на некоторое время, чтобы оценить ситуацию.

Всем уже давно ясно, что Мучук дышит ВВ в спину. Он терпеть не может вертикальную субординацию. То есть он бы её любил, если бы на вершине этой самой вертикали стоял он сам.

Моя позиция была радикальна и категорична. Мучука надо гнать. Зря вы думаете, появился этот Валович? Мучук ищет такую же тёмную личность, как он сам, чтобы скорешиться и разложить коллектив. Зачем? А низачем! Ему без этого не интересно жить. Ему «королевство маловато, разгуляться негде», интриги вдыхают силы в его хилую грудь. Ведь это же так очевидно! А какого промаху он дал на прошлой передаче, он же запорол Тате весь материал!

Киви (дипломатка сраная) выступила с оппортунистическим предложением. Дескать, Мучук изгнанный стократ опасней, и тогда следует ждать более крупных неприятностей. Поэтому на время надо бы оставить всё как есть, но принять информацию к сведению и вести за Мучуком строгое наблюдение.

Робик возражал. Ещё не хватало тратить время на то, чтобы следить за этим прохвостом.

Тата предложила пустить всё на самотёк и пассивно наблюдать, чем дело кончится, иногда это бывает правильнее, чем разводить бурную деятельность. А сейчас пойти в кафе и запить это дело бокалом вина.

Робик обрадовался. Зачем в кафе? Доставай стаканы, у меня, как говорится, с собой было.

В последнее время у Робика всегда с собой было и есть, и это мне уже не нравится.

Мы наскоро выпили и очень быстро захорошели, и шоколад пригодился. В головах стало весело и бесшабашно, и забылось о главном, а значит, о непоправимом. И на нас напала такая благодать…

Я стала звонить домой, чтобы предупредить, что задерживаюсь, но ответом мне были длинные гудки. Жаль, что Платон не умеет брать трубку, а то бы я ему сказала пару слов.

Мучук уходил из студии в дождь, позабыв зонтик. Шёл своей прыгающей походкой, сильно сгорбившись и смешно перескакивая через лужи. Мучук ходит, как заикается.

В этой дыре невозможно разминуться по двум разным улицам, обязательно напорешься на одни и те же физиономии или затылки. По затылку Мучука было видно, что настроение у него паршивое. Ещё бы. Карьера пока не задалась.

А как хорошо всё начиналось, то есть продолжалось.

Музыкантом Мучук был в самом приблизительном смысле этого слова, он был самоучкой и стучал на ударных инструментах в провинциальном клубе. Но с наступлением коренных перемен жизнь дала шанс.

Смутное время для мучуков это всё равно, что мать родная. Когда оно пришло, коллеги-музыканты разбежались в разные стороны и делать на подмостках стало нечего. Не исполнять же соло на барабане. Кроме того, музыку уже всю сочинили, а страну обворовали ещё не полностью. И вот тогда в общей неразберихе так удалось погреть руки, что они до сих пор горят.

Мучук связался с какой-то нечестью и начал продавать, ни много ни мало, самолёты. Оптом и в розницу. Где он их брал? Смешной вопрос, за который можно было без вести пропасть. Никто и не спрашивал. Бизнес шёл хорошо, и, чтобы расширить дело, Мучук со своей бандой прикупили аэропорт.

Покупка аэропорта обернулась тактической ошибкой, потому что самолёты возят живых людей. А случись что? Казалось бы, чего бояться? Что ценится дешевле человеческой жизни? Но у людей есть мужья, жёны, дети и даже друзья, которые могут застрелить, поджечь, взорвать, в асфальт закатать. Один из таких вариантов однажды и засветил Мучуку. Еле ноги унёс. Так он здесь среди нас и оказался.

Это я к тому клоню, что Мучук — калач тёртый и далеко не глуп и не в меру амбициозен. Потому и нарывается, что привык к другим масштабам, а нынешнее зависимое положение его угнетает.

Киви в какой-то степени права. Но она недооценивает ВВ.

ВВ с отличием окончил историко-философский факультет одного из ведущих университетов. По природе своей он был скорее философом, чем историком, хотя глубокие знания истории из кого угодно сделают философа.

Философствовал ВВ свободно и дерзко, со смелыми импровизациями, которые в годы его студенчества вгоняли в панику преподавательский состав. Преподаватели были насмерть напуганы уклонистскими замашками ВВ не в ту сторону, ведь в философии — шаг вправо, шаг влево — расстрел. Вспомним то время. И как он только умудрился получить красный диплом?

Не стоит забывать, что ВВ одновременно учился в консерватории по классу рояля, где философия никого не интересовала, но имели место другие критерии. Такие, например, как репертуар. Что следовало исполнять и что не следовало, были вопросами основополагающими, от которых зависела вся жизнь. В противной стране всё-таки жили.

В выборе репертуара ВВ полагался только на свой вкус и не понимал, какое отношение патриотизм имеет к творчеству. Это сильно раздражало ответственных за идеологию «музыкантов», которые в музыке не были способны ни на что, а только организовывали музыкальный процесс. Но и консерваторию ВВ тоже умудрился окончить с отличием.

А потом встал вопрос — философ или музыкант? И понятно, что второе перевесило, но не совсем. И получился из ВВ философствующий музыкант — верный путь к скитаниям и безденежью.

Теперь понятно, что ВВ и Мучук, хоть и оба музыканты, но принадлежат к разным профсоюзам.

А ещё понятно и то, что ВВ тоже не лыком шит, причём до такой степени, что вряд ли станет утруждаться такой мелочью, как борьба с Мучуком. Не будет ВВ разводить глубокую философию на мелких обстоятельствах.

Так что нечего и нам волну гнать, а то ещё захлебнёмся.

Тата решила устроить девичник. Картошки сварим, селёдочки и лучку нарежем. Что может быть лучше к холодной водочке?

Мне можно и без водочки, и пойду я только ради Таты. Она искренне верит, что всех нас можно сплотить, сдружить, слить воедино, и тем самым укрепить наш дохлый коллектив, хотя бы женскую его половину.

Я не люблю девичники. Это шабаш неудачниц, это хорошая мина при плохой игре, это горький итог несостоявшегося, это шерочки с машерочками. Это показуха — смотрите на нас, нам всё равно весело!

Тате не весело, я это хорошо знаю, и ещё я знаю, что не весело ей давно.

Нет, она никогда и ни на что не жаловалась, даже на своё безнадёжное одиночество. Она сумела многого добиться и стала журналисткой, работала когда-то в издательстве, пока это издательство не купил какой-то проходимец и всех не разогнал.

Тата пишет хорошие стихи, но её невозможно вытащить с ними на публику. И никакие доводы не помогают, даже ВВ не может её убедить. Тата стесняется и боится несправедливой критики, потому что не умеет защищаться.

Кто в наше сволочное время стесняется и чего-то там боится?!

Я пойду на девичник и подарю Тате кактус, чтобы она брала с него пример. И ещё я ей скажу: нельзя так халтурно относиться к свой судьбе, поэтому перестань устраивать девичники и закадри приличного мужика, с твоими данными это реально. Нет, я скажу иначе: пошли к чёрту всех мужиков, включая приличных, и попробуй воспитать в себе стервозность (я тебе в этом помогу), и тогда мужики сбегутся сами.

Как я до такого додумалась? Ведь я уже давно не верю в счастье.

В данный момент я мою посуду, потому что ко мне приходила ожившая Илона со своим новым бойфрендом, и я им скормила все остатки, даже соль кончилась.

Надо бы позаботиться о семье и что-нибудь приготовить, но с этим у меня всегда проблема. Наверное, и сейчас не состоится, тем более что соли нет. Я ненавижу кухню и готовлю по минимуму или не готовлю вообще. А надо бы готовить по максимуму, не в смысле разнообразия, а в смысле количества. Жаль, что в холодильник не становится выварка, а то бы я её туда поставила, чтобы недели две потом не подходить к плите.

Я понимаю, что это меня плохо характеризует, но все уже привыкли, все знают, что у меня другие приоритеты, и безропотно едят из банок и коробок, как Платон. Его уж точно не волнуют мои приоритеты, его волнует только один вопрос — дома я или нет? Сейчас он абсолютно доволен жизнью, растянулся в самом непотребном месте поперёк коридора, и все его обходят. И никому даже в голову не придёт его не то что прогнать, а даже немного подвинуть. Так он нас воспитал.

Валович где-то подкараулил ВВ и обо всём с ним договорился.

ВВ в последнее время стал слишком покладистым, и это отражается на составе нашей команды, и без того разношёрстной. Не говоря уже о качестве вещания, которое напрямую зависит

от рабочего климата. А он у нас сейчас, как в тропиках.

Валович исполняет обязанности политического обозревателя, и его обозрения, кстати, грамотно и добротно составлены, если бы он только сам всё не портил.

Не хочет он оставаться в тени при полном отсутствии дикторских способностей. Он тараторит и глотает окончания, сминает слова в кучу и при этом всё равно упивается своим красноречием. Но обсуждать это невозможно, Валович так обижается, что багровеет до посинения и начинает так задыхаться, как будто проглотил бритву. Его лучше не трогать.

Ну и что мы имеем? Валович тараторит, Киви запинается и употребляет неказистые слова, Мучук всё забывает или делает вид. ВВ вообще перестал являться на передачи. А я? А мой голос? Таким голосом говорят только с умственно отсталыми. К тому же у Битнера сейчас чахоточная фаза, он погряз в своих балладах и не выходит из дому. И мы опять работаем в ослабленном составе, и потому обратная связь с нашими слушателями приобрела особенно склочный характер. На нас нападают, мы отбиваемся. А я думаю — не проще ли им выключить радио? Если всё так плохо, зачем нас слушать? А ещё проще нам было бы закрыться, что я и предложила на нашем творческом совещании после очередной вздрючки, которую там устроил ВВ. На меня при этом все посмотрели, как на инородное тело, потому как, чем же они будут заниматься по понедельникам? Ну уж нет! Здесь затронуты жизненные интересы, здесь мы и пяди не отдадим, здесь мы ляжем плашмя, даже если в ход будет пущена тяжёлая артиллерия.

И у меня снова разыгралась фантазия, и я представила себе Киви, лежащую плашмя посреди дороги и преграждающую путь тяжёлой артиллерии. Нет, лучше положить туда Мучука или Валовича, их не так жалко.

После собрания мы расходились быстро и по одному, как с конспиративной квартиры.

Я вышла на центральную улицу и с удовольствием отметила, что кончился дождь.

Здесь дождь дождём не пахнет, он пахнет подвалом, и трава не пахнет травой, а тоже пахнет подвалом. Чем же она ещё может пахнуть, если её поливает этот самый дождь?

В перспективе мелькнули знакомые лица, а меня эта перспектива не бодрит, и я быстро свернула в узкий переулок. Теснота средневековых переулков действует на меня удручающе, они давят со всех сторон, то есть давят они, конечно, только с боков, но кажется, что и сверху тоже. Одна моя знакомая утверждает, что в этих переулках у неё повышается давление. А у меня повышается скорость, хочется побыстрее оттуда выбраться, как из туннеля.

Я почти выбежала на небольшую мощёную площадь, окружённую частоколом разноцветных домиков. В центре площади бил ажурный фонтан. Изящно они умеют обставлять свою жизнь. «Они» — это те, для кого здесь дом родной, для кого дождь пахнет дождём, а трава — травой. Это те, кому местные женщины кажутся красавицами и опустевшие по воскресеньям улицы понятны и привычны.

«Они» и «мы» — это тяжёлая тема, которая мне не под силу, здесь я могу надорваться, или скатиться в пафос, или в депрессию. Здесь нужен философствующий историк, вроде ВВ.

Тата живёт со своей впавшей в маразм бабушкой, которая иногда выдаёт такие перлы, что хоть записывай. Когда открывается дверь на балкон, старушка начинает нервничать и требует, чтобы её немедленно закрыли, потому что кругом «они», а «им» доверять нельзя. Судя по всему, бабушка из ума выжила не окончательно и тот вопрос, который мне не под силу, решает просто и без пафоса.

Я села на скамейку и закурила. Моё внимание привлёк шарманщик, он шёл через площадь и катил свою шарманку. На ней сидела игрушечная обезьянка, уже изрядно свалявшаяся и скукоженная. И сам шарманщик выглядел не лучше. Илона рассказывала, что обезьянка у него когда-то была живая, но она не выдержала северного климата, заболела воспалением лёгких и умерла.

Шарманщик скрылся в тёмной арке. Ну и мне пора.

Через неделю наступит день выхода в эфир нашей первой передачи. И хоть пять лет дата не круглая и малоубедительная, но почему бы не устроить себе небольшой праздник?

Для юбилейной программы мы набросали Мучуку много материала, и он теперь безвылазно сидит в студии и всё это монтирует, и что-то у него там не получается. Это ему не самолёты тырить.

Робик начал праздновать заранее и припёрся в редакцию небритым и в криво застёгнутом пиджаке. Начал с того, что на глазах у всех опохмелился и закусил плавленым сырком, потому что плевать он хотел на их изобилие, ему так привычней и вкусней. А потом уселся разговаривать по телефону. По разговору можно было догадаться, что его абонент лыка не вяжет совсем, то есть находится в состоянии, ещё худшем, чем Робик. Тата схватила Робика, затолкала его в дальнюю комнату и приказала лежать на диване и не проявляться.

Киви довела до нашего сведения, что в праздничной программе прозвучат отрывки из её детективов, и это взорвёт эфир. Нам только взрыва не хватало.

Мне намерения Киви понятны, она хочет реабилитироваться. На прошлой передаче опять

произошёл конфуз. Киви перепутала страницы текста и получилось, что она начитала какую-то галиматью, а потом опомнилась и замолчала, причём надолго. Образовалась пауза, а эфир тишины не терпит. Мучук, чтобы спасти положение, включил первое, что попалось ему под руку. Этим оказалась песня «Пошли девки на работу». От такого развития сюжета наши слушатели, наверное, зашлись в дружном смехе.

Начальница радиовещательного канала, которая за нами всегда шпионит, а потом пристаёт с абсурдными замечаниями, была как раз на месте и почуяла неладное и тут же прискакала в студию на своих козьих ножках. Но положение спас Мучук, он подлетел к ней, рассыпался в комплиментах и поцеловал ей руку. А та сомлела и растерялась и забыла, зачем пришла. Таким образом, инцидент был исчерпан. Иногда и от Мучука бывает польза.

Тата пошла проверять, что там делает Робик. И тут появились ВВ с Илоной и притащили ящик пива. Это был подарок от пивзавода нашему радио за удачную рекламу, которую мы для него проделали. Робик услышал звон стеклотары и сразу обнаружился. ВВ его зафиксировал и напомнил, что на вид он ему уже ставил, и теперь Робику грозит строгий выговор с предупреждением. Илона встала на его защиту. Бедный Робик! Думаете легко каждый день пить? Кабы он не окочурился раньше времени от такой жизни и дотянул до праздничного эфира.

Робик заверил всех, что он в отличной форме, тем более сейчас, когда открылась перспектива брать со всех натурой. Он лично вызывается навести контакты с птицефермами, мясокомбинатами, сыроварнями, пивоварнями и всякими другими варнями. Тогда мы уж точно не пропадём, потому что более рационального и справедливого, чем натуральный обмен, в экономике не было придумано ничего. Когда-нибудь общество опять вернётся к такой форме существования. И первыми вернёмся мы и таким образом обскачем конкурентов, и заживём припеваючи. И нас ещё больше возненавидят в эмигрантской тусовке, что является верным признаком успеха и благополучия. Посылаем к чёрту политические и культурные обозрения и весь остальной хлам, которым мы забиваем уши нашим слушателям, и занимаемся только рекламой. Клиентов он найдёт, ему надо только заручиться поддержкой ВВ. Ну как?! Правда гениально? Робик почти протрезвел.

Я немного охладила его пыл и напомнила всем, что делать рекламу мы в принципе не имеем права, так как на общественном радио это запрещено и даже наказуемо. И если кто-то настучит, не миновать нам крупных неприятностей. Да, да, кто-то настучит обязательно. Все притихли и правильно подумали, что я намекаю на Мучука. А Робик матюгнулся и сказал: убью гада! Время показало, что я как в воду глядела. Правда, никто никого не убил, и на том спасибо. Но это ещё когда будет…

А пока мы готовим юбилейную программу и намечаем планы на вечер. И не надо забывать, что сегодня приёмный день, и в любую минуту может кто-то войти. Поэтому Тата опять поволокла Робика на диван и пригрозила в случае нарушения дисциплины запереть его на ключ.

Юбилейная программа прошла великолепно, наверное, это был лучший эфир за всю историю нашего радио. А потом мы это событие шумно и долго отмечали. Сначала в ресторане, а оттуда переместились к Тате, потому что мы не можем иначе. Нам необходимо пространство, где, кроме нас, никого нет и где никого не раздражает наша речь, где никто на нас не смотрит как на инопланетян. Впрочем, неудивительно. Чего можно хотеть от этой провинции?

У Таты мы спекли картошку в духовке и затянули хором пионерские песни. А потом я рассказала, как меня принимали в пионеры. Этот день я запомнила на всю жизнь не потому, что он был для меня торжественным в идеологическом смысле (я и в детстве была диссиденткой), а потому, что в тот момент, когда мне повязывали алый галстук, на меня пялился восьмиклассник, объект воздыханий всей девчачьей половины школы. И это так повысило мою женскую самооценку, что я до сих пор себя переоцениваю.

История всем понравилась. Битнер быстро сымпровизировал и сочинил из неё частушку, да так удачно, что мы опять выпили, и нас всех окончательно развезло.

Татина бабушка захотела набраться впечатлений, зашла на нас посмотреть и с ужасом обнаружила, что дверь на балкон открыта. И потребовала её немедленно закрыть.

ВВ зачем-то назначил мне встречу тет-а-тет. Интересно, что он хочет мне сообщить? Может, решил жениться? Я недавно мельком видела Лесю или Касю, до сих пор не знаю, кто из них кто. Не могу сказать, что у кого-то из них был счастливый вид.

На встречу с ВВ я ехала на трамвае. У меня нет ни машины, ни водительских прав, и никогда не будет. У меня много чего не было, нет и никогда не будет, но я не хочу в это углубляться.

Я смотрю в окно, и мне слишком часто на глаза попадаются парикмахерские и бюро похоронных услуг, с этим здесь явный перебор. Невольно вспомнишь классику.

И ещё я вспомнила о Битнере. Лето в разгаре, а у него никакой любви. Поэтому он выбился из графика и, чтобы заполнить образовавшийся

провал, стал кататься на трамваях. Просто так, бесцельно, туда-сюда, даже ночью. Мы забеспокоились и для прояснения ситуации подослали к Битнеру Тату. Кончилось тем, что они теперь катаются вместе. Факт этот меня напугал. Но тут оказалось другое, Тата обожает трамваи. В детстве она занималась фигурным катанием и на каток всегда ездила на трамвае. Этот вид транспорта у неё связан с ожиданием хорошего. С катком пришлось расстаться после тяжёлой травмы. Тата перенесла две операции и до сих пор немного прихрамывает, почти незаметно.

Почему мы все такие подраненные? Робик прав, как тут не напиться?

Я доехала до вокзала и почувствовала себя лучше. Вокзал моё любимое место в этом городе, потому что я верю, что когда-нибудь я буду до такой степени свободна, что отправлюсь отсюда с лёгкой душой и в неизвестном направлении.

Мы с ВВ сели в открытом кафе на привокзальной площади. Старый коряжистый клён заслонял нам и без того хилые лучи солнца. В воздухе пахло поездами и скоплением голубей.

ВВ говорил непривычно громко, всё время поправлял очки и пытался изображать весёлое равнодушие. Он нервничал и тянул с главным. Меня это настораживало.

Нет, он не женится. Он просто уезжает, далеко и навсегда. Завтра, с этого вокзала, и вряд ли когда-нибудь вернётся.

Голуби отлетели патлатым облаком, и поднялась горькая пыль. И в глаз попала какая-то дрянь размером с бревно. И очень хотелось пить, но что-то не глоталось.

ВВ надеется, что я не брошу радио, всё-таки пять лет жизни отдано.

Он для этого меня позвал? Что я могу ему обещать? С моей тягой к вокзалам и перемене мест можно ли знать, куда меня занесёт через год или даже через месяц?

И зачем ему это? Он даже послушать нас не сможет, ведь радиус нашего вещания не превышает ста километров. Слава богу, что нас далеко не слышно, а главное, что совершенно не видно.

Мы разошлись по разным трамваям и разъехались в разные стороны.

Завтра понедельник, наш день. Вечерний эфир в дебрях тресков, музыки и других голосов на затерянных волнах FM. Опять обещают дождь, и потому мы плотно закроем окна.

Время утихомирит нас, а новые обстоятельства жизни разбросают далеко друг от друга.

Пересекаться мы будем только на волнах нашей памяти.

Литературное Красноярье ∴ ДиН ПЕРЕВОД

Валерий Городилов

Из Райнера Мария Рильке

Между грёзами и днём

Я дома между грёзами и днём.
Там дети спят, набегавшись за вечер,
там на скамейках старики, там печи
мир освещают золотым огнём.

Я дома между грёзами и днём.
Там с колоколен песни отзвучали
и девушки в плену земных печалей
мечтают у колодца о своём.

Там в липе, светлом дереве моём,
всё прошлое, накопленное нами,
трепещет бессловесными ветвями
незримо между грёзами и днём.

Осенний день

Господь, пора! Так долог летний век.
Брось тень свою на циферблат светила
и выпусти ветра в долины рек.

Но прежде пусть созреет всякий плод.
Даруй ему два дня пожарче. Ближе
пусть будет совершенство и гони же
в священное вино тяжёлый мёд.

Кто «ветер-в-поле» — дом не обретёт.
Кто одинок — тому одна награда —
не спать, читать и сочинять баллады,
безмолвно по аллее взад-вперёд
бродить тревожно в струях листопада.

Влад Пеньков

Расшифрованный взгляд красоты

Снаружи

Н. П.

Выйти. Закурить. Вдохнуть поглубже,
ощущая всё примерно так—

«Не похожи лужицы на лужи,
а ещё—собаки на собак.

Всё с другое. И пройдёт навеки,
только я окурок растопчу.
Снова буду словно через веки
видеть свет и доверять врачу.

Был момент. Его с тебя довольно.
Затянись. Потом притормози.
А не то поймёшь, насколько больно,
если рай снаружи и вблизи».

Розы

Н. П.

Прожить не зря, а может быть, впустую.
Не так себе, а может, кое-как.
Осмысленно. Бездарно. Протестуя.
Безропотно. В сиянье. В полный мрак.

От пули. От ангины. От склероза.
По глупости. От вражеской руки.
. . . .
Как хороши, как свежи были розы,
закат, луна, другие пустяки.

Сказка про дурака и попа

Р. Г.

Жил дураком и умру дураком,
но не хочу—некрасиво.
Хочется мне умереть вечерком,
хочется, чтоб моросило.

Чтоб, комсомольскую юность презрев,
к Богу пришедший за тридцать,
поп участковый, гривастый, как лев,
мог обо мне помолиться.

Чтобы, шагая по лужам домой,
думал он: «Господи Боже,
умер он радостно, умер он Твой,
это я видел по роже».

Шифровка

Н. П.

«В синеватом сияньи Ватто…»
Г. И.

Никому ничего не расскажем—
как ложились морщинки у рта,
как брала в окруженье пейзажем
вековечная нас мерзлота.

И прогулки по старому скверу,
и хрущовки промозглый уют
не дают нам отплыть на Цитеру,
но весомее что-то дают.

Представленье о смерти и жизни—
оголённой проводке вещей.
Чуть колышет болонские слизни
в коридоре висящих плащей

сквознячком, сквозняком, сквознячищей.
И, озябшая, светишься ты.
Это—всякой Цитеры почище—
расшифрованный взгляд красоты.

Статист

Говоришь на своём непонятном.
Продолжай говорить, говори.
Расползаются мутные пятна
пошехонско-свердловской зари.

В окна лезут настырные ветки—
душу вынуть, на ветер швырнуть.
Начинается с лестничной клетки
не голгофский, но всё-таки путь.

За кефиром, буханкою хлеба,
хоть за чем-нибудь, лишь бы пойти,
спотыкаясь о низкое небо
на своём ежедневном пути.

Увязая в набухшем и мглистом,
мелочёвкой в карманах звеня.
В положенье простого статиста
ни себя, ни Его не виня.

Ресницы Басё

Р. Г.

Конечно, можно прозой—то да сё,
был очень синий снег, мороз был светел.
Но лучше так—я подмигнул Басё,
и мне Басё улыбкою ответил.

Тогда я не был счастлив. «Счастья нет!»—
твердил с усмешкой Байрона и Китса—
«и ламп люминесцентных мёртвый свет
вполне для этой истины годится».

А в этот полдень—искры и мороз,
парковка скорых, шоферни дебаты—
всё улыбалось через дымку слёз
и щурилось раскосо и поддато.

Я выпил горсть таблеток. Голова
кружилась от сосудистой непрухи.
Но так звучали нищие слова
уборщицы—зачуханной старухи:

«Милок. Милок»,—а дальше ерунда,
бессмыслица без жалоб и упрёков,
что стало ясно—все мои года
мне было хорошо и одиноко,

и дальше будет так и только так.
Февральский блеск заметно шёл на убыль.
Ещё чуть-чуть и нежный полумрак
прижмёт к стеклу целующие губы.

Я буду одинок—везде, всегда,
при этом счастлив, вопреки и всюду.
Ещё не раз весенняя звезда
напомнит мне больничную посуду.

Но блеск её вернёт мне этот день
и эту вот районную больницу,
уборщицы сплошную дребедень,
японца синеватые ресницы.

Ван Гог Звёздная ночь

Кто бы спорил, что Господу—Богово.
То есть хочешь-не хочешь, а крест.
А Ван Гогу бы—краски да логово,
да огромное небо окрест.

Он на тряпки сырые уляжется,
забормочет в похмельном бреду,
и глядишь, потихонечку свяжется
со звездой и приманит звезду.

Даже больше—приманит галактику,
и слетятся светил голубки,
наплевав на привычную практику
не клевать с человечьей руки.

Серебро

Душа устала и промокла,
но как же ярок блик луны.
Вот так кладётся свет на окна
не с той, а с этой стороны.

Пусть нелегко брести по лужам
душе в ботинках «Скороход».
Кто ничего не знал похуже,
тот ничего и не поймёт.

Кто не понюхал керосину,
кто думает, что просто так
трясётся гибкая осина
и раздаётся лай собак,

бежит по улице апостол,
а мог бы просто выпить бром.
Луна огромная—по ГОСТу—
полна тем самым серебром.

Любовь Колесник

Твоё кольцо останется в воде

● ● ●

Маме моей в больницу.
Мама, как маленькая,—
боится.
Мне—становиться
взрослой:
рассказывать небылицы,
сказки, истории
про царство горьких лекарств.
Ночью
температуру сбивать, укрывать,
пробовать лоб наощупь
сильной ладонью, тёплой всегда:
«Спи, не пугайся.
Я буду рядом.
Я сделаю всё, что надо.
Только ты
не уходи никуда».

● ● ●

Вот календула, череда…
Нам с тобою одна беда
на двоих. Нам одних трав
на улыбках горчит правь.
Вот осока да лопухи.
Нам с тобою одни грехи,
в кожу въевшиеся, как сок,—
ототрёт ли часов песок?
Подорожник, крапива, вех.
Мы с тобою светлее всех.
Улыбайся, молчи, спи,
как ольха, в холода терпи
до прекрасных и тёплых лет…
Промеж нас ничего нет—
лишь календулы лепестки
невесомей твоей руки,
да зелёная череда
держит цепко, как я, да.
Видишь—солнце за горизонт?
Борщевик наклонил зонт.
Из-за вечности, посмотри—
сентябри идут, октябри…
Стужа, изморозь-седина.
Лист ольховый гниёт у дна…
Здесь, на самом краю тьмы
будем вместе лежать мы.

● ● ●

Между улицей Спасской и чёрт её знает какой
я в дорожном заторе стою, катафалк пропускаю.
Осыпается осень трухой, уходя на покой,
из приёмника глупая музыка в уши втекает.
По асфальту не движутся точно такие, как я—
приунывшие люди в коробках из крашеной стали,
и один в деревянной, которого примет земля.
Седовласый трубач на груди поправляет медали.
В тонировке окна отражается чьё-то лицо—
неужели моё?—переломанное светотенью.
Приунывшие люди сидят со своим мертвецом,
а мертвец никуда не спешит. Перекрёсток потеет,
и за влажными стёклами молча коробятся рты.
Улетает душа, превращаясь в незримую точку.
И машины пусты, если с птичьей смотреть высоты.
Глянешь снизу—и точно.

● ● ●

Он в Яузу бросится ночью в апреле,
она никогда не узнает об этом.
А. Вулых

Я в Яузу бросаюсь, словно в лузу
шаром.
Зима.
Такой же стук костей.
Прости меня, пожалуйста. Я лузер.
Мне тридцать пять.
Не будет новостей,
работы
и квартиры,
и машины.
Я вот такой.
Протёртое пальто.
Всё это не грешно и не паршиво,
но для тебя, наверное, не то.
Гудит компьютер. Я включаю песни
о том, что никого и никогда.
Всё это не сказать, чтоб интересно,
но так течёт подмёрзшая вода,
нас разделяя ровно на две части.
Здесь я, здесь ты. А середины—нет.
Ты знаешь, всё же я, наверно, счастлив.
Зима. Компьютер. Яуза.
Привет.

● ● ●

Твоё кольцо останется в воде,
в камнях, в песке за берегами Крыма.
Прости, прощай. Мы встретимся нигде.
Все стрелы в сердце пролетели мимо,
и я стою у моря босиком,
как голая,
без золота на пальце.
И не тоскую больше ни о ком.
Как просто оказалось расставаться!
Мы встретимся нигде и никогда,
забыв друг друга как больную муку,
и выплеснет солёная вода
твоё кольцо
уже в другую руку.

● ● ●

Сон до полуночи целебней.
Закрой глаза. Считай до ста.
Всё, как советовал Асклепий,
и лба касаются уста.
День суеты. Спокойной ночи.
Усни, пожалуйста, усни.
Пусть город вдалеке рокочет
и рассыпаются огни.
Спи. Это нужно. Это мудро.
Пусть не приснится ничего.
Ты снова выживешь наутро—
вновь
непонятно для чего.

Владимир Пономарёв

Сезонное обострение

● ● ●

Такая осень вышла на опушки—
Не знаю, как об этом рассказать,
И восклицаю только: где же Пушкин,
Чтоб красоту такую описать?

Я эту осень чувствую дыханьем,
Я ощущаю, в ней призыв творит.
И хочется—не думая, дарить,
А думая—осмыслить мирозданье.

Экологическое

Куда ведут забытые дороги
И просеки, звенящие, как зов,
Имеющие с виду облик строгий,
Но ставшие помойками лесов?

Кто их рубил? Чему они служили?
Кого они вели? К какой звезде?
И люди, что на этих землях жили,
Совсем не чужды были красоте.

Но, наступив на битое стекло
И поскользнувшись на какой-то дряни,
Я покидаю это «поле брани»,
Не знаю, что меня сюда влекло?

● ● ●

Дождь принимался в третий раз
И всякий раз был так недолог.
Он повисал, как тонкий полог,
И исчезал, как будто гас.

Он так мучительно пытался
Свои сомненья превозмочь,
Вновь пропадал, вновь появлялся
Весь вечер и почти всю ночь.

● ● ●

Вновь сокрушаюсь над усилием
Догнать сезон, что шёл звеня.
Я опоздал на встречу к лилиям—
Они не дождались меня.

Теперь здороваюсь с ромашками,
Приняв холопский их кивок.
Что в них—стоящих у дорог
Цветах неряшливых с букашками?

Но лилиям-аристократкам
Я кланялся в экстазе сладком
В Саянах у крутого склона,
Как Рыцарь Чести у балкона.

Елена Литинская

У Восточной реки

* * *

Что ты молчишь, поэзия моя?
В рот набрала воды — не расплескать бы…
Поговорим о смысле бытия.
Окончен пир. И убирают скатерть.
Усталый гость встаёт из-за стола.
И от хвалы и от хулы — зола.

Что ты молчишь, поэзия? Звучи!
Теперь, как никогда, ты мне — подруга.
Не оставляй одну в глухой ночи
В преддверье узком замкнутого круга.
Да не увянет слов твоих самшит!
И вечный хлад меня не устрашит.

* * *

Ходим в люльке с погремушкой,
Расцветаем, увядаем,
Между Арктикой и Кушкой,
Между Польшей и Китаем.
Юнна Мориц

Пробегают дни — пусты,
как сожжённые мосты
меж девицей и старухой,
меж расцветом и разрухой,
между летом и зимой,
между небом и землёй,
меж презреньем и почётом,
между ангелом и чёртом.
между сказкою и былью,
между негою и болью,
между страстью и рассудком,
меж обманом и посулом,
между миром и войной,
правотою и виной,
меж Пикассо и Матиссом,
меж рекой Иордан и Стиксом,
между Библией и Торой,
между клеткой и простором,
между телом и одеждой
пробежать скорее между…
Между тем и между этим
проскользнём и не заметим,
что сужается просвет,
а назад дороги нет.

* * *

В стихах, что я не сочинила,
не будет горечи и боли.
Не расплывутся в них чернила
от слёз, не выплаканных боле.

Не покачнутся пьяно строчки
в веселье дерзко-бесшабашном.
И не погонит муза прочь их
на поэтическую пашню.

Не будет там цветов засушенных
на память о сплетенье буден,
когда одна лишь мысль о суженом.
Напрасно не ищи. Не будет.

Раскаянья о том, что было
и перед кем теперь в долгу я,
не жди. Вот пегая кобыла.
А где Пегас? Нашёл другую?

Не сочинила, не погонит,
не расплывутся, не качнутся…
И ямбами не захлебнуться
между блаженством и агонией.

Новогоднее

Я не построила дом,
не родила дочь.
Те, кто любили меня,
стали добычей тьмы.
Не развела сад,
не подстрелила дичь.
Нынче не мой век.
Время беру взаймы.
Полночь. Ещё один год
властно вошёл в мир,
В дар обещаний воз
выставил у ворот.
Хитростью заманил
в цепкие лапы химер.
Новоявленный лжец!
Как же он сладко врёт!

1 января 2017 года

Тридцать семь лет назад

Я стояла с утра у Восточной реки.
Тридцать семь лет назад. Спал в коляске мой сын.
Небоскрёбы казались так взлётно легки.
Прорезали вершинами мягкую синь.

Я пыталась понять, для чего в Новый Свет
нас прибило тогда эмигрантской волной.
Ускользал по воде, не давался ответ.
И луч солнца играл, словно в жмурки, со мной.

Я пыталась забыть, кем была, как жила.
Чтоб под корень, под корень вину и беду.
Я себя отмела—для добра, не со зла.
Зачеркнула ту надпись, что мне—на роду.

Словно шлейф бесконечный, влачилась река.
Но упрямо тащились за мною, как воз,
безвозвратно покинутые берега,
где плакучие ивы рыдали без слёз.

Я стояла с утра у Восточной реки,
распахнув в восхищении настежь глаза.
Ни кола, ни двора, ни гроша—пустяки.
Тридцать семь лет назад…

• • •

Корабль. Тесная каюта.
Глухое, круглое окно.
Былое кажется уютным,
каким бы ни было оно.

Мы ссорились. Ох, эти битвы
с вершины ретро—пустяки.
Победы, поддавки, гамбиты…
Они не стоят и строки.

Мы плыли к острову Буяну
или к Бермудским островам.
И Небо льнуло к Океану,
аж горизонт трещал по швам.

Касанье тел на узком ложе.
Не люкс! Скажу я вам всерьёз.
Воспоминанья память гложут,
как гложет кость голодный пёс.

Атлантика явила милость:
упрятав нрав суровый вглубь,
Лаская штильно, подсадила
нас на любовную иглу.

И, любопытствуя, глядела,
свеченьем разрезая гладь,
Луна, как будто бы хотела
Земные страсти разгадать…

Жаркое лето в Нью-Йорке

Над городом висит зной.
Раздвинуты шторы туч.
Солнце палит себе знай.
На пораженье—луч.

Горит голова-мартен.
Люди—жидкий чугун—
текут в метрополитен.
Туда—моему врагу!

Сабвея обманчива сень.
Туда—как Орфей—в ад.
Ищи Эвридики тень,
глотая горячий смрад.

Близится лета финал.
Август вошёл в апогей.
Взгляд на шкалу: опа на!
К вершине ползёт Фаренгейт.

Эй, рекордсмен, уйми
тягостный сей альпинизм.
Сумерки. Стрелки к семи.
Время спускаться вниз.

• • •

Подруги юных лет,
Поговорим по скайпу.
Приглушим мягко свет,
Чтоб антураж по кайфу.

Пусть графика морщин
Размытыми чертами
Сокроет след мужчин,
Тех, кто расстался с нами.

Кто на любовь разгон
Взял, перепутав дроги.
И грустный перезвон
Сулил конец эклоги.

Сокроет след детей,
Кто, упорхнув за море,—
В плену младых затей.
Им не до нашей хвори.

Затянем разговор.
Во временном дурмане
Увидим школьный двор.
И бережно помянем
Иных, кого уж нет…

Екатерина Ахременко

Пастух и ягнёнок

На обширном, залитом солнцем лугу Пастух пас огромное стадо овец. Каждое утро на рассвете он выгонял их через узкие ворота, а на закате загонял обратно. И хотя забора вокруг не было, приученные овцы, толкаясь и крича, наперегонки неслись к воротам, послушно исполняя команду рыжей собаки — правой руки их строгого хозяина. Каждая овечка в стаде знала, что за самовольный уход её накажут, даже могут съесть. К тому же никогда не знаешь, когда появятся Они — самые страшные убийцы — волки. Поэтому все были послушны, все были как один организм. Они не общались с козами, но полностью слушались собак, боялись волков и изредка поглядывали вдаль. Ходил среди них слух, что где-то есть небольшое стадо овец-мудрецов, познавших мир.

И вот однажды в этом стаде появился ягнёнок. Он всё делал так же, как его взрослые собратья, но с самых первых дней он начал задумываться: а почему все поступают именно так? Никто не хотел ему ничего объяснять, просто отвечали: «Так всегда было, просто делай, как все».

Тогда однажды жарким утром ягнёнок решился показать всем, что есть и другой путь. Когда все двинулись к узким воротам, он решительно обошёл их, показывая, что никакой преграды по сторонам нет. Он был невероятно горд тем, что решился на это и надеялся увидеть восхищённые взгляды, а может даже последователей. Но, увы, никто даже не заметил его открытия. Все были заняты, пробиваясь через узкий проход в бескрайние поля, где их ждала сочная трава.

— Но почему? — недоумевал ягнёнок, и вдруг увидел, что к нему приближается Пастух. Хозяин был единственным, кто заметил его прорыв. Ягнёнок задрожал от волнения.

— Такой маленький, а уже смышлёный, — улыбнулся юноша. — Почему же ты не последовал за остальными?

Ягнёнок вздохнул.

— Но это ведь глупо пробиваться в единственный проход, когда вокруг столько пространства, стоит только раскрыть глаза и посмотреть по сторонам.

— Тебя никто не понимает, да?

Ягнёнок вздохнул ещё грустнее.

— Скажи, а почему ты загоняешь нас в эти ворота?

— Когда-то пространство вокруг было огорожено, и это был единственный возможный выход. Теперь же преграды убраны, но остальным слишком сложно понять, что есть и другие пути.

— Они ещё думают, что рыжая собака — это карающая длань твоя. Не обессудь, но мне кажется, что ты просто контролируешь нас, чтобы мы не совершили какой-нибудь глупости. А она со своими друзьями тебе просто помогает.

— Так и есть, — Пастух от души рассмеялся. — Полагаю, тебе теперь будет очень скучно со своими сородичами. Знаешь, — он хитро улыбнулся, — а ведь ты не единственный, понявший всё это. Я могу перевести тебя в другое стадо. Оно маленькое, но зато там только те, кто видел то же, что и ты.

Ягнёнок радостно заблеял: «Так значит, мудрецы существуют!» Уже к вечеру он оказался в новом загоне. Овец здесь было чуть больше десятка, но все важные, медленные и умудрённые опытом. Так не терпелось с ними поговорить! Но прошёл день, другой, и ягнёнок вновь заскучал. Он стал одиноко бродить в самом дальнем углу луга и вместо поедания травы подолгу смотрел на плывущие в небе облака.

— Что опять с тобой приключилось? — спросил неожиданно подошедший Пастух.

— Сначала я был рад познакомиться с мудрецами. Я ждал, что меня чему-то научат! Но они только лишь лелеяли своё знание о том самом множестве путей. Целыми днями они нежились на солнце, пересказывая друг другу истории своего открытия. Они считают крупное стадо сборищем ленивых глупцов, но сами боятся продолжать узнавать что-то новое. Я звал их на край луга, ведь тут самая сочная и большая трава, но они страшатся волков и предпочитают знакомые места, пусть и трава там хуже.

— А ты волков не боишься?

— Боюсь. Я не знаю, для чего они созданы. Наверное, они — демоны-убийцы.

Пастух задумался, а после тихо проговорил:

— Может, тебе стоит вернуться в своё стадо и попробовать открыть им глаза? Я помогу тебе это сделать, — он дружелюбно улыбнулся.

— Возвращаться к этим глупцам? Нет уж. Я вообще больше не хочу быть овцой!

— Так чего ты хочешь?—Пастух продолжал улыбаться, но глаза его стали грустными.
— Раз спрашиваешь, скажу. Я хотел бы умереть и переродиться в собаку, чтобы помогать тебе пасти или наказывать это сборище недотёп.
— Ты действительно желаешь именно этого?
— Да, я хочу быть свободной собакой,—и ягнёнок мечтательно посмотрел на направляющихся к хозяину кумиров.
— Что ж, в моих силах исполнить твоё желание.
— Правда?!—ягнёнок не верил своему счастью.
— С завтрашнего дня ты больше не будешь овцой,—Пастух последний раз улыбнулся и взглянул на небо. Солнце клонилось к закату.

Ягнёнок радостно заблеял: «Спасибо! Спасибо!»—и срочно помчался в загон ожидать наступления ночи. В голове роились мысли и мечты о том, как быстро он сможет бегать, что теперь все будут его слушать и никто не посмеет смеяться над ним, что отныне он больше не будет бояться волков.

На рассвете огромное белое стадо овец вновь привычно протискивалось сквозь ворота, чтобы полакомиться свежей травой. Собаки следили, чтобы далеко не убегали первые и не отставали последние.

Неподалёку, наблюдая за всем этим, стоял грустный Пастух, а рядом с ним сидела большая рыжая собака.
— Видимо, нового помощника у меня не будет,—проговорила лайка, когда услышала очередной хозяйский вздох.
— Боюсь, что да. Презрение к собратьям вновь победило.
— Не так легко побороть эту ненависть. Я-то знаю, тоже была такой.
— В отличие от тебя он даже не захотел вернуться в стадо. Что же, он хотел свободы—он её получил. Надо бы поздравить серую стаю, в их полку прибыло,—и они проводили глазами убегающего в лес молодого волка.

ДиН пародия

Евгений Минин

Откуда мысли?

Дозорное

Когда жена подымет вой
И хлынет на берег крутой
Своей неприбранной постели…
Дмитрий Веденяпин

Когда я погружаюсь в сон
С женой, но я—не князь Гвидон,
Лишь выспаться—другой нет цели,
То поднимает вой жена,
И бьётся круто, как волна,
В причал неприбранной постели.
И тридцать три богатыря,
Ко мне приходят, и не зря,
Но не ищите здесь позора,
Поскольку не девятый вал,
А Пушкин их ко мне прислал,
ночного в качестве дозора.

Куда уходят мысли

И откуда мысли взять под старость,
если мыслей сроду не бывало,
а теперь и вовсе не осталось.
Михаил Айзенберг

Я теперь скупее стал в желаньях,
хоть стишки и пользуются спросом,
голову несчастную тираня,
безответным мучаюсь вопросом.
А головушка понять старалась,
и зависла под конец устало:
Как без мыслей сочинять под старость,
если их и сроду не бывало?

Владимир Чагин

Второе рождение «Наследника»

(История издания романа Роберта Штильмарка «Наследник из Калькутты» в письмах Ф. Р. Штильмарка)

…Начало шестидесятых годов прошлого века, сибирский посёлок, соответственно своему месторасположению носящий название Таёжный. К северу от посёлка на многие километры тайга, к югу—берёзовые перелески, поля. Зимой, сразу за огородами, по глубокому, чистому снегу, как в «Лесной газете», можно читать следы. Вот там пробежал заяц, рядом оставила следы лиса, вдоль забора частыми очередями прострочили снег полевые мыши. А на поляне среди берёз—лунки: это вспорхнула стая рябчиков, ночевавших в снегу…

До ближайших центров цивилизации, районного и краевого, далеко. Нужно ехать и автобусом, и поездом. Но Таёжный неспроста называется не просто посёлком, а посёлком городского типа. Здесь расположено не очень большое, но серьёзное горнодобывающее предприятие, имеется и леспромхоз. Благодаря чему в посёлке есть и двухэтажная школа-десятилетка, и Дом культуры—большой, каменный, в два этажа, каких не в каждом райцентре можно встретить. В Доме культуры в широких коридорах—красные дорожки, на стенах—картины Шишкина и Левитана в богатых багетных рамах, копии, конечно. Есть кинозал, комнаты для занятий музыкой и проч., библиотека.

Вот эта библиотека была, пожалуй, самым привлекательным местом в Доме культуры для подростка, впервые открывавшего для себя все те «нужные книги», которые и следует прочесть в детстве: «Дети капитана Гранта» и «Остров сокровищ», «Три мушкетёра», «Похитители бриллиантов», «Всадник без головы»… Тогда же в этом книжном приключенческом мире встретился подростку толстенный том, уже одним своим внешним видом обещавший увлекательнейшее чтение. Его обложку украшал мужественный человек в камзоле, с двумя длинноствольными пистолетами в руках, со шпагой на поясе. Обрамляли картинку оттиснутые золотом виньетки, мелкие картинки, среди которых можно было найти самолётик и воздушный шар, парусник и пальмы, кораблик и скрещённые сабли. Конечно, это была книга из «Библиотеки приключений и научной фантастики», знаменитой книжной серии, на протяжении многих десятилетий волнующей умы юных, да и не только, читателей.

Книга называлась «Наследник из Калькутты», на обложке фамилии авторов: Штильмарк и Василевский. Фамилия Штильмарк ни о чём не говорила, но в ряду имён писателей-приключенцев—Хаггард, Буссенар, Жаколио и даже Марк Твен—смотрелась, в общем, неплохо, подходяще. Фамилия Василевский тоже представлялась, несомненно, писательской, где-то уже встречавшейся, да подзабытой.

Чтение «Наследника из Калькутты» впечатление оставило неизгладимое. В посёлке, далёком от всяческой экзотики, под которой всем подросткам видятся исключительно южные моря, прерии и джунгли, посреди снегов, с натужно гудящими на главной улице лесовозами, вывозящими в район заготовленную древесину, роман про пиратов, виконтов и маркизов, захватывающие приключения на суше и на море казался чудесным посланцем из прекрасного и яростного мира…

Глубокие снега у посёлка Таёжный не раз растаивали вёснами, растекались вешними водами, а ранними зимами заваливали посёлок вновь. Иными словами, чередой шли годы. Подросток стал человеком взрослым и даже с университетским образованием. И случилось так, что выпало ему служить на редакторском поприще в книжном издательстве большого краевого центра—города Красноярска. Издательство называлось соответственно Красноярским краевым, других в то время в крае и не было.

Во второй половине 1980-х о нашей стране, как «самой читающей стране в мире», можно было говорить без всякой иронии. Достаточно было посмотреть на очереди к газетным киоскам за свежими газетами и журналами. На страждущих печатного слова в книжном обличии, толпящихся у дверей книжных магазинов и после их открытия наперегонки бросающихся к прилавкам. На так называемых книголюбов, что впивались в списки новых книг, печатавшихся «Книжным обозрением»: это мне надо, и это, и это, да и это тоже-е!.. Никаких тиражей, ни в 100 тысяч, ни в 300 тысяч,

на страну не хватало. Как всё это читалось, вопрос отдельный. Но спрос был невероятный, и после продажи водки книгоиздание считалось едва ли не самым прибыльным делом.

Местные книжные издательства, не отставали от московских, тоже «поддавали жару» — стремились издать нечто такое, что даже при всеобщем книжном буме было бы замечено всей страной.

В темпланах издательств, помимо книг местных авторов, составлявших их обязательную основу, несколько позиций шли по разряду «Переиздания» — на выбор самого издательства в лице редакции художественной литературы. Ею в означенные годы в Красноярском книжном издательстве заведовала Г. Н. Ермолина, работали в редакции В. И. Ермаков, Е. Ю. Сыч, В. Д. Вагнер и пишущий эти строки — их фамилии можно найти в выходных данных редактировавшихся ими книг.

1988–1989-е годы в истории Красиздата явились, пожалуй, одними из самых ярких, если судить по именам изданных авторов. В эти пару лет здесь вышли: книга стихов В. Высоцкого «Клич» (1988), одна из первых в стране после знаменитого сборника «Нерв» (1981), коего в свободной продаже никто никогда и не видел; «Клич» вышел тиражом в 125 000 (!) экземпляров; сборник рассказов писателей-юмористов начала XX века «Круги по воде» (1988), в который вошли произведения А. Аверченко, Тэффи, А. Бухова, а ещё избранные «Солдатские сказки» Саши Чёрного, извлечённые из малодоступной периодики, впервые в стране издающиеся в книге; семисотстраничное «Избранное» Н. Гумилёва, включившее стихи, поэмы, переводы, очерки, рассказы, собранные по прижизненным изданиям поэта, дореволюционным журналам; сборник повестей, пьес М. Булгакова «Дьяволиада и другие невероятные истории» (1989), получивший, кстати, диплом Всероссийского конкурса искусства книги; сборник произведений Даниила Хармса «Летят по небу шарики» (это уже 1990 год), оригинальный по составу, хорошо оформленный, а в качестве приложения содержащий небольшую документальную повесть А. Александрова и Н. Кавина, посвящённую жизни и творчеству писателя.

В этот ряд можно, пожалуй, поставить и роман А. Дюма «Две Дианы» (1988), ставший ещё одной «ударной», как тогда говорили, книгой издательства. Ничего удивительного, если знать, что в советские времена классики приключенческого жанра — Дюма, Майн Рида и проч. — могли издаваться, и то нечасто, почти исключительно центральными издательствами. Так что Дюма этот являл собою как бы победу нового мышления над прежними госкомиздатовскими запретами.

Самой же громкой красноярской книжной премьерой 1989 года было издание романа «Нечистая сила» В. Пикуля. Его сокращённый вариант под названием «У последней черты» печатался в 1979 году в чётырех номерах журнала «Наш современник». Как известно, после критики романа главным идеологом страны Михаилом Сусловым секретариат правления СП РСФСР признал публикацию романа ошибочной. Журналы должны были быть изъяты из библиотек, чего не произошло, поскольку все их номера уже были «зачитаны» читателями…

Насколько помнится, немыслимую идею издать полузапрещённый роман подал Евгений Сыч (ныне проживающий в США). Но 1987-й (когда, собственно, и начиналась его подготовка к изданию) — не 1979-й, и роман утвердили. В советскую ещё Латвию, в Ригу, где жил В. С. Пикуль, была снаряжена издательская экспедиция в составе Галины Никифоровны Ермолиной, готовившей книгу к печати, и художника Виктора Бахтина. Общение их с писателем было плодотворным. Издатели получили рукопись полного варианта романа и одобрение подготовленного Бахтиным оформления книги.

Позднее Виктор Бахтин вспоминал: «На заре перестройки Красноярское книжное издательство расхрабрилось напечатать роман Пикуля „Нечистая сила“. В процессе иллюстрирования я побывал в гостях у писателя, порылся в его безумной библиотеке, помог ему в спорах с редактором, а он в отместку подарил мне родословную моей фамилии в 368 лет длиной». Необходимое пояснение: для героев своих произведений Пикуль составлял подробные генеалогические древа; одним из таких героев в романе «Моонзунд» был старший лейтенант, командир подлодки «Пантера» Александр Бахтин — дальний родственник талантливого художника Виктора Бахтина. К слову, ещё одного бывшего сотрудника Красноярского книжного издательства, с 1994 года жившего и работавшего в Штатах, скончавшегося от тяжёлой болезни в ноябре 2016-го…

Наконец, «Наследник из Калькутты». Вышедший тиражом 100 000 экземпляров в самом начале 1989 года, он начинал готовиться к изданию за два года до этого, в 1987-м. Во времена традиционного, т. е. государственного, книгоиздания процесс выпуска книги длился обычно около двух лет! Издательский «долгострой» был устроен таким образом: в один год книга задумывалась, на следующий она попадала в план редакционной подготовки, ну а на следующий год выходила, наконец, в свет!

О том, почему «Наследник» не переиздавался три десятка лет, как и о самой истории написания романа, представления были самые смутные. При этом все хитросплетения сюжета романа в памяти у меня основательно затуманились, однако общее впечатление о нём прочно сохранялось как о произведении совершенно необыкновенном, своего рода «романа романов», как называл «Наследника»

один из литературоведов… А вот почему бы и не переиздать его?

Когда уже «Наследник из Калькутты» занял свою позицию в плане редподготовки, который должен был утверждаться Госкомиздатом РСФСР, в журнале «В мире книг» (1987, №4) появилась статья «Небольшой детектив о большом романе» Феликса Штильмарка, сына Роберта Александровича Штильмарка. На нескольких страницах в ней впервые, наверное, в печати рассказывалось, где и в каких обстоятельствах рождался роман. Статья Феликса Штильмарка явилась ответом на письмо читателя журнала С. Афанасьева, врача-хирурга из Красноярска (!), с просьбой рассказать о книге и её авторах. Было ли это письмо, что называется, организовано, нет ли, судить не могу, однако написавший его читатель — лицо вполне реальное.

Но пора, наконец, перейти к основной части этой публикации, письмам Феликса Робертовича Штильмарка, связанным с изданием «Наследника из Калькутты» в Красноярске, да и не только с ним. Переписка началась с моего письма к Ф. Р. Штильмарку (его черновик сохранился).

30 октября 1987 г.

Уважаемый Феликс Робертович!

Пишет Вам редактор Красноярского книжного издательства, а повод для этого письма вот какой.

В начале нынешнего года при составлении издательского плана редподготовки 1988 года (темплан 1989 г.) мною был предложен для переиздания роман Вашего отца «Наследник из Калькутты». Роман в план был включён, и, более того, в отношении романа впоследствии не было сделано никаких замечаний Госкомиздатом РСФСР. Таким образом, роман «Наследник из Калькутты» перешёл в темплан 1989 года и должен быть сдан в производство в 1988 году (квартал сдачи определится, видимо, до конца этого года). Пока роман не прошёл контроль Госкомиздата, сообщать Вам о включении его в план издательства было бы преждевременно, поэтому и пишу Вам обо всём этом только сейчас.

Теперь о конкретных делах.

1. Сейчас издательство располагает одним экземпляром романа (Детгиз, 1958), достать который было чрезвычайно трудно. Однако из Вашей публикации в ж-ле «В мире книг» мы узнали, что более совершенное издание — алма-атинское, 1959 года. Но где его взять?! Тем более что для расклейки[1] нужно 2 экземпляра!! Тут бы очень хотелось рассчитывать на Вашу помощь.
2. Вашу статью «Небольшой детектив о большом романе» мы хотели бы включить в качестве послесловия к роману. А до выхода книги статью желает опубликовать — по рекомендации В. П. Астафьева, от которого Вам привет — наш альманах «Енисей». Если в ж-ле «В мире книг» опубликован сокращённый вариант статьи — дополните её; подробнее, может быть, стоит рассказать о жизни и творчестве Р. А. Штильмарка.
3. Кроме того, для использования в книге нужна ещё и хорошая, качественная фотография Р. А. Штильмарка. <…>

Более всего меня как редактора беспокоит отсутствие алма-атинского издания. Какого рода переделки коснулись предисловия книги?

Прошу Вас, Феликс Робертович, ответить как можно быстрее.

Всего Вам доброго!

В. Чагин,
редактор издательства.

Ответ на моё письмо пришёл незамедлительно, но не от Ф. Р. Штильмарка, а от его жены Н. К. Штильмарк.

4 октября 1987 г.

Уважаемый Владимир Васильевич!

Только что пришло Ваше письмо и я решила ответить на него, поскольку Феликс Робертович в отъезде и будет в Москве не скоро (самый конец ноября — начало декабря). Он вот уж, пожалуй, тридцатый сезон проводит в тайге — обычная охотничья пора — октябрь-ноябрь. Нынче он в Бурятии, в бассейне Чикоя. Никакой связи с ним.

Думаю, что он будет очень польщён (как и все мы, родные покойного Роберта Александровича) решением Красноярского изд-ва издать «Наследника». Сейчас (после публикации «В мире книг» возникают предложения и от других издательств. Но если вы издадите в начале 1989 года, то безусловно опередите всех. И Красноярское издательство и должно было определить всех, ведь роман создавался там.

К великому сожалению, нет у нас (и у других родственников — я всех обзвонила) ни одного экземпляра Алма-Атинского изд-ва, и всего единственный, с надписью Роберта Александровича —

1. Это было то ещё время, когда в издательствах, по старинке, рукописи перепечатывали машинистки на пишущих машинках, пусть даже и электрических. Причём если машинистка перепечатывала текст из книги, то прежде следовало эту книгу безжалостно разорвать и каждую страницу наклеить на лист бумаги — так машинистке, при большом объёме работы, работать было сподручнее. Отчего и требовались для расклейки два экземпляра предназначенной к разрыву книги, чётная — нечётная страницы на отдельных листах…

детгизовский (1958 г.). Все книги, которые были в доме, постепенно «зачитаны», как Феликс Робертович не дорожит книгами вообще, а этой — особенно. «Наследник» имеет это свойство — он „зачитан“ во многих библиотеках и вообще куда-то исчезает бесследно.

Но будем искать. Феликс Робертович напишет Вам сразу, как только будет возможность связаться с ним и сообщить о Вашем письме. (Я ещё страшно боюсь — нынче в Забайкалье не залегли в спячку медведи — масса шатунов.) <…>

Фотографии Роберта Александровича, безусловно, будут.

Я скоро буду в Сибири — в Саяно-Шушенском заповеднике, в Абакане, в Абазе и на днях — в Красноярске (очевидно, это будет 14 ноября), и, с Вашего разрешения, позвоню Вам домой (день воскресный).

Спасибо Вам большое за все хлопоты, участие, внимание. Большой привет Виктору Петровичу. Мы знаем о его большом горе (смерти дочери). Как-то они с Марией Семёновной переживут это?

Надежда Константиновна Штильмарк.

Охота Феликса Робертовича в бассейне Чикоя закончилась вполне успешно, и даже медведи-шатуны не смогли ей помешать. Но прежде чем продолжить публикацию писем, следует, хотя бы кратко, сказать о самом Ф. Р. Штильмарке, хотя в различных вполне доступных источниках сведений о нём и его работах можно найти предостаточно.

Феликс Робертович Штильмарк, старший сын Р. А. Штильмарка, — учёный-биолог, эколог и охотовед. Он был одним из тех, кто приложил немалые усилия к созданию в стране природных заповедников, в частности, Сохондинского, Малая Сосьва, Таймырского, Юганского, Центрально-Сибирского…

Академик РАЕН, доктор биологических наук, профессор В. В. Дёжкин, хорошо знавший Ф. Р. Штильмарка, писал о нём:

«Известный учёный и общественный деятель, один из основателей современного заповедного дела, писатель-публицист и популяризатор, биолог-охотовед, человек со страстным бескомпромиссным характером… Главный научный труд Ф. Р. Штильмарка — „Историография российских заповедников“ — стал настольной книгой для всех, кто занимается этой категорией ООПТ…

Ф. Р. Штильмарк написал сотни научных работ о проблемах экологии, зоологии, охраны природы, охотничьего хозяйства, заповедного дела, о судьбах отечественных мучеников-природоохранителей. Он был ярким публицистом, упорно сражавшимся за близкие его душе дела. Долго будут привлекать внимание читателей его научно-популярные книги, содержащие впечатления о многочисленных странствиях автора по пространствам России, в которых его преданным и терпеливым спутником часто была жена — Надежда Константиновна Носкова. Это „Таёжные дали“ (1972), „Свидание с Таймыром“ (1979), „Лукоморье — где оно?“ (1993). В этих книгах — свежесть взгляда, достоверность очевидца, боль от встреченных надругательств над родной природой, попытки найти выходы из создавшихся тупиков».

Увы — написано это уже после смерти Феликса Робертовича, последовавшей на 74-м году жизни в январе 2005 года в отделении реанимации московской городской больницы — остановилось сердце…

В том же 2005 году был основан Фонд памяти Ф. Р. Штильмарка. В 2006 году московское издательство «Логата» (кстати, Логата — река на Таймыре, на территории Таймырского заповедника; надо думать, в название издательства она попала не случайно), при финансовой поддержке друзей и коллег Феликса Робертовича, выпустило в свет большой том его воспоминаний «Отчёт о прожитом». Воспоминания охватывают всю жизнь учёного, буквально до последних дней. Мне кажется, давно не было столь обстоятельных, честных, хорошо написанных, да и просто очень интересных воспоминаний. В них много событий, имён, и не только биологов, охотоведов, экологов, но и писателей, литераторов, своеобычных людей, встречавшихся автору на его жизненном пути. Немало страниц воспоминаний отведено Красноярскому краю, Хакасии, где Феликс Робертович работал как охотовед, занимался организацией заповедников, жил, охотился. «Отчёт о прожитом» Ф. Р. Штильмарка достойно продолжает, стоит в одном ряду с мемуарным романом-хроникой «Горсть света» его отца.

В 2008-м то же издательство «Логата» переиздало составленную и прокомментированную Ф. Р. Штильмарком «Поэтическую экологию» — стихи русских, в основном, поэтов, посвящённых природе, да и не только; они собирались в антологию в 1990-е годы и ранее.

«Тайга и книги — вот лучшее, что было в минувшей жизни», — написал Феликс Робертович, завершая свой «Отчёт о прожитом». Эти две темы, тайга и книги, будут не раз возникать на страницах его писем.

3 декабря 1987 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
Вчера я вышел из тайги, где пробыл более месяца, и получил письмо от жены о намерении переиздать в Красноярске «Наследника из Калькутты». Очень радостно, что это будет именно в Красноярске,

городе, и ему—отцу—и мне очень близком, где он освобождался после отбытия срока, где мы с ним встретились в 1954 г., когда я впервые побывал и прочувствовал Сибирь (потом жил и работал, и Красноярск мне—вторая родина, часто жалею, что не там живу).

Теперь главное—о статье моей «В мире книг». Она вся насквозь деловая, её цель одна—снять наложенный Госкомиздатом строгий запрет с книги. А исходит он ещё со времён первого издания книги, когда врагам книги не удалось её остановить, но зато они дали залп антирецензий, которые и закрыли путь переизданиям. Об этом в моей статье, были и письма отца, и фактология, но это всё заменено одной фразой—«книга издавалась трудно». Всё до—вплоть до предсмертной (и неудачной) тяжбы отца с Госкомиздатом можно рассказать, но лучше в узком кругу или статье, а не в самом переиздании книги. Для Вас, думаю, будут интереснее подробности самого сочинения—они ведь сильно сокращены. Один из коллег отца тех времён[2], умнейший человек, ведущий мудрую переписку с В. П. Астафьевым, очень резко отозвался о моей статье как подхалимской в адрес «органов», принижающей труд отца как протест против произвола, возвеличивающей гнусную личность Василевского, узурпатора и лжеавтора. Но я тут не во всём согласен. Житейски Василевский всё же помог, и отец это ценил. Как понять истину, как не ошибиться—это сложно очень. Короче говоря, я бы охотно написал для Вас заново, используя отклики родных и друзей отца на мою статью, но для этого нужно время. <…>

Ваш Ф. Штильмарк.

20 декабря 1987 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
Высылаю Вам переработанный и дополненный вариант статьи для книги и «Енисея»[3]. В нём я восстановил отчасти тексты отцовских писем, сокращённые «Миром книг», изменил несколько свои трактовки с учётом замечаний на публикацию «Небольшого детектива», хотя и не в той может быть степени, как следовало. Во-первых, мало времени, во-вторых, я всё же считаю, что фактологическая основа мною соблюдена и акценты расставлены верно. Есть мнения, резко осуждающие Василевского и всю его затею, но ведь всё-таки без него книги бы не было, и отношение отца даже после всего происшедшего было неоднозначным. Разумеется, текст мой может не во всём удовлетворить Вас, и я предоставляю Вам возможность выбора между ним и уже опубликованным. В принципе не исключаю помещение в книге статьи («небольшой детектив»), а новый вариант («…это чудо») тогда предложите «Енисею». Заранее согласен с возможными купюрами (частое упоминание ГУЛАГа, фразы отца о реакции на выход в свет фельетона, упоминание реального полковника Штанько как виновника грустных событий, о Госкомиздате, Е. Парнове и т. д.). Прошу Вас только в случае публикации прежней статьи изменить неудачную фразу о том, что отец «не терял литературных навыков». Надо сказать «не утратил, но развил своё литературное мастерство». И в суд обратился Детгиз, а не он сам.

Если время позволяет, то можно продолжить работу над текстом послесловия, пишите мне Ваши замечания и предложения.

Не подумайте только, будто бы я «наталкиваю» на сокращение. Ни от чего мною написанного не отказываюсь.

Внутренний голос подсказал мне послать всё-таки 2-й экземпляр В. П. Астафьеву. Думаю, несложно потом соединить с первым. Зато буду знать, что он прочитает в первоначальном виде. В нынешней суете трудно надеяться, чтобы все частые просьбы исполнялись, не обижайтесь на меня, пожалуйста…

P. S. Если время позволит, можно дополнить очерк за счёт писем отца, документов Василевского и др. Я всё экономил, а получилось 21 стр. вместо 24-х…

Прилагаю 2 фотографии.

Ваш Ф. Штильмарк.

10 апреля 1988 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
Очень благодарен Вам за «Красноярский библиофил»[4]—книгу, весьма насыщенную по содержанию, выполненную со вкусом и любовью, содержащую так много славных имён и названий. Не имея возможности собирать редкие книги, я навсегда отравлен книжным искушением и надеюсь, что когда-нибудь дерзну поделиться на эту тему с окружающими… В рукописи большой книги, которую я сдал изд-ву «Мысль» (условное название её «В поисках Лукоморья») есть большая глава о путешествиях книжных (связанные со словом «Лукоморье», но это географически—Западная Сибирь).

2. Речь идёт о *В. М. Довбне* (1911–1989).
3. Альманах «Енисей» Красноярской писательской организации.
4. «Красноярский библиофил»—сборник, посвящённый редким изданиям, первым частным и общественным библиотекам, книголюбам Красноярска, изданный Красноярским книжным издательством в 1987 году. Брошюра «Книги Красноярского книжного издательства. План выпуска литературы. 1989».

План 1989 г.[5] вызвал общее восхищение в нашем семейном клане (он довольно обширен, ибо родитель был неравнодушен к слабой половине рода). Сообщите, пожалуйста, каким образом оформить официальную заявку на 100 (если для всех нас!) экз. «Наследника», а также по 2–3 экз. Булгакова и Пикуля (последнего лично я не жаловал, однако и не читал как следует, надо посмотреть, а обрести невозможно; это не обязательно, если сложно, а вот «Наследника» надо!)

Автографы отца прилагаю к письму—выбирайте…

Теперь (кстати о книгах!) хочу Вас спросить в отношении издания произведений Елены Александровны Крутовской[6] (я не раз писал о ней для журналов, кое-что печаталось), которая заслуживает не меньшей известности и внимания, чем столь вознесённая московскими издателями Джой Адамсон (не говоря уже об окончательно забалованном Дарреле!) Я знаю, что в издательстве что-то намечалось, но когда и что из того будет, кто этим занимается? Виктор Петрович обещался о ней написать для Детгиза, но там мало шансов на реальное издание. Она, т. е. Е. А., право, достойна самой благодарной памяти, а уж хорошая книга и есть таковая, это наш общий долг, чтобы не забыть в суете.

Писать ли заявку на «Наследника» в издательство или же в магазин (и какой)? Пожалуйста, дайте знать.

Очень интересные есть у меня сибирские (енисейские) описания отца—ужо доберусь до них! <…>

Искренне Ваш Ф. Штильмарк.

4 мая 1988 г.

Дорогой Владимир Васильевич!

<…>

Передав в издательство («Мысль») большую рукопись «В поисках Лукоморья», я теперь планирую длительные поездки, в частности, на Алтай. Хочу немного «проветриться».

Меня смущает размер своего «заказа» на 100 книг «Наследника», но это ведь на весь наш «клан» (если будут приходить заявки на книгу от других лиц нашей фамилии, их уже можно не принимать). Наверное, надо адресоваться куда-то в книготорг или рано ещё?

И что слышно об альманахе?[7] Если они не будут давать текст послесловия, я бы мог туда послать что-нибудь своё, например, отрывок из книги. Узнайте при случае.

Ещё раз благодарю за «Альманах»[8].

Ваш Ф. Штильмарк.

10 августа 1988 г.

Дорогой Владимир Васильевич!

Перво-наперво хочу Вас поблагодарить, ибо Аделаида[9] обнадёживает меня насчёт Высоцкого. Ценя его талант, однако не будучи восторженным поклонником того, что слышится из местных магнитофонов, я очень хотел бы ознакомиться с его подлинной поэзией, а это в Москве нереально.

А теперь мне хотелось бы с Вами скорее посоветоваться, чем сразу о чём-то ещё и опять просить. Когда я был в больнице, получил письмо от сотрудника музея А. В. Виноградова[10], который просил дать им что-то к юбилею. Тут я стал думать—ведь мне в самом деле есть что рассказать о крае, но я не могу себе позволить писать, а тем более печатать на машинке «просто так» для отвлечённо-познавательных или благотворительно-юбилейных целей. Возникла мысль написать обо всём, что связано с Енисеем так, чтобы можно было опубликовать. Оттолкнулся я от отцовских подлинных писем… и убедился, что замысел мой трещит по всем швам. Ведь первоначально я мыслил об очерке в 1–2 листа всего, а только самая малая выборка из писем родителя заняла прилагаемых 30 стр. машинописи. Я же ещё в санатории начал набрасывать дальнейшее—свои воспоминания о переезде Института[11] леса из Москвы в Красноярск (к сожалению, здесь придётся опять говорить не очень лестно о Красноярске, хотя я ему душевно предан), маршрутах водно-саянских (пороги до ГЭС), участии в проектировании Саяно-Шушенского, Таймырского, Центральносибирского заповедников, республиканского заказника «Малый Абакан» и косвенно при этом—о Лыковых (моя жена из Абазы, и многое я слышал издавна). Ну, ладно, Таймырская тема особая, и книжка была,

5. Брошюра «Книги Красноярского книжного издательства. План выпуска литературы. 1989».
6. Небольшая книжица рассказов, очерков, зарисовок *Е. А. Крутовской,* учёного-биолога, создателя Живого уголка в красноярском заповеднике «Столбы», была издана в 1990 году.
7. Имеется в виду альманах «Енисей», в котором предполагалась публикация Ф. Р. Штильмарка.
8. Сборник «Красноярский библиофил».
9. *А. А. Осадчая*, красноярская родственница Штильмарков.
10. Вероятно, сотрудник Музея леса в городе Лесосибирске Красноярского края. В фондах музея, с 2010 года Лесосибирского краеведческого музея, хранятся материалы, связанные с годами заключения в лагере Р. А. Штильмарка, его жизнью в Енисейске, Маклаково, в том числе рукопись «Наследника из Калькутты», переданная в музей М. Д. Савеловой.
11. Об этом рассказано на страницах «Отчёта о прожитом».

но вот уж о чём необходимо писать, так это про мои туруханские впечатления 1963 года, когда я много общался с потомками ссыльных (в особенности — немцев Поволжья) и записал немало трагических историй тех времён. Правда, об этом, вполне возможно, расскажут и сами участники событий, тогда мои планы надо пересмотреть. В моей книжке «Таёжные дали» есть «Туруханская глава», но она написана почти без намёка на подлинные драмы с выселением, переселением, а также горестного процесса опустения таймырских деревень. Я писал об этом, но ничего не удалось опубликовать… Ну и совсем пока незатронутая история Центральносибирского заповедника, мои впечатления 1981–1983 гг., а также попытки создания степных заповедников в Хакасии и Туве (неудачные) тоже представляют нек. интерес.

То есть, если продолжить то, что я Вам высылаю этим конвертом, получится минимум порядка 100 страниц машинописи (с учётом 30 высланных). Вот я и подумал — будет ли кто-нибудь, где-нибудь это печатать? Ведь Деля говорит, что в «Енисее» №6 пойдёт моё послесловие (надо бы текст мне всё же взглянуть, м. б., пришлют?), и я уже подготавливаю некий комментарий, отклик, в частности, В. М. Довбни, астафьевского корреспондента из Усмани, друга отца, который обругал меня за написанное «В мире книг» и дал блестящий анализ «Наследника» как литературно-общественного явления, это именно то, чего не хватает в моей публикации.

Так вот, захочет ли и сможет ли не столь уж толстый «Енисей» вновь обращаться к Р. А. и Ф. Р. Шильмаркам? Я бы не стал и спрашивать, тем более всё же чувствую себя «беглецом» по сравнению с теми бывшими москвичами, с которыми когда-то вместе ехали, а до того работали в Москве (в частности, это нынешний директор Женя Петренко). Но просто материал и отца, и мой представляется объективно всё-таки нужным, интересным для местных читателей. Посмотрите сами…

Вот взять хотя бы отцовские письма — ведь он в них выразил себя именно как писатель в то время, когда работал геодезистом, нормировщиком или просто был изгоем. Мы стосковались по немудрёным, но честным описаниям, а спустя полвека это будет отдалённо, как сейчас Чехов и Короленко. Какова была Сибирь этого времени — сер. XX в. — где узнают потомки? Слава Богу, возник Астафьев с его «Царь-рыбой», но эта высокохудожественная проза не даёт полного бытописательского и краеведческого познания.

Почему возникает у меня мысль — не предложить ли письма родителя из Енисейска и Маклакова для книжного издательства? Ведь Вы можете судить о них по отрывкам в моём тексте (ледоход, дорога в Енисейск и т. д.), а общий объём весьма значителен. Правда, м. б., книжка будет тонкая (я не замахиваюсь на все имеющиеся письма с его поездками по стране при работе над книгой «Образы России»), но — уверен — стоящая.

В общем, Вы видите, что вариантов «енисейских» немало. М. б., не надо соваться в «Енисей», а уповать на какие-то краеведческие сборники, но работает ли соответствующий раздел в издательстве?

Что делается с книгой Е. А. Крутовской? Кстати, «Столбы» должны непременно войти в мою «енисейскую летопись», я всё-таки много с ними возился и писал про них (последнее — см. сборник «Лес и человек», 89).

Если думать о книжке из писем отца, с ними очень много личной возни — отбора, перепечатки и т. д., оплачивается ли труд «составителя» (или как вариант — «публикация Ф. Р. Ш.»), ибо игнорировать эти вопросы я не могу, трудясь как литератор. Пенсия инвалидная мне пока не назначена, но и при ней надо шевелиться, «ловить мышей…». Впрочем, м. б., я зря обо всём этом спрашиваю — повторяю — в порядке предварительного обсуждения, совета — не более того.

Ваш Ф. Штильмарк.

31 августа 1988 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
Боюсь, что я Вас уже замучил своими обращениями и просьбами, но Вы не стесняйтесь отказывать. Так, например, на мой опус с описаниями и письмами отца смотрите как на пробную попытку — м. б., мне было бы важнее кое-что рассказать самому о туруханских краях как месте ссылки. Правда, я застал их (в 1962 г.) уже сильно опустевшими, и только кое-кто из прижившихся ссыльных рассказывал мне о былом. Сейчас появляются публикации о ссылках (Ариадна Эфрон в переписке с Пастернаком и в удивительной по силе книге М. Белкиной «Скрещение судеб» — не пропустите её!), возможно, в «Енисее» или у Вас в изд-ве есть или будут публикации, которые снимут с меня обязанность дорассказать о нерасказанном в своей книге «Таёжные дали» (если её у Вас нет, я Вам могу выслать, там есть «Туруханская глава»).

Я получил одно очень серьёзное замечание к своей публикации о «Наследнике». Если не поздно, надо бы это учесть в послесловии (хотя бы в гранках за мой счёт!). Во-первых, в суд на Василевского подал не отец, а Детгиз, т. е. издательство. Отец вёл себя очень рыцарски, считая себя обязанным Василевскому жизнью, и моя фраза о том, что именно он пошёл в суд, искажает и действительность, и образ отца, и память о нём. И вторая частность — рецензентом «Наследника» в Детгизе был не писатель Р. И. Фраерман, а его жена, критик

В. С. Фраерман, это тоже существенная моя неточность. Как редактор и библиофил Вы должны меня понять, что я обязан немедленно писать Вам, хоть и неудобно тревожить. Признаю полностью свою вину, свой грех, повинную голову меч не сечёт, а наказать рублём (за гранки) можно… <…>

Искренне Ваш Ф. Штильмарк.

В ответ на просьбу внести срочную правку я сообщал: «Рукопись и книги, и статьи в „Енисей" в наборе и исправления предстоит внести уже в корректуре. „Наследник" должен явиться в свет в первом квартале 1989 г., его корректуру я Вам вышлю обязательно». Статья Ф. Р. Штильмарка «Вообще говоря, это — чудо…» — об истории создания «Наследника из Калькутты» и её авторе была напечатана в альманахе «Енисей» (1988, № 6).

7 октября 1988 г.

Дорогой Владимир Васильевич,
спасибо Вам за детальный ответ и все сведения, за добрые слова о моих набросках[12]. После разговора с Вами по телефону я решил, что не буду посылать рукопись с письмами родителя для «Енисея», если они сами этого не захотят и не попросят. Не стоит навязываться. Что же касается альманаха или сборника, то Вы теперь имеете представление и всегда можете запросить у меня рукопись (назовём её «Времён новейших Одиссея»). Возможно, что часть писем отца, в частности и о Енисейске, я буду пытаться обработать и представить ещё куда-нибудь. Когда он работал над книгой «Образы России» (а именно её он считал своей главной из всех изданных), у него осталось много «горестных замет» о древностях и памятниках, это может быть интересно, тем более к его 80-летию в 1989 г. К выходу же «Наследника» я всё-таки попробую дать кое-что об авторе его — то, что не удалось в «послесловии».

Теперь главное (и это ответ на Ваш вопрос[13]). Отец в 70-х годах написал большой труд — роман-хроника, это автобиография от третьего лица, название «Горсть света». Судьба рукописи сложна, но сейчас появилась возможность показать её издателям. Сестра повезла экз. в Хабаровск по просьбе альманаха (журнала) «Дальний Восток». Ни в одну книжную редакцию рукопись не показывали, её объём около 1500 стр. И текст весьма откровенный, написан с позиций демократичности, критического отношения к власти и насилию (но не только сталинской…), может вызвать сомнения у любых издателей, но вполне возможна и некоторая правка (сейчас издаётся — в изменённом несколько варианте — роман О. В. Волкова «Погружение во тьму», которое мы слушали по разным «голосам»). В «Горсти света» охвачен весь XX век, несколько глав посвящены Красноярскому краю — 503 стройке, Игарскому театру, лагерям, Красноярску, созданию «Наследника» (глава «Господин из Бенгалии»). Вероятно, это более подходит для «Енисея» или сборника, но довольно объёмисто.

Я же мог бы предложить вашему краеведческому отделу как книгу свой «Енисей» — от Тувы до Таймыра, но если говорить о книге, то надо хотя бы частично использовать изданную у вас книжку «Свидание с Таймыром», две главы из моей ранней книжки «Таёжные дали» (Саянская и Туруханская), обновив капитально и новыми материалами (например, создание Центральносибирского заповедника на Подкаменной и Елогуе, республиканского заказника «Малый Абакан», присовокупив Лыковых и др.).

Дать вскоре рукопись я не берусь, но прислать заявку и план-проспект для включения на перспективу вполне реально. Издательство, зная меня как автора, могло бы и договор заключить, но даже без такового мы можем наметить будущую книгу, центральное место в которой займёт история почти всех заповедников края, их создание (но не описание само по себе, т. е. более научно-художественного, чем популярного жанра). Надеюсь, что после выхода в «Мысли» моей главной книги («В поисках Лукоморья») ко мне будет более благосклонное отношение, но Енисея там очень мало…

Высоцкого я ещё не получил — Деля боится высылать почтой, ждёт оказии, но человек она надёжный и не подведёт. Просьба же моя связана с будущим изданием ранних вещей Булгакова — заранее умоляю…

Гонорары мы за «Наследника», конечно, получаем через ВААП, но все издательства требуют от нас копий свидетельств о наследовании. Нас — шестеро! Первая ласточка (из Ленинграда) принесла нам аж по 150 рубликов (вероятно, 60%), у них выйдет

12. Речь, видимо, идёт о незаконченной рукописи Ф. Р. Штильмарка, посвящённой началу его работы на севере Красноярского края. После её прочтения я писал ему, в частности: «То, что Вы пишете и цитируете о ссыльных, городском быте, о природе, которой уже нет, и то, что предполагаете написать — о Туруханске и т. д., — нужно, и имеет уже характер исторического свидетельства. Думаю, что такая рукопись издательство могла бы заинтересовать. Говорю осторожно, потому что, как Вы сами понимаете, в этом деле 100% гарантии никто не даст, хотя есть у меня убеждение, что такого рода рукописи издательство должно само искать. Но — существенная „мелочь" — для того, чтобы „пробивать" рукопись в темплан, нужна рукопись всей книги…»

13. Вопрос этот касался неопубликованных рукописей Р. А. Штильмарка, которые могли представлять интерес для издательства.

не раньше 2 или 3-го квартала. В Ташкенте же грозятся чуть ли не в начале года или конце этого, но там нет ни слова об условиях создания книги. В Горьком только раздумывают о послесловии, в ленинградском идёт текст Елены Робертовны[14], отчасти сходный с моим по фактологии, но без писем отца и со многими лагерными деталями мною опущенными. Он привлекает своей «малинностью»… В общем, история книги, как ни странно, развивается! <…>

Искренне Ваш Ф. Штильмарк.

17 февраля 1989 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
С благодарностью подтверждаю получение двух авторских книг «Наследника» и с нетерпением ожидаю остальных по «Книге-почтой». Все родные теперь просят, увидевши, всем надо, а не разорвать же на всех эти две…

Неудобно просить Вас, но м. б., Вы узнаете и сообщите об отправлении наложенным платежом? Меня стращают, что всё на почте могут стащить и не дойдёт, надо бы им подстраховаться квитанциями.

Ярославцев[15] прислал выдержки из «Горсти» с большой правкой и купюрами. Не подумать ли всё же об издании всей 4-й книги полностью (м. б., с правкой или комментариями)? Это — Лубянка, подмосковные лагеря, Абезь (Коми АССР), Енисей — Игарка — 33-я колнна 503-й стройки — Красноярск — Москва — работа над книгой «Образы России». Общий объём этой части — порядка 400 стр. Можно взять и Ленинградский фронт из 3-й части (про остальное пока не говорю!).

Понимаю, что изд-ву надо отдохнуть от этого автора! Но в 1990 г. «Правда» издаёт «Наследника» на макулатуру, и я хотел бы развеять миф об отце как авторе «единственного романа».

Ваш Ф. Штильмарк.

Итак, «Наследник из Калькутты» вышел из печати в Красноярске в январе 1989 года, явившись первым изданием романа после затянувшегося на тридцать лет его замалчивания. В прессе выход книги не прошёл незамеченным. Впрочем, отметив незаурядность произошедшего в книжном мире события, журналисты в своих публикациях обращали внимание на высокую цену книги, проставленную на её задней обложке, — целых 7 рублей! Корреспондент краевой партийной газеты пыталась выяснить в издательстве, на каком таком основании была назначена на книгу столь возмутительная цена, более чем в два раза превышающая цену, объявленную на «Наследника» в темплане.

Дело в том, что пока книга находилась в производстве, издательство перешло на хозрасчёт, получило возможность выпускать несколько книг в год по договорным ценам. При этом, впрочем, львиная доля прибыли отдавалась в госбюджет, Госкомиздату РСФСР. В недалёкой же перспективе, с удорожанием бумаги, типографских услуг и проч., цены на книги получили свободу, а давняя традиция печатать их на обложках или в выходных данных книг сама собою тихо угасла…

Корреспондент «Комсомольской правды», сообщая о выпуске «Наследника», добавил чуть драматизма: «В издательстве немало помучились, прежде чем нашли ту единственную книгу 1958 года издания. Она хранилась в сейфе краевой библиотеки, и её уже давно никому не давали, хранили, как реликвию!»

Своего рода откликом на публикацию в «Комсомолке», расходившуюся по всем градам и весям единой тогда страны, стало письмо, пришедшее в издательство с Украины, из города Запорожье. Отправитель — Василевский И. В., младший сын бывшего соавтора «Наследника из Калькутты»!

Вот что он сообщал: «Мне стало известно, что вами выпущен „Наследник“ без „дяди Васи“, а точнее, без соавтора Василевского Василия Павловича. Убедительно прошу! Разъясните мне обоснованность этого решения, и какими документами вы располагаете, прежде чем выпустить „Наследника“ под одним автором Р. Штильмарк».

Письмо сына Василевского было передано для ответа Феликсу Робертовичу. Предполагая подготовить материал для газеты об истории создании «Наследника», его авторе и «соавторе», я написал И. В. Василевскому о том, что хотелось бы узнать, как сложилась судьба его отца после освобождения из лагеря. Задал вопрос и о возможности получения фотографии Василия Павловича — очень хотелось иметь представление о том, как выглядел легендарный «дядя Вася». К сожалению, эти вопросы остались без ответа… Начиная с 1989 года издания «Наследника из Калькутты» состоялись во многих городах — явился целый сонм «Наследников»… В 1991 году книга вышла в так называемой «макулатурной» серии (продавалась на талоны, получаемые за сданную макулатуру) тиражом 2000000 экземпляров! А в 2013-м «Вита Нова», издательство, специализирующееся на подготовке и выпуске особо художественных, эксклюзивных

14. *Елена Робертовна Штильмарк-Володкевич*, дочь Р. А. Штильмарка.
15. *В. А. Ярославцев*, журналист, составитель сборника «Полярные горизонты», для которого готовился отрывок из романа-хроники В. А. Штильмарка «Горсть света». Опубликован под названием «И вот сижу я в Туруханском крае…» («Полярные горизонты. Выпуск 3». Красноярское книжное издательство, 1990).

изданий, одарило читателей «Наследником» в двух роскошных иллюстрированных томах. Сто экземпляров этого двухтомника были «изготовлены в переплётах из чёрной кожи с трёхсторонним золотым обрезом и пронумерованы». Причём часть из них содержала «два вклеенных оригинальных офорта» художника книги, а единичные экземпляры выполнялись ещё и «в особых переплётах из кожи ручной выделки». Однако для настоящего библиофила самым лучшим, конечно, останется издание романа самое первое — 1958 года…

Из переписки с Феликсом Робертовичем стало известно, что существует незавершённый роман Р. А. Штильмарка «Драгоценный камень фероньеры». И когда в самом начале 1990-х я начал составлять для издательства сборник произведений приключенческого жанра, главным образом сибирских авторов прошлого и настоящего, с разделом архивных публикаций, комментариями, то предложил Феликсу Робертовичу подумать о возможности публикации в этом сборнике отрывка из романа с соответствующим предисловием. Мне представлялось, что неизвестное произведение автора «Наследника из Калькутты», даже фрагмент из него, будет с немалым интересом встречен читателями. Переписка с Ф. Р. Штильмарком продолжилась.

1 марта 1992 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
Только что получил от Александры Дмитриевны[16] рукопись и, лишь бегло ознакомившись с нею, пишу Вам (кроме того, попрошу жену позвонить с «казённого» телефона — по своему дороговато стало…).

На 150 страницах (будет при перепечатке) мы имеем первые четыре главы начатого отцом в последний год жизни (но задуманного ещё в 60-х годах) историко-авантюрного романа (точнее — авантюрно-исторического!) «Драгоценный камень фероньеры». Первая его часть называется «Полтевский барин» (ранее был вариант «колтевский», на самом деле — Полтево — реальная деревня вблизи пос. Купавны, где жил отец, и церковь там реальная). Главы 1 и 3-я — это современность в виде записей (дневника и писем) журналиста и сельской учительницы, полюбивших друг друга. При реставрации полтевской церкви находятся (исчезают загадочно и вновь возникают) документы о предках нынешних героев. Главы 2 и 4-я повествуют об участии их предков в русско-шведских войнах в Прибалтике (действие происходит под Нарвой). Написано всё это хорошо, читается с интересом, но сюжет лишь только намечается, прорисовывается неторопливо, возможно, что даже вся первая часть могла быть завязкой к большому роману. «Фероньера» лишь упоминается (в 3-й главе), «исторического» и бытового пока что больше, чем «авантюрного». Но с учётом интереса к «Наследнику», его автору, а также на фоне сегодняшних исторических событий, думаю, публикация вполне возможна (полностью или частично).

Сообщите, как срочно нужен Вам материал, пожелания (и возможности) по объёму его и моего вступления (лучше дать очень кратко, мне кажется), а главное — согласны ли Вы печатать такой отрывок-замысел, начало книги несозданной… Я бы всё-таки предложил Вам части из «Горсти света» (публиковавшиеся отрывки неполны, разрозненны, а можно взять ведь и другие части, например, фронтовые главы (1941–42 гг., блокада Ленинграда глазами очевидца, там и патриотизм, и критический непривычный для обычных военных взгляд, так не писали ещё о войне). Кроме того, для сборника путешествий можно использовать главы из его книг «Повесть о страннике Российском» (М., 1962, недавно переиздана в Н-Новгороде), «Пассажир последнего рейса» М., 1974) и письма разных лет.

Жду ответа, Ваш Ф. Штильмарк.

19 мая 1992 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
Выполняя Вашу просьбу и своё обещание, высылаю Вам отрывок из «Драгоценного камня фероньеры», а также сопроводительный свой текст, эссе о писательской судьбе отца, о его творчестве (конечно, без литературоведения в подлинном плане, но личностное). К сожалению, как Вам, наверное, уже сказала Александра Дмитриевна, роман (повесть?) отцом была только начата, сюжетные линии едва наметились, и сказать что-либо о дальнейшей судьбе героев, о развитии сюжета я не могу. Отец не составлял планов, герои его жили и действовали порой вне желания автора… Могу только сообщить о том, что он обратился вплотную к работе над «Фероньерой» в последний год своей жизни, в 1985 году (отрывки эти написаны ещё в начале 60-х, а в 1985 году перепечатаны с доработкой текста). Летом он поехал отдыхать в маленький городок Усмань (Липецкая область, недалеко от Воронежа) к своему старому другу-сосидельцу Виктору Мироновичу Довбне, и там занялся работой, хотя часто отрывался от неё ради различных общений, разговоров и т. д. В сентябре он вернулся в Москву, хотел продолжать «Фероньеру», а тут предложили выступить в писательском городке Переделкино; по дороге туда и случился приступ аневризмы, его сняли с электрички, а через три дня он скончался в больнице… Ват вам и «Фероньера»!

16. *Александра Дмитриевна Штильмарк* (*урожд.* Зернова), последняя жена, вдова Р. А. Штильмарка.

Если Вам не понравится моё вступление и будет время для доделок, я готов обсудить и доработать. И всё-таки, моё мнение — публиковать «Горсть света»[17], если же тематика альманаха соответствует — давайте эти две главы, желаю Вам всего доброго и жду ответа. Лучше напишите мне, потому что я могу быть в деревне, где поднимаю сельское хоз-во.

Ваш искренне Ф. Ш.

20 мая 1992 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
Вчера отправил Вам бандероль с двумя главами из «Фероньеры» и свой сопроводительный текст. <…>

Смотрели Вы по российскому телевидению фильм «Наследники из Калькутты», поставленный красноярской студией по сценарию Андрея Зоркого (москвич из ж. «Советский экран»)? В последней передаче недавно он сказал, что сын Василевского выразил некии претензии, почему, мол, книга выходит без его, Василевского, фамилии[18]. Я нашёл Зоркого (он сам ко мне не обращался, не использовал имеющихся архивных материалов отца), он по телефону сказал мне, что письмо Василевского было прислано в Красноярское издательство и оно должно где-то там находиться, и адрес там был указан. Не могли бы прояснить это дело, весьма важное для меня? Ведь Василевский в своё время забрал и увёз из Купавны подлинник романа — те самые синие тома, которые я получал в ГУЛАГе[19]. Очень прошу Вас разыскать письмо и сообщить адрес. Вообще-то фильм мне не понравился по ряду причин, но кое-что есть там и занятное.

Искренне Ваш Ф. Ш.

1 июля 1992 г.

Многоуважаемый Владимир Васильевич!
Спасибо Вам за письмо (я беспокоился из-за того, что очень ненадёжна стала наша почта).

Полностью согласен, что глава «в письмах» не очень удачна, особенно отдельно взятая. Но «исторических» глав имеется две — отнюдь Вам не навязываю, однако если бы Вы пожелали, то могу выслать дополнительно. Впрочем, думаю, что одной достаточно для такого случая[20].

Спасибо за письмо Василевского-младшего. Как я понял, редакция ему не ответила?

Буду рад узнать о судьбе намеченного сборника[21]. Всё непросто, я тоже составитель альманаха («Охотничьи просторы») и знаю, насколько всё неопределённо. Но моё предложение прежнее о «Горсти» — в силе.

Ваш Ф. Штильмарк.

3 января 1993 г.

Дорогой Владимир Васильевич!
Шлю Вам искренние новогодние и рождественские привет и пожелание, надеюсь на что-то хорошее в предстоящем году.

Сохраняются ли перспективы издания «Фероньеры»[22] и моего к ней очерка об отце? Если он (очерк) пойдёт, хотелось бы увидеть окончательный вариант с правкой (или вёрстку).

Пишу Вам домой, ибо многие изд-ва не работают до 10.1.93 г. Как дела у Вас? Если можно, сообщите, издавалась ли в Красноярске книга Марка Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, профессора и епископа» (она издана была за рубежом и печаталась в ж. Октябрь», №2–4, 1990 г.)[23]. Там половина текста о Красноярске и крае, книга

17. Совершенно понятно стремление Феликса Робертовича опубликовать прежде всего «Горсть света», книгу, которую его отец считал главной в своём творчестве. Но огромный этот роман-хронику, по объёму даже превосходящий «Наследника», не было никакой возможности «пробить» в темплан издательства, для меня это было совершенно очевидно. «Горсть света» (практически в полном объёме) была опубликована лишь в 2001 году в первых двух томах четырёхтомника Р. А. Штильмарка (М., ТЕРРА-Книжный клуб).
18. Комментарий относительно письма сына Василевского см. выше.
19. В своём предисловии к «Горсти света» Феликс Робертович писал о них так: «три толстых синих тома (три части романа) и четвёртый — большого формата — с планами морских сражений…». На первой странице был нарисован карандашом портрет волевого человека в полувоенной форме — В. П. Василевский, фамилия которого была изображена на титульном листе крупными печатными буквами. Ниже, более мелко, причём синими чернилами, а не тушью было приписано: «Р. Штильмарк». Это тот самый, изготовленный в лагере экземпляр романа, на переплёт которого пошли обложки дел, которые «нахально вырезали в спецотделе», и «шёлк лучшей рубахи из всех, носимых на колонне». Именно его читал писатель И. А. Ефремов, рекомендовавший роман Детиздату. По нему осуществлялось первое издание «Наследника». В Лесосибирском краеведческом музее хранится, вероятно, более поздняя рукопись «Наследника» (12 тетрадей) — над ней Р. А. Штильмарк работал в Енисейске, после освобождения из заключения.
20. Имеются в виду присланные главы из «Драгоценного камня фероньеры».
21. Сборник, в который предполагалось поместить отрывок из «Драгоценного камня фероньеры».
22. Перспективы сохранялись, но с каждым годом, если не месяцем, становились всё неопределённее. Надо ли рассказывать о том, как жила страна в начинающиеся «лихие девяностые»? Издательство выживало как могло. Пыталось вести книжную торговлю, сдавать в аренду свои кабинеты и т. п. В таком же положении пребывало большинство издательств страны.

потрясающая. Если она была издана, то очень просил бы прислать мне экземпляр. Ещё раз желаю Вам всего наилучшего в Новом году.

Ф. Штильмарк.

В дальнейшем, после двух-трёх писем, переписка с Ф. Р. Штильмарком закончилась. В последнем из них Феликс Робертович не возражал против того, чтобы главы «Драгоценного камня ферроньеры», как и его статья-предисловие к ним, оставались у меня — до лучших времён, «пока ещё на неё шансы какие-то» есть… Статья довольно обширная, в ней приводятся сведения о жизни и творчестве Роберта Штильмарка, ныне уже хорошо известные читателю. Здесь же, предваряя публикацию одной из глав «Драгоценного камня фероньеры», даётся лишь та её часть, в которой собственно и рассказывается о незаконченном романе.

Роберт Штильмарк

«Государевым именем…»

Глава из романа «Драгоценный камень фероньеры»

Призрачный отблеск фероньеры

…В самом начале 60-х годов возник у родителя замысел романа «Полтевский барин», который, в конце концов, стал назваться «Драгоценный камень фероньеры», но так и не был завершён.

Фероньера? А что это, собственно говоря, такое?

Этого слова нет в большинстве словарей, но, как я понимаю, это женское украшение, вроде бы лобная повязка. Название романа пришло из стихотворения Александра Блока «В северном море», где есть такие строки:

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.
На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценной фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

Стихотворение, вошедшее в цикл «Вольные мысли», посвящённый Георгию Чулкову, было написано в 1907 году; отец любил Блока…

«Полтевский барин» — от Полтево, небольшого села в нескольких километрах от дачного посёлка Купавна, на краю которого, возле красивого бора (тогда ещё ягодного и грибного), находился купленный отцом домишко. Купавна ведь близко от Москвы, вторая станция после Обираловки… Да, именно Обираловки, а не «Железнодорожной», как она всё ещё называется и сегодня после нелепого переименования тридцатых годов. Папа с раннего детства внушил мне глубокое отвращение к столь бездарному и казённому названию, ведь любая станция на всякой железной дороге может быть так «наименована», она волей-неволей «железнодорожная»! А ведь наша Обираловка бессмертна хотя бы уже тем, что именно там бросилась под поезд Анна Каренина, нельзя же такое забывать!

Ну вот, живописная лесная дорога идёт почти от того отцовского дома в деревне Полтево, где сохранился старинный, но удивительно стройный и лёгкий Никольский храм, построенный, видимо, в начале XVIII века учениками Трезини или Петра Потапова, а может быть, даже и самими этими мастерами для хозяина имения генерала-фельдмаршала Фёдора Матвеича Апраксина в качестве домашней церкви. Само собой разумеется, в наше время храм был в полном разорении — использовался как склад, но весь его благородный облик как бы сам собой выделялся из безблагородного окружения, невольно обращая мысли в прошлое. Вот здесь-то и родился у отца замысел нового романа о своего рода «русском наследнике», тогда же он начал его писать. Сюжет начинался со случайной находки в полтевском храме некой шкатулки с древними историческими документами, эта нить выводила на прошлых хозяев деревни, на их предков, сражавшихся в рядах войск Петра со шведами, далее намечалась обширная тема российского корсарства (пиратства), отсюда и родство с «Наследником». Позднее именно для «Фероньеры» отец долго разыскивал материалы в архивах Москвы и Ленинграда, много раз ездил на север, побывал во всех местах, связанных с деятельностью Петра Великого — Архангельске, Петрозаводске, Кеми, Нарве… Даже засобирался на дальние острова Балтийского моря, и это уже накануне семидесятипятилетия, после трёх-то инфарктов! В общем, материалов было много, планов и замыслов ещё больше…

Совсем недавно удалось найти вариант авторского вступления к этому произведению. Вот несколько отрывков из него.

«Немало интересных историй рассказывали старушки в селе Полтево. Они и навели меня на мысль написать историческую повесть под названием „Драгоценный камень фероньеры“. Сам этот образ пришёл из блоковского стихотворения „В северном море“. Помните? Там:

…И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами…
На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

23. Книга *М. Поповского* «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого» была издана в 2005 году в Санкт-Петербурге.

Мысль о романе с предположительным названием „Драгоценный камень фероньеры, или Полтевский барин“ пришла ещё в 70-х годах, да всё руки не доходили. Теперь собрал дневники и записи, относящиеся к этому замыслу, первые наброски глав романа или повести, путевые заметки по местам действия — в Карелии, на Каспии, в глубинах России, в горах и степях. Замысел прояснился и вот… первая книга поспела…

…Лесные сосны, архитектурный памятник в селе Полтево, старинные песни и деревенские предания, записанные у сторожих и конюхов, доярок и огородниц, наконец, жёлтые от времени, двухсотлетние страницы архивных рукописей — всё это немаловажные соавторы моей повести о «Фероньере»…

Начинал я её, ещё не зная, каковы будут окончательные результаты архивных исследований, книжных поисков и расспросов учёных-специалистов. Работать приходилось в отделе редких книг и рукописей Государственной Исторической библиотеки, в фондах Государственного Исторического музея, да и теперь ещё поиски продолжаются в книгохранилищах и архивах, в том числе Военно-морском. Находки скупы, источники бедноваты. Но много ценных наблюдений дали поездки по местам действия — Архангельск, Вологда, Соловки, Карелия, Онега и Ладога, Каспий, Дербент, форт Шевченко…

О реальных людях, послуживших прообразами избранных или „додуманных“ героев, сохранилось маловато документов. Вот и вспомнился бессмертно верный совет Ф. М. Достоевского: „Добавить немного лжи… ради правдоподобия“.

Сохранять ли в романе (или повести) подлинные имена и названия, прежде всего, слово Полтево? Мне кажется, что да, не слишком погрешив против требований строгой Музы Истории.

Владел этим селом, не раз менявшим название, боярин Суббота-Рогатин, ещё при первых Романовых. Было оно и Сущёвым, и Агафоновым, и Никольским в Каменном стану. После Субботы-Рогатина, боярина своевольного и гневливого, хозяевами села стали князья Дмитрий и Семён Пожарские. От них оно досталось московскому дворянину Лариону Антоновичу Слотину. По его смерти село перешло в Патриарший приказ (или разряд) и было в 1659 году продано думному боярину Фёдору Алексеевичу Полтеву. Это имя и закрепилось впоследствии в названии села.

В семидесятых годах XVII века, в дни юности царя Петра Первого, Полтевым владели вдова Фёдора Алексеевича Фёкла Пантелеймоновна, а её второй сын, Яков Фёдорович, при неясных обстоятельствах передал права на имение будущему генерал-майору Фёдору Матвеевичу Апраксину. Это произошло в первые годы века восемнадцатого. Государственный деятель империи Петра Фёдор Апраксин пережил царствование своего державного покровителя, а затем и кратковременное царствование его вдовы, Екатерины Первой. Перед кончиной в 1728 году Фёдор Матвеевич завещал продать Полтево, а вырученные деньги употребить на раздачу милостыни и выкуп из плена российских солдат и матросов, захваченных в войнах, где он, боярин Апраксин, командовал войсками и кораблями.

Итак, обратимся теперь прямо к событиям, достоверным и… предполагаемым!»

Феликс Штильмарк,
1993 г.

1.

У прапорщика Якова Полтева раненая нога разболелась хуже. Двигать ею час от часу делалось тяжелее, помучивал жар, нога начала слегка опухать. Пока барский денщик Филофей Заплюй-Свечко находился в отлучке, обязанности барского слуги исполнял казачок Адриашка. Барин Яков Полтев превосходил его возрастом всего года на полтора, но привык обращаться со смердом будто с дворовой собачонкой, вовсе не замечая, что и дома, и в походе пригожий крестьянский сын Адриан Ключицын на лету схватывает все те премудрости, что старшие командиры и домашние наставники с немалым трудом вдалбливали в тугодумную голову боярского сына. И в обращении с оружием холодным — саблей, шашкой или кинжалом, и в стрельбе из пистолета, фузеи или мушкета, и в воинском артикуле юный Адриан всегда опережал барина, а уж в танцах, играх и пении Адриашка не имел соперников во всей роте и, бывало, наставлял и упражнял молодого барина, кому весь этот политес и художества давались с превеликим трудом.

Вот только лакейской угодливости, умения услужить, предвосхитить любую барскую прихоть, да ещё искусства доносить и наушничать барину о ком бы тот ни спросил, — не хватало Адриану Ключицыну, и поэтому в денщиках у Якова Фёдоровича очутился не умелый грамотей Адриашка, а круглый неуч, зато непревзойдённый ловкач — Филька! Адриан же, и в Полтеве, и в походе, служил барским казачком, вроде потешной… собаки или разумного шута.

Командир соседней дивизии, генерал от инфантерии Адам Вейде, недолго расспрашивал обоих разведчиков, Фильку и Степана, уцелевших в схватке с жестоким врагом. Филька вдосталь наслушался ещё в пути россказней о шведских драбантах и теперь повторил генералу то, что сумел запомнить: каковы с виду, как вооружены и обмундированы. Что же до главной цели разведки, Филька и Степан в один голос заверили генерала, что леса и болота вокруг теснины Пюхайоги непроходимы ни для конного, ни для пешего шведа, а тем паче — для ихних орудий.

Генерал покачивал головою в знак сочувствия разведчикам, а вместе с тем и в знак некоторого недоверия насчёт точности доклада: ведь шведский отряд помешал нашему дозору выполнить задание до конца! Впрочем, генерал Вейде похвалил обоих за храбрость, наградил каждого по серебряной полтине и отпустил с миром, сам же велел денщику седлать двух коней и собираться в Главную квартиру, доложить выше, может, даже самому царю, коли придётся, последние новости, привезённые двумя полтевцами.

...Государь же и самодержец всея Великия, и Малыя, и Белые Руси, и прочая, и прочая, и прочая царь Пётр Алексеевич Романов в этот утренний час 10 ноября 1700 года на позиции под осаждённой Нарвой занят был делом далеко не царским: взяв с собою двух помощников, капитана-преображенца Яниса Гуморта и бомбардир-урядника Михаила Щепотьева, ещё молодого, но весьма сведущего в фортификации, геодезии и баллистике, царь и его спутники тщательно выверяли при помощи походной астролябии и визирных линеек рекогносцировочный чертёж нарвских укреплений. Ибо снаряды русских мортир и гаубиц слишком часто не могли перелетать через высокие стены каменных бастионов и крепостного замка. Даже глядеть на такую стрельбу было тошно!

Место наблюдения, выбранное царём в расположении полков новгородского воеводы князя Трубецкого, было далеко не безопасным. Шведские стрелки, имея подзорные трубы, могли легко понять, что за храбрый гигант-командир, на целую голову превосходящий ростом своих спутников-гвардейцев, ведёт здесь офицерскую рекогносцировку! И, верно, с бастиона «Глория» бахнула шведская пушка! Близёхонько прошелестела граната, закрутилась в мелкой ложбинке и с громом лопнула, осыпав чугунными осколками соседний окоп.

Пётр сердито спросил Щепотьева, будто ничего и не произошло рядом:
— Каково разумеешь, господин бомбардир-урядник, порох ли наш выделкой плох, а может статься, к тому же и подмочен? Или же директрису огневого боя рассчитали здесь неверно?

Бомбардир-урядник покосился на шведский бастион, где готовили к выстрелу второе орудие.
— Коли правду сказать, ваше величество, обе сии причины промахов и недолётов здесь наличествуют. Токмо, по суждению моему, не о том ныне должна быть забота наша.
— А о чём должна быть забота, бомбардир?
— Сии мортиры и пушки, по мне, полезнее будут не здесь супротив фортеции, а на ретраншементе, дабы там встречу приготовить наступающей с поля рати королевской. Когда промеж двух огней нам стоять доведётся, оттеле, с поля, опасность угрожает сильнейшая. Но то, впрочем, у господ генералов свои помыслы и соображения есть. Вон, будто един из генералов в нашу сторону жалует...

Обернувшись, царь издали узнал идущего к нему с докладом генерала Адама Вейде. Велел Щепотьеву кончать проверку самостоятельно и пошёл навстречу командиру левофланговой дивизии. Следом за царём двинулся и капитан Гуморт.

Вейде поклонился царю, пожал руку капитану Гуморту и коротко доложил о вчерашних действиях полтевских разведчиков на фланге шереметевского авангарда. Мол, по уверению уцелевших в той стычке со шведами обоих дозорных, фланги Шереметева в Пюхайоги надёжно прикрыты непроходимой топью.

Пётр заговорил раздражённо и нетерпеливо:
— Шереметеву, господин генерал, извольте ещё раз повторить мой строгий указ: удерживать позицию в теснине Пюхайоги всеми средствами, во что бы то ни стало! Коли понадобится, я готов даже паче усилить его авангард, хотя и без того там тридцать тысяч дворянской конницы на узких дефиле теснятся. Нарочного с приказом пошли немедленно, сей же час. А рекогносцировку в лесах и болотах вели Шереметеву, моим именем, вести непрестанно! Дабы тайного обхода не допустить. На таковую опасность Шереметев мне который раз жалуется. Да, видать, зря!

Капитан Гуморт поклонился, сделал шаг вперёд и обратился к царю:
— Дозвольте мне, ваше величество, самому расспросить в караульной шереметевской роте тех двух разведчиков, воротившихся из поиска. Дабы что-то полезное о противнике дополнительно выспросить.
— Что ж, господин капитан, ступай! Вместе с генералом — на левый фланг вам по пути! Извольте припомнить, господа, что я уже не раз запрещал господам обер-офицерам и генералам в одиночку по лагерю, а уж тем паче вне лагеря расхаживать и разъезжать. Вот и покажите благой пример прочим... Если же ты, капитан, что-нибудь полезное у разведчиков вызнаешь, доложишь мне нынче на военном совете. И вот ещё: коли случится тебе, капитан, надобность что-либо неотложное приказать там, можешь отдать распоряжение от моего имени. Зане сам Шереметев вдалеке, на авангардной позиции.
— Ваше царское величество! Дозвольте ещё испросить вашего милосердия к одному храброму ротному командиру. Тяжело ранен в авангардной схватке, сейчас на излечении у лекарей.
— Кто таков? — отрывисто спросил Пётр.
— Яков Полтев, сын боярский, прапорщик, из шереметевской конницы. Его рота дежурной оставлена в лагере. Он — племянник того Полтева, что в Азовском походе преуспел, вашу награду заслужил. Если ему лекаря ногу и сохранят, для боя непригоден будет ещё долго, хотя и рвётся.

Не угодно ли вашему величеству его временно в тыловую службу определить?

— Сдружиться с ним успел, капитан? Близко к сердцу его беду принимаешь! Ну да ладно, шон гут, камерад. Пошли-ка ты его к Фёдору Апраксину, на Воронежскую верфь. Авось, там твой дружок пригодится! Тем более племянник награждённого воина… От моего имени вели в канцелярии предписание ему по всей форме составить. Ступай, а то, вон, генерал тебя заждался!

Адам Вейде только вздохнул: Гуморту царь давал право кому-то приказывать его, царским, именем! Экая державная милость! Недаром этот ретивый капитан-преображенец ещё в Москве был известен как царский любимец. В Москве, на Кукуе, дом у Гуморта богатый и жена с сыновьями, царём обласканными… А вот ему, генералу Вейде, верному слуге царю, столько раз доказавшему свою неколебимую стойкость и преданность Петру в походах и схватках, в голову бы не пришло осмелиться что-либо приказывать царским именем! Эх, фавориты, фавориты, везде-то они опережают тех, кто служит верой и правдой, без громких слов и хвастливых обещаний!

Вопреки только что выслушанному царскому совету, капитан и генерал, севши на коней, быстро расстались: у генерала предостаточно было служебных забот по соседству, поважнее, чем сопутствование царскому любимцу! Гуморт же поскакал в сторону штабной канцелярии, заготовить нужный документ.

Тем временем оба полтевца, о коих только что шла речь у столь высоких собеседников, делились друг с другом размышлениями другого порядка. Стратегические проблемы их покамест не волновали, а заботила задача совсем иная — как бы разжиться, хотя бы и на наградные полтины, каким-нибудь утешением для пустых с вечера желудков! Степан, впрочем, скромно решил ограничиться краюхой хлеба, купленной втридорога у запасливого старшины чужой роты, и с этой нехитрой снедью воротиться в расположение своей караульной роты у деревеньки Йоала, над водопадом. Может, там удастся и отоспаться под его шум после всего пережитого в той опасной и неудачной разведке!

Филька же, не больно торопясь к барской постели, пустился на поиски маркитантки, обосновавшейся в уцелевшем домике нарвского предместья, в расположении войск фельдмаршала Головина, как раз рядом с двухорудийной батареей наших мортир. Правда, Филька помнил, что именно к этой маркитантке любит захаживать капитан-бомбардир Гуморт… Вот уж кому он рад был вообще никогда не попадаться на глаза!

Вот и домик, приют маркитантки! Дверь его приоткрыта, сейчас, ежели судьба улыбнётся, можно будет разжиться чем-нибудь… послаще чёрствой Степановой краюхи!..

…Филька подумал было, что фигура Гуморта ему просто померещилась, от вечного страха перед капитаном. Откуда бы взяться сейчас этому сатанинскому шведу здесь, за ретраншементом полков Головина? Где было знать ему, что капитан следует из штабной канцелярии, что тут неподалёку!

Деваться было некуда — он столкнулся с капитаном нос к носу у артиллерийской позиции, на задах полка Кондратия фон Вердена…

— Где шляешься, мерзавец? Господин твой от раны помирает, а ты где? Получай награду за такую службу!

И Гуморт влепил Филофею такую затрещину кожаной перчаткой, что у того наступила в очах звёздная темень, а ноги подкосились во всех суставах.

— Марш за мною следом, проходимец. Уже послано в лазарет за лекарем. Опасаюсь, однако, что лекари наши тут помогут… Желаешь ли ты свою вину перед барином искупить?

— Знамо дело, желаю, ваша честь!

— Тогда говори мне: кто твоему барину в роте самые преданные слуги?

— Дед Архип, барский доезжачий из Полтева; внук его Андриашка-казачок; Фёдор Рогожин — кучер барский; Леонтий Борисов — егерь господский; ещё Фёдор-камардин разжалованный, да Степан-кузнец, что со мною из разведки воротился.

— Довольно! С тобою вместе и с барином это будет партия в восемь лиц. Этого в дорогу хватит… Все ли они на месте, в роте, на берегу?

— Все здеся, ваша честь!

— Тогда говори мне далее: найдётся ли у вас, в расположении роты, возок полегче и кони упряжные, справные?

— Есть малый возок боярскй, на манер кибитки. Рессоры целы, только шкворень неладен.

— Кто сможет его за час-другой исправить?

— Фёдор-кучер со Степаном-кузнецом, небось, смастерят, коли велите.

Лошадь капитана шла шагом, Филька держался у седла, глядя в землю. Оба, верховой и пеший, явились в роту, когда немец, доктор Клюпфер из главного полевого лазарета уже успел осмотреть рану Якова Полтева и признал необходимой ампутацию ноги по колено. Капитан молча выслушал этот мрачный диагноз, поблагодарил медикуса и отослал его обратно в лазарет, готовиться к хирургической операции, ежели не наступит улучшения от целебных трав, собранных в осенних полях близ лагеря и заваренных дедом Архипом в таганке по известному в народе рецепту… Оказалось, что шкворень у возка за время осады давно починен и может везти больного.

Капитан велел привести в хижину всех, кого перечислил Филька-Ловкач.

— Теперь всем слушать мою команду!—говорил Гуморт повелительно.—Вашего молодого барина лекаря наши военные посулили без ноги оставить. Здесь, в лагере нарвском, не сможет спасти ему ногу, а может быть и самоё жизнь даже государев лейб-медик доктор Карбонариус! Однако же из уважения к родителям господина вашего Якова Фёдоровича Полтева, равно как в награждение за его личные боевые заслуги, приведшие к сему тяжкому ранению, государь Пётр Алексеевич повелел мне изыскать средства, чтобы избавить молодого воина, сына боярского, от операции и смерти. Это средство я нашёл. Ибо есть тут, в здешней округе, целитель, коему вылечить эдакую рану нипочём. Наши врачи тому целителю и в прислугу не годятся. К нему мы вас сей же час и отправляем… Повелением государя нашего вы все, а поимённо: дед и внук Ключицыны, ездовой Рогожин, кузнец Степан Петров, бывший камердинер Фаддей Никитин, егерь Леонтий Борисов, денщик Филофей Заплюй-Свечко—закладываете повозку, собираете барина, берёте своё оружие, запас пороху и пуль, восемь фузей с заготовленными бумажными патронами и багинетами. Всем быти при пистолях, саблях и ножах на случай нечаянной встречи с противником или лесными разбойниками…

Слуги тесно сгрудились в хижине, боясь вздохнуть, а сам больной, слыхавший приговор доктора Клюпфера, лежал недвижимо, словно предавал своё тело и судьбу в руки божии… Капитан же продолжал, по-прежнему повелительно:

— Поедете вы по дороге, что идёт левым берегом Наровы-реки, вверх вдоль неё, к местечку Кульге. Там найдёте приют у лесничего именем Иоганн Карлов. Передадите тому моё приказание выдать вам кованый железный ларец с имуществом девицы Анжелики Зильвер. Положите сей железный ларь в повозку и, не мешкая, тронетесь далее. Двигаться будете лесом, по компасу, общим направлением на Нойшлосс, что у истока Наровы из Пейпус-озера. Там, в Нойшлоссе, стоит шведский гарнизон, но даст бог, его разведчики вас на дороге не обнаружат. Но если обнаружат, вы потребуете, чтобы вас передали коменданту гарнизона, а тому назовите имена Анжелики Зильвер и барона Унгерна фон Стенберга… И велите, чтобы о вашем задержании немедля сообщили господину барону… Но, повторяю, будем надеяться, что никто в лесах на вас не наткнётся, посему поезжайте осмотрительно, старайтесь в пути маскировать возок!

Люди старались запоминать незнакомые, чужие имена, переминались с ноги на ногу, недоумевали… Один Филька, соображая про себя, кое-что понимал. Ему-то слова капитана говорили поболее, нежели кому другому! С этой Анжелики Зильвер, чай, всё и началось… Будь она трижды неладна!

Капитан заканчивал свои инструкции:

— Таким порядком осторожно доберётесь до ручья Чёрного. Вверх по его течению, малой тропой, будете пробираться ещё вёрст пять-шесть. Скрыта там среди чащи мыза-усадебка великой знахарки. Она лечит самого барона Унгерна фон Стенберга, одного из властителей моонзундского архипелага. Имя знахарки—Криста Мария Зильвер… Ей передадите ларец с имуществом девицы Анжелики… Фрау Криста Мария вылечит вашего барина. К тому времени, возможно, сражение за Нарву уже затихнет. Вот вам письменный царский указ, в коем Якову Полтеву, прапорщику, предписуется по выздоровлении от раны пробираться лесами ко городу Гдову, где стоят русские, а оттуда без промедления ехать в город Воронеж, проходить службу у адмирала Фёдора Апраксина, зане дядя Якова служил при Апраксине и отличился при азовских походах…

На сборы вам—один час! Царским именем приказываю всё услышанное здесь хранить в секрете ото всех, дабы никто не ведал, куда, с кем и зачем отправился барин, иначе нельзя надежду иметь, что вы все доберётесь туда без помех и покушений на вас в пути!..

2.

Сборы в дорогу оказались недолгими. Капитан Гуморт заботливо проследил за всеми приготовлениями и, улучив удобный момент, когда всё внимание слуг было отвлечено на выбор оружия и коней, подозвал Фильку в укромный уголок, где ничьи, чуткие уши не могли помешать осторожному шведу.

— Хоть ты и изрядный негодяй,—веско говорил он, вперяя взор прямо в фальшивые очи Филофея,—всё же до сих пор ты служил мне лучше, чем своему барину. Действуй так и впредь, памятуя, что найду я тебя везде, куда бы ты ни спрятался…

Филька кивнул удручённо. Ведь и взаправду—капитан возникал перед ним всегда неожиданно, как только у него появлялась нужда в Филькиных услугах. Противиться судьбе и впрямь бесполезно!

Капитан извлёк из кармана блестящую монету.

— Это тебе, Филофей, за прошлое. Но покамест дела наши были малыми. Сегодня же я начинаю великую игру, чтобы кончить войну одним молниеносным, ослепительным ударом и прославиться на весь мир… Монету спрячь поглубже—это десять золотых крон шведской чеканки, первая доля из тех ста золотых, что составят твоё счастье… Слушай теперь мой новый приказ: в дороге глаз не спускай с кованого ларца фрёкен Анжелики Зильвер—ты должен помнить ту лесную красавицу, болван! Груз не очень велик, но изрядно тяжёл. Кто бы не вздумал его вскрыть (а замок его хитрый, тройной, притом ключ у самой фрёкен), ляг костьми, но воспрепятствуй сему злодейству!.. Пока барин твой будет лечиться у фру Кристы

Марии, я пришлю за ящиком своих людей. Ты узнаешь их по паролю: «Король и победа»... Вашему деду Архипу — он кажется мне честным слугой! — я тоже передал запрет на вскрытие ларца. Он обещал свято выполнить этот мой приказ... Ну а сам ты, верно, уже догадался, что больная нога господина поручика Полтева — только предлог, чтобы переправить ящик-ларец в более тихое и надёжное место, чем лесничество под боком у лагеря... Ведь ты, мой друг, довольно хитрый и сообразительный негодяйчик! Теперь — пора! Мит годс хулп, камрад!

Капитан снял с пояса походную флягу, отвинтил крышку и налил в неё полстакана крепчайшего ямайского рому. Произнёс шведское застольное приветствие: с-ко-о-ль! и протянул налитое Филофею. Нечто сладкое, огненно-жгучее опалило тому глотку, а капитан, закупорив флягу, сел на коня, помахал отъезжающим треуголкой, пришпорил лошадь и поскакал по своим великим делам...

Миновать последние форпосты в расположении русских войск было легко. Отъехали неприметно, в послеобеденный час, когда русский лагерь ещё дымил кострами и гремел котелками.

Обозы с тяжелоранеными обычно уходили в тыл с правого фланга позиции (если стоять лицом к полю, откуда ждали королуса), через переправу, минуя остров Камперхольм, однако случилось, что фуражиры, либо казачьи дозоры выезжали «на промысел» левым берегом Наровы, вверх по её течению, до соседних деревень, брошенных населением. Солдаты давали этим местным селениям, простоты ради, свои названия: Усть-Жердянка, Криуша, Горелая, Марьинская, Омут... В селении Кульга одно время стоял полевой лазарет, пока Шереметевская конница не была послана к Везенбергу.

Там, в Кульге, сохранился и дом лесничего Карлова, вступившего в русскую службу сразу по приходу царских войск. От расположения караульной роты близ деревни Йоала до лесничества было вёрст семь. Возок с раненым и ездовым Фёдором благополучно миновал их по наезженной болотистой дороге, не слишком потревожив больного на ухабах.

Лесничий Карлов жил с небольшой охраной, набранной из лесников, егерей и русских солдат-инвалидов, согласившихся надзирать за лесничеством по поручению русского командования. Эти доброхотные охранители плели лапти, удили рыбу, пилили сосны для палисадов и блиндажей, а больше почивали по чердакам и сенникам.

Услыхав, что проезжий раненый господин Полтев следует с поручением от капитана Гуморта, притом по личному приказу его царского величества, лесничий Иоганн Карлов, добродушный толстяк с фигурой и лицом Санчо Пансы, изъявил величайшую готовность целиком отдать себя к услугам господ проезжающих. Не только нашёл корм лошадям, но и горячее хлёбово для путешественников и даже нечто особо деликатное из дичи, для ублажения больного барина.

За едой задержались до первых сумерек, и лишь тогда, прочитав краткое письменное распоряжение капитана Гуморта, лесничий приказал кучеру Фёдору и кузнецу Степану вынести из домашнего укрытия сундук-ларец фрёкен Анжелики Зильвер. Этот груз пристроили в ногах больного, под кучерским сидением...

3.

Между тем даже без помощи целительницы Кристы Марии, лишь от Архипова врачевания отваром целебных трав — зверобоя, мяты, шалфея, подорожника и ещё доброго десятка других — Якову Полтеву в дороге полегчало. Прошёл жар, спала опухоль ноги. Прямо хоть поворачивай вспять, в лагерь!

Однако мысль о неисполненном патриотическом долге не слишком остро жгла и колола воинскую совесть полтевского барина. Куда привлекательнее виднелась перспектива перебыть горячие денёчки Нарвы (притом с неизвестным исходом!) под крылышком доброй целительницы, столь глубоко спрятанной от нежеланных гостей, что до сих пор её не растревожили ни рейтары шведского короля, ни шереметевские конники-ополченцы.

Барин почёл за благо не слишком спешить с извещением слуг о своём улучшившимся самочувствии. Дорога до мызы-усадебки — длинная, погода — чуть не зимняя. Недалеко уж и до ночи под ущербной луной, когда езда станет ещё труднее, чем при свете, а зажечь фонарь опасно, как ни глуха и пустынна местность. Неровен час, наскочит чужая разведка, либо иные лихие люди, к примеру, свои же дезертиры, решившие спасаться от солдатчины в лесах... Покамест же всё тихо и спокойно, можно и вздремнуть!

От Кульги отъехали уже изрядно. Шестеро всадников сопровождали возок с раненым. Дорога всё далее отходила от реки, глубже забирала в лес. За ельником пошли справа небольшие озерки, еле приметные среди мелколесья и голых кустарников. Всё в природе будто приготовилось к снегопаду и морозам, ждало их.

И на тебе, дождалось! Как на грех, повалил мокрый снег, тяжёлыми хлопьями, будто слепились в каждом из них по многу сотен звёздочек-снежинок. Трава, хвоя, почва — всё кругом побелело, только малые озерки чернели недвижно, как стылые зеркальца в побелённых берегах-рамах. Луна, будто из внимания к путникам, то поглядывала на дорогу сквозь облачную хмарь, то снова поглубже укутывалась в снежные тучи, летящие к морю, будто не желая более замечать грешные земные дела. Когда

лунный свет погасал, всадники на лесной дороге ясно видели за возком только мокрую колею среди тающей временной белизны.

Так и не приметил возчик Фёдор рокового пенька серед этой обманчивой дороги! Что-то внизу возка хрустнуло, громко треснуло, и потяжелевший после селения Кульги экипаж накренился, качнулся и упёрся намертво, хотя кони продолжали рваться в постромках и возница упрямо понукал их в дорожное месиво…

— Никак опять окаянный шкворень…—бормотал возница и утирал рукавицей вспотевший лоб.— Ах-ти, мать честна, надо же случиться серед эдакой мочажины… Барин, а барин! Извольте знать: поломочка вышла, ваша милость!

— Поломочка?! Ах ты сукин сын! На пень, что ли, наехал? Дурак набитый! Вот я вас, смердов, поглажу батожками! Чего теперь серед болотины стали, рты разинули? Тут и утопнуть недолго!

Шестёрка конных слуг поравнялась с застрявшим экипажем. Чтобы осмотреть поломку, нужно было разгрузить и облегчить возок, вытащить из болотной мочажины и уже на сухом месте попытаться исправить шкворень.

Двое слуг, дед Архип и Адриашка, испросили позволения выехать вперёд, разведать местность. Воротились быстро, через полчаса, доложили, что нашли впереди, эдак в вёрстах в полутора, за пустынным болотистым полем, песчаный косогор с сосновой рощей над ним, где можно нарубить лапнику, учинить больному временное ложе, укрытое от непогоды. Можно бы там и носилки соорудить, чтобы нести больного в укрытие.

К удивлению дворни, барин, чертыхаясь и кряхтя, от носилок отказался, не желая более сидеть в сломанном возке, куда уже просачивалась влага от талого снега и болотной жижи. Ещё более удивились слуги, когда барин велел не только одеть, но и обуть его!

С превеликими предосторожностями стали натягивать на больную ногу огромную рейтарскую ботфорту из той пары, какую на всякий случай кульгский лесничий Карлов дал в запас отъезжавшему барину. Обутый, с одной ногой в кавалерийском сапоге со шпорой, с другой в ботфорте, Яков Полтев велел поднять его в седло Степановой лошади и, утвердившись в нём, стал отдавать распоряжения насчёт дальнейших действий:

— Ларец сей железный, что поручен капитаном Гумортом, вынесите в сторону и надёжно схороните поблизости, а место, где он покамест будет находиться, охраняйте от всякой беды; поелику починка предвидится долгая. Поднимите ларь и несите… вон к тому холмику с деревом, где посуше и куст чернеет густой. Ты, Филька, ступай, присмотри, чтобы ларь там хорошо укрыли. Мало ли кто тут вдруг мимо проехать может! Никому он не должен хоть ненароком на глаза пасть! Так мне сам царёв любимец бомбардир-капитан наказывал!

Когда это разумное приказание барина удалось исполнить и Филька заверил хозяина, что ларец укрыт надёжно и никакая вода ему там не угрожает, Яков Полтев повелел приступить к починке экипажа…

— Со мною, к месту ночлега у того косогора, поедут вперёд оба смерда Ключицыны, дед Архип и казачок мой, Адриашка. Вы тут, остальные пятеро, тащите возок мой из мочажины, а как надёжно сладите экипаж, то вновь погрузите ящик, догоняйте нас, а мы у того косогора вас дождёмся и перебудем там до света…

Тронулись верхами втроём, сердитый молодой барин и двое вооружённых слуг. Двигались шагом, навстречу снежным зарядам, бившим всадникам прямо в лицо.

Отъехали с версту…

Тёмные кустарники впереди расступились, возник просвет перед пустынной, просторной поляной, где всё труднее становилось угадывать следы давно неезженой, еле приметной дороги.

Барин сверился с компасом. Похоже, направление взято верно. Где-то далеко впереди находится городок Нойшлосс, близ истока Наровы из Чудского озера. Там стоят шведы. До них вёрст, небось, тридцать с гаком… Не дай бог, коли шныряют в этих болотах!

Надвинув шляпу на самые брови, запахнувшись в епанчу, Яков Полтев, весь съёжившись, ехал молча, кляня судьбу и не ведая, что готовит она ему в ближайшие минуты!

Стала явственно тёмная полоса впереди, на краю поляны. Это уже временная цель пути, сосновая роща над косогором…

…Огненный сноп сквозь метель, шмелиное жужжание пули и глуховатый гром выстрела были так неожиданны, что в испуге и растерянности Адриашка Ключицын пришпорил коня. Тот рванулся прямо навстречу невидимому стрелку, но крепко взятый в шенкеля, взвился на дыбы и стал.

Оглянувшись на своих спутников, Адриан скорее почувствовал, нежели толком осознал злую беду.

Фигура ближайшего к нему всадника, полтевского барина, приотставшего от младшего слуги, дабы тот показывал дорогу, стала как-то странно клониться к конской гриве, будто седок высматривал под копытами подходящее местечко, чтобы поудобнее скатиться с конской спины в дорожное месиво. В следующий миг тело его безжизненно скользнуло вдоль правого бока лошади. Барин рухнул на дорогу, плечом вперёд, и зарылся лицом в свежий мокрый снег. Пустые стремена взболтнулись под конским брюхом, лошадь всхрапнула и остановилась поодаль от упавшего. Шляпатреуголка отлетела в сторону вместе с париком.

Спереди, из мрака, бухнуло ещё несколько выстрелов. Адриан опять услышал гудение злых шмелей. Конь под Архипом покачнулся и пал, подогнув передние ноги. Всадник едва успел отскочить в сторону, крикнул сдавленным голосом:
— Шведы! Разъезд ихний! Либо засада! Спешивайтесь! За сугробиком хоронись!..

Эх, барина, видать, опять задело!

Соскочив с коня, Адриан послушно отбежал в сторону и спрятался за отвалом канавки, где у придорожного кустика намело кучку снега. Он ничего не мог разглядеть или расслышать там, впереди, откуда стреляли. Только где-то далеко, в самой гуще мрака, будто всхрапнул чужой конь и отозвался ржанием другой.

Мокрые снежные хлопья повалили так часто, будто там, на небе, кто-то спешил получше укрыть спину человека, упавшего с коня и убитую лошадь слуги. Тёмно-зелёная суконная епанча офицера под снежком уже мало выделялась серед дороги. Даже тёмный затылок с курчавыми волосами становился седым, как перепудренный парик. Упавший не стонал и не шевелился. Конь слуги ещё содрогался предсмертно. Старик-слуга осторожно подобрался к лежащему.
— Барин! Ваше благородие! Дозвольте, пособлю в сторонку отползти! Батюшки-светы! Да он... никак уж холодеет! И то — ах ты, грех какой! Убит наш барчук! Наповал убит!

Дед Архип уже стоял над убитым во весь рост.
— Ну, грех! Вылезай, Адриашка, ховаться нам теперь попусту!

Старик опустился на колени около тела.
— Эх, Адриан! Уж лучше здесь башку под шведскую пулю подставить, чем дома — спину под плеть! Несдобровать и нам, коли не уберегли барчука. Вот-те и подыскали ему ночлег, прости господи! Что теперь делать нам, а? То ли вперёд ехать, к той целительнице на Чёрной мызе — да лечить-то теперя там некого! То ли к возку и ящику назад брести, к нашим сиротам-мужикам? И сам я обезлошадел ко всей беде... Царица небесная, просвети мою тёмную голову!
— Заносит его вовсе, дед Архип! Уйдём — и тела не сыщем. Может, на мою лошадь его поднять да привязать чем-нибудь к холке? А я в поводу повёл бы?
— Впрямь заносит... Где его шляпа-то? Поищи, Адриан, там бумаги его, патент офицерский и письма от матери, из дому... Помоги епанчу из-под него выпростать. Гляди-ка, и крови-то, почитай, нет, мундир чуть смочило. Значит, вся внутрях запеклась у сердечного! Эх, Адриашка, кабы ты ведал, какая через эту пулю шведскую на всех, полтевских, беда пала, пожалел бы, что не тебя либо меня эта пуля под корешок срезала!..
— Может, дедушка, там, сзади, мужики возок исправили? Тогда вместе с ларцем-ящиком и тело попутно погрузим? И хоть ларец довезём куда велено. Там и гроб барину сладим для честных похорон? Как рассудишь, дедушка?
— Ты сам, Адриан, яко зрелый муж, рассудил. Отнесём-ка его покамест в сторонку. Мундир его и епанчу на себя надень, там, в карманах, может, что важное найдётся, а то, неровен час, те стрелки лесные его найдут да обыщут, покуда мы с возком обернёмся. Да ещё починен ли тот шкворень проклятый, бог весть! Укрой его твоей епанчой худой, ему теперь тепла не надобно. Да напяль уж и парик на себя, что ему тут пропадать! Руки чтобы свободными остались, не у тёщи в гостях мы тута! Деньги его в шкатулке, у меня в седельной суме... Кабур его с пистолями поверх мундира, под епанчу нацепи, оно, опоясавшись, и теплее. Мундир-то — будто на тебя шитый! В нём, да епанче офицерской побудешь, дык не захочется обратно в рубаху солдатскую да в епанчу худую... Побудь в барской-то справе, хоша и не надолго!.. Теперь место приметить надо, воткни-ка вон ту ветку сосновую заместо вехи дорожной, чтобы не обмишулиться нам на дороге этой, будь она неладна!.. Шапчонкой своей хоть лик ему прикрой... Гляди-ка, уж и снег на нём не тает!..

Огладили дрожащих коней, потихоньку покинули место неожиданного происшествия. Теперь ветер дул в спину, но продолжало так холодать, что у деда Архипа борода то и дело примерзала к оледенелой одёжке. В сторону моря непрестанно несло новые толпы туч, низких, косматых, снеговых. Всё кругом было — мгла, сырость, тяжёлые пряди валящихся хлопьев. До своих оставались всё те же полторы версты, ибо Фёдор с Леонтием и Степаном так покамест и не сладили проклятый шкворень...

— Того гляди, барин за возком пришлёт, а у нас всё ещё не слажено дело, — бормотал кучер Фёдор своим помощникам. — Будет нам тогда всем на орехи!

Никто из них ещё не ведал, что барин остался бездыханным на снегу, а всем им грозит злая воля. И не только за то, что не уберегли барина, ещё не знали они всего, чего ждал теперь дед Архип, доподлинно постигший многие тайны семейства Полтевых!..

...Припорошенный снегом возок всё ещё смутно чернел на обочине дороги. Рядом, на снегу, лежали баулы с барским дорожным имуществом и постельные принадлежности, даже с волосяным матрасом для раненого. Выпряженные повозочные лошади и рассёдланные кавалерийские кони силились грызть кору и щепочки от древесных стволов, где были привязаны. Четверо слуг возились с поворотным шкворнем, пятый, Филька, угрюмо сидел поодаль, поглядывая на холмик, где барин велел временно схоронить заветный ящик-ларец, неведомо что таящий.

— Эвон, со стороны Кульги, слыхать, едут конные… Может, нам вдогонку? Сейчас согреют нас до цыганского пота!

Он хотел добавить ещё что-то укоризненное, но… грозный шум, как налетевшая на деревья буря, поглотил его речь. Из-за редколесья сзади, час назад покинутого путниками, мчалась конница. Казалось, за всадниками свиваются и не поспевают угнаться клубки метельных вихрей.

Всех пятерых солдат, возившихся у возка, эти вихри будто смахнули с дороги.

— Неприятель! Беги!

Полтевцы перемахнули через придорожную рытвину и скрылись в ночном мраке. Подскакавшие в этот миг с противоположной стороны дед Архип и Адриашка рванулись, было, за остальными, да не тут-то было! Подоспевший конник догнал старика над рытвиной, замахнулся шашкой. Дед и руку вскинул, прикрывая голову, но… сверкнул рядом огонёк пистолетного выстрела и конник зашатался в седле. Лошадь вздыбилась, шведский всадник сполз на круп и свалился в рытвину. Адриашка отбросил разряженный пистолет и уже выхватил второй из офицерского кабура. Но подскакавшие конники подхватили поводья его коня, сбросили самого Адриашку с коня, скрутили руки, изрядно поколотили… Их командир закричал:

— Где фсе остальные русские? Сколько вас? Отфечай, стары пьёс!

Он тряс за плечи деда Архипа. Спешившиеся шведы столпились рядом с их упавшим товарищем. Кто-то поднял избитого Адриана за шиворот, поставил на дороге рядом с дедом. С дороги подняли и шляпу-треуголку.

— Этто офицер!—сказал командир, вынув из-за полей шляпы барские бумаги.—Моя добыча! Обыскать!..—добавил он по-шведски.—Хочу посмотреть бумаги, здесь темно! Да подожгите поскорей эту карету, она нам непригодна, потому что сломана!

Шведы исполнили требование. Огонь запылал, и при свете горящего барского возка командир ознакомился с бумагами своих пленников.

Как бы желая приободрить офицера, он опять перешёл на русский.

— Охо! Эшшо молотой! За такофо сынка папа и мама не пошалеют немношко русскофо золота! Прапорщик Полтефф, сын поярский! Связать его покрепче! А ты, русский старик, скажи, куда убешали остальные? Там, вперети, у вас бивак? Сколько фаших там?

Не добившись толку и торопясь, шведы посадили деда Архипа и Адриашку на одну лошадь, надёжно связали. Позади, тоже привязанное к лошади, повезли тело шведского конника, убитого Адрианом.

Шведский отряд, как успели прикинуть дед и внук Ключицыны, насчитывал десятка два сабель. Тронулись в ту сторону, где погиб Яков Полтев. Отсвет горевшего возка ещё долго провожал путников.

— Адриашка! Они тебя… за барина приняли! Уж ты, того, держись по-барски, пущай они на выкуп надеются! Всё же нам полегче будет! С сего часу ты для них, равно как и для наших всех,—боярин Полтев-младший, всей своей вотчины наследник. А там видно будет, что господь и Николай Угодник нам делать велят. Ежели тех наших пятерых шведы поймают—обмозгуем со стариками это дело, они люди разумные, поймут что к чему, как я им расскажу, кто да кто после Якова Фёдоровича нашему Полтеву наследником стал бы… А за барина молодого, коли шведы ему честного погребения не сотворят, мы с тобой и нашими стариками сей грех искупим усердием перед односельчанами, ибо их благо паче прочего господь нам соблюдать велит!..

— Не выдали бы наши ребята сей обман,—шепнул в сомнении Адриан.—Чай, заранее не уговаривались, чего шведам врать.

— Старики не выдадут. Вот только насчёт Фильки-Ловкача сомнение иметь можно, не предал бы за тридцать сребреников. Ему-то, безродному, до мужиков наших полтевских и дела нет! Ну, дай бог, успеем ему язычок-то поприжать, коли ещё доведётся нам в плену с ним и прочими людьми нашими свидеться. А ты повторяй почаще, мол, я, как офицер и дворянин… Требую к себе уважения… Ну, поважничай, авось, и сойдёшь за важного барина!

— Уж постараюсь, дедушка!.. Слушай, а ящик-то, вроде там, в поле остался! Окромя наших, никто, стало быть, про него не знает?

— Покамест шведы только возок огню предали… Эвон полыхает, сердешный! А насчёт ящика и впрямь только наши служивые знают, где схоронен. Небось, долго не пролежит, достанется какому-нибудь грабителю… Слышь ты! Проехали барское-то место! Эвон и веха, и лошадь лежит… Снежком и тело покрыто… Мимо проскакали! Прости нас, господи! Во блаженном успении вечный покой подаждь рабу твоему Якову и сотвори ему вечную память!..

4.

Крепко связанные друг с другом полтевские пленники едва дотерпели до привала. Шведы выбрали для короткого роздыха околицу сожжённой деревушки, невдалеке от реки Наровы, где лес снова почти подступал к берегу, отделяя его от болотистой поймы, уходящей дальше к западу в необозримую топь.

Только командир шведского отряда и его денщик понимали и говорили по-русски. Командир велел развязать пленников и усадить у костра, дать по куску хлеба и по кружке кипятку из солдатского котелка. Сам уселся против них на пеньке, накрытом конской попоной.

— Мне столь много труда удержать сольдат чик-чик тебья, господин Полтефф. Ты есть опясан мне за тфоя молодая шиснь! Тфои родители долшны это — как этто скасать: компенсирен, понял? Где они шифут? Наугард? Плескоу? Москау? Они богаты бояре, нихт ваар?

Юноша уже по дороге понял, что надобно входить в роль барина так, чтобы у шведа не возникли подозрения. Иначе — пленным — каторга, на галерах, солеварнях, каменоломнях, в шахтах, а полтевским мужикам и дворовым людям — новый хозяин… Дед Архип хорошо этого барина знает! Ибо сие не кто иной, как свирепый стрелецкий полковник Иван Полтев, утопивший в Москве-реке несколько сотен горожан московских, шедших в село Коломенское к царю Алексею Михайловичу, Тишайшему, лет сорок назад просить отмены обесцененных медных денег, доведших москвичей до полного раззора… Иван Полтев потоптал тогда иных конями, утопил прочих, а после батожьём, вырыванием ноздрей и огненной пыткой лечил уцелевших… Нонешний государь Пётр Алексеевич, дай бог ему здоровья и над врагами победу, ещё мальчиком будучи, выгнал старого злодея из стрелецкого полка: дошли тогда до десятилетнего царя жалобы стрелецких жонок, до коих Иван Полтев великий охотник! Теперь — вот кому владеть имением в Каменном Стану под Москвою, в десятине Волхонской, ежели Адриашка с Архипом в радении своём не сдюжат!.. Ну, Адриашка, назвался груздем — полезай в барский кузов!

Как держаться по-барски, не роняя «офицерского достоинства»?

Дед Архип даже крякнул поощрительно, когда внучек, по его, стариковскому совету, начал входить в новую роль…

— Г-н офицер! Я… гм… и мой слуга гм… взяты вами в плен. Как офицер и дворянин, гм… я прошу вас сказать нам ваше имя и звание. А также — куда нас везут… («И голосок не дрогнул, ай да внучек! — радовался про себя дед Архип. — Не выдай, царица небесна!»)…

Обрадованный швед понял, что ошибки нет — перед ним сидит и с удовольствием глотает, обжигаясь, кипяток из оловянной кружки, несомненно, знатный офицер и помещик. К тому же красавчик!

— Извольте, сударь! Меня софут Теодор фон Мелькенбруннер, лейтенант королевской шведской армия! Я знаю фаш язык, потому што родился в Россия, где мой отец был на русской служба… Тепер — ф дорогу! Мы будем дальше беседовать в Нойшлосс, на Пейпус-зее… Там мой отряд получит нофый приказ от нашего начальника, барона Унгерн фон Стенберга…

Что-то знакомое почудилось Адриану при звуке этого чужого имени и слова Нойшлосс. Он знал, что по-русски этот городок именуется Сыренском, лежит у истока Наровы из Чудского озера, по-ихнему — Пейпус-зее… Там давно жили русские люди, потом Сыренск отошёл к шведам и ныне ими, как слышно, укреплён.

Часа два отряд, уже без задержек, одолевал последние лесные мили. Просторы Чудского озера выглядели на рассвете как мёртвая свинцовая гладь… Мелькнули островерхие домики в облетевших садах, рыболовные сети на берегу, лодки на приколах, пятна грязного нерастаявшего снега, с едва протоптанными тропинками от домов к лодкам… На первый случай пленных заперли на кухне пасторского дома. Окна этой кухни были забраны такими решётками, будто герр пастор жил под угрозой осады и приступа.

Весь день и следующую ночь пленники просидели на голых скамьях, но подсушили одежду и поспали.

Утречком в запертую дверь кухни робко постучалась пасторская служанка — пора было начинать стряпню. Часовой, снаружи карауливший пленных, грубо прогнал женщину, разбудив этим окриком всю округу. Начался хмурый холодный день, 12 ноября 1700…

Потом кухарку всё же впустили. Пленные молча наблюдали, как она варит новое блюдо — картофель, а в другой кастрюле — бобовую похлёбку. Обоим пленным тоже досталось по миске картофеля с горстью бобов для приправы. Деду и внуку не впервой приходилось отведывать это блюдо, в походе случалось пробовать и раньше, но русские солдаты, привыкшие к щам и каше, картофеля не одобряли. Впрочем, и сами шведы, да и местные жители этой разорённой войною стороны тоже, видимо, не слишком охотно утоляли голод новой овощью, перенятой, как говорили, у французов и немцев.

После завтрака приказано было снова трогаться в путь. У господина Теодора фон Мелькенбруннера, как оказалось, поблизости было небольшое имение Фрауенталь. За ночь там всё приготовили для длительного содержания пленников. В имении лучше всего сохранилась миниатюрная тюрьма, всё же остальное хозяйство пострадало от военных действий поблизости. Но тюрьма, любовно оборудованная хозяевами, была, видимо, предметом заботы не одного, а нескольких поколений владельцев Фрауенталя (приобрёл его ещё дед герра Теодора). Прибыв сюда, пленные почувствовали себя прямо-таки королевскими узниками миниатюрного Тоуэра или Бастилии.

Круглая каменная башенка с зубчатым верхом и узкими стрельчатыми окнами напоминала макет старых немецких «бургов», кое-где попадавшихся на глаза в Прибалтийских землях, некогда захваченных рыцарским Ливонским орденом. Башенку окружала каменная ограда двухсаженной высоты. Под нею, в неглубоком рву, стояла вода, затянутая ряской и тиной. По валу стал прохаживаться часовой.

Пищу стали подавать узникам в окно с решёткой, вечером им разрешили получасовую прогулку в круглом тюремном дворике, посыпанным песком и гравием, скрипевшим под ногами. Конвой хмуро наблюдал, как пленные, разгоняя кровушку по жилушкам, взапуски бегали по дворику и играли в чехарду. Так подошла и ночь, первая в этом узилище…

Следующим утром, ещё на рассвете, в камеру к пленникам спустился по винтовой лесенке — узники могли видеть её край из решётчатого окошка — сам г-н Мелькенбруннер. Пока он держал короткую речь перед пленниками, они могли уловить издалека протяжный звук трубы. Сигнал к походу?

— Г-н Полтефф! Нам предстоит разлука. Мой отряд, возможно, примет участие в уничтожении русской армии в Нарве. Сейчас оттуда прибыл важный посланец. Если вы даёте мне слово офицера, что не будете бежать — тогда строгости мошно ослабить. Вам всё рафно не уйти — вы на шведской территориум. Русские сюда не придут, а царь Пётр, мошет быть, скоро станет таким ше пленником, как и вы… Итак, фаше слово чести? Я — одер найн?

Адриашка покачал головой. Дескать, поживём — увидим. Хозяин помрачнел.

— Когда слофа чести нет — охрана будет… сурофой!

— Сан дут! — изрёк Адриашка. Это французское слово он слышал от полтевских бар. Смысл его представлялся не очень ясно, но немцу переход на французский понравился. Он повернулся к деду.

— А ти, стары пьёз, скаши сфой барин сидеть смирно, ганс штиль, и писать пизьмо свой мама, и штоп присылала много рупли для выкуп, и тогда мошно очень карашо, ганс беквем нах хаузе гейн! А если убегать — пиф-паф! Ошень плохо для молодой челофек и для старый мама!.. Теперь я фас покидаю! Будут большие события! Королевская армия совершит манёвр в обход русского авангарда. Ещё два-три дня — она займёт Лагены. Когда вы услышите с той стороны два пушечных залпа — знайте: это начало битвы под Нарвой. И — плен фашему царю! Я это вам опещщаю, я, лейтенант Мелькенбруннер! Адьё, месье Полтефф!

Он отвесил пленнику церемонный поклон. Мелькнул на винтовой лесенке и скрылся из виду.

— Эх, дед, как же мы с тобой эдак опростоволосились, а? — рассуждал вслух Адриашка. — Пошто капитан-преображенец нас в эту проклятую дорогу собирал? Коли она столь опасна была, а?

— Внучек, внучек, в пути я всю ихнюю манёвру разгадал. Тут — всё одно, как охота по красному зверю. Капитан ещё не ведал, сколь близко королус подоспел к нашим позициям. Я так понимаю по словам этого лейтенанта, что теснину с нашим авангардом они болотами обошли и Шереметеву ныне там туго приходится. Вот и выслал шведский генерал дозорный отряд в лесную сторону, на случай, ежели бы войска и обозы наши вдоль Наровы в отступление пошли. Стал он в засаде, дозор нас в темноте услыхал. Командир послал вперёд разъезд нас огнём встретить, а остальных конников — нам в хвост бросил, для атаки с тылу. И вся премудрость!.. Взяли коней наших, оружие, кое-какой багаж барский, возок спалили, да нас обоих сцапали. Ларца того, что в сторонке сховали, видать, не углядели, не то у них бы давно делёж шёл… Слышь, Адриашка, опять идут сюда! Глянь на лесенку… Эва! Никак энтот… наш капитан-преображенец с хозяином-лейтенантом?.. Ну-ка, живей, ляг на койку да оборотись к стенке… Авось, не потревожат! Спаси и помилуй, царица небесная!..

5.

Пятеро солдат, успевших скрыться в чаще при нападении шведских конников, дождались, пока на дороге всё стихнет. Осторожно ступая по лесным мхам и побуревшим травам, присыпанным тающим снегом, они возвратились, было, к месту короткой схватки, но заметили отблеск огня на дороге…

— Похоже, на привал стали шведы. Эва, костёр полыхает! Леонтий, ступай, погляди, много ли их там, у костра.

Оказалось, что на дороге — никого, догорает барский возок. А главное — нет следа к холму с ящиком. Обмишулились шведы, прозевали в темноте ларец!

Заторопились к горящему возку. Филька первым добежал до холмика, крикнул сдавленным от страха голосом:

— Здеся ларец! Надобно перепрятать, пока шведы не прознали!

— Закопать бы в лесу поглубже, да чем копать?

— У меня в задке два заступа было да топор на скобах. Может, целы ещё?

Кинулись к возку. Один заступ и топор оказались в порядке, у другой лопаты подгорел черенок. Выломали дышло у возка, срубили сосёнку, вчетвером подняли на плечи ларец, понесли в глубь лесную. Отошли за полверсты, приметили сухое, песчаное место, выкопали яму в песчаном грунте под старой кривой сосной, обернули ларь кусками обгорелой кожи с боков возка, накрыли лапником, обрывками рогожи, сверху засыпали песком и так сравняли с землёй, будто моховой покров, прелую хвою и раскиданные хворостинки здесь век никто не тревожил. Свежим глазом глянуть — ничего не приметно!

Стали запоминать место: сосна старая, кривая на взгорке, между нею и мохнатой елью — захоронка…

— Только, робяты, никому про сие место не сказывать, окромя капитана-преображенца, что нас

в путь отправлял, коли барин наш теперь в плену обретается. Да ещё, пожалуй, не худо бы того лесничего в Кульге уведомить… Чай, у него сей клад до поры хранился… Теперь рассудим, куда нам путь отсюдова держать!

Филька и Степан сказали, что желают пойти назад в лагерь найти капитана Гуморта, доложить ему о происшествии. Барин—в плену, ящик—надёжно спрятан, место в лесу примечено. Потрудились все пятеро, всем следует награда за усердие…

Фёдор-кучер, Леонтий-егерь и Федот-камардин судили иначе: поелику барин в плену, надобно и слугам при нём оставаться! Пойти в ту сторону, куда шведы пленников повели. Мол, примите и нас, коли хозяин наш у вас обретается!

После долгого спору решили покамест всем вместе воротиться в Кульгу. Спросить совету у господина Карлова—у русских он вроде как под охраной и шведы его покамест тоже не трогали.

До лесничества добрались благополучно, но новости г-на Карлова были неутешительны. Преображенский капитан, проводив полтевских гостей из русского лагеря, ничего не давал знать о себе сюда, в Кульгу, но в лагере слух пошёл, будто исчез сей капитан, словно в воду Наровы реки канул! В полку Преображенском тревожатся, не угодил ли в лапы шведским разведчикам, но сам он, господин Карлов, глупым слухам веры не даёт: просто, мол, отлучился капитан со срочным царским поручением. Да, может, уже и воротился…

Филька про себя только усмехнулся. Нужен капитан «шведским разведчикам», как бы не так! Чай, сей капитан—сам и есть ихний главный, надёжный глаз в лагере русском! И впрямь, знать, ради своей двойной игры, может, и послан куда царём тайно! Прочие новости того хуже: про полтевского барина, что был проездом в кульгском лесничестве, тоже ничего не известно, но до Чёрной мызы он не доехал… Гости прервали хозяина, пояснив, что барин—в плену шведском, но ящика-ларца не обнаружили, и сейчас он спрятан в лесу. Г-н Карлов ещё добавил, что владелица ларца, фрёкен Анжелика Зильвер, возможно, тоже находится сейчас у своей тётки, фру Кристы Марии, и, верно, не поскупится на награду тем, кто доставил бы ей этот ларь в неповреждённом и невскрытом виде… Однако тот шведский отряд, что ночью напал на раненого барина, мог напороться и на мызу-усадебку и взять обитательниц с собою, коли нашёл бы их пребывание там опасным из-за приближения крупных военных действий в близком соседстве! Посему о теперешнем местопребывании барышни—тоже уверенно судить нельзя.

Подкрепив силы, солдаты стали совещаться. Оружия у них не осталось, коней—тоже. Всего снаряда—две лопаты и топор!..

Между тем прибыл в лесничество объездчик, привёз нерадостное известие, что на лесной дороге, в полутора вёрстах от сгоревшего возка, замечен труп лошади и тело солдата, павшего от ружейной пули. Мужиков-полтевцев эта весть смутила: уж не из Ключицыных ли который, дед либо внук? Негоже им при дороге без погребенья оставаться, земляки, чай! Ежели всё же на мызу-усадебку подаваться в чаянии, что барышня ещё там, по пути и земляка предать земле, от диких зверей уберечь…

В лесничестве остались на ночлег. До хрипоты рядились, как быть далее. Филька со Степаном надеялись встретить в лагере капитана, Фёдор, Фаддей и Леонтий желали и долг последний перед земляком исполнить, и девицу-владелицу ларца найти на мызе… А далее—сдаться шведам и разделить судьбу с барином.

— В Нарву возвращаться нам без него—не к чему!—убеждал кучер Фёдор.—Там… в самое кровопролитие угодим, без командира впустую пропадём. Так и так—галеры грозят, что у своих, что у шведов, коли без своего офицера остались…

Филька настоял на своём: вместе со Степаном поворотили они от Кульги к лагерю… До него от лесничества и было-то всего семь вёрст. Фильку терзало сомнение, не поспеют ли мужики, идущие в противоположную сторону, к спрятанному ларцу ранее самого Фильки, но прикидывал он, буде капитан окажется на месте, что сумеет он мужикам вдогонку погоню послать и ларец у них забрать… Вспоминались Фильке страшные глаза капитана, и пропадал даже интерес к награде за ларец… Лишь бы не разгневать Гуморта с его тяжёлой, карающей десницей…

Они всё ускоряли шаг, торопясь к лагерю. Часа через два после расставания с товарищами Филька и Степан увидели перед собою огромное пространство вырубленного леса, валы ретраншемента, слева—холм с русской артиллерией и… расположение своей караульной роты, где их окликнул часовой, стоящий на том посту у берега, где так часто дежурил Адриашка Ключицын…

От земляков-однополчан услыхали тут последнюю новость: государев любимец, капитан-бомбардир Янис Гуморт загадочно исчез-таки из лагеря, проводив в дорогу полтевского барина. Сам государь встревожен, велел послать трубача Фабрициуса, барабанщика и толмача под самые стены фортеции и огласить по-русски и по-шведски царское обращение к коменданту крепости полковнику Горну:

«Ежели шведские разведчики захватили капитана русской службы Гуморта в плен и заточили его в крепостном каземате, сам комендант будет за него в ответе. Русская сторона требует обеспечить капитану Гуморту хорошее обращение, питание и медицинскую помощь, как оно положено международными правилами касательно военнопленных офицеров».

Однако же полковник Горн ничего на сие обращение не ответил, и теперь пошли о капитане разные слухи, уж, мол, не сам ли он перекинулся к шведам. Ничего достоверного о сём ещё не ведомо…

В великих сомнениях и тревоге Филька уселся у костерка и стал размышлять, как поступить ему в этих трудных обстоятельствах. И только тогда он припомнил, что капитан некогда, у вагенбурга, намекнул ему о тайном ходе, коим капитан дозволял воспользоваться, однако лишь при самых крайних, последних необходимостях.

Троим полтевским мужикам пеший путь по лесной дороге показался и долгим, и трудным, и ненадёжным. Наконец нашли знакомое кострище и остатки возка. Ступицы колёс, и те сгорели. Не задерживаясь, зашагали дальше, уже в конце следующей версты заметили пару волков над конской тушей у дороги. Звери неторопливо убрались в лес, поблёскивая зеленью глаз, и неохотно уступили свою добычу подошедшим.

Те постояли над полузамёрзшим трупом коня, уже сильно потревоженного волками. Подивились, что нападавшие не сняли ни седла, ни уздечки. Видно, шибко спешили! Федя-кучер сразу признал: скакунок деда Архипа, эва, какой справный! Успели, однако, серые баре над ним потешиться, попировали всласть! Ух ты, мать честна!..

А по другую сторону дороги, в сухой траве, среди будылей лебеды и репейника заметили солдатскую епанчу, и, главное, из-под неё высунулся… просторный ботфорт и кавалерийский сапожок со шпорой! Приподняли солдатскую шапчонку, прикрывавшую голову лежащего… Курчавый тёмный затылок… Окровавленная рубаха голландского полотна с кружевами… Кисти рук, никогда не знавших крестьянского труда!

— Батюшки-светы! Убит-то не кто иной, как сам полтевский барин, Яков Фёдорович! А прикрыт солдатской справой Адриашки Ключицына, барского казачка! Где же одежда барина — мундир, епанча, шляпа, шпага, парик? Что тут стряслось, совершилось позавчера, близ сосновой рощи над песчаным косогором?..

6.

Капитан Гуморт, собрав всё, что мог неприметно прихватить с собою, — деньги, бумаги, золотой перстень, подаренный Петром, перевязь с парадным, дорогим оружием, — миновал пешком последний русский караульный пост около 8-пушечной батареи, выдвинутой против бастиона «Фама»…

Между бастионом и русской позицией тянулась вдоль сухой низинки полуразрушенная, обросшая мхом каменная стенка — остаток очень древней, ещё новгородской оборонительной системы, давным-давно заброшенной… Стенку прикрывали колючие кустарники, кучи щебня, поросшие бурьяном. Русские разведчики сюда изредка наведывались, но шведы держали низинку под обстрелом с бастиона «Фама», смельчаки несли потери, видимость из-за стенки была плохой. Мысль учинить здесь наблюдательный пост или «секрет» русские командиры оставили.

Однако уверенность в безобидности этого уголка была ошибочной! Под стенкой находился скрытый лаз, тесный и тёмный, но ведущий прямо в подземную галерею шведского форта. Сверху лаз был замаскирован тремя плоскими валунами, присыпанными щебнем. А в подземелье шведы держали караульного сигнальщика у выхода из лаза. Капитан Гуморт послал этим путём несколько агентов из русского лагеря в крепость. Теперь решил воспользоваться сам…

В крепость проник благополучно. Назвал сигнальщику шведский пароль: «Король и победа». Караульный, уже не впервые встречавший посланцев в русских мундирах, всё-таки преградил Гуморту путь:

— Ваша милость! У вас прежний пароль. Комендант велел сменить его нынче утром!

— Так подай в крепость сигнал и быстрее зови начальника караула!

Властный тон и отличный шведский язык подействовали! Пока Гуморт счищал с мундира паутинки и пыль, приставшие к сукну, наверху успели известить полковника Эдварда Горна, что в крепость прибыл гость «оттуда». Двое часовых предложили капитану-преображенцу следовать за ними. С напускной весёлостью капитан пытался заговаривать с ними на родном языке, однако те шагали молча, смотрели хмуро и на шутливые заигрывания Гуморта не отвечали.

Холодновато встретил перебежчика и хозяин крепости.

Полковник Эдвард Горн, высокий, жилистый и сухопарый воин, принял гостя в рабочем кабинете, похожем на каземат. Находился он в нижнем ярусе главной башни замка, призванной Длинным Германом. Стены этого покоя увешаны были рыцарскими шлемами, кольчугами, латами, мечами и саблями. В углу высились массивные часы — тоже наследие времён рыцарских. Некогда принадлежали они магистру ордена. Рядом с часами, на треугольном столике, соседствовала библия в кожаном переплёте и чёрное распятие с белевшей костяной фигурой Христа. Свет шёл через сводчатые окна, суживающиеся наружу. На широких подоконниках лежали карты, чертежи и таблицы.

Хозяин работал за просторным письменным столом, покрытым тёмно-зелёным сукном. В большом камине тлели поленья. Гуморт отметил про себя, что камин, похоже, топили разломанной мебелью, верно, из городских квартир, оставшихся без хозяев.

Полковник притворился, будто не сразу понял, с кем имеет дело в лице капитана и не протянул вошедшему руки. Жестом отослал часовых обратно, приподнялся в жёстком деревянном кресле, держась обеими руками за поручни, и подбородком сделал гостю приглашающий жест подойти ближе… Скрипучим голосом задал первый вопрос по-шведски.

— Ваше имя, господин русский капитан?

— Оно вам известно, г-н полковник! Если военные заботы отразились на состоянии вашей памяти, позвольте мне несколько освежить её: меня зовут капитан Янис Гуморт, и я такой же добрый швед, как и вы, сударь!

— Я не имею приказа или извещения о вашем прибытии в мой гарнизон. Разрешите спросить, вы прибыли со срочным сообщением или же покинули лагерь русского царя… самовольно? В этом случае, с какими целями и намерениями?

— Г-н комендант, меня удивляет ваша неосведомлённость! Вам должно быть известно, что я имею разрешение Его Королевского Величества прибыть в крепость в любое время, когда сочту это своевременным. Таков секретный приказ короля имеется у вас. Неужели ваши писари и делопроизводители могли не доложить вам о такой бумаге, подписанной генералом Веллингом по приказанию Его Величества?

— Я не подчинён генералу Веллингу, господин капитан!

— Не хотел бы спорить в столь горячий момент о… формальных обстоятельствах. В наших с вами силах сейчас не только выдержать осаду и встретить короля Карла XII пушечным салютом, но… подготовить всё для нашей полной и скорой победы над русскими.

— Насколько я понял, вы… самостоятельно решили оставить пост в армии вашего государя Петра?

— Моим, как и вашим, государем является Его Величество Карл XII, и я сослужил нашему королю не одну важную услугу в этой кампании, что, по всей вероятности, не хуже меня известно и господину полковнику.

— Сказать вам по правде, г-н Гуморт, шпионские дела и аферы меня не касаются, и я никогда не вникал в них. Я исполняю свой долг солдата в открытых и честных сражениях, а не в тайных шпионских происках… Впрочем, если вам угодно доложить мне ваши результаты в этой области, я готов это выслушать. Просил бы лишь… возможно короче!

— Извольте, г-н комендант! Моими усилиями выполнены два главных требования Его Величества: он повелел любой ценой, не жалея королевского золота, добыть полный чертёж русских позиций под Нарвой и Иван-Городом. Мне это удалось исполнить: король своевременно получил чертёж всех осадных укреплений, ретраншемента с его двумя оборонительными линиями, всеми артиллерийскими батареями, точной дислокацией полков, коих на позициях насчитывается двадцать восемь, начиная от гвардейских на вашем правом фланге и до дивизии генерала Вейде на левом… Я смог перечислить и все имена командиров полков, перечислить составы всех батарей, что позволило Его Величеству заранее знать все слабые места этой позиции, всю огневую систему русских, все фланги частей, что обеспечивает шведской армии полную свободу манёвру. И вы называете это… маловажными шпионскими происками?

— Не хотел вас обидеть, капитан, но… расположение русских… у нас перед глазами. Исключая фамилии господ полковников, всё, вами перечисленное, крепостному гарнизону… просто-напросто… видно!

— Гарнизону, но не наступающей с поля армии!

— Видите ли, г-н Гуморт, лично я, как старый солдат, более склонен верить своей подзорной трубе, чем… чертежу шпиона. Впрочем, вы, кажется, собирались доложить ещё и другие результаты ваших усилий? Извольте говорить, я вас внимательно слушаю.

— Известны ли вам, полковник, теснина Пюхайоги, что в вёрстах в сорока от Нарвы, является единственным пасом через необозримые болота?

— Она известна мне по карте, однако бывать там мне не случалось.

— Эту теснину прочно занял русский конный авангард, которым командует граф Шереметев. У него там тридцать пять тысяч конников. Позиция хорошо прикрыта русской артиллерией. Вам нетрудно подсчитать наши потери под кинжальным огнём при форсировании паса!

Горн молча пожал плечами.

— Под огнём русских мой гарнизон пребывает уже с конца лета и, как видите, неплохо держится… Впрочем, окажись я перед той тесниной, послал бы кавалеристов… поискать обхода. Обычно понятие непроходимости бывает условно. Обходы бывают трудны, но обычно всё-таки возможны. Чем же вы тут помогли нашим войскам?

— Тем, что нашёл лифляндских крестьян, разорённых шереметевскими разведчиками и озлобленных против русских. Побудил их найти обходные тропы через самые непролазные топи. Русский авангард сейчас тайно и скрытно обходит шведские силы, ведомые моими лесовиками… Шереметев будет окружён, отрезан от тыла и… уничтожен. Его Величество обещал крупные награды моим людям. Возможно, не забытыми останутся и мои усилия… Меня заверили в этом королевским словом!

— Что ж, лифляндский крестьянин несомненно награду заслуживает. Сейчас он пробирается через топи и трясины, пока мы с вами тут сидим в тепле и уюте! Поэтому не берусь судить, сколь

велика в этой трудной акции роль г-на офицера… Позвольте задать последний вопрос: будучи у нас в крепости, в моём подчинении, ибо я — комендант гарнизона, как вы намерены… нести дальнейшую службу? Есть у вас на той, русской, стороне прислуга, вестовой, денщик или доверенные лица? Намерены ли вы держать с ними связь?
— Верный мне денщик Ансельм Боттен, дважды передававший мои сведения в вашу крепость, оставлен мною в лагере с инструкцией держать русское командование в неведении о моём местонахождении. Не исключено, что самых ценных агентов может ждать возмездие, когда мой переход обнаружится. Тогда моим людям понадобится ваша помощь.
— Какой способ нашей помощи вы имеете в виду?
— Боттену приказано в случае опасности пробираться в крепость с последними сведениями о русских. Воспользуется тем же путём, что и я. Людям же в лесничестве и на Чёрной мызе может помочь генерал Веллинг посылкой небольшого отряда для обеспечения их безопасности. Но не хотел бы исключить и посылки группы поддержки отсюда, из крепости, точнее, из Иван-Города. Ведь там, на Чёрной мызе, гостит сейчас, возможно, не кто иная, как фрёкен Анжелика Зильвер, племянница Кристы Марии…
— Не имею чести знать этих особ, — сухо заметил Горн.
— Тут вы напрасно отмахиваетесь, полковник! В её судьбе весьма заинтересованы… великие люди Швеции! Через неё можно воздействовать… на самого… впрочем, полагаю, что тут… излишне…
— Да кто она такая? — нетерпеливо переспросил Горн.
— Полковник, фрёкен Анжелика Зильвер… с недавнего времени… состоит в… особо близких отношениях с… Его Величеством!
Горн поморщился.
— Чем же мы можем служить этой госпоже?
— Повторяю, посылкой, в случае необходимости, группы прикрытия. Покинув крепость, скажем, из Ивана-Города, группе пришлось бы преодолеть цепь ненадёжных новгородских ополченцев, форсировать Нарву вёрстах в пяти выше порогов и… лесной тропой добраться до мызы…
— Господин Гуморт, боюсь, что вам изменило чувство реальности. Подобную операцию я исключаю. Тем более что королевским войскам, что движутся к Нарве, обеспечить безопасность мызы на Чёрном ручье гораздо легче…
— На такой операции я, г-н полковник, отнюдь не настаиваю, но не стал бы категорически исключать… Нет, я предлагаю командованию королевских сил, и прежде всего именно вашему гарнизону, нечто совсем иное, более важное и стратегически решающее.
— Что же именно вы предлагаете?
— Об этом я уже написал свои соображения командованию наступающих сил. Ответа пока не имею, хотя на словах мой замысел был одобрен. Он сейчас, верно, изучается в деталях… Но операция не терпит промедления! Я имею в виду… план захвата в плен царя Петра, его свиты и штаба.
— Ого! О таком плане мне ничего не известно. Какими силами вы предлагаете осуществить его?
— Прежде всего, силами вашего гарнизона. Во взаимодействии с наступающей королевской армией. Из гарнизона должен действовать десантный отряд штыков. Отряд ночью покинет крепость. Половина отряда стремительно проскочит полторы версты через слабо охраняемое нарвское предместье, преодолеет ещё около полутора вёрст до переправы на остров Камперхольм и ворвётся на остров. Вторая половина десантного отряда обойдёт русских вдоль правого берега Нарвы. Одновременным ударом с двух берегов мы захватим на острове главную квартиру войск во главе с самим царём. Расположение всех помещений на острове мне известно. Нашего монарха мы встретим с пленённым царём, и капитуляция русских будет обеспечена. Его королевское Величество продиктует пленному царю такие условия мирного договора, что русские на протяжении десятилетий не возобновят своих попыток вернуться в Прибалтику. Королю будут развязаны руки для действий против Польши и Дании, не говоря о более мелких наших супостатах.
— Меня, г-н Гуморт, не надо убеждать в необходимости отбить русским охоту к изъятию шведских владений, некогда нами завоёванных у Руси. Ради этой цели гарнизон уже проявил стойкость и отвагу против русского царя в этой кампании. Но то, что вы мне сейчас изложили, не великая стратегическая задача, а мальчишеская авантюра. Против нас — полста тысяч солдат, обложивших крепость двойным кольцом. В гарнизоне не насчитаешь и двух тысяч солдат. Выведя из них чуть не половину, я обескровлю гарнизон. Русские покамест заблуждаются насчёт численности королевских сил — по вашим донесениям, они оценивают их в тридцать, даже пятьдесят тысяч. На деле их… едва ли восемнадцать! Подсчитайте вместимость кораблей, на которых Карл XII доставил свою армию в Пернов и Ревель! Наше счастье, что русские противостоят им… вслепую! Исход нашей атаки на русский ретраншемент… далеко не ясен! Поэтому дать вам войска на… авантюру я… не имею права!
— Да король озолотил бы вас за исполнение этого плана! Я головой ручаюсь вам за успех и полную викторию!
— Синица в руках надёжнее журавля в небе, капитан. Что ж, продолжайте разрабатывать ваш… отчаянный проект! Может быть, если обстоятельства позволят, я дам в ваше распоряжение…

— …Хотя бы роту, г-н комендант!
— Роту обещать не могу, а полуроту… Так и быть, если вы сумеете убедить меня в реальности плана.
— В таком случае, остальные силы буду искать… у более решительных командиров, г-н полковник! Придётся ночью… добраться до… хотя бы… Нойшлосса!
— Допущу на этот раз, как исключение. Впредь я не считаю возможным отпускать вас за пределы этих стен, притом… отчасти в ваших собственных интересах… В крепости вам отведут сейчас удобное помещение, откуда вы сможете наблюдать за действиями ваших бывших однополчан! До следующей встречи!

Вызванному в кабинет солдату комендант велел отвести Гуморта в приготовленное ему помещение — небольшую комнату в малой башне, откуда открывался вид на лагерь осаждающих.

Скрежеща зубами от горькой досады, он поднялся по каменным ступеням в башню, подставил стул под высокое, зарешёченное окно и, вытянув шею, стал глядеть в подзорную трубу на правый край русского ретраншемента.

7.

На трёхверстном участке русской осадной линии вдоль извилистого русла Наровы, между самым южным бастионом крепости и деревушкой Йоала, располагались артиллерийские позиции. Для орудийной прислуги — бомбардиров, наводчиков, заряжающих, фитильных, подносчиков — отрыты были окопы и ходы сообщения, образовавшие все вместе почти сплошную укреплённую линию, параллельную Нарове и упиравшуюся в её крутой берег, в одной версте пониже порогов. Размещались тут батареи шести-, восьми- и двенадцатипушечные, да ещё батарея старинных мортир. С поля эти батареи прикрыты были полками Елчанинова, Сухарева, Лима и Гордона. Фронтом они обращались в сторону осаждённого замка и его грозных каменных бастионов.

Вместе с циркумвалационной и контрвалационной линиями главного ретраншемента это была как бы ещё третья линия русской обороны, сделанная в предвидении возможных шведских контратак со стороны осаждённого гарнизона.

Между этой третьей линией и берегом пролегала лощина, некогда поросшая леском. С началом осады деревья этого леска вырубили, после чего среди пеньков, обломков скал и уцелевших кустарников стали приметны руины и кирпичные фундаменты существовавших здесь в старину построек — рыбацкого жилья, сараев для сушки рыбы, частоколов и даже сгнивших обрывков сетей. Отсюда таскали топливо для солдатских костров, щебёнку и камень для крепления стенок апрошей или для устройства орудийных площадок.

Ночью эта «ничья» полоса, разумеется, пустовала, хотя артиллеристы держали её под наблюдением. Однако в темноте с расстояния в двести-триста сажен нелегко было там разглядеть движение вражеских лазутчиков, изредка всё же пытавшихся пробираться к русским позициям для захвата «языка»… Осторожный разведчик, знакомый с местностью и окопами, мог почти без риска просочиться этой лощиной от бастиона до реки у порогов, а там и за пределы русского лагеря. Разве только острый глаз Адриашки Ключицына, которому часто доводилось стоять на посту над порогом, смог бы углядеть лазутчика… Но… Адриашка был теперь далеко, в миниатюрной тюремной крепости под Нойшлоссом, и лазутчик, пробиравшийся этим путём ночью двенадцатого ноября мимо русских позиций, миновал их беспрепятственно. Знал он их как свои пять пальцев! Шведский лазутчик, минуя расположения русских полков, мысленно называл даже имена командиров-артиллеристов, сейчас мирно спавших в землянках и бараках позади траншей, где, впрочем, часовые тоже подрёмывали на своих постах, дозволив врагу спокойно выбраться из русского лагеря.

Он уже шагал лесной дорогой в сторону селения Кульги, торопясь к дому лесничего Карлова. Задолго до рассвета постучал он условным стуком в закрытый ставень хозяйской спальни. В доме зажглась свеча. Пришельца провели в жилые покои.
— Капитан Гуморт! Господь милосердный, какая неосторожность! Тут ночевали русские, которых вы снаряжали на Чёрную мызу. Как вы рискуете! Случилось что-то непредвиденное?
— Иоганн! Мне нужна ваша лучшая лошадь и надёжный слуга. Он должен быть к утру со мною в Нойшлоссе.
— Но это невозможно! Туда от нас сорок четыре русских версты.
— Это три часа славной скачки, Иоганн. Если, конечно, не думать о здравии коня! Помните: для слуг Карла XII невозможного нет!.. Так, каковы ваши последние новости? Моя тайна ещё сохраняется?
— Боюсь, что уже нет! Пошёл слух, что вас видели на крепостной стене… рядом с полковником Горном.
— Экая досада! Мы с ним действительно высматривали мой путь… Недооценили зоркость моих бывших коллег-артиллеристов! Да теперь это уже не столь важно!.. А вы уже почувствовали… приметы недоверия русских командиров?
— Пока ещё нет, но дружба с вами, капитан… требует теперь… обещанных вами гарантий нашей безопасности!
— Отряд барона Унгерна… уже давал вам знать о себе?
— Его конные разведчики под командой лейтенанта Мелькенбруннера действуют в окрестностях. И они, увы, перехватили ту группу русских

путешественников, с которыми вы отправили от нас… ларец фрёкен Анжелики…
— О дьявол! Какая несчастная случайность! Этот чёртов лейтенант свалился нам на голову, как кирпич с крыши! Сопротивлялись ли ему путники?
— Стрелял офицер и кто-то из слуг. Один из слуг убит. Барина шведы увезли в плен. А ларец фрёкен Анжелики…
— Не тяните, Иоганн! Мелкенбруннер захватил, следовательно, и железный ларец?
— Представьте себе, капитан: по-видимому… не захватил!
— Куда же он делся? Говорите быстрее, я дорожу каждой минутой и рискую… головой, как понимаете!
— Кому и понимать, как не мне, капитан Гуморт! Но я рискую с вами вместе и, видит бог, покамест вижу мало проку в этой нашей дружбе! Русские заботливы и внимательны ко мне, обеспечивали на протяжении всей тяжёлой осады мне покой и безопасность, между тем как вы, капитан, пока обогатили меня только… горой золотых обещаний! А теперь, как понимаю, бросаете меня на произвол судьбы!
— Моя благодарность впереди! Притом из королевских рук. Мы будем с вами пить вино победы…
— …Из королевских бокалов, капитан, я помню и ценю ваше красноречие! Но ничем, кроме перлов, этого красноречия я ещё не обогащён со шведской стороны, а нахожусь на русской службе и не имею причин жаловаться на моих русских покровителей!
— Но вы же балтиец, природный эстляндец, и не можете желать, чтобы русский медведь превратил Эстляндию, Ливонию, Ингерманландию в своё логовище!.. Однако, к делу! Что вам известно о пленении прапорщика Полтева? Куда делись слуги? Кто из них… ночевал у вас, если я правильно понял ваши слова?
— Пятеро слуг избежали плена. Они спрятали ларец в лесу. Потом побывали здесь, рассказали о случившемся и разделились: трое пошли в сторону Чёрной мызы с планом… соединиться с пленным барином и, может быть, доставить ларец хозяйке, а двое — решили воротиться в лагерь и… искать вас, г-н капитан!
— Не помните ли, Иоганн, был ли среди той пары молодчик по имени Филька, Филофей?
— Он-то и решил… разыскивать вас, капитан!
— Хорошо! Картина проясняется! И дела, кажется, не так уж плохи… Я имею в виду ларец, спрятанный в лесу… Лишь бы эти слуги, где надо, сумели держать язык за зубами!..
— Капитан Гуморт! Лошадь вам осёдлана… Однако ещё последний вопрос: уж если вы посвятили меня в ваши стратегические планы насчёт окончания войны одним ударом… путём пленения…
— Тсс! Об этом пока — силентиум, Иоганн! Я не нашёл, против ожидания, полной поддержки у коменданта Горна… Даёт только полуроту! Остальных надо обеспечить в Нойшлоссе! Это должно совпасть с подходом главных сил… Остаётся несколько суток… До скорого и более счастливого свидания, Иоганн!

Сергей Арутюнов

Трёхсотлетний поэт

Святитель Филофей (Лещинский). Сибирский Лествичник / Свт. Филофей (Лещинский); [пер. с ц.-сл. *М. Ю. Бакулин* и *Т. А. Сайфуллин*].— Тюмень: «Русская Неделя». Тюменский издательский дом, 2015.—560 с.: ил.

В судьбе пропавших на целые столетия книг встречаются порой такие повороты, что объяснить их возможно лишь прихотями Провидения.

В 2015 году в фонде святителя Димитрия Ростовского Государственного исторического музея была найдена рукопись, по титульному листу которой экспертиза определила, что единственный экземпляр её написан от руки знаменитым святителем Сибири Филофеем (Лещинским) и подарен Димитрию 4 марта 1705 года.

Текст переводят с церковно-славянского языка на современный русский, издают в Тюмени, а спустя год книгу уже отмечают специальным призом проводимого Издательским Советом Патриархии конкурса «Просвещение через книгу».

Чем же так ценен «Сибирский Лествичник»? Тем, конечно, что в нём слышен голос его создателя, но не только. Найденный спустя 310 лет после написания, «Лествичник», точно так же как другие боевые кодексы (китайский «Искусство войны», японский «Бусидо», всеевропейский рыцарский кодекс Invictus Maneo), даёт всеобъемлющую картину духовной брани, которую вот уже тысячу лет ведёт за себя и всех людей русское монашество.

Провести несколько, пусть не совсем прямых, но явных параллелей между правилами чести русского монаха и другого воина духа уже возможно, и если проводить их, то с одной целью— подчёркивания глубоких отличий русского мира от многих иных цивилизаций. Православный воин побеждает, прежде всего, не внешних врагов, но внутренние страсти, учится в совершенстве властвовать над дурным настроением, «бесами» страстей; книга показывает, как это сделать, распознавая в себе саму природу греха.

«Учись бороться в уме, отсекая прилог греховный как источник всех зол»,—говорит Филофей.

«Лествичник», несмотря на исключительный реализм, произведение всецело духовное и отчасти мистическое. Понять его сполна сможет лишь человек, лично столкнувшийся с феноменом духовной брани. Христианская мистика исходит не из вздорно поверхностных гипотез о подспудном мироустройстве, но отталкивается от человеческой природы, понимая её несовершенство и одновременно встраивая её в надмирные процессы, полнота и завершённость которых зависит от того, как человек распоряжается своей природой. Именно поэтому христианская мистика носит доверительно-дидактический характер.

Традиция поучать монастырскую братию, возводя её по ступеням благочестия и остерегая от ошибок, заложена византийским богословом и философом Иоанном Лествичником (Синайским) (525–595 или 579–649 гг.), именем которого этот литературный жанр и назван. «Лествица»—это и есть по-старославянски «лестница», ведущая начало от того самого Якова (Иакова), третьего библейского патриарха, а именно от образа из его сна, где по двенадцатиступенчатой лестнице восходили с земли на небо ангелы.

Лестничник Филофея—это вольный перевод греческого первоисточника, имеющий мало общего с каноническим переводом св. Паисия Величковского, отредактированного в Московской Духовной Академии, и такое разночтение чрезвычайно ценно: Филофей демонстрирует в своём оригинальном произведении не отвлечённое мудрствование на предложенную тему, но насыщает оригинал своим видением и опытом, используя дополнительно множество современных ему источников. Здесь и «Собеседования италийских отцов» святителя Григория Двоеслова, и труды Ефима Сирина, и святителя Василия Великого, и Иоанн Златоуст, и Григорий Богослов, и Афанасий Великий, и Григорий Синаит, и Нил Сорский.

Глаголет своим молодым братьям с высоты своих 55 лет ко времени написания книги монах, одолевший множество искушений, выстоявший против них во всех резких поворотах судьбы. Кто же он?

Питомец Киево-Могилянской академии, Филофей родился на Украине (в Малороссии, как тогда её называли) в самой середине XVII века, когда Украина стараниями Богдана Хмельницкого стала частью России. В те годы польские и литовские войска захватили и сожгли Киев, разграбили страну, и многим православным пришлось бежать

от преследований униатов на левый берег Днепра. Семья Лещинских, предполагают историографы, подверглась именно этой участи…

Приняв постриг в Киево-Печерской лавре, европейски образованный монах-эконом назначается в Брянский Свенский Успенский монастырь, где в те годы неоднократно бывал Пётр I. Несмотря на то, что прямых свидетельств об очных встречах императора с монастырским настоятелем не сохранилось, миновать их вряд ли бы удалось. Присматриваясь к настоятелю, Пётр понимает, что именно такого человека следует назначить «управляющим делами» растянувшейся на две трети страны, от Урала до Великого (Атлантического) океана с Камчаткой и от берегов Ледовитого океана до Усть-Каменногорска, Сибирской епархии.

В 1702 году Филофей прибывает в Сибирь. Оставшуюся четверть века он проведёт в опасных, чреватых разочарованиями миссионерских поездках к язычникам, магометанам и буддистам, строительстве храмов, укреплении духовенства.

Только век Просвещения мог подарить русской истории такую фигуру — настолько барочную, насколько позволял сан. Филофей не только лично крестит более сорока тысяч остяков и вогулов (нынешние ханты, манси и селькупы), но и основывает первый сибирский театр, а также, видя удручающую безграмотность местных священников, древнейшую в Сибири Тобольскую семинарию.

Но больше всего привлекает его стихосложение. Закваска Киево-Могилянской академии бродит в митрополите постоянно — не зря её программа почти ничем не отличалась от тогдашней кембриджской. В альма-матер будущего митрополита Сибирского учили языкам, арифметике, философии, астрономии и — поэзии. Как всякий истинный поэт, боящийся «упустить строку», Филофей в сокровенные минуты пишет стихи на чём придётся — почтовых конвертах, полях донесений, между их строк… Можно предполагать, что стилистика его произведений была близка современникам — Феофану Прокоповичу, Симеону Полоцкому и другим священникам-просветителям. Сегодня нельзя забывать о том, что современная русская поэзия зародилась в лоне Церкви…

Главный труд Филофея, укромно спрятанный от современников и пятнадцати поколений потомков, содержит в себе тридцать ступеней восхождения к совершенству. «Лествичник» учит, как не унывать, не иметь любви к чему-то или кому-то конкретному, но всему сразу, как странствовать ради Бога и возвращаться из этих странствий, послушничать, падать и подниматься, трудиться, помнить о смерти и даже плакать.

С какой-то отчаянной прямотой говорится о монашестве: «монах наполняет себя добродетелями, как похотливый сладострастием» — запоминается сразу и навсегда.

Филофей открывает суть всего тяготящего душу — не только монашескую, но и каждую мирскую. Гнев, злопамятство и злословие, многословие, ложь, уныние, сребролюбие, тщеславие — уж не парад ли именно этих извечных пороков проходит перед нами сегодня в средствах массовой информации, уж не они ли ежечасно прославляются как «естественные»? Филофей отвергает их ложную естественность с порога: эти страсти навеяны человеку извне, они призваны исказить его душу, сделать её рабыней эмоциональных состояний, в которых нельзя и помыслить о внутренней чистоте.

Мудрый старец учит не принятым сегодня у самопальных мистиков непонятного толка «практикам очищения», но изъясняет природу «нечистых страстей». Среди ужасных язв, поражающих душу, он выделяет «нечувствие» — душевную смерть.

«Нечувствие, как телесное, так и душевное, входит через нерадение и лень и от долгого греховного недуга убивает все телесные и душевные чувства. Оно — отсутствие страданий, безболезненное состояние, утверждённое духовным небрежением. Нечувствие — застывшая мысль, рождающая самомнение. Оно — западня усердию и мужеству силок, дверь отчаяния и мать забвения».

Думается, не в нечувствии ли именно подозреваем мы подавляющее большинство нашего начальства? Не им ли оно повально больно? И — невинны ли мы сами?

Многочисленным духовным недугам противопоставляется не только «пост и молитва», но — в духе Просвещения — рассуждение. «Рассуждение — это познание своего душевного устроения… неосквернённое и чистое чувство совести», — пишет Филофей. Рассуждению, проращиванию в себе голоса совести в книге посвящено почти столько же глав, сколько противостоянию искушениям.

И ещё многие тайны раскроет «Лествичник» читателю, если тот будет достаточно храбр для того, чтобы заглянуть в себя, обнаружить в себе многие несовершенства и иметь силы сражаться с ними, пусть не как монах, но хотя бы как мирянин, которому показали отличие между светом и мглой.

Галина Климова

Жизнь для тебя—книга

Сдержанная речь, взвешенное слово, открытый взгляд—такое не часто уловишь в сумятице будничной жизни, которая *«вертится, крутится, / Жадно и бегло дыша»*. Приглянешься, прислушаешься и с радостью осознаешь, что-человек-то говорит стихами.

Так я открыла для себя Александра Орлова и его стихи. «Разнозимье»—не первый опыт поэта, но и не очередная книга. На мой взгляд, именно в этих стихах заметно личностное возрастание Орлова, его творческий и духовный подъём. Это и задаёт направление главного вектора. Здесь всё—книга жизни.

Жизнь для тебя—книга,
Жизнь для тебя—слово,
Жизнь—это полмига,
С Крещения до Покрова.

Конечно, речь идёт о Книге и о Слове.

Герою стихов Орлова недостаточно только размышлять о жизни *«отважно и пугливо»*, только комфортно устроиться за кабинетным столом, рифмуя или составляя конспекты. Эта спланированная и предсказуемая жизнь тесна и мала, хотя герой уже усвоил, *«что жизнь—сплошной урок»*. Но есть другая школа жизни. Не на соседней улице, но много дальше и выше… Высшая школа.

Путь избран—вверх, к Богу. Это движение роста не виртуальное, оно—внутреннее, сокровенное. Стоит только сдвинуться и пойти в выбранном направлении, откроется иное понимание судьбы, истории, отечества, своего места и голоса, поступков и памяти. Изменится поэтическая оптика и акустика. И тогда же неминуемо встанет вопрос:

Кто я? Минувшего избранник?
Лохмотник, чей маршрут бугристый крут?
Мне картой служит родовой помянник,
И звуки прошлого в ночи к луне влекут.

Так осознаёт себя наш современник, не чуждый гаджетов и дивайсов, столичный житель, поэт и учитель истории Александр Орлов. В этих строках не только понимание своего назначения в жизни, но и чувство сердечного долга по отношению к прошлому и к памяти тех, кто безвозвратно ушёл.

И только мягкий свет внутри лампад
Напоминает, кто мне в мире дорог.

В стихах первой части «Чернотроп» и второй «Снеговина» рассыпано много библейских аллюзий, цитат, ассоциаций. Наряду с этим ощутим проработанный культурный слой с признаками язычества, идущего от сказок, былин и суеверий, мистические смятения, мотивы и настроения Серебряного века и, конечно, интуиция. И, конечно, вера.

Вот откуда созерцательность, подробный взгляд и рассудительная, местами в чём-то назидательная, интонация. И ещё—сдержанность, черта человека, владеющего собой, хотя и срывающегося по молодости, по горячности, потому как *«вспыльчив, заносчив и груб»*.

Наряду с метафизикой жизни, с её «вечными» вопросами, Александр Орлов твёрдо стоит на земле, не теряя чувства реальности, говорит о том же, о чём сегодня говорят на улицах, на кухнях и в гаражах: *«О Путине, Москве, мигрантах, власти»*. Говорит не с опаской и не с оглядкой, а с пониманием, с гражданским сочувствием и соучастием. Его будоражат события и люди наших дней.

Особенно притягательна галерея мужских портретов от «Жестянщика» и «Башмачника» до «Христорадника», «Молчальника» и «Благотворца»—одного из лучших стихотворений в книге, посвящённого старцу схиархимандриту Власию (Перегонцеву). Большим теплом и доверительностью проникнуты стихи, обращённые к иеромонаху Макарию (Комогорову). Все поэтические портреты не просто живописны, в них—черты характера и, конечно, судьбы. Эти стихи отличает удачно найденная живая разговорная интонация, заметная и в стихах, посвящённых друзьям.

Наш век сырыми войнами рождён,
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый обречён.
Его понять вы не пытайтесь даже.

А для стихов-пейзажей характерна созерцательность. Любой из пейзажей Орлова—не просто «картина маслом». В пейзаже—в природном или в городском—растворён дух. Природа одухотворена, и человек в ней—хоть и *«дух-кромешник»*, но

тварь Божия. Ведь «Дух дышит, где хочет», вот он и дышит в стихах Александра Орлова, придавая иной объём живому пространству поэзии, где есть Верх и Низ, Небо и Земля, Бог и Человек.

Ты веруешь, Он, Альфа и Омега,
Он в тайной тридевятой стороне,
Выходит, неожиданно извне,
И полон мир архангельского снега.

Особенно много стихов о зиме и о снеге, они так собраны в разделе «Снеговина».

Зима — не просто один из четырёх сезонов года. Зима сильно беспокоит поэта как состояние. Она вдохновляет, но она и страшит. Автор различает своё *разнозимье,* где *снеговик и снежнец, снежниковые ямы и снежные озёра…* Пора зимы и снега — это не только стихи, но и пора одиночества. В «зимних» стихах герой говорит: «*я — снег*», он определяет — «*снежок, часть облачного льна*», «*часть ледяной крупы*» отсюда и название книги — «Разнозимье». Поэт не выпускает зиму из виду, потому что «*зима криворота*». Наблюдает за ней, подсматривает, караулит: вот «*зима провожает с прищуром косым*», вот другая — «*как больная в чепце старуха*». Он мечтает подчинить себе не только всю зиму, но и каждый сугроб, приручить зиму, поставить её на место, укоряя всерьёз:

Что меня не любила ты,
Что ласкала из пошлой моды,
Что мои собирала годы,
Как флористка в букет — цветы.

Здесь — среди зимы! — пробивается вечная тема любви, без которой стихи невозможны. Что стихи? Жизнь без любви невозможна. Ещё раньше, признаваясь зиме, что взаимность на нуле, герой лирики Александра Орлова говорит: «*я — самый худший зимы ученик*». Почему? Что он знает про себя? Оценивая других — ведь он учитель! — может ли оценить себя, хотя бы по пятибалльной системе? Чего недостаёт, чтоб стать, наконец, счастливым? Убегая от зимы, от себя не убежишь. Там-то и настигли, и накрыли одиночество, нелюбовь и невзаимность.

С ветром яростно споря,
Вдоль каналов, плотин,
Ниже уровня моря
Я шагаю один.

Рождественский праздник в Голландии, в Королевстве ветров — «*праздник живописный, но не тот*». Не найти там ветряков счастья! Не видать любви, хотя «*есть я и ты, и радости излёт*».

Домой, скорей к себе, в свою зиму!

Вернувшись, самое время с себя же спросить:

А что со мной, что у меня внутри?
Ты не смущайся, глубже посмотри —
Там ждёт душа с улыбкой новосёла.

Это обнадёживает. В этих строчках, кроме надежды, есть поэзия, которую нельзя не почувствовать. Её чудесное вещество растворено в стихах Александра Орлова. И, конечно, в каждом дне его жизни, идущей на подъём.

Синяя тетрадь

Лучшие работы участников Красноярского городского конкурса школьной публицистики «Суперперо–2016»

ОЛЕГ КРАСНОВ
школа №133, 6 класс

Машинка

Однажды мама отправила меня в магазин за продуктами. Я пошёл. Захожу… Вижу—на моём пути отдел с игрушками. А на полочке в этом отделе—Машинка. Красная! Пластмассовая! Красота! Я давно хотел такую! Решил купить. И мучает совесть—денег-то нет, только на продукты. Стою и думаю, что важнее в семье—машинка красная или молоко? Победила красота—купил машинку!

От радости я забыл про продукты. Машинку в карман—и домой бегом. Подхожу к подъезду—руку в карман—нет игрушки! Я бегу обратно—вдруг валяется где-нибудь? Пробежал по дороге два раза туда и обратно—нет машинки! Побежал в третий, смотрю—на дороге лежит 300 рублей. Очень обрадовался, схватил и побежал в магазин за продуктами…

Захожу… Вижу—на моём пути отдел с игрушками. А на полочке в этом отделе—Машинка. Красная!.. На этот раз совесть молчала—сразу купил. Не догадаетесь, что. *Машинку!!!* Шёл домой медленно, счастливый! И вдруг на дороге… лежит… игрушка! Которую я потерял в первый раз! Я сразу схватил машинку №1, и счастье моё удвоилось! В итоге я пошёл домой без денег, без продуктов, но с двумя игрушками. Забыл совсем я про продукты!

Конечно, мама меня наказала. Я был лишён компьютера и гуляний на целый день. Но что мне компьютер и гуляния—у меня же две машинки!

КСЕНИЯ ШНАРЕВИЧ
школа №89, 5 класс

Таёжный вид

Моя мама родилась и выросла в одном из посёлков Красноярского края. А её бабушка жила в другом посёлке, за много километров от маминого. Каждое лето мама с родителями ездила к ней в гости.

Это было целое приключение. Тогда у маминых родителей был только мотоцикл с люлькой, в которую усаживались моя мама и две её младшие сестры. Сначала на пароме нужно было перебраться на другой берег Енисея, а потом пять часов ехать через бескрайние просторы тайги. Потом купили машину и ездили уже на ней. За столько лет путешествий изучили они эту дорогу вдоль и поперёк. Знали каждую таёжную полянку, речку, бурлящие ручьи с чистой, вкусной ледяной водой. Были и приметные деревья, одно из них мама называла своим. Это была высоченная лиственница, которая возвышалась над всеми, несмотря на то, что у неё была обломана макушка.

Проезжали через болото, дорога через которое после дождей становилась опасной. Не раз приходилось толкать транспорт, чтобы выбраться. Видели и диких животных, лося, зайцев. Было и место, любимое всей семьёй,—вершина высокой горы.

Подниматься на неё приходилось, как по серпантину. Забравшись, делали остановку, чтобы пообедать, подышать свежим воздухом, любуясь видом тайги.

Это было захватывающее зрелище. Бескрайнее море зелёного леса, упирающегося в горизонт. Голубое небо с облаками и ветер, обдувающий лицо. За много лет путешествий картина не приелась, она каждый раз поражала своей красотой и величием бескрайних просторов нашего края.

И вот, несколько лет спустя, проделав привычный путь и оказавшись на вершине горы, мама с семьёй вышли из машины. То, что мама, тогда ещё девочка, увидела, поразило её до глубины души. Прекрасной картины таёжного моря не было. За зиму лес вырубили, а на его месте была унылая и печальная картина того, что осталось от леса. Пни, коряги, обрубленные ветки и лишь кое-где чудом уцелевшие маленькие деревца, которые не представляли ценности для лесозаготовителей.

Многие и многие километры леса больше не существовали. Мама запомнила это на всю жизнь. Она сказала, что никогда больше не ездила к бабушке через тайгу.

…На Новый год мы ставим искусственную ёлку и пропагандируем это среди наших знакомых. Мы не выбрасываем бумагу, а собираем её в макулатуру. Мама говорит, что так мы вносим посильный вклад в сохранение деревьев.

Софья Малышева
школа №150, 10 класс

Вкус солнца

Дело было в 1951 году в небольшом селе на Сяве — притоке Большой Какши — в Нижегородской области. Дедушка мой — тогда только одиннадцати лет отроду — вместе с мальчишками частенько бегал в редкий и хилый лес, который тоже казался совсем отощавшим за время войны, чтобы натаскать яиц из птичьих гнёзд. Подпоясав бечёвкой большие отцовские портки, что привезены были с фронта, Боря (так зовут моего дедушку) карабкался обычно по шершавым стволам тощих сосёнок и гладким ветвям по-летнему кудрявых клёнов и, нашарив в гнезде рукой удачно перепавший им завтрак, обед или ужин, радостно вскрикивал, а затем кидал его в старую шапку-армейку, которую внизу держал наготове его друг Лёвка. Затем, пожарив яйца на плоских камнях и слопав их за милую душу, они и прочее пацаньё по обыкновению спускались к реке и долго лежали на усыпанном мелкой галькой берегу, глядя в голубое небо.

Когда за яйцами приходилось уходить подальше в лес, ребята иногда натыкались на пленных немцев, рубивших берёзы, чтобы потом сделать из берёсты дёготь, а саму древесину пустить вниз по реке. Притаившись за мшистыми кочками, мальчишки кидали в них галькой, которую, набив полные карманы, собрали у реки и радостно хихикали от мыслей, что воздают «поганым фрицам» по заслугам.

Однажды, заслышав отдалённый хруст веток под чьими-то ногами, ребята по привычке спрятались за холм и взяли в ладони уже приготовленные камешки. Только Боря собрался кивнуть мальчишкам, подавая сигнал «к атаке», как вдруг кто-то хрипло воскликнул:
— Тише, братки, не кидайтесь в меня! Это я, Михайло, с почты иду.

Разом переглянувшись, ребята вышли из-за своего укрытия и спустились к мужику. Михаил Михайлович, или попросту Михайло, был высок и широкоплеч, а в густой бороде его уже серебрилась белыми нитями седина. Он улыбался подошедшим мальчишкам и держал в руках деревянный ящик, обёрнутый для надёжности холщовой тканью.
— Чего это вы, партизаны, своим засаду делаете, а? — спросил Михайло, тихо фыркнув.
— Ничего мы не делаем! — воскликнул Боря, отвечая за всех как самый старший. — Так только, дорогу проверяем.
— Дядь Михайло, а дядь, что это у вас там в ящике так пахнет? — почти тут же любопытно спросил Лёвка, подойдя вплотную к посылке и сунув свой конопатый нос между дощечек.
— Мандарины! — расправив плечи и сверкнув глазами, гордо произнёс мужик и похлопал большой мозолистой ладонью по ящику. — Фрукт такой. Сладкий, говорят, и вкусный до безобразия.

Встретившись с зачарованными взглядами мальчишек, он рассмеялся и, поставив посылку на чуть влажную землю, открыл крышку.
— Нате вот, — Михайло протянул каждому по мандарину и, лукаво улыбнувшись, приложил палец к губам. — Только, слышьте, никому.

Боря недоверчиво вертел в руках странный оранжевый фрукт — мягкий и гладкий, в мелкую серую крапинку. Поднеся его ближе к лицу, мальчик резко выдохнул, сморщив от резкого запаха нос.
— Ты попробуй, — сказал мужик, кивнув Боре, и улыбнулся. — Не бойся, не отравишься.

Вздохнув, Боря надкусил мандарин. Мякоть внутри брызнула щиплющим соком в глаза, и мальчик замер от неожиданности, не решаясь жевать дальше. Непривычно сочный, он показался Боре, не евшему в жизни ничего слаще морковки, невероятно вкусным. Словно солнце — таким же терпким, ярким и отчего-то обдающим горло горько-сладким жаром.
— Ну как? — нетерпеливо спросил Михайло глядя мальчику в глаза.
— Как солнце… — произнёс он задумчиво. — Жжётся, но приятно.

Боря вновь вгрызся в маленькое солнце у себя на ладони, не обращая внимания на липкий сок, стекающий по подбородку, и счастливо улыбнулся. Не было сейчас для него ничего вкуснее этого маленького мандарина — горько-сладкого, с гладкой ароматной шкуркой.

Светлана Горнякова
школа №91, 8 класс

Письмо о рассказе и фильме «Судьба человека»

В наш современный стремительный век, когда хочется так много успеть, так много сделать, мы спешим и, как не парадоксально, часто многое упускаем. Может быть, и вам знакомо чувство, когда в череде заданий, кружков, повседневных забот вдруг пронзает что-то иное, высокое, то, что вне времени… Так случилось со мной, когда пришлось прочесть рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека», а потом и посмотреть его экранизацию. Именно тогда я почувствовала, какой силой может обладать фильм, тогда поняла, что кино — это тоже искусство. Время остановилось, суета отступила. Так захотелось поговорить с автором, и родилось такое послание, которым хочу поделиться.

Уважаемый Михаил Александрович! Как бы мне хотелось побеседовать с Вами лично, но увы! Время неумолимо, поэтому осмелюсь обратиться к Вам из моего далёкого Далека письмом.

У нас сейчас уже 2016 год. И как далеки от меня годы 1956–1957. И как совсем не знакома мне главная газета Советского Союза «Правда»… Но зато у меня в руках Ваш рассказ «Судьба человека», который когда-то был напечатан в этой газете.

Читаю, что называется, «залпом», не слыша и не видя ничего. Это что же может сделать судьба с человеком! И как же он, этот обыкновенный человек, может это выдержать! И как же Вам, дорогой Михаил Александрович, удалось обо всём этом рассказать устами главного героя Андрея Соколова такими, кажется, простыми словами и с такой на первый взгляд ровной и отрешённо-спокойной интонацией?! И сколько же в ней, в этой интонации, подлинного трагизма, невысказанного, невыплаканного горя! О какой огромной человеческой трагедии говорят слова, которыми Вы описали глаза Андрея Соколова — словно пеплом осыпанные. Да, эти глаза даже плакать не могут… А плачет за Андрея автор: «Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное — уметь вовремя отвернуться…»

А ещё плачут такие девочки, как я. Это же невозможно читать о встрече отца и сына, долгожданной встрече. Только отец-то жив, а сын… «Лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далёкую даль…» А лежит-то сын в гробу… Убит 9 Мая! В День Победы! Ну вот как это можно пережить, особенно зная, что ни жены, ни дочери у тебя уже давно нет. Но был сын… Но был… Невозможно выдержать это человеку! Да только придётся. И выдержит Андрей Соколов, как выдержал до этого ад плена, где «в скотину они меня не превратили, как ни старались». И даже заклятый враг признаёт, что Андрей — настоящий русский солдат, храбрый солдат.

И что дальше? Куда теперь идти солдату, кому нести печаль свою? Но Вы, Михаил Александрович, Гений! Вы дарите мне радость, счастье встречи Андрея Соколова с Ванюшкой. Этот мальчик, словно солнечный лучик, озарил жизнь сурового человека! И герой может идти дальше, потому что Вы подарили ему веру, надежду, счастье! Но и опять — печаль, тревогу… Конец-то Вашего рассказа открытый, поскольку «поршня» в моторе-сердце Андрея барахлят. Но будем надеяться…

В общем, только я передохнула, закончив читать Ваш рассказ, только вернулась через несколько дней в свою жизнь, — новое потрясение! Оказывается, вскоре после публикации рассказа, в 1958 году, появился фильм «Судьба человека». И фильм этот «жив» до сих пор. Я, конечно же, не могла его не посмотреть. В Интернете я узнала, что экранизация Вашего рассказа стала для Сергея Бондарчука больше, чем мечтой, — целью жизни. А Вы не сразу доверились этому режиссёру! Как вспоминал Сергей Бондарчук: «Он долго рассматривал мои руки, сказал: „У Соколова руки-то другие…“» И я осмелюсь Вас уверить, что сомневались Вы зря: фильм потрясающий! Чёрно-белый (и, слава Богу, до сих пор не раскрашенный!). И иным, на мой взгляд, быть не может! Сергей Бондарчук очень уважительно отнёсся к Вашему рассказу, бережно сохранил его язык, стиль, композицию. А как здорово подобран актёрский состав! Сам Сергей Фёдорович блистательно сыграл Андрея Соколова.

Совершенно потрясает в фильме сцена негласной «битвы» Андрея Соколова и лагерфюрера Мюллера. Это каким же Человеком надо быть, чтобы даже в этом аду сохранить чувство собственного достоинства и чувство юмора! И как же это надо сыграть, чтобы я забыла, что это кино, а не реальная жизнь!

Хочется отметить, что роль лагерфюрера Мюллера актёру Юрию Аверину тоже удалась. Такой «отличный» негодяй получился! Что называется, хорош до жути, хвала актёру, этакую мразь ведь тоже надо сыграть!

А сцена с Ванюшкой… Этот пронзительный крик мальчика: «Папка! Папка, я знал, что ты меня найдёшь!»

Рискую навлечь на себя гнев более опытных зрителей, но всё-таки хочу Вам сказать, что в военных фильмах нет, пожалуй, больше такого героя, как Андрей Соколов, который хлебнул бы «горюшка по ноздри и выше» и при этом остался бы Человеком!

Нет никаких сомнений в том, что оба произведения потрясающие! И если в рассказе я вижу военное время, изображённое гениальным писателем, то в фильм талантливого режиссёра позволяет услышать неизвестную мне эпоху и, благодаря великолепной игре актёров, погрузиться в то время, прожить и прочувствовать его. Спасибо великое Вам за такого героя и Сергею Бондарчуку, так гениально воплотившему его в фильме!

Простите меня, Михаил Александрович, за мои, может быть, излишние эмоции, но я действительно потрясена!

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН
лицей №7, 5 класс

Ты уже построил завод?

Письмо себе взрослому

Привет, Александр! Здравствуй! Это письмо я пишу в 2040 год! Почему 2040? Раньше, я думаю, просто не успею исполнить то, о чём мечтаю сейчас.

Ведь сейчас мне всего 11 лет, а ты уже давно окончил школу, университет. Наверное, работаешь в конструкторском бюро научно-исследовательского института над каким-то новым проектом. Угадал?

Хочу хоть ненадолго вернуть тебя в детство. Письмо у тебя в руках. Помнишь, как писал его? Запечатывал? А теперь сидишь в удобном кресле (с ногами, как любил в детстве?) и читаешь. Ты помнишь себя пятиклассником? Егоза! Ты не мог усидеть на месте! На уроках тебе постоянно делали замечания. Особенно строга была учительница математики:

— Какая пятёрка! Ты и на четвёрку не знаешь!

Я, отличник, чуть не заплакал от такой несправедливости. Мне надо хорошо учиться! Я хочу стать изобретателем или учёным-химиком. Ты, или я, запутался уже, завёл тетрадь с чертежами своих изобретений. Очиститель воды, очиститель воздуха и печь для сжигания мусора. Может быть, тебе смешно, но я мечтаю получить патент на эти изобретения, построить завод по переработке мусора и без очистки воды не обойтись. Вот интересно узнать, построил ли ты завод? Возможно, пока вырасту, уже построят. Без меня.

Что ж, это не единственное твоё увлечение. Летом ты любил жить на даче! В Овсянке. Катался на велосипеде, плавал в бассейне, топил печку, пилил и колол дрова, ходил за грибами в лес. Очень переживал, что люди оставляют мусор в лесу! Брал мешок и шёл убирать.

Однажды на свалке ты нашёл старинную пишущую машинку, такую ты в кино видел. Принёс её домой, очистил от пыли и грязи. Было интересно посмотреть, как она устроена. Смазали ленту чернилами, заправили лист бумаги. Я нажимал на клавиши, они выбивали буквы! Такие машинки были раньше только у писателей или учёных. Так появился ещё один старинный предмет в нашем доме. Машинку поставили на втором этаже дачи рядом с папиным радиоприёмником, радиолой и патефоном. Получилось что-то вроде маленького домашнего музея. У патефона, к сожалению, нет иголки. Может, уже есть?

Наши родственники и знакомые, узнав об этом увлечении, стали приносить экспонаты. Появились утюги и чайники. Есть стиральная доска. Когда мне её подарили, я три дня подряд на ней стирал. Когда смотрю на швейную машинку 1935 года выпуска, просто робею. Она в войну работала! Кто-то на ней рукавички на фронт шил. Такие вещи беречь надо. Наверное, ты женат и у тебя есть сын. Такой, как я сейчас. Я сохраню их для него. А помнишь свой любимый пылесос «Урал» с чехлом-пуфиком? Навёл порядок, а потом можно посидеть на нём, на пуфике, то есть, почитать.

Есть в музее и археологические находки. Кованый гвоздь, металлическая пуговица ручной работы, веретено, грузила из камней для рыболовной сети. Их откопали на берегу Енисея, когда строили дачу.

Продолжаешь ли ты собирать старинные вещи? Может быть, уже музей открыл? Была ж такая мечта. Я точно об этом мечтаю. И ещё об одном интересно узнать. Когда тебе было 11 лет, ты захотел посадить своё собственное дерево? Тебе купили саженец груши, и ты сам выкопал ямку и посадил это дерево, а потом ухаживал за ним. Растёт ли сейчас эта груша и вкусные ли на ней плоды?

До свидания! До встречи в 2040 году.

АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА

школа №6, 7 класс

Мать Тереза

Мать Тереза — вам представляется женщина? Нет. Неправильная картинка. Тереза — это имя собаки, которая пережила то, после чего каждая любящая мать стёрла бы себе память.

Оставшись со щенками без крова, Тереза как заботливая мамочка принялась выкармливать своих детёнышей. Она ласково расчёсывала их язычком и каждое утро умывала. Как и все матери, Тереза хотела только лучшего для своих детей, но этого не произошло.

Наверное, тот вечер стал худшим для неё, ведь именно тогда начали исчезать её малыши, а наутро их тела приносили изуродованными до неузнаваемости. Кто-то каждый вечер забирал у неё щенков, а утром мёртвых подкидывал матери. Так прошло несколько дней.

Когда закончились щенки, эти (назвать людьми их язык не поворачивается) самые настоящие звери принялись за маму. Они несколько дней приходили мучить Терезу: избивали, калечили и уходили, оставляя доверчиваю собачку лежать на улице. Последней каплей было изощрённое зверство — ей распороли живот и бросили умирать.

Первой беду заметила женщина, которая иногда приходила кормить её, и, увидев боль в глазах собаки, принялась обрабатывать рану. Она-то и сообщила в приют «Хатико» о трагедии.

Уже в приюте, узнав о судьбе собаки и её искалеченных щенках, волонтёры дали ей имя — Мать Тереза. Сейчас Тереза полностью здорова и ищет дом, но, думаю, та жуткая картина всё ещё стоит у неё перед глазами…

А кто во всём виноват? Кто виноват в смерти маленьких щенят? Кто виноват в том, что мать буквально горела в аду на земле? Кто? Разве не люди?

— Во всём виновата судьба, а не люди! — спорит со мной Яна, когда я рассказываю ей о судьбах брошенных животных. Она твердит, что мир жесток и никто ни в чём не виноват, пытается убедить меня в том, что, если человек выбрал неправильную дорогу, этому есть причина, и второй шанс давать следует каждому. И каждый раз она оправдывает людей.

Да, я согласна с тем, что оправдывать людей можно, но нужно ли?

Кто-то кричит, что на улице живут злые собаки и их следует истреблять. Но виноваты ли животные в том, что им приходится быть злыми ради собственного спасения?

Животное — это отражение хозяина. В том, какой у собаки или кошки характер, виноват исключительно он, человек, который однажды приручил питомца. А если хозяина нет, то виноваты люди. Все.

ТИМОФЕЙ КЛИМОВ

школа №5, 6 класс

Я — учительский ребёнок…

Меня зовут Тимофей, я ученик 6 класса. Все одноклассники говорят, что мне повезло, потому что моя мама — учитель русского языка и литературы, а значит, она может помочь мне сделать домашнее упражнение, написать сочинение, объяснить ещё раз правило, если я его не понял. Конечно, когда я её попрошу помочь, она не отказывает, но я уже умею варить пельмени, жарить котлеты, делать омлет и салаты, ведь мама приходит домой поздно, а уходит рано, и ей некогда даже сварить обед своим домашним. А ещё я хочу научиться стряпать блины, ведь я их очень люблю!

Все взрослые, когда возвращаются с работы, приносят домой что-то вкусненькое. А моя мама вместе с вкусностями приносит домой тетради — огромную стопку! Я всегда был уверен, что любимое мамино занятие — проверка тетрадей! Только сейчас я понимаю, что это совсем не просто, вижу, как устают мамины глаза, и приношу ей чашку чая, чтобы она отвлеклась немного и отдохнула. Мама долго проверяет тетради или готовится к урокам, вечно заполняет какие-то документы и отрывается от своих занятий, только поздно вечером, чтобы почитать мне на ночь книгу.

У моих одноклассников на день рождения взрослые, которые приводят детей, обычно собираются на кухне и обсуждают новости или рассказывают анекдоты. Мой день рождения — это малый педсовет, ведь все мамины подруги — тоже учительницы. И я узнаю много интересного и не очень о школьной жизни, о хулигане Пете Иванове и вообще о многом, чего мне не очень хотелось бы знать!

Я люблю ходить в кино, играть на улице, но моя мама водит в кино и в театр своих восьмиклассников, а меня не всегда берут с собой, потому что за мной, видите ли, некогда следить. И тогда я иду гулять с собакой. Кстати, только наша семья, гуляя с собакой, берёт с собой совок и пакет, чтобы убирать за ней. Мы показываем положительный пример, потому что даже во дворе моя мама остаётся учительницей.

А ещё к маме в школе или на улице подходят совершенно незнакомые мне люди и говорят, какая она хорошая и как её любят. В такие моменты я горжусь ею, хотя и немножко и ревную.

Иногда так хочется сказать тем, кто говорит, как мне повезло: «Если вы получили двойку, нагрубили учителю, разбили окно, сломали стул, подрались с соседом, вы можете промолчать и ничего не сказать своей маме, а моя, даже если я ей ничего не скажу, узнает обо мне всё. От неё не скроешься!»

И всё-таки мне повезло. Ведь хоть моя мама и учительница, она — самая лучшая в мире, и я её люблю!

СТАНИСЛАВА ТРЕТЬЯКОВА

лицей №2, 10 класс

Киты осени

Пришла настоящая осень, с лёгким холодным ветерком, который неспешно играет листвой на дороге, а солнце всё меньше уделяет времени нашему городу, обречённым деревьям и поникшей траве. Осень пришла с пряным ароматом, который присущ только ей. В этом запахе играют яркие ноты сырой земли, уставшей от знойного лета, откликаются следы пожелтевшей листвы, ароматы созревших плодов и загадочность густых туманов.

Встречая старого жёлтого друга, ты осознаёшь необратимость жизненного процесса увядания. Однообразное лето уступает буйству огненных красок, обильных дождей, фантастических замков из белых облаков.

Туманное утро — лучшее утро, которое могла придумать природа, особенно в осеннее время. Туман, укрыв бархатным одеялом дома и деревья, наслаждается утренним покоем, даже дым из печных труб старается спрятаться в его густоте, словно боится нарушить естественную красоту, подаренную осенью.

Тихо, будто на цыпочках, выходя из дома, взглянув на это могущество, ты не можешь отвести взгляд. Перед тобой настоящий величественный кит — кит осени. Ты стоишь заворожённый и восхищённый, смотря по сторонам, пытаешься отчаянно запомнить всё: как падает свет, как замерли деревья, как неторопливо, умиротворённо пролетает осенний кит. Плавные, размеренные движения хвостом и тянущиеся вслед струйкой облетевшие листья волнами заполоняют всё пространство вокруг. Именно в этот момент природа приходит в равновесие. Ты понимаешь, что киты улыбаются только тем, кто этого достоин, кто с честью относится к их сокровищу — осени и кто умеет видеть эту красоту.

Киты — творцы волшебного осеннего леса. Именно в таком лесу человек, который потерял себя, обретает надежду и смело шагает вперёд. Именно в таком лесу художники черпают вдохновение,

поэты пишут свои лучшие стихи, а музыканты изливают душу гитарным струнам.

Осенний лес предлагает возможность быть собой, видеть многообразие осенних красок, делать то, что ты не мог, думать так, как не смел, быть свободным, как киты. Откройся ему, а взамен он одарит тебя чудом.

МАКСИМ ГУЩИН
лицей №2, 11 класс

Осень пришла…

Будильник звенел, нарушая тишину комнаты — ночь кончилась.

Высвободив руку из одеяльного кокона, я потянулся к источнику шума на журнальном столике. Выключил с третьей попытки — кнопка западает. Наконец тишина. Мягкая, усыпляющая. Очень, надо сказать, не вовремя. Надо музыку. Какую-нибудь бодрящую. Где там телефон? Потратив минуты три на поиски мобильника, я наконец выудил его из складок одеяла под собой — видимо, уснул в обнимку с ним.

Когда с выбором музыки было покончено, я выбрался из кровати и оправил прилипшую к телу футболку — август выдался жарким. По пути в ванную меня вдруг остановило что-то. Мимолётное ощущение тревоги. Покосился на окно. Вроде всё как всегда. Показалось. Умывшись и приведя образовавшееся на голове гнездо в относительный порядок, решил сварить кофе. Хотя спать уже не хотелось.

Уставился в окно. Что-то всё же не так. Распахнул раму, вдохнул. Неужели… Кофе зашипел, бросившись на плиту. Сбежал, зараза. Только уселся за стол с чашкой, зазвонил телефон. Какого чёрта в такую рань?..

— Ага, и вам доброго утра. («Чёрта с два доброго!»)

— Да, сегодня моя смена. Что? Да, конечно, могу приехать раньше, не вопрос. Хорошо, до встречи.

Положил трубку. Ладно, почитать я и в автобусе могу. Допил кофе, собрался. В подъезде встретил уборщицу. Рано она сегодня. Лениво елозит тряпкой по грязному полу, время от времени полоща её в хлорированной воде. Запах не из приятных. Картина, вообще-то, тоже.

Выйдя на улицу, замер. Не показалось. А вдруг всё-таки… принюхался. Точно, так и есть. Осень пришла.

Как всегда внезапно, резко и вместе с тем плавно, и всегда нежданно. Каждый раз, отсчитывая уходящие и оставшиеся недели и дни лета, всё ждёшь, что задует этот прохладный, по-осеннему тоскливый ветер, а леса вспыхнут ярким пламенем красок. Каждый раз ждёшь этого, как удара, напрягаясь всем нутром, и каждый раз это происходит неожиданно.

На этот раз ветер был тёплый, да и деревья ещё зелёные, но я знал, что осень уже на подходе. Всего пара дней — и тротуар укроет ковёр из листьев, а небо будет беспрерывно рыдать в предчувствии зимы. Так всегда. Потому что так устроена природа. Как птица феникс — сгорает осенью, чтобы весной восстать из собственного пепла.

Запрыгнув в маршрутку, заметил сидячее место у окна, двинулся туда. Расплатившись, полез в сумку за книгой. Чтоб её, забыл. Включив музыку в наушниках погромче, уставился в окно. Мимо проносились машины, чуть медленнее — серые монолиты зданий. Над головой тянулась чёрная паутина проводов. Осень — не хорошо и не плохо, осень — это факт. Неумолимый и безжалостный. А когда приходит зима, всё замирает… Автобус со вздохом закрыл двери за моей спиной. Шагаю по брусчатке.

А что же потом, после зимы? Как правило, наступает весна. Так же, как после ночи — утро. Значит ли это, что после смерти наступает жизнь? Возможно. А возможно и нет. Если немного внимательнее присмотреться к природе, можно заметить, что всё циклично. Жизнь — тот же цикл, что и смена сезонов. Год за годом мы проживаем маленькую жизнь: умираем осенью и заново рождаемся весной. Возможно, вся наша жизнь — один большой год, где за весной следует лето, за ним осень, а за ней — зима. И затем всё повторяется, как… Оторвал взгляд от брусчатки. И вовремя — чуть не налетел на человека.

Тяжёлые капли дождя сбивают листья с веток. Дождь идёт все выходные, почти не переставая. Машины раскатывают жёлто-красную массу по асфальту. Резкие порывы ветра подхватывают сырые листья, протаскивают их по земле и бросают, уносясь прочь. Середина сентября, осень вступила в свои права.

Прохожие — разноцветные круги зонтов и пары ног, семенящих по лужам. Унылые панельные девятиэтажки выглядят серее обычного. Фонари стоят, склонив головы, очищаются от пыли и грязи, скопившейся за удушливое лето. Город вздохнул с облегчением. Омытый дождём и овеянный ветром, он заново задышал.

Осень пришла, принеся с собой перемены.

АРТЁМ ОРЛОВ
школа №6, 11 класс

Хроники ожогового отделения

Несколько слов о том, как я оказался в ожоговом отделении. В добровольческом движении я узнал от знакомых, что есть возможность пройти практику в любой из больниц города в качестве санитара-волонтёра. Я сознательно выбрал ожоговое

отделение, потому что это — лучшая школа, в которой можно проверить себя перед поступлением в мединститут. Отработать нужно 136 часов — два раза в неделю по 4 часа. Вот так и потянулись мои долгие рабочие будни.

Перевязка

Этот день я запомнил до мелочей. Январь, 13-е число. Меня попросили приехать к 8 утра, чтобы успеть на перевязку, и направили в перевязочный кабинет. Стою растерянный, не знаю, что делать. С меня снимают обычный халат, надевают хирургический, завязывают его сзади, подают новые медицинские перчатки и маску и отправляют за больной в палату.

Я привожу её на каталке, кладу на кушетку, и хирург начинает снимать старые бинты. Больная лежит без сознания — она под общим наркозом, хирург берёт ножницы, разрезает бинты и… открывается рана. Ожоговая рана от стопы до бедра. Я думал, что буду чувствовать отвращение и дурноту, но, на удивление, я спокоен, и мне интересно наблюдать, как работает хирург. Он обрабатывает рану перекисью водорода, всё это шипит, пенится. Подаю бинты и марлю, врачи протирают рану, накладывают вазелин, чтобы марля не прилипала к ране. Рану туго забинтовывают, и я вижу, как недавно белоснежный бинт розовеет… Врач отключает аппарат общего наркоза и лёгким касанием руки начинает выводить женщину из состояния сна. Я снова завожу каталку, увожу больную в палату и помогаю ей перебраться в постель, предварительно убрав подушку с кровати (больным после наркоза ещё два часа нельзя поднимать голову и пить).

Эта женщина — мой первый пациент, которого я помогал перевязывать. Странно, но я испытываю восторг от того, что я помогал на перевязке и справился с задачей. Догадайтесь, кто потом мыл перевязочную.

Колобок

Попросили вымыть пятую палату. А там подобрался весёлый женский коллектив, который активно обсуждает мою фамилию, моё будущее и настоящее, пока я натираю пол. Женщина возле окна, похожая на плюшевого мишку, с детским выражением лица рассказывает:
— На последней перевязке во время наркоза мне снилось, что врач рассказывает мне сказку, да не обычную сказку, а сказку про колобка. И мне почему-то стало так тепло, душевно, весело даже стало. Очнулась — я уже в палате. Потом спрашиваю у врача, рассказывал ли он что-нибудь, он говорит, нет, не рассказывал. Я вот думаю теперь, почему именно колобок?

Вот так и мучается женщина этим вопросом до сих пор. И не только она, теперь ещё и я.

Милосердие

В первой палате сегодня новый пациент — мужчина лет 50-ти с ампутацией обеих ног. Он с трудом переворачивается на бок — с помощью рук держась за перекладину, и я сушу его спину феном, чтобы не было пролежней и раны быстрее засохли. Рассказывают, что мужчина потерял семью и теперь отказывается от еды. К таким больным приходят сёстры милосердия — поговорить, успокоить, помочь позвонить родным. Но он отказывается общаться даже с ними.

Сёстры милосердия — это члены Союза православных женщин, которые приходят в отделение, чтобы помогать больным. Эти добрые женщины чаще всего бывают на детском посту, приходят поговорить, поиграть с детьми, особенно с ребятишками из детского дома, которым не хватает тепла и внимания. Но помогают также всем тем, кто нуждается в помощи.

Через несколько дней снова прихожу на работу, а мужчины уже нет. Говорят, выписали… А из головы он уже несколько месяцев не выходит: за ним ухаживаешь, как за ребёнком, всё готов для него сделать, а он отказывается от помощи. Такое не забывается. Мне кажется, что врачи и медсёстры уже выработали в себе защитную способность не привязываться к пациентам, потому что иначе это большая эмоциональная нагрузка. Некоторые замыкают себя на работе, словно складывают в сундук, и только после работы позволяют себе быть собой.

Борщ

Недавно меня в больнице начали усиленно подкармливать санитарки.
— Ой, ты нам уже как сын. Ты, наверное, после школы устал. Садись поешь!

Я соглашаюсь. Кто бы отказался от тарелки вкусного борща!

Лезгинка

Прихожу однажды, а у нас есть одна санитарка родом из Узбекистана. Включила на телефоне лезгинку и танцует в комнате отдыха. Это так забавно: ты уставший приходишь из школы в больницу, а здесь дама средних лет в медицинском костюме зажигательно танцует лезгинку.

Отпусти!

У нас есть больной, который начинает кричать: «Больно!» даже когда его ещё не трогают, а только приглашают на перевязку или на укол. Он вопит, кричит на всё отделение, его вопль буквально пронизывает слух. Кажется, что находишься в психиатрическом отделении, а не в ожоговом. Он кричит, когда его врач насильно садит на кровать, чтобы он не лежал — больные должны двигаться, чтобы не было пролежней. У мужчины низкий

болевой порог, ему больно, даже когда просто его касаешься. Он сам не может лечь, ему больно шевелить руками и ногами. Медсестра просит меня помочь уложить его. Я убираю ходунки, мы его потихоньку опускаем на кровать, а он кричит:
— Отпусти!

Медсестра берёт и резким движением закидывает его ноги на постель. Медицинский персонал понимает, что лучше причинить боль сразу и резко, чем растягивать её. Люди, привыкшие каждый день иметь дело с человеческой болью и страданием, вырабатывают в себе некий психологический барьер, который помогает им в работе.

Спина в кадре

Смотрю новости по телевизору, показывают криминальный сюжет о том, как мужчина из Боготольского района поджёг свой дом, в котором в это время находилась его семья. Сообщают, что жена и ребёнок доставлены в ожоговое отделение. Ну, думаю, наверняка к нам, мы единственный ожоговый центр в Красноярском крае. На следующий день прихожу в больницу, а у нас журналисты снимают продолжение сюжета, берут интервью у заведующего отделением. Телевизионщикам разрешили только походить по коридорам и сделать общий план в ожоговой реанимации. Правильно, нечего заходить с телекамерами в палаты к больным. Зато моя спина в кадр попала.

Мастер ведра и швабры

Моя постоянная обязанность в отделении — измерять температуру больным, кушать, когда угощают, помогать на перевязках и… драить полы. За те долгие часы, что я провёл в отделении, я отмыл несчётное количество квадратных метров больничного пола, сравнимое с территорией маленького Китая. Настоящий мастер ведра и швабры.

Чему я научился за эти долгие часы, проведённые в ожоговом отделении? Я понял, что главное в работе — не сопереживать пациенту, а реально помогать ему. Наблюдая за тем, как работают врачи и медсёстры, я увидел, как важно не показывать свои эмоции во время общения с больными, особенно с безнадёжными. Я прошёл своеобразную психологическую подготовку, которая укрепила во мне уверенность в профессии. Более того, моё желание стать хирургом только возросло.

АЛЁНА БАРСУКОВА
литературный лицей, 11 класс

Светлая комната в тёмных коридорах

Не так давно я смотрела фильм, где звучала фраза: «Ты приобрёл по-настоящему лишь то, что отдал». Здесь имеется в виду не какая-то материальная вещь, а те ситуации, когда ты отдаёшь себя. Когда ты жертвуешь своим временем, планами, комфортом и идёшь, трудишься, говоришь, устаёшь… Но приходя домой, ты падаешь на кровать и в твоей душе радость, ты вдруг понимаешь, что день, час, или месяц прошёл не зря. Что твои труды кому-то помогли, ты принёс в чью-то жизнь капельку счастья, и от этого твоё сердце щемит от приятного чувства.

Это чувство заложено в каждом из нас, мы стараемся подавить его, и оттого нам не по себе, когда мы видим, что кто-то нуждается в нашей помощи, а мы проходим мимо. Но если мы не сопротивляемся этому естественному зову — отдавать, то в нашей жизни появляются наполненные смыслом моменты.

Я не раз испытывала это в детских лагерях, когда строила детей, следила за ними, играла и учила, но лагерь проходит, и ты снова начинаешь заглушать это чувство, со временем у тебя уже нет никого желания и времени кому-то помогать, потому что ты сильно занят… выдумыванием оправданий для самого себя. Как говорится: «Кто не хочет, ищет оправдания, а кто хочет, ищет возможности». И я нашла такую возможность.

В одном тёмном и страшном общежитии находится маленькая светлая комната, светлая, потому что там всегда детский смех, потому что там каждая обездоленная и утомлённая душа найдёт покой и понимание, потому что там каждый ребёнок будет сыт, одет и любим. И всё это благодаря состраданию и доброму сердцу одной женщины.

Когда я познакомилась с тётей Любой, я была поражена её горящим сердцем и желанием служить детям и семьям из неблагополучных семей. Побывав в Красном уголке всего только пару раз, я заметила одну вещь. Когда я иду туда, я точно уверена, что иду отдавать, ведь я, выросшая в любящей семье, имею заложенные в меня с детства принципы, а также любимые занятия, то, чем могу поделиться. Но когда уже иду домой, то понимаю, что ничего не потеряла, а только приобрела. Моё сердце, мысли наполняются идеями, что можно сделать ещё, как провести занятие интересней.

Например, сейчас мы с ними ставим спектакль, и это приносит мне несказанное удовольствие, когда я наблюдаю, как они читают, балуются, как любят танцевать. Нам не хватало девчачьих ролей (что необычно, правда?), и я очень удивилась, когда один мальчик согласился надеть платье, парик и танцевать с девочками их партию. И нет тут никакой пошлости. Просто эти дети умеют веселиться, смеяться над собой, они заражаются всеми моими идеями, с увлечением играют в самые простые игры. Но при этом я слышу немало историй о том, как тяжело живут эти дети, и мне хочется добавить в их жизни любовь и свет.

Даже место, где они живут, внушает ужас.

Красный уголок — место, где занимаются с детьми, находится в общаге. Раньше я никогда не была в общежитиях. Я конечно представляла нечто подобное, но в реальности, когда ты видишь это своими глазами… Не представляю, как там могут жить дети. Когда я нахожусь в коридоре, то испытываю страх, чувство опасности: кто знает, что таится в глубине этих тёмных коридоров, и желание быстрей выбежать оттуда. А уж мой ужас при виде туалета и описывать не стоит. И почему везде темно? Неужели нельзя наладить свет? И всякие подозрительные люди… А ведь тут дети! И им совсем не страшно, они привыкли. Человек привыкает ко всему, даже к плохим условиям. И эти походы раз в неделю в страшную общагу нужны мне хотя бы для того, чтобы растормошить себя, потому что я очень привыкла к хорошим условиям.

И в конце я хочу открыть вам секрет, который мне поведала сама тётя Люба. Откуда у неё берутся желание и силы для того, чтобы каждый день приходить в этот Красный уголок? Вот что она сказала мне: «Алёна, я просто беру пример с Того, Кто изменил мою жизнь. Я заметила, что, когда ты идёшь туда, где нет ничего, что тебя бы привлекало и радовало, именно там открываются источники сверхъестественной любви и происходят невероятные чудеса».

ДиН авторы

Алейников Владимир Дмитриевич

стр. 72

Москва/Коктебель, 1946 г. р.

Родился в Перми, вырос в городе Кривой Рог на Украине, куда семья переехала в апреле 1946 года. Стихи и прозу начал писать в школьные годы. Занимался музыкой, живописью и графикой. В 1962–1964 годах входил в группу молодых криворожских поэтов. Первые публикации стихов в украинских газетах — с 1962 года. В 1963 году, в период хрущёвских гонений на формализм, подвергался обличению в украинской прессе. В 1964 году поступил на отделение истории и теории искусства исторического факультета МГУ. Знакомства и дружба с основными представителями отечественного андеграунда. В январе 1965 года он вместе с Леонидом Губановым основал легендарное литературное содружество СМОГ и стал его лидером. Февраль-март 1965-го — знаменитые выступления СМОГа в Москве. С 1965-го — публикации стихов на Западе. Весной 1965 года был исключён из университета. В 1966 году восстановлен в МГУ, окончил образование в 1973 году. При советской власти на родине не издавался. Более четверти века стихи его широко распространялись в самиздате. С 1971 по 1978 год бездомничал, скитался по стране. Работал в археологических экспедициях, грузчиком, дворником, в школе, в многотиражной газете, редактором в издательстве. В начале 80-х писал стихи для детей. Несколько лет писал внутренние рецензии в московских издательствах. В 80-х был известен как переводчик поэзии народов СССР. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Первые книги стихов вышли в 1987 году. В начале 90-х издано несколько больших книг стихов. Ныне автор многих книг стихов и прозы — воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на разные языки. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крещатик». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Высшего творческого совета этого Союза. Член ПЕН-клуба.

Арутюнов Сергей Сергеевич

стр. 182

Москва, 1972 г. р.

Российский поэт, прозаик, публицист, критик. Родился в Красноярске. В 1999 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Первая публикация стихов — в 1994 году в журнале «Новая Юность». Регулярные публикации рецензий в широком круге изданий — «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы», «Футурум АРТ», «Дети Ра», «Книжное обозрение», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День поэзии», «НГ-Exlibris», «Дружба народов» и др. С 2005 года ведёт творческий семинар в Литературном институте им. А. М. Горького. Лауреат премии имени Бориса Пастернака (2004), Московского международного открытого книжного фестиваля в номинации «За лучшую рецензию» (2007), Отличия журнала «Современная поэзия» в области критики (2008), премии авангардного журнала «Футурум АРТ» (дважды, 2010, 2012), ордена «Золотая осень» имени Сергея Есенина (2013), премии имени поэта-декабриста Фёдора Глинки (2013), премии «Вторая Отечественная» имени поэта, участника Первой мировой войны Сергея Сергеевича Бехтеева (2014). Член редколлегии журнала «День и ночь» (Красноярск).

стр. 3 **Астафьев Виктор Петрович**
Красноярск, 1924–2001

Советский и российский писатель. Герой Социалистического Труда. Лауреат двух Государственных премий СССР (1978, 1991) и трёх Государственных премий России (1975, 1995, 2003). Родился в селе Овсянка (ныне Красноярский край) в семье Петра Павловича Астафьева и Лидии Ильиничны Потылициной. Через несколько лет после рождения сына Пётр Астафьев был осуждён к лишению свободы за «вредительство». В 1931 году, во время очередной поездки Лидии Ильиничны к мужу, лодка, в которой среди прочих находилась она, перевернулась. Лидия Ильинична, упав в воду, зацепилась косой за сплавной бон и утонула. Виктору тогда было семь лет. Возвратившись домой, отец попал в больницу. Брошенный мачехой и родными, Виктор оказался на улице. Несколько месяцев он жил в заброшенном здании, однако после серьёзного проступка в школе получил направление в детский дом. В 1942 году ушёл добровольцем на фронт. Весной 1943 года был направлен в действующую армию. После тяжёлого ранения в конце войны служил во внутренних войсках на Западной Украине. Был контужен, лишился глаза. Был награждён орденом Красной звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией». Демобилизовался в звании «рядовой» в 1945 году, уехал на Урал, в город Чусовой Молотовской области (ныне Пермский край); работал слесарем, подсобным рабочим, учителем, дежурным по вокзалу, кладовщиком. С 1951 года работал в редакции газеты «Чусовской рабочий», где впервые опубликовал свой рассказ («Гражданский человек»). Писал репортажи, статьи, рассказы. Первая его книга «До будущей весны» вышла в Молотове в 1953 году. В 1958 году Астафьев был принят в Союз писателей СССР. В 1959–1961 годах учился на Высших литературных курсах в Москве. В 1962 году Астафьев переехал в Пермь, в 1969 году — в Вологду, а в 1980 году уехал на родину — в Красноярск. С 1989 по 1991 год Астафьев был народным депутатом СССР. Скончался 29 ноября 2001 года в Красноярске. Похоронен на кладбище, расположенном на автодороге «Енисей» между родным селом Овсянкой и Усть-Маной.

стр. 152 **Ахременко Екатерина Сергеевна**
Ачинск, 1989 г. р.

Родилась в Ачинске. Окончила Ачинский педагогический колледж, затем исторический факультет Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. В настоящее время работает по специальности в Ачинской школе-интернате № 1, обучая слабослышащих и глухих детей любимому предмету. Является постоянным участником-волонтёром крымских археологических экспедиций. С 2011 года рассказы неоднократно появлялись на страницах ачинских газет. В 2015 году произведение «Клинок» прошло конкурс и попало в «Сборник тёмных сказок», выход которого запланирован на 2017 год в городе Томске.

стр. 61 **Беликов Юрий Александрович**
Пермь, 1958 г. р.

Поэт, эссеист, публицист. Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор четырёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой», «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и ряда литературных премий — имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013), общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). Основатель трёх поэтических групп: «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина»), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени. В настоящее время — собкор «Литературной газеты».

стр. 145 **Городилов Валерий**
Красноярск, 1970 г. р.

Окончил экономический факультет Красноярского государственного университета. Работал в банковской и финансовой сфере, органах госуправления. В настоящее время является сотрудником Сибирского федерального университета. Увлекается поэзией более 30 лет. Выпустил один сборник стихов. В литературных изданиях не публиковался. Живёт в Красноярске.

обл. **Гусев Дмитрий Александрович**
Москва, 1986 г. р.

Родился в Москве 23 декабря 1986 года. Выпускник Московского педагогического государственного университета (художественно-графический

факультет) и Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова. Лауреат конкурса «Москва—город мира», 2012 г. Работы Дмитрия Гусева находятся в частных собраниях России, США, Германии, Японии, Чехии, Литвы.

стр. 60
Ерёмин Николай Николаевич
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья». Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института—2011» в номинации «Классическая Лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Русский берег» (Благовещенск), «Флорида» (Майами), «Лексикон» (Чикаго) и др. Член Союза писателей СССР, Союза писателей России. Живёт в Красноярске.

стр. 184
Климова Галина Даниэлевна
Москва, 1947 г. р.

Поэт, переводчик. Родилась в Москве. В 1972 году окончила географо-биологический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, а в 1990-м—Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Е. Винокурова). Первая поэтическая подборка вышла в 1965 году в районной газете «Знамя коммунизма» (Ногинск). Печаталась в центральных газетах «Советская Россия», «Московский комсомолец», «Литературная газета», в журналах «Дружба народов», «Арион», «Вестник Европы», «Континент», «Интерпоэзия», «Иерусалимский журнал», «Радуга» и др., в альманахах «Поэзия», «Предлог» и др., в антологиях «Антология русского верлибра» (М., 1991), «Библейские мотивы в русской лирике XX века» (Киев, 2005) и др. Стихи переведены на болгарский, сербский, польский, чешский, армянский, китайский, голландский и др. языки. Переводит главным образом славянскую поэзию. Заведующая отделом поэзии журнала «Дружба народов» (с 2007), старший научный редактор редакции географии в издательстве «Большая российская энциклопедия». Лауреат литературной премии СП Москвы «Венец» (2005) и премии «Серебряное летящее перо» международного поэтического фестиваля «Славянска преградка» (Варна, 2007). Организатор и ведущая литературного салона «Московская муза» (1998–2008). Член Союза писателей Москвы (с 1999), секретарь правления СП Москвы, член Международного Союза журналистов.

стр. 148
Колесник (Соломонова) Любовь
Тверь, 1977 г. р.

Родилась в Москве. Печатается с 1991 года. Публиковалась в журналах «Русская провинция», «Арион», «Волга», «Смена», «Наш современник», «Сибирские огни», «Дон», «Дальний Восток», «КВИР», альманахах «Тверь», «Пролог», газетах «Российский писатель», «МК» и др. Автор книг: «Яблоко небес» (Тверь, «Русская провинция», 1998), «27» (Тверь, «Русская провинция», 2007), «Витязь. Содружество Невозможных» (Москва, «Центрполиграф», 2016, в соавторстве с Н. Нестеровой), «Радио Мордор», («Буки-веди», 2016).Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Участник литературного форума в Липках. Лауреат премии журнала «Русская провинция» (1998), премии губернатора Тверской области (2007). Финалист конкурса «Ночь Поэзии», 2016. Лонг-листер конкурса «Заблудившийся трамвай», 2016. Шорт-листер конкурса «45-й калибр», 2016. Лонг-листер Четвёртого конкурса короткого рассказа «Сестра таланта», 2016. Лауреат главной премии памяти Владимира Смолдырева (конкурс «Посадская лира», Сергиев Посад). Шорт-листер XIV открытого Международного литературного Волошинского конкурса в номинациях «Поэтическая карта России», «Киностихотворение». Конкурс «Бог сохраняет всё; особенно—слова…»—Специальный приз от ЛИТО им. В. Домрина. Фестиваль исторической поэзии «Словенское поле» (Псков)—номинация «Профи», 2-е место.

стр. 81
Кузичкин Сергей Николаевич
Красноярск, 1958 г. р.

Родился в Тайшете Иркутской области. Первый рассказ «Совсем простая история» был напечатан в местной газете «Заря коммунизма» 2 января 1980 года. В 1979–1983 годах входил в состав литературного клуба «Бирюса» (под председательством Петра Шумкова). Печатался в центральных газетах, в городских, районных и многотиражных газетах Иркутской области, Красноярского и Алтайского края; в коллективных сборниках столичных издательств: «Детская литература», «Литературная Россия»; литературных альманахах: «Московский Парнас», «Медвежьи песни» (Санкт-Петербург), «Поэты Енисея», «День поэзии Красноярского края», «Кедры» (Красноярск), «Новый Енисейский литератор»; журналах: «Енисей», «День и ночь», «Новое и Старое» (Красноярск), «Луч» (Ижевск), «Мир Севера» (Москва), «Соотечественник» (Берген, Норвегия); в еженедельниках «Литературная Россия» (Москва), «Обзор» (Чикаго). Автор проекта изданных литературных альманахов: «В литературном кругу», «На втором

круге», «День поэзии Литературного института» (издательство «Эко-пресс-2000» Литературного института им. А. М. Горького, Москва). Автор трилогий «Избранники Ангела» и «Времена и Бремена», состоящей из книг: «Время невостребованной любви», «Время пьяных мужчин», «Время зрелых женщин», а также сборника стихов и нескольких книг повестей и рассказов. В 2005 году окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. В 2006 году в московском издательстве «Амадеус» отдельной книгой вышел роман «Андрей + Наташа». Лауреат «Московского Парнаса» за 2006 год в номинации «Проза». Лауреат Всероссийского конкурса литературного творчества «Золотой листопад-2008» (Иркутск), дипломант международного литературного конкурса по детской литературе им. А. Н. Толстого (2009). С 2006 года автор проекта и редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), детского альманаха «Енисейка» и ряда приложений. Член Союза писателей России. Живёт в Красноярске.

стр. 127
Кузнецова Зинаида Никифоровна
Зеленогорск

Родилась в Воронежской области в большой крестьянской семье. В Красноярск-45 (ныне Зеленогорск) приехала в 1966 году. Работала электромонтёром связи на Красноярской ГРЭС-2, в течение 37 лет была секретарём высших руководителей города. Литературным творчеством занимается с 25 лет. Автор поэтических сборников: «Настроение», «Медовый август», «Ночной звонок», «Память сердца», «Облака», «Куст калины» (1-й том 2-томника), «Забытые острова», сборников рассказов: «Райские яблоки», «Болеутоляющее средство», «Белый снег, дорожка чёрная…». Многочисленные публикации в газетах, в журналах «День и ночь», «Енисей», «Светлица», «Совершенно открыто», «Молодая гвардия», «Новый Енисейский литератор»; в коллективных сборниках «Поэзия на Енисее», «Поэтессы Енисея», «Антология поэзии закрытых городов» и мн. др. Руководитель литературного объединения «Родники» г. Зеленогорска, составитель и редактор коллективных и авторских сборников городских поэтов. Член Союза российских писателей, член правления Красноярской писательской организации. Живёт в г. Зеленогорске Красноярского края.

стр. 125
Кузнечихин Сергей Данилович
Красноярск, 1946 г. р.

Родился в посёлке Космынино под Костромой. После окончания химфака Калининского политехнического института уехал в Свирск, потом перебрался в Красноярск. За 20 лет работы инженером-наладчиком изъездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока, от Тувы до Чукотки. Печатался в журналах «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», в альманахе «День поэзии 1986», в коллективных сборниках. Автор книг стихов «Жёсткий вагон» (1979), «Соседи» (1984), «Поиски брода» (1991), «Похмелье» (1996), «Ненужные стихи» (2002), «Местное время» (2006), «Дополнительное время» (2010), «С точностью до шага» (2012), «Уходящее время» (2016). Выпустил книги прозы «Аварийная ситуация» (Москва, «Советский писатель», 1990), «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Где наша не пропадала» (Красноярск, 2005), «Забавный народ» (Красноярск, 2007), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014). Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

стр. 150
Литинская Елена
Нью-Йорк, США

Родилась в Москве. Окончила славянское отделение филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. В 1979 году эмигрировала в США. В Нью-Йорке получила степень магистра по информатике и библиотечному делу. Проработала 30 лет в Бруклинской публичной библиотеке. Вернулась к поэзии в конце 80-х. Издала пять книг стихов и прозы: «Монолог последнего снега» (1992), «В поисках себя» (2002), «На канале» (2008), «Сквозь временную отдалённость» (2011), «От Спиридоновки до Шипсхед-Бея» (2013). Стихи, рассказы, очерки и статьи публиковались в периодических изданиях, сборниках и альманахах США, Европы, России и Канады. Член редколлегии сетевого литературного журнала «Гостиная», президент Бруклинского клуба русских поэтов, а также вице-президент объединения русских литераторов.

стр. 80, 124, 153
Минин Евгений Аронович
Иерусалим, Израиль, 1949 г. р.

Поэт, пародист, организатор литературного процесса. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», приложений к альманаху «Литературный Иерусалим», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член Союзов писателей Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат нескольких литературных премий. Член судейского корпуса Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009, 2010).

стр. 55 **Молчанов Виталий Митрофанович**
Оренбург, 1967 г. р.

Родился в Баку. Выпускник Московской Академии нефти и газа. Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, член Союза писателей XXI века и Координационного совета «Ассоциации писателей Урала». Лауреат международного фестиваля литературы и искусства «Славянские традиции—2010», лауреат малой международной литературной премии «Серебряный стрелец», победитель IV Международного поэтического конкурса им. С. И. Петрова, дипломант V Международного конкурса памяти Владимира Добина («Русское литературное эхо», Израиль), победитель литконкурса интернет-журнала «Лексикон» (Чикаго) в 2010 году, победитель литконкурса фестиваля «Гоголь-фэнтези-2009» (Украина), обладатель звания «Стильное перо-2009» по результатам литконкурса фестиваля «Русский стиль-2009» (ФРГ). Публиковался в еженедельнике «Обзор» («Континент», Чикаго), в журналах «Русское литературное эхо» (Израиль), «Дети Ра», «Зинзивер», «День и ночь», «Живой звук», «Окна» (ФРГ), в альманахах «ЛитЭра», «Гостиный двор», «Чаша круговая», в газетах «Зарубежные задворки» (ФРГ), «Южный Урал», «На Юго-Восточных рубежах , «Литературная гостиная», «Молодой Дальневосточник» в сборнике «Обретённый голос», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др.

стр. 58 **Пагын Сергей Анатольевич**
Единцы, Молдова, 1969 г. р.

Родился в молдавском городе Единцы. Окончил филологический факультет Бельцкого педагогического института. Работал в районной газете—сначала в качестве корректора, а затем заведующим отделом писем. Был редактором литературной страницы. Некоторое время трудился сапожником и торговым агентом. С 2000 года является главным редактором регионального периодического издания «Норд-инфо». Автор нескольких стихотворных сборников, лауреат премии «Молодой Петербург» (2011), победитель международного конкурса «Эмигрантская лира-2013» (Бельгия) в номинации «Не оставленная страна». Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

стр. 146 **Пеньков Владислав**
Таллин, Эстония, 1969 г. р.

Автор трёх поэтических сборников и ряда публикаций в российской и зарубежной периодике. Член Союза российских писателей.

стр. 149 **Пономарёв Владимир Валентинович**
Красноярск, 1960 г. р.

Родился в Красноярске. Учился в средней школе, параллельно занимаясь музыкой. Готовился к поступлению на литфак, но после конфликта с учителями (срывал политизированные «классные часы», не был принят в комсомол), вынужден был уйти из школы после восьмого класса и поступить в Красноярское училище искусств на теоретическое отделение. Окончив училище, поступил в Новосибирскую консерваторию им. Глинки на теоретико-композиторский факультет. По окончании консерватории вернулся в Красноярск и с того момента по сей день работает в Институте искусств на кафедре теории музыки и композиции. Композитор, член СК РФ, лауреат Всероссийского конкурса композиторов, кавалер ордена св. Даниила Московского за заслуги перед Отечеством и церковью (орден получил за деятельность в качестве церковного музыканта (регента), композитора и редактора церковно-певческих сборников). Параллельно писал и публиковал стихи. Первая публикация была в газете «Красноярский комсомолец» в рубрике «МоноЛит» в начале 90-х. Впоследствии стихи автора периодически печатались в различных альманахах и сборниках стихов сибирских поэтов. В 2015–2016 годах выпустил три сборника стихов, написанных в разные годы. Живёт в Красноярске.

стр. 132 **Сент-Джордж Франциск Альбертович**
Провинция Квебек, Монреаль

Родился в Ленинграде. Учился и получил советский школьный Аттестат зрелости. В начале 90-х годов переехал в Канаду. Окончил университет Конкордия. Работает судебным переводчиком (русский, французский, английский).

стр. 72 **Татаренко Юрий Анатольевич**
Новосибирск, 1973 г. р.

Родился в Новосибирске. Поэт, автор четырёх книг стихов. Победитель открытого городского поэтического турнира (Новосибирск, 2013), открытого областного конкурса «Томск поэтический» (Томск, 2013), Международного фестиваля поэзии (Симферополь, 2012). Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Байкал», «Южная звезда», «Огни Кузбасса», «Бийский вестник», «Литературная учёба», «Начало века», «Ликбез», «Красная бурда», в «Литературной газете» и др. Член Союза писателей России.

стр. 131 **Тугаринова Наталья Степановна**
Москва, 1975 г. р.

Выпускница ИГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. С 1998 года живёт в Москве. Член Союза писателей России. Публикации художественных произведений: поэма «Княгиня Ольга» (журнал «Сибирь»), сборник «Никогда не смотритесь в зеркала», «„Война и мир“ в стихах», «Мастер и Маргарита»—поэтическое либретто к рок-опере (Издательство МГУ

им. М. В. Ломоносова), «Русская раса» (журнал «Москва»).

стр. 134 **Халяпина Инна**
Эрфурт (Германия)

Родилась в Киеве. Окончила Ленинградский институт киноинженеров. Работала на Киевской киностудии художественных фильмов им. Александра Довженко. После развала Советского Союза уехала в Германию, где долгое время была редактором и ведущей русского радио «Акцент» — одного из первых русскоговорящих радио в Германии. Писать начала в 2012 году. Публиковалась в журналах «Крещатик», «Волга», «Новый берег».

стр. 154 **Чагин Владимир Васильевич**
Красноярск, 1950 г. р.

Родился в Красноярском крае. Окончил отделение журналистики филфака Иркутского государственного университета. Работал в газетах, Красноярском книжном издательстве, ныне — в издательстве «Платина» (Красноярск). Печатался в газетах, журналах, сборниках. Автор-составитель книг «Красноярский библиофил» (1987), «Сто знаменитых красноярцев» (2003), «Была война… И была Победа!» (2005, Специальный приз жюри XVIII Московской международной книжной ярмарки) и др. Автор книг «Денежные знаки лагерей военнопленных и частей Чехословацкого корпуса в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке» (2009), «Главная тема краеведа Владимирова» (2012), «История Красноярска от основания до перестройки» (2012). Живёт в Красноярске.

стр. 49 **Шанин Владимир Яковлевич**
Красноярск, 1937 г. р.

Родился в селе Бирилюссы Красноярского края в крестьянской семье. Окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета и аспирантуру Высшей школы профсоюзного движения при ВЦСПС в Москве. Трудиться начал с 14 лет. Работал в колхозе, леспромхозе, на заводе «Сибтяжмаш», в районных, многотиражных газетах, в альманахе «Енисей», в профсоюзных организациях, служил в армии. Участник краевого семинара молодых писателей Красноярья в 1974 году, и в том же году — зонального совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, на котором рукопись рассказов была рекомендована к изданию. Печатался в краевых и областных газетах, в журналах «Молодая гвардия», «Дальний Восток», «Сибирские огни», в коллективных сборниках. Автор книг прозы «Памятник для матери», «Бел-горюч камень», «От зари до зари», «Горька ягода калинушка», «Куплю дом в деревне…», «Имя собственное» (литературные портреты писателей), изданных в Красноярске и Москве. А своей «главной» книгой считает роман-исследование о В. И. Сурикове «Суриков, или Трилогия страданий». В 2011 году вышел первый том «Енисейской летописи» — это хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. Готовится к изданию второй том. «Енисейская летопись» на сегодняшний день является единственным в своём роде изданием, хронологически описывающим исторические события нашего края. Член Союза писателей России. Член правления КРО СП России. Живёт в Красноярске.

стр. 3 **Яновский Николай Николаевич**
Новосибирск, 1914–1990

Советский литературовед, литературный критик, историк литературы. Член Союза писателей СССР (1956). Специалист по истории сибирской литературы. Автор тридцати монографий, большого количества статей. Автор около ста статей для «Краткой литературной энциклопедии». В 1969 году — составитель и главный редактор издания «Литературное наследство Сибири» (вышло 8 томов). С 1979 по 1990 год входил в редакционную коллегию книжной серии «Литературные памятники Сибири» Восточно-Сибирского книжного издательства (Иркутск).

стр. 186 **«Синяя тетрадь»**
Красноярск

Олег Краснов, Ксения Шнаревич, Софья Малышева, Александр Воронин, Светлана Горнякова, Александра Герасимова, Тимофей Климов, Станислава Третьякова, Максим Гущин, Артём Орлов, Алёна Барсукова — победители конкурса «Супер-перо», ученики школ города Красноярска.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Марина Саввиных

РЕДАКТОРЫ

отдел прозы

Александр Астраханцев
Евгений Мамонтов

отдел поэзии

Сергей Кузнечихин

отдел публицистики

Геннадий Васильев

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Дарья Романова

СЕКРЕТАРИАТ

Юлия Вятчина
Артём Яковлев

Издание осуществляется при поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Журнал издаётся с 1993 г. В его создании принимал участие В. П. Астафьев. Первым главным редактором с 1993 по 2007 г. был Р. Х. Солнцев. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Николай Алешков
Набережные Челны

Сергей Арутюнов
Москва

Юрий Беликов
Пермь

Вера Зубарева
Филадельфия

Анатолий Кирилин
Барнаул

Валентин Курбатов
Псков

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Виталий Молчанов
Оренбург

Дмитрий Мурзин
Кемерово

Миясат Муслимова
Махачкала

Лев Роднов
Ижевск

Евгений Степанов
Москва

Михаил Тарковский
Бахта

Вероника Шелленберг
Омск

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы картины Дмитрия Гусева.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «День и ночь».

ИНН 246 304 2749

Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в «Сибирском» филиале
банка ВТБ ПАО
в г. Новосибирске

БИК 045 004 788

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3.
т. +7 923 571 4936

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 13.02.2017
Тираж: 1200 экз.

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»

г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10; т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Шугур. Саяно-Шушенский заповедник | 2015

Природа затихла | 2016

Дмитрий Гусев

Тайна плато Путорана | 2016

Танец северного сияния. Таймыр
(на обложке: фрагмент) | 2016